

9 (Даг)

Д18

ДАГЕСТАНСКИЙ ФИЛИАЛ АН СССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ, ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ
им. Г. ЦАДАСЫ

Г. Д. ДАНИЯЛОВ

**КЛАССОВАЯ БОРЬБА
В ДАГЕСТАНЕ
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ
XIX - НАЧАЛЕ XX ВВ.**

МАХАЧКАЛА 1970 г.

ДАГЕСТАНСКИЙ ФИЛИАЛ АН СССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ, ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ
им. Г. ЦАДАСЫ

9(Д,эг)
Д18

Г. Д. ДАНИЯЛОВ

КЛАССОВАЯ БОРЬБА
В ДАГЕСТАНЕ
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX-
-НАЧАЛЕ XX ВВ.

Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ИЦ РАН

instituteofhistory.ru

Махачкала .
1970 г.

Великая Октябрьская социалистическая революция явилась величайшим поворотом истории.

Впервые социальная революция привела не к смене одного эксплуататорского класса другим, а к окончательной отмене всякой эксплуатации человека человеком и на одной шестой земного шара было установлено государство рабочих и крестьян, была ликвидирована частная собственность на средства производства, провозглашены свобода и равенство всех народов, населяющих нашу страну.

Взамен старого прогнившего государственного аппарата был создан новый государственный аппарат, по своей форме и содержанию соответствующий новому государственному и политическому строю. Советский народ под руководством Коммунистической партии приступил к строительству новой жизни: восстановлению народного хозяйства, к созданию новой социалистической науки, просвещения, культуры.

Но осуществление этих задач встретило отчаянное сопротивление отживших, свергнутых, но еще полностью не уничтоженных классов.

В силу целого ряда причин идеологического (вековые традиции, пережитки, религия), политического и экономического характера в первые годы существования Советской власти влияние этих классов на народные массы, особенно его отсталую часть, было еще значительным. Поэтому вопрос о классах и классовой борьбе в различные периоды истории народа, а в особенности в переходный период развития Советского государства имеет весьма важное значение и требует своего глубокого изучения и освещения.

Историческое развитие в годы, предшествующие Великой Октябрьской социалистической революции, ход революции и послереволюционные годы в Дагестане отличались некоторым своеобразием.

Своеобразной была здесь и классовая расстановка сил, а в связи с этим и классовая борьба проходила несколько в иной форме, чем в Центральной России. В связи с чем освещение роли и места различных классов и классовая борьба

между ними в условиях Дагестана приобретает особо важное значение.

Однако эти вопросы до сих пор не получили достаточно полного изучения в исторической науке и освещения в социально-политической литературе.

За последние годы учеными нашей республики был исследован ряд вопросов и изданы труды по данной проблеме. К ним относится фундаментальное исследование, посвященное вопросам расстановки классовых сил в Дагестане как накануне Великой Октябрьской революции, так и в первые годы Советской власти Г. Г. Османова. Это «Социально-экономическое развитие дагестанского доколхозного аула» и ряд статей того же автора, работа Х.-М. О. Хашаева «Общественный строй Дагестана в XIX в.»; А. Г. Мелешко «Развитие капиталистических отношений в сельском хозяйстве Дагестана в конце XIX—в начале XX в.»; Г. И. Милованова «Формирование национальных кадров рабочего класса в Дагестане», а также работы Х. Х. Рамазанова «Из истории антифеодальной борьбы крестьян Южного Дагестана».

Большое место вопросам расстановки классовых сил в Дагестане на различных этапах его истории, классовой борьбы уделено в 4-х томной «Истории Дагестана» («История Дагестана», том II, «Наука», 1968 г.).

Вопросам классовой борьбы, выступлениям крестьян и пролетариата Дагестана против своих угнетателей посвящены исследования А. Р. Шихсаидова, А. С. Гаджиева, М. Шигабудинова, А.-Г. Османова и других.

В настоящей работе автор делает новую попытку рассмотреть и осветить в широком плане вопросы расстановки классовых сил и классовой борьбы, ее формы и проявления в условиях Дагестана в такой небольшой по времени, но важный по историческим событиям период истории этого края, как период от его присоединения к России и до победы Великой Октябрьской социалистической революции.

Указанная проблема освещается на основе новых, неопубликованных данных, извлеченных из архивов Ленинграда, Москвы, Тбилиси.

Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ИЦ РАН

instituteofhistory.ru

ГЛАВА I

КОРОТКО О ХАРАКТЕРЕ КЛАССОВЫХ И СОСЛОВНЫХ ОТНОШЕНИЙ У НАРОДОВ ДАГЕСТАНА

Существенной основой для развертывания классовой борьбы в Дагестане являлись социальные вопросы и их мотивы, основанные на классовом и политическом неравноправии среди народов в этом крае.

Естественно, в этой социальной проблематике краеугольными и первостепенными выступали вопросы, связанные с землевладением.

Основой существовавшего распределения земельной собственности было неравноправие, заложенное еще на ранней стадии заселения этого края. Известно, что еще в давние времена в Дагестане было 1416 аулов, местечек, хуторов или отселков, где население проживало постоянно. Аулы жили своими патриархальными ячейками. В них было 12700 тухумов, из которых более 2570 считались в политическом и экономическом отношении неравноправными, подневольными, т. е. лагскими.

Рабство в этом крае было развито очень сильно. Начиная примерно с VI—VII веков в Дагестане происходит весьма интересный процесс — формирование крупных территориальных единиц в горах за счет объединения родовых местечек и тухумных отселков.

В результате этого процесса происходит известное перемещение и перераспределение земельной собственности. При этом существовавшие подневольные лагские — рабские тухумы получают юридические права с выделением земельных массивов и участков. Такие тухумы и семьи были как бы приложены, прикреплены к тем аристократическим тухумам, которые считались их собственниками или юридическими владельцами. С ходом исторического развития они по существу растворялись в составе тухумов, но во всей истории не только чувствовали, но и носили определенный отпечаток своего происхождения. Значительное количество таких тухумов было в нагорном и среднем Дагестане, а на плоскости меньше.

В дальнейшем, с ходом исторического процесса положение резко меняется — плоскость приобретает в юридическом отно-

шении рабство и зависимые отношения, а горы их значительно теряют.

На плоскости происходит полное закрепощение крестьян и насильственное отчуждение земель, в результате чего формируются крупные частновладельческие хозяйства.

Таким образом, основу первоначального распределения земельной собственности в Дагестане можно подразделить на ряд категорий, групп и этапов, связанных с общественно-правовыми вопросами. Эти общественно-правовые отношения граждан к земельной собственности как на плоскости, так и в горах уже в начале XIX века четко сформировались.

Как известно, этот край, как в этническом, так и в социально-экономическом отношении, был краем больших контрастов.

Заселение Дагестана, особенно его горной части, происходило не одновременно и с большими этническими перемещениями. Таким образом, в этнической общности этого края происходят частичные смещения и напластования.

Горы были заселены значительно раньше, чем плоскость, даже осевшее на плоскости население было значительно отодвинуто и втиснуто внутрь гор пришлым этническим элементом. Народы арийского происхождения, оставившие свою старую «родину», осевшие и смешавшиеся с местными этническими группами, уже владели примитивными знаниями приемов обработки земли и скотоводства.

Напластовавшись и смешавшись с местными этническими группами уже на новой «родине», этнические группы стали жить сравнительно организованной семейной жизнью, имели своих вождей.

Расселение и дальнейшее формирование этнического образования происходило по принципу — тлибил. Тлибил возник на базе объединения нескольких родовых ячеек. Тлибил вел свое происхождение от одного и того же родоначальника, и формировавшиеся родовые группы управлялись своими вождями. Между тем, между родовыми группами, в свою очередь, существовала иерархия. По этому этническому принципу складывались формы и собственность первоначального землевладения. Поэтому не земельная собственность определяла формы этнического образования, а этнические образования, их политическая и юридическая организация формировали земельную собственность. Тлибил распространял власть на землю через род, а каждый член рода считал себя совладельцем принадлежащей роду земли. Никто из членов тлибила не имел права захватывать землю рода в свою наследственную собственность, а каждый получал юридическое право пользования частью той земли, которая принадлежала роду, и вождь рода отводил её каждому члену.

В то же время, когда родовые группы по принципу тех или иных тлибилов расселялись и формировали единую террито-

риально-этническую общность в виде аула, то здесь для лучшей организации общественного правопорядка допускались и создавались общинные земли с общим пользованием лесами, пастбищами и частично, не повсеместно, сенокосами.

Таким образом, формы общинного землевладения возникали при формировании территориальных, этнических групп на основе смешения родовых ячеек того или иного тлибила.

Другой тип первоначального заселения и формы собственности на землю образовывался в результате выделения надела соответствующим родом на правах юридического пользования земельным участком, тому или иному хозяйству, формировавшемуся из рабов. Раб получал право гражданства, а это, в свою очередь, приводило к тому, что он создавал свою семью, при этом он имел право получать земельный надел из того рода, аристократической семьи, за которой он был закреплен. Род нес ответственность за раба, и со временем его потомки превращались в полноправных членов указанного рода. Но имели место, и в значительном количестве, уже новые территориальные единицы. Объединяя всех рабов в одну группу, создавали для них земельную собственность, и уже потомки их причисляли себя к группе граждан данного аула под наименованием того рабского рода, от которого они и произошли. Естественно, здесь они свое первоначальное название не получали от одного родоначальника, а пользовались общим, собирательным названием того или иного народа, откуда они происходили.

Третьей формой первоначального заселения и формирования земельной собственности в Дагестане было заселение его отдельными племенными группами, общностью какого-то определенного народа на плоскости. Здесь вожди общности и боевых групп, завоевав и осев на указанной территории, присваивали землю и распределяли ее по своему усмотрению между членами этих групп. Причем в достаточном размере для обработки одним двором. При этом некоторые дворы владели только одним участком, а другие, более приближенные к вождю, и к знатной части племени рода, несколькими участками. Одни худшими, другие лучшими. В этих случаях при долевом владении они не получали права на общинно-передельное владение, и притом при долевом владении земельного равенства не существовало. Сильные, более могущественные быстрее стали владеть большим количеством земли и, естественно, стремились закрепить за собой это право. Поэтому там, где долевое земельное владение, там большей частью и в значительных размерах формировались и вырастали крупные земельные собственники как частновладельческие.

Общеизвестно, что ранее всего частновладельческая собственность возникала на плоскости в результате захвата земель вождями завоевателей. Кого только не видела плоскость Дагестана, кто только не проходил знаменитую Прикаспийскую

низменность. Ее считали своей скифы и сарматы, мидяне и каспии, гоги и могоги, верхние и нижние массагеты, хуаны и хабиры, гунны и готты, болгары и сеиры, хазары и авары, сасаниды и арабы, тюркиты и половцы, монголы и татары. Какую только фать эта земля не видела, с кем только люди этой земли не сражались. Многие из них оседали, некоторые растворялись среди горцев. Они вносили в их среду свою культуру, традиции, взгляды и мораль.

Шариат узаконил частное землевладение, узаконил богатство одних и бедность других, узаконил классовое деление общества, господство и рабство, право сильного над слабым, право захвата собственности другого.

С помощью шариата постепенно богатые общественные группы захватывают в свое исключительное владение обширные пространства земли, они заселяют ее земледельцами, которые обрабатывают ее с условием оплаты собственнику земли известного натурального оброка.

Здесь со временем господствующие классы захватывают не только свободные, не занятые земли, но и земли, находящиеся во владении свободных крестьян.

В горах происходит какая-то метаморфоза. Здесь княжество, ханство было развито весьма сильно. После VIII века, особенно после завоевания Дагестана арабами происходит определенный распад бывшей централизации общественно-политической власти. Отпочковавшиеся мелкие удельные княжества стали многочисленными, но среди горцев они теряют былую политическую и экономическую власть.

Здесь формировавшаяся община, территориальная единица, в общественно-политическом и экономическом отношении оказалась более сплоченной, дееспособной, могущей вести открытую борьбу против мелких удельных князей. В силу отсутствия централизованной власти и системы, общины одолели и по существу растворили в своей среде князей и крупных земельных собственников, частично передав их земли в распоряжение общины на правах общего пользования, а в некоторых случаях оставляя за родом для их пользования.

Вследствие этого со временем они уходят со сцены, не создав определенной политической власти, как это имело место в Европе. Поэтому здесь не было той крепостнической вакханалии, которая имела место на плоскости. Зато в землепользовании их место занимают здесь мечети и духовенство.

Происходившие постоянные войны, набеги, колоссальное передвижение горцев на север Дагестана приводили к полной необеспеченности личности и имущества на плоскости Дагестана, что в свою очередь приводило к тому, что отдельному крестьянину было трудно собственными силами обеспечить свое существование. Здесь, на плоскости, крестьянин не был в полном смысле слова воином как в горах. и не мог оружием обеспечить себе свободу.

Совершенно ясно, что он оказался в полной политической зависимости и под властью военного класса, что соответствовало обстоятельствам времени. Он входил в протекторат могущественной личности, и в нем он находил своего защитника. Зато прежние свободные крестьяне утратили свою политическую свободу и превратились в класс, политически зависимый от военной аристократии.

Попав в политическую зависимость от аристократии, крестьянство скоро утратило и право собственности на свою землю. Создалось правовое представление, что каждая земля должна иметь какого-то господина. Таким образом произошло юридическое обезземеливание массы крестьянства, которое закрепили в основном арабы и последующие походы исламистов.

Утратив права на землю, крестьянин не мог не утратить и личной свободы. Он становился в полной мере зависимым от своего господина, который уже получил не только права на землю, но и на личность крестьянина. Все это и такое зависимое отношение крестьянина еще не вызвало в этом крае его отделения от земли. Крестьяне плоскостной части Дагестана, утратив свободу, продолжают обрабатывать землю и обязаны платить натуральный оброк.

Нельзя представить себе, что в горах ничего подобного не было. Наоборот, здесь на раннем этапе были и зависимые отношения, и рабство, и платили большие оброки натурой и горскими изделиями ханам и господствующему классу. Вспомните царство Серир, которое существовало в горах, те подати и повинности, которые должны были внести этому царству. Более 40 видов повинностей и податей, да и девушки-рабыни должны были быть доставлены этому царству. Вспомните царство Сураката, царство Казы-Кумуха, майсумства и Кайтагское ханство, коим должны были горцы вносить более 17 видов оброка. Нуцальству Хунзаха, вплоть до XVII века, должны были отбывать около 52 разных видов оброка.

Однако эти феодальные владения постепенно сужали свои границы, их вассальные и дочерние единицы теряли свое значение, феодальные правопорядки постепенно сужались в горах, и народы выходили из-под их влияния. Это было не сразу и не в один век. Когда экономические отношения стали не соответствовать политической узурпации феодальных владетелей, когда господство общин со всеми правопорядками выступает на первый план и дочерние феодальные правопорядки оказываются бессильными с ними бороться, политические правопорядки утрачивают здесь свою силу и назначение, а союзы нескольких общин занимают их место.

И в этих условиях, чтобы защитить себя от сильных, маленькие аулы должны были заключать союзы с крупными сельскими территориальными обществами, чтобы отстоять политическую и экономическую независимость.

На заре XIX в., наряду с малоземельем и нерешенностью экономического положения горского крестьянства, когда Дагестан входит в состав России, появляется новый вид земельной собственности, так называемая казенная земля. Здесь наряду с дворянством, беками и помещиками хозяином земли в Дагестане становится государство, т. е. царский двор. И в новые времена, так же, как в период варварства, право сильного господствует над слабым, бедным, незащищенным.

На этом этапе вопрос крестьянского малоземелья в Дагестане приводит к глубокому кризису социальных проблем.

Итак, окончилась Кавказская война, царизм приступает к полному осуществлению продворянской социальной политики в Дагестане.

Однако, чтобы яснее представить себе картину социальной политики царизма, займемся разбором сословности и классового устройства Дагестана в его историческом аспекте.

Шамхалы и нуцалы являлись представителями крупнейших династий землевладельцев — феодалов, успевших скопить немалые богатства, большое количество рабов. Эти феодалы усердно прислуживали арабским завоевателям, старались угодить им, раболепствовали перед хозяевами.

В каждую резиденцию арабы назначали и духовных правителей, блюстителей религии — кадиев. Эти кадии всяческими путями вводили ислам.

Так в течение нескольких веков арабы правили в Дагестане и насаждали здесь ислам.

После того, как халифатство Аббасидов пришло в упадок, его правители и вельможи, каждый в своем углу, основывали политически самостоятельные владения. В это время сельджуки, завоевав Аравию, Персию и Грузию, вторглись на территорию Дагестана и установили здесь свой деспотический режим.

Татаро-монгольские завоеватели успели проникнуть во многие районы горного Дагестана. Они сумели повлиять на дальнейший процесс развития страны и укрепить ислам среди жителей гор. Феодалам были розданы грамоты в подтверждение их ханства. С тех пор мелкие князья были превращены в ханов, а там, где ханства не существовали, они были учреждены.

Распространение ислама дошло до кульминационной точки, когда в Дагестан вторгся Тимур со своей многочисленной армией. Вступив в 1395 году в Дербент и завоевав эти места, он двинулся отсюда в сторону Терека, где встретился с войсками Тохтамыша. После кровопролитных сражений Тимур отправился в Астрахань. Отсюда он возвратился обратно через черкесские земли в Чечню, причем повсеместно он проявлял жестокость и разорял население дотла.

Покорив кумыков, он вторгся в нагорный Дагестан через Салатавский хребет и разгромил по пути укрепления Берктау, Алхастау, Чопантау, Баилук, Кадар. По всему пути Тимур оставлял за собой холмы человеческих тел.

Проникнув в пределы Дагестана, Тимур способствовал дальнейшему распространению ислама в этой стране. Укрепив насильственными мерами ислам, Тимур выступил со своим войском из Дербента в сторону Грузии и больше не возвращался в Дагестан. После Тимура в Дагестане побывали сефевидские и турецкие завоеватели.

Утвердившись во всем Дагестане, ислам пытается регулировать здесь бытовое и общественное устройство. Однако коран оказался далеко не достаточным для того, чтобы удовлетворить те запросы, которые возникали у населения захваченных территорий Дагестана.

Учитывая это, уже во втором веке хиджры арабские толкователи ислама выделяют право как самостоятельную науку. При этом источниками права были признаны: коран, сунна — сборник преданий о решениях пророка по тем или иным вопросам, иджма — решения мусульманских общин, кьяс — заключение по аналогии, являющееся методом, которым можно пользоваться при решении всяких вопросов, относящихся к юриспруденции.

Одним из четырех основных направлений мусульманской юридической мысли является шафиитство, получившее свое название, как и каждое из направлений, по имени его основоположника Мухаммед ибн Идриса Шафии.

Горцы Восточного Кавказа были шафиитами. Шафииты Дагестана, исходя из основных положений корана, сунны, иджмы, кьяса устанавливают юридические нормы шариата. Он определяет нормы религиозного права: очищение, молитву, милостыни, закят, пост, пилигримство.

Гражданское право шариата устанавливает субъекты и объекты права, учитывая все тонкости владения и собственности. При этом шариат рассматривает право собственности на землю в выгодах тех эксплуататоров и собственников, которые в то время выступали как феодальная знать.

Однако, говоря об исламе, который был распространен среди народов Дагестана, нужно отметить, что он в то время положительно сказался на ускорении развития феодальных отношений и оказал на них значительное влияние. В связи с этим следует сказать, что шариат безусловно был, по сравнению с родовым строем, прогрессивным фактором в деле дальнейшего развития нравственных, юридических и общественных начал среди горцев. На исламской основе вырабатывается письменность, создаются религиозно-схоластические школы, появляются ученые, занимающиеся астрономией, медициной, риторикой, логикой. Народы Дагестана постепенно

начинают больше общаться между собой и в политическом, и в экономическом отношении.

Рассмотренный здесь материал позволяет утверждать, что в Дагестане в период арабского завоевания были уже вполне оформившиеся феодальные владения. Данные арабских источников убедительно говорят о том, что на территории Дагестана имелись не только феодальные владения, но и крупное политическое образование, выступавшее в форме типичного феодального государства и игравшее важную роль в судьбах народов Дагестана.

Прежде всего обращает на себя внимание тот факт, что такой крупнейший политический союз, каким являлось большое и мощное феодальное государство Кавказская Албания, не могло индифферентно относиться к общественно-юридическим и экономическим отношениям народов Дагестана.

Надстроечные явления, появившиеся на определенном этапе, в свою очередь влияют на развитие базиса. Если Кавказскую Албанию считать государственным объединением, как оно и есть на самом деле, если такое государственное объединение выросло на определенном базисе, а именно на полуфеодальном, и если, наконец, признать факт вхождения части горного Дагестана в состав Кавказской Албании, а об этом говорят все источники, которыми мы располагаем, то картина становится совершенно ясной: сложившиеся феодальные отношения способствовали возникновению и дальнейшему развитию государства феодального типа — царства Серир, игравшего крупнейшую политическую роль в Дагестане в эпоху раннего средневековья. Следовательно, Серир выступает перед нами как феодальное государство, возникшее на развалинах Кавказской Албании и выросшее на феодальном базисе.

Если мы признаем, как объективный факт, существование феодального царства Серир, то разумеется, такое царство после своего распада оставило сословия, как господствующие, так и подчиненные.

Таким образом, после распада царства Серир в стране остались сословные привилегии, выразившиеся в форме рабовладения, как повсеместного явления в общинах Дагестана, и узденство, как привилегированное сословие. Остались и беки, как привилегированное сословие или даже класс.

Распад Серира приводит к тому, что выделяются две основные силы, а именно: крупные и мелкие феодальные владения, во главе с нучальством и шамхальством, и вновь возникшие территориальные сельские общины, значительное количество которых официально не подвластно определенной феодальной политической системе.

Вскоре для приобретения более внушительного политического значения, для защиты от внешних врагов и сохранения своей территориальной неприкосновенности эти сельские

общины объединяются в союзы «вольных» обществ. Могли ли такие союзы, которые возникли в условиях распада феодального государства, не иметь классового характера, быть бессловными, без определенных социальных групп и формы общественных отношений? Конечно, нет.

Итак, союзы «вольных» обществ возникли в результате распада феодального государства. Они сумели отстоять свою политическую независимость от мелких феодальных владетелей, но эти союзы были классовыми, сословными, с феодальными общественно-экономическими отношениями. Сюзеренами здесь выступали беки, старшины обществ, чухби, карты, представители духовенства.

Арабское завоевание, принесшее ислам и шарият, закрепляет установившиеся в Дагестане общественно-экономические отношения, а родовые отношения придают им архаическую форму. В конечном итоге нравственные основы берут верх, адаты превращаются в магическую силу, сковывающую поступательный процесс в общественно-экономической жизни.

К XV веку в Дагестане повсеместно наблюдались сословные привилегии и классовые начала, в общественной жизни большую роль играли беки, чанки, князья и ханы и в то же время «вольные» общества, осуществлявшие самостоятельные политические функции, однако с наличием в самих обществах классовых различий.

Еще задолго до XV века в Южном Дагестане крупным феодальным владением являлось Дербентское ханство. Во главе этого ханства стояли наследственные правители, которые имели право самостоятельной чеканки монет. Население находилось в полной феодальной зависимости. В XV веке Дербентское владение оказалось в составе ханства ширваншахов. Правители феодального Ширвана Халил-Лулах I (1437—1462) и Фаррух-Ясар (1462—1500) старались сохранить свое влияние на территории Дербента, Цахура, Кайтага и Ахты. Феодальные порядки Ширвана были распространены и на этой территории.

Помимо Дербентского феодального владения в XV веке в Дагестане становятся известными шамхальство Казикумухское, Аварское ханство, уцмийство Кайтагское и майсумство Табасаранское. Наиболее крупными из них были ханство Аварское и шамхальство Казикумухское.

Мухаммед-Рафи в 1313 г. писал, что в «благословенной», прекрасной дагестанской стране существовали многие виды податей, налогов и десятин от всех обитателей страны в пользу «презренных государей», «творцов жестоких дел».

Аварские ханы распространили свою власть далеко за пределы Аварии. Аварский хан, сообщает Мухаммед-Рафи, «получал доход со всех владений, и ему посылались все пода-

ти, налоги и десятины от всех обитателей Дагестана, начиная от страны черкесов до Шамахи»¹.

Дальнейшей ступенью феодализации Дагестана является возникновение феодальных владений, в которых еще сохранялась в той или иной степени власть общинных организаций, но уже появляются феодалы из влиятельных лиц тухума, предводителей набегов и военных походов. Эти феодальные владения не обязательно являлись крупными феодальными образованиями, они могли быть и мелкими, объединяющими несколько аулов.

Феодальный способ производства в Дагестане, как и в других местах, пришел на смену родовому способу производства, как неизбежный результат действий объективного экономического закона соответствия производственных отношений характеру производительных сил.

Феодальная формация, как и всякий другой общественный строй, имеет свои специфические черты, отличающие ее от других. Такими характерными особенностями феодальной формации являются:

- 1) господство натурального хозяйства;
- 2) наделение непосредственного производителя средствами производства;
- 3) личная зависимость непосредственных производителей от феодала — необходимость «внеэкономического принуждения»;
- 4) крайне низкое и рутинное состояние техники; производство материальных благ мелкими крестьянскими хозяйствами.

Экономической основой феодального способа производства, а также феодальных производственных отношений является собственность феодала на основное средство производства (землю) и неполная собственность на работника производства (крестьянина). Наряду с феодальной собственностью на землю существует также личная собственность крестьянина (и ремесленника) на орудия производства (рабочий скот, сельскохозяйственный и ремесленный инвентарь и т. д.) и на свое частное хозяйство, основанная на личном труде.

Феодальная собственность на землю представляла собою сословную форму собственности, которая находилась в монопольном обладании господствующего класса феодалов и носила иерархический характер. В период становления и развития феодальных отношений рост феодальной собственности был закономерным явлением. Он был связан с обращением феодала

---

¹ Извлечение из истории Дагестана, составленной Мухаммедом-Рафи. «Сб. св. о кавк. горах», вып. V, 1871, стр. 10—11; Аварские народные сказания. «Сб. св. о кавк. горах», вып. II, 1861, стр. 6; А. Бакиханов. Гюлистан-Ирам. Баку, 1926, стр. 51; Д. Н. Анучин. Отчет о поездке в Дагестан летом 1882 г. «Изв. русск. географ. общества», т. XX, стр. 388.

лами в зависимость непосредственных производителей материальных благ (крестьян). Маркс писал, что в период рабства и крепостничества земельная собственность предполагала одновременно и собственность определенных лиц на личность непосредственных производителей; эксплуатация этой земли была возможна лишь силами мелких крестьянских хозяйств. Поэтому, если феодал был собственником земли, то крестьянин — фактическим владельцем ее значительной части. Известно, что соотношение между барской землей, на которой велось господское хозяйство, и крестьянской землей в большинстве стран средневековой Европы равнялось приблизительно отношению 1:2. Еще меньше был удельный вес барской земли в феодальной Руси XI—XVI вв. Мелкое крестьянское хозяйство преобладало².

Таким образом, индивидуальный, мелкий характер процесса производства находился в противоречии с крупной феодальной собственностью на землю, как основное средство производства. Это противоречие является основным противоречием феодального способа производства.

Формы феодальной зависимости крестьян в эпоху феодализма были очень разнообразны: «начиная от крепостного состояния и кончая сословной неполноправностью крестьянина»³. Эти формы и степень закрепощения обуславливались конкретно-историческими условиями, они зависели от силы и жизненности сельской общины, сплачивающей крестьян⁴, от их способности и возможности противостоять притязаниям феодалов, от мощи и организованности феодальной иерархии, от частоты и силы войн и т. д.

С завершением процесса объединения мелких родовых аулов в крупные аулы, в них постепенно начинает выделяться верхушка сельского населения, которую можно назвать феодализирующейся верхушкой. В связи с этим во вновь созданных по территориальному принципу аулах процесс разложения тухумной организации идет к концу. Дальнейшая эволюция феодальных владений этого типа идет по линии ликвидации сохранившихся еще прав общинных властей, и главным образом по линии закабаления и подчинения основной массы населения.

На этой основе возникают феодальные отношения в нагорном Дагестане, т. е. именно там, где наличие этих отношений отрицается.

Для складывавшихся феодальных отношений характерны адаты Гидатлинского общества:

«Был человек по имени Шамхал, который жил в с. Цинабе и другой человек по имени Кабтар, который жил в селении

² «Исторические записки», т. 42, 1953, стр. 125. (Статья М. Н. Мейман).

³ В. И. Ленин. Соч., т. 3, стр. 159.

⁴ «Исторические записки», т. 42, стр. 125—128.

Чолодѣ. Шамхал имел 6 сыновей, а Кабтар только одного сына. Шамхал сказал Кабтару, что пришло время, когда нужно установить границу наших земель, выбери себе любую половину. Кабтар взял землю Муч'дул (Муч'дул), Тлагал (Льяг'гал), Ратлада (Рал'гада) и земли, расположенные по Ратлубской речке. Остальные земли он оставил Шамхалу.

...Шамхал разделил землю между сыновьями путем жеребьевки.

...Кабтар подарил внуку эти земли и поэтому тляхцы стали раятами урадинцев.

О границах земель. Со стороны голотлинцев границей служит Гурутль раат (Гуруль ра'гал), со стороны телетлинцев — хутор «Талакуриб» с пахотной землей. Чакуда расст (Чакуда Ра'гал) и ворота урибцев (Гурисезул К'алт'гу) и далее по дороге, идущей с северной стороны селения Зиуриб до хутора Хуни Цороб (Х'ини Цороб), и оттуда, включая крепость зиуринцев в сторону гидатлинцев до хутора «Канаркаби». Со стороны хунзахцев границей служат: часовня (Гьет'ан рукъ), Борхи Кал (борх'иьк'ал) (буквально «змеиное ущелье») до соленой воды, которая находится против сел. Могоха (Мог'охъ), Чазо тлуру (Ча'гер Кьуре — Черная скала), Берцин гох (Красивая сопка), Эркиль Нохо (Г'ерк'иьк' нохъ), Махалуб Нохо (Махалуб нохъ), Чол Кили (Чол К'или), Хирудул тлуру (Х'ирудул кьуро), Цалгиниб (Цал'гиниб) и далее до речки ассабцев»⁵.

В процессе феодализации многие сельские общества попадали в зависимость от соседних феодальных владетелей. Например, в первой половине XVIII века лезгинские селения Ялах, Луткун попали в зависимость от казикумухского хана и должны были платить ему соответствующие подати и повинности⁶.

Сельская община в классовом обществе может существовать как самостоятельная ячейка очень долго и может долго сопротивляться закрепощению. В тех странах, где рабовладение носило патриархально-домашний характер, процесс формирования феодализма оказался замедленным в силу большой жизнеспособности сельской общины. Между сельской общиной и феодалами происходила ожесточенная борьба, и в этой борьбе сельская община отстаивала свою свободу и независимость против притязаний феодалов.

Жизнеспособность отдельных черт дагестанской общины объяснялась сочетанием ремесла с сельским хозяйством, особенно животноводством наличием укоренившихся родовых пережитков, отдаленностью от феодальных городов и сла-

⁵ Рукоп. фонд ИИЯЛ Дагфильнала АН СССР. Адаты Гидатлинского общества. Перевод М.-С. Саидова.

⁶ ЦГА ДАССР, ф. 90, оп. 2, д. 30, л. 236.

бостью разлагающего их влияния. Характерное для сельской общины натуральное хозяйство и рутинное состояние техники производства и составляли главную причину жизнеспособности общин и родоплеменных пережитков в аулах Дагестана.

Борьбу общин за независимость и свободу против феодалов ярко показывает документ, относящийся к Андалальскому «вольному» обществу и датируемый XVI веком. Этот документ характеризует процесс борьбы между феодализирующейся верхушкой и беками, с одной стороны, и населением, которое испытало на себе гнет феодалов и боролось за освобождение от него, с другой стороны.

Для борьбы с беками жители всего общества заключили общую для всех унию, стремясь искоренить из своей среды все, так называемое, бекское. Договорились они о следующем:

1. Если один житель из андалальских аулов во время выхода на зов тревоги убьет одного бека, то следует со всего населения округа в пользу убийцы ежегодно десять овец и сто мерок (зерна).

2. Если один из андалальцев нанесет рану бекского происхождения лицу, — то выкуп и возмещение берут на себя все жители округа. Если же дело убитого кончится выкупом, то выкуп идет за их счет.

3. Если кто-нибудь из них (из беков) убьет одного из нас (андалальцев), то за ними в пользу наследников убитого шестьдесят мерок (зерна).

4. Если кто-нибудь выдаст свою родственницу замуж за бека или поженится на их (беков) женщине, то с зачинщика взимается штраф триста баранов.

5. С того, кто доносит бекам, взимается сто баранов.

6. С того, кто доносит из одного аула в другой аул взимается штраф один бык.

7. Если один из нас убьет одного из них (беков) и родственники убитого просят чего-либо у одного из нас или у жителей нашего аула в целом и если жители аула или один из них выдаст им (родственникам убитого) что-либо, то с жителей аула взимается три быка, а с отдельного человека один бык.

8. Если один из нас выдаст беку путем продажи или другими сделками своего дома или другого недвижимого имущества, то с выдавшего взимается штраф триста баранов и выданное имущество перейдет в распоряжение общества.

9. Если один из нас получит у беков лошадей или оружие за услуги, то полученное им, его стоимость конфискуется в нашу пользу безразлично, получил ли он его просьбой или другим путем.

10. Если один из нас посетит и останется у них (у беков) три дня без надобности и уважительной причины, с него взимается сто баранов.

11. Кто из нас будет давать показания в пользу беков, с него взимается сто баранов.

12. Если один из беков отбирает у одного из нас одну овцу или другое имущество стоимостью одной овцы и потерпевший извещает об этом по округу, то всем из нас запрещается принять его (отбиравшего) к себе в гости и отдавать ему чего-либо взаимнообразно.

Если один из нас даст ему пищу или займет ему чего-либо, то с него взимается один бык.

13. Если между беком и одним из нас возникнет тяжба, то разбор дела принадлежит нашему обществу и нашим людям воспрещается судиться с ним (беком) в другом обществе без нашего разрешения. С нарушителя взимается штраф один бык.

14. Если кто-нибудь из жителей нашего селения скажет «Я раб или нуцалчи» (бека), то с него взимается сто овец⁷.

По мере развития производительных сил феодализирующаяся знать превращается в феодальную классовую группу и феодальная эксплуатация принимает более жесткие и вместе с тем разнообразные формы, причем большую роль играет отработочная рента.

В связи с разнообразными формами феодальной эксплуатации возникают разнообразные группы зависимого сельского населения. В тех аулах, где феодальное насилие из временного и менее значительного превратилось в постоянное, наследственное и более значительное, отработочная рента все более и более вытесняла другие формы ренты, с каждым годом устанавливались новые повинности. Сначала они были временными, а затем превращались в постоянные.

Обратимся к документам. Так, например, из имеющегося документа явствует, что Суракат (Аварский хан) собирал налоги со всего населения Дагестана, от Черкесской области до города Шемахи, за исключением маленького городка Акра или Икра.

Налоги его: 1) денежные, 2) зерно, 3) баранта, 4) коровы и быки, 5) мануфактура, 6) фрукты и прочее — даже куриные яйца.

О взимании налогов Суракатом: деньги с дыма три дырхама (60 коп. серебром) и стоимость трех драхм серебра золотом в год.

Со скота: со ста голов овец одну матку (у кого имеется баранта), со ста дымов — один бык.

С мануфактуры: с торговцев мануфактурой брал шелк или кербас, смотря чем торгует.

С фрукт: у кого виноградные лозы, с того одну корзину винограда.

⁷ Рукоп. фонд ИИЯЛ Дагфилиала АН СССР, д. 1679, л. 30—32.

С тухума (рода) убийцы, исключая кровную месть (первое убийство), в пользу хана сто маток овец.

За кражу и поранение: с обвиняемого бык, с каждого селения по пять лисьих шкур, одна черная лисица, остальные желтые.

При назначении нового хана: с каждого селения также по пять жирных баранов. Еще при смерти хана (того, кто владел ими в это лето) с каждого селения одна лошадь и одна кобыла.

С каждого селения при свадьбе ханского сына или выходе дочери замуж по два жирных барана и одной корове.

Все это описываю коротко, не считая мелкого взимания. Все население Дагестана подати эти вносило, не имея права отказываться, как бедные, так и состоятельные (как нижние, так и верхние), как добровольно, так и силой принуждения, как близкие, так и отдаленные, все вносили этот налог»⁸.

Уже к XIV веку, после арабского завоевания, Аварское ханство претерпевает упадок и теряет свое бывшее могущество. Но вместо Аварского ханства на сцену выступает могущественный владетель — шамхал Казикумухский, вассалами которого являются другие феодальные владетели. Тот же историк XIV века Мухаммед-Рафи говорит:

«В городе Кумухе (Кази-Кумех) остался ханом Шамхал. Взимая налог с их земель, с иноверцев подать («валь джизната мина замиина валь ахшара мин абнал сабили»). Закят брал с мусульман.

Все дагестанцы как горные, так и плоскостные (как верхние, так и нижние) подчинялись ему добровольно или путем принуждения. Пятую часть военной добычи эмир Шамхал брал себе, остальные четыре части поровну разделял тем, кому это следует (войскам).

Подати, которые он взыскивал за круглый год, поступали ему в доход.

- 1) С Карахских гор (с населения) за пастьбу — 500 овец.
- 2) Тляйсерух — 300 овец — для Шамхала. С Гериму брал 400 овец.
- 3) С Тлисси-руха — 1000 овец и 30 коров.
- 4) С Тлибелал — через три года на четвертый с каждого дыма по одной матке овцы.
- 5) С Чамалал — 500 овец каждый год.
- 6) С Тинди — 20 быков.
- 7) С Арчо (Каратак) — 130 овец-маток.
- 8) С Гериму — 30 жирных баранов и 12 овец.

С хунзахцев — 700 баранов и 700 саб пшеницы и 60 ульев меду.

С общества сел. Анди — 1 бык и 8 бурок.

⁸ ЦГИА Гр. ССР, ф 416, оп. 3, д. 203, л. 9.

С города Гадари и Аркас — половину того, что с округа (города) Хунзах.

С тумцев (Анхуцо-капучи) с каждого дыма 1 баран и одну сабу пшеницы для Шамхала.

Мичехич (Чечня) — все принадлежало ему.

С города Костек — с дыма 1 рыбу (красную).

С общества сел. Тарху по 2 саха рису с дыма (сах $\frac{2}{3}$ саба — саба 33 фун.).

С общества сел. Губден — 100 баранов.

С племени кайтаг — 170 буйволов — также джурма в его собственность.

С общества сел. Усиш и Акум — 100 быков.

С племени Сирхам с дыма 1 дирхам.

С общества Цудахар — 50 быков.

С сел. Хаджукат (Хундчукат) и Кериян — на шесть ишаков масла.

С города Зарахкаран — 30 саб пороха.

С Саибат (пастбищной горы) — 50 баранов.

С общества сел. Аргуни с дыма 1 сабу зерна.

Также имеется пастбищная гора Цунта (Дидо), с которой он получает каждый год по 80 баранов.

С бухтлудала (Бахтлук) — 30 быков и 30 барашков.

Хахури и Голода принадлежали ему и эти два селения имели пастбищную гору, с которой получали 50 баранов.

С общества Рисор и Мукрак — 70 баранов.

С Куралал (кюринцев) 100 лошадей и 100 кобыл.

Эту всю добычу они получали каждый год и делили между сыновьями (членами рода) Гамзата и Аббаса»⁹.

Уже в XV веке феодальное владение Аварии значительно укрепляется и становится одним из самых крупных могущественных владений нагорного Дагестана. Об этом свидетельствует, например, следующее завещание аварского нуцала Андуника:

«Завещание Андуника, сына Ибрагима, владельца территории Авар, почтенного, великого владельца силы, побед и мощи, своему племяннику Булач-нуцалу, владельцу территории Авар. Да направит всевышний бог его на верный путь.

О, мой племянник, возьми-ка ключи Авар в свои руки: первые ключи — алигиличинцев, вторые — дженгутаевских владельцев, третьи — гумбетовских владельцев, четвертые — владельцев Анди, пятые — карасинцев, шестые — бактлухинцев, седьмые — хушдадинцев и Семиземелья.

Если ты возьмешь указанные ключи, то соль, мед, виноград, железо, рыба и остальное все, в чем человек нуждается, — у тебя и в твоём распоряжении. А иначе все от тебя и твоего народа убежит.

⁹ «Сборник сведений о кавказских горцах», вып. V. Тифлис, 1871, стр. 22—24.

Затем обрати внимание на границы земель, которыми владели твои предки, и управляй так, как они управляли. Первая граница со стороны запада — это Миясугатан (буквально «часовня Миясу»), вторая — со стороны востока из середины аула Гоцатль, третья — со стороны юга, от Хочеда до Гологлинского моста, четвертая — со стороны севера от Салагоры до Таргу.

Затем обрати внимание на свидетельство наших почтенных предков о численности мужей в Дагестане. В нем 250 тысяч человек, из них 60 тысяч табасаранского, 30 тысяч хайдакского, 100 тысяч человек от войска кумухского падишаха, 40 тысяч человек войска нуцала, и они храбрее всех.

Мой племянник, постарайся преодолеть эти границы и не уступи чужому даже пяди твоей земли, если ты являешься владельцем, подобно твоим храбрым предкам».

Составил летопись кади Али-Мирза из Анди во время соборания владельцев на Андийской горе и завещание составлено там же в 890 хиджры (1485 г. н. э.)¹⁰.

Чтобы наглядно показать объем вносимых крестьянством Аварскому ханству податей и повинностей, приведем документ, который хранится в рукописном фонде Института ИЯЛ. Согласно этому документу Аварское ханство вплоть до первой половины XIX века получало от входивших в него селений около 30 видов податей и различных сборов; кроме того все селения должны были выставлять ополчение. Нужно учесть, что в политическом отношении все они были подвластны хану, который мог чинить суд и расправу над ними по своему усмотрению, вплоть до казни и членовредительства.

Подати аварскому хану:¹¹

«С жителей Верхнего Арадериха по две мерки голого ячменя с дыма; у кого имеется стадо овец — с него бзж¹² и два ягненка, две шали, они же должны платить 3 хвалченбухьи¹³ (надеть шапку) стоимостью каждого 6 руб., всего 18 руб.

С жителей Среднего Арадериха по мерке голого ячменя с каждого двора; у кого стадо овец, то с него бзж и два ягненка, с жителей аула — две шали (сукно кавказское) и хвалченбухьи, стоимость которого составляет 18 рублей».

С жителей Нижнего Арадериха (Энцила) с каждого двора два бзж; с каждого, у кого имеется стадо овец — два ягненка, со всего аула — две шали (сугъур) и стоимость хвалченбухьи — 18 рублей...

С жителей аула Игали — 25 мерок виноградного сока для правителя; кроме того они (игалинцы) обязаны хунзахскому

¹⁰ Рукоп. фонд ИИЯЛ Дагфилиала АН СССР, д. 1356. Завещание Андуника. Перевод М.-С. Саидова.

¹¹ Рукоп. фонд ИИЯЛ, д. 2195. Перевод с араб. М.-С. Саидова.

¹² Слово, видимо, арабское и его значение выяснить не удалось.

¹³ Дословный перевод: ношение сабли. Видимо, налог, установленный в честь совершеннолетия ханского сына, вносимый всеми гражданами.

Майиндуру 16 мерок виноградного сока, 12 мерок лука и 8 мерок лаклак¹⁴.

С жителей аула Верхн. Инху 25 корзинок винограда.

С жителей Нижн. Инху 33 мерки виноградного сока и одну козу для того, чтобы зарезать сборщикам податей.

С жителей аула Читль 6 мерок виноградного сока или же 12 мерок кукурузы или другого зернового хлеба.

С жителей аула Тлох: с бештисел 2¹/₂ мерки виноградного сока, у кого стадо овец — два ягненка, у кого козы — два козленка.

С жителей аула Қилатль две с половиной мерки пшеницы и две мерки проса с каждого двора.

С жителей аула Хиндалал с каждого двора по одной мерке и 3 четверти¹⁵ пшеницы, две мерки проса и один трехгодовалый петух; с (тех), у которых овцы имеются — бзж, у тех, у которых имеются козы — годовалый козел.

С жителей аула Хиндал 60 посохов толщиной в указательный палец и длиной 3 локота (иатI) белые, гладкие, ровные, и 60 желобов и шесть мерок золы из дерева грецкого ореха, просеянной (через сита).

С них с каждого двора по две мерки пшеницы и по мерке проса и пол мерки проса, называемой богал рикъи¹⁶. Если осла вошли во двор, где собраны подати, и мочилась там хоть одна корова до взвешивания пшеницы, с виновного взимается в виде штрафа телка.

С рода Околал из Хиндаха 40 (мерок) пшеницы. Со всего населения 32 мерки, жудухь мущ¹⁷, которые получаютс в кунацкой и 40¹/₂ мерки проса, называемого лъел рикъи¹⁸. Они же должны 40¹/₂ мерки пшеницы очищенной, готовой к помолу, четыре мерки пшеницы, называемой якундж¹⁹ и 12 мерок овса.

С жителей аула Орота 112 мерок, из них половина — пшеница, а другая половина — просо. Одна мерка измеряется тремя четвертями. У кого есть овцы — один бзж, у кого козы — годовалый козел.

С жителей аула Харахьи 264 мерки, из них половина — пшеница, а другая половина — просо; в местности Хогрикь с каждого дома Хиндалала, но не с горцев, по 4 саха²⁰ пшеницы и по 4 саха²¹ проса; однако Солтан Ахмедхан снизил с них подати до 2 четвертей пшеницы и двух четвертей проса, один бзж с пастуха овец. Харахинцы обязаны были подвезти пшеницу и просо в дом нуцала и развезти удобрения нуцала на своих ослах к пахотным местам нуцала; когда хунзахцы начинают полевые работы, они должны явиться со своими ослами, мешками и веревками и не имеют права вернуться

¹⁴ Значение этого слова не выяснено.

¹⁵ В оригинале сагI.

^{16—19} Значение этих слов не выяснено.

^{20—21} В оригинале сагI.

домой до тех пор, пока не расчистят окончательно конюшни и хлевы нуцалов.

С жителей аула Амишта 30 мерок голого ячменя и один ратІал²² железа.

С жителей аула Целмес с каждого двора по 3 мерки пшеницы; с каждого, у кого окотилось десять овцематок, полагается отборный ягненок и со всего аула один ратІал железа.

С жителей аула Мушули с каждого двора по одной мерке пшеницы и по одной мерке проса; раньше с них полагалось по две мерки пшеницы с каждого двора.

С жителей аула Бакда Амуши с каждого двора по две корзины (гьегь) винограда, по одной мерке чеснока, по одной мерке лука; со всего аула один ратІал железа; у кого стадо овец — бзж, у кого козы — годовалый козел (хЮргец).

С жителей аула Амуши с каждого двора по мерке чеснока, по мерке лука; с них полагается и 34 корзины винограда; у кого из них имеется стадо овец, полагается бзж, у кого из них имеются козы — годовалый козел (хЮргец); один ратІал железа.

С обоих аулов также полагается 40 мерок виноградного сока наряду со всеми вышеуказанными податями.

С жителей аула Ортаколо с каждого двора по одной мерке лаклак, по одной мерке лука и по одной корзине винограда.

С жителей аула Муни 180 мерок лаклака, сорок корзин винограда, три шали (сугьур) и с каждого хлева в местности Дангиз по одной шали.

С жителей аула Кванхидатль 90 мерок соли.

С жителей аула Энхелу 40 мерок виноградного сока и 10 мерок соли.

С жителей аула Ботлих, когда правитель отправляется в Бурт, шесть козлов.

С жителей аула Миарсу двадцать мерок проса и тридцать мерок виноградного сока.

С жителей аула Годобери 30 ягнят после стрижки шерсти.

С жителей аула Тандо 25 овец.

С жителей аула Ансалта 25 овец.

С жителей аула Зибирхалиб 40 бзж.

С жителей аула Бурти 20 овец, 2 ягненка или козленка.

С жителей аула Хириб (Хьириб) по одному ягненку с каждого двора.

С жителей Абасу (ГІабасу) 20 овец.

С жителей населенных пунктов СатІу, Гьинди, МаккайчиІа также 20 овец.

С жителей населенного пункта Льондохъ 10 овец.

С жителей населенного пункта Зикариб 20 овец.

С жителей населенных пунктов Хаду и Монох то же самое.

²² РатІал — 6 1/2 фунтов.

С жителей аула Щекъери 34 овцы и с каждого двора по козе или по два ягненка.

С жителей населенного пункта Хъеру 40 овец и 40 ягнят.

С жителей аула Гъакъмада то же самое.

С жителей аула Лъинду 12 овец и 12 ягнят.

С жителей населенного пункта Санакъори 20 овец.

С жителей населенного пункта Хонолъи 4 овцы и 4 ягненка.

С жителей населенного пункта Кеселу 12 овец и 4 ягненка.

С жителей населенного пункта Жонсо с каждого двора по овце и одной корове.

С жителей населенного пункта Гашини по овце с каждого двора.

С жителей населенного пункта Хаширу то же самое.

С жителей населенного пункта Ламагъ Жари то же самое.

С жителей населенного пункта КахIацIараб то же самое.

С жителей населенного пункта Къакъади 3 овцы и одну козу.

С жителей населенного пункта Чичиникъ одну корову и 6 руб. (гъуруш).

С жителей населенного пункта ХIалтIи 100 мерок ячмени.

С жителей аула Гъима 60 овец и 3 козы.

С жителей аула Кванхи 21 шт. овец.

С жителей аула Чадири 50 овец и 3 годовалых барана.

С жителей аула Къиди, Сасикъ, Сильди, Гъакъу с каждых 20 овец, находящихся на пастбищной горе, по одному ягненку.

С жителей Сили и Гъаквари с каждого чабана на пастбищной горе ГъаIамал по две овцы.

С жителей Верхнего и Нижнего Хъваршини, Сихал, БаIалъи тридцать овец.

С жителей аула Хушати один бык.

С жителей аула Метрата 30 мерок пшеницы и 30 мерок голого ячменя.

С жителей селения Эседа 40 овец и один ягненок.

С жителей аула Цумади 30 мерок голого ячменя.

С жителей Хъари, если они будут пасти свой скот на горе Хули, полагается 5 руб., а с каждого из чабанов, которые будут там пасти свой скот, по одной овце.

С жителей Томсода 23 руб.

С жителей Ракъу-Гахъвал — 33 руб.

С ахваццев — 20 овец и 20 мерок ячменя.

Перечень аулов Бакълъулал: Циликъ, Сиюхъ, Цунди, Ингишу, Шаблукъ, ИчичIали, Данухъ, Паркъухъ, Аргъваниб, ЛъаратIа, МелъелтIа.

Из числа жителей вышеуказанных аулов полагалось с тех, у которых имеются овцы, независимо от количества их — десяти или сотни — по одному ягненку, за пользование пастбищной горой; с жителей этих аулов полагалось сто годовалых

овец. Сиюхцы, в случае, если они арендовали пастбищную гору, платили 8 туманов.

С жителей аула Хилди хІариб с каждого двора по одной овце.

С жителей Акнада 2 быка.

С жителей Ангъида то же самое.

Эти аулы входят в Тиндал.

С жителей аула Ришнял один бык и 12 руб.

С жителей аула Буртуб 3 овцы и один козел.

С жителей аула Цолода 70 бзж, 33 ягненка, еще 20 бзж для энхел, еще одна отборная корова и хвалченбухьи ценою 18 рублей и 30 шт. кругляка, 3 балки, 3 столба, 20 мерок голого ячменя.

С жителей аула Энгердах 46 бзж, один годовалый козел (хІоргец). У кого количество овец превышало 50 голов и его стадо переходит воду хІарихъ, с того полагается два ягненка.

С жителей аула Местерух 46 бзж и один ягненок. У кого стадо овец переходило Къварилъи, с того полагались отборный бзж и отборный ягненок и двадцать мерок голого ячменя.

С жителей Токита полагалась дань больше, чем с вышеупомянутых двух аулов, а именно: по одной мерке голого ячменя, овца и ягненок, две мерки с каждого, кто имел двух сыновей; затем Солтан Ахмедхан освободил их от этого, когда он примирился с Сурхай-ханом.

Жители вышеупомянутых четырех аулов, а именно: Цолода, Энгердах, Местерух и Токита обязаны были косить траву в местности Тобот.

С жителей аула Къваниб 160 мерок пшеницы.

С чабанов аула Сиюх с каждого по одному ягненку спустя один год, и сиюхцы должны поставлять 60 ратІал топленого масла.

С жителей аула Гозолоколо полагалось с каждого, у кого имеется десять овец — два ягненка.

С жителей аула Цада с каждого, у кого окотилась овца, даже одна единственная, полагался ягненок.

С жителей аула Эбута то же самое.

С жителей аула Жалатури с каждого двора по две мерки голого ячменя и с тех, у кого окотилось десять овец — два ягненка».

Таким образом, при рассмотрении взаимоотношений различных сословий, прежде всего бросаются в глаза феодальные черты, преобладавшие во всей дагестанской экономике.

Вносимые феодалам подати даже в Аварии были настолько тяжелыми, что целые селения и общества отказывались от выполнения повинностей. Султан-Ахмедхан Аварский, не имевший возможности самостоятельно справиться с непокорным населением, обратился к Даргинскому обществу с просьбой оказать ему помощь вооруженной силой для подавления сопротивления аварцев. Вот что он пишет в своем письме:

«Привет вам, дорогие братья старейшины, дибирь и алимы, всему даргинскому джамаату от Султан-Ахмеда. Пусть все вы будете живы и здоровы. А после: О братья мои, если... то в моей жизни не наступили бы такие дни: брат нашей матери, великий из великих Уммахан ушел от нас, да угодит его душа в рай. Если бы я был счастливым, то мог бы по-прежнему служить ему, но предначертания Аллаха не могут быть не исполнены.

Некоторые раяты кажется хотят освободиться от дани, приводя необоснованные доводы. Они хотят подняться от раятского состояния до узденства. С них полагается дань: с гор, воды, сенокосных угодий, садов, с посевов. Мы это получали по наследству, полученного от предков.

Ни полной меры, ни даже полмеры не берется с них несправедливо.

Теперь они хотят освободиться от всех этих сборов (дани), насильно захватить наше имущество и присвоить его. Но это им не удастся, хотя поверив всяким разбойникам и клеветникам у них и возникла надежда удержать его.

Вы наши братья, поэтому мы послали к вам с приветом Алибега, чтобы он говорил и посоветовался с вами. Мы хотим направить против них войско, чтобы проучить их, сколько это возможно с тем, чтобы они не отказывались выплачивать дань. Эти две вещи легко сделать.

Если вы поможете нам в этом деле, то и мы поможем вам, когда вы будете в этом нуждаться. Мы знаем, что вы отличаетесь дисциплиной и благородством. А раяты хотят присвоить наше имущество и не платить дань. Мы не требуем от них ничего, что не полагается.

Вы подумайте, посоветуйтесь и нам отвечайте. Остальное вам расскажет Алибег. Привет»²³.

Подобное положение было не только в Аварии, но и во многих соседних с Аварией обществах, где доминирующее положение занимали представители феодальной династии Аварского ханства. Именно таким было владение «Черного князя», локализованное в районе Анди, рядом с Аварским ханством (XVI век). Вот что сообщает о нем имеющийся документ:

«И Черного князя сын Гелея и Оварского уздени на государево жалованье били челом. — А говорил Черного князя сын Гелея: отец мой Каракуша и дядя мой Оварский князь Нацал давно в его государстве жалованье под его царскою рукою и в обороне от недругом быти хотят; да по ся места случай не взял государю бити челом. А ныне отец мой Черной князь и брат мой Оварского князя сын Нацалов Канбулук, которого на Оварское княжье обирают, послал в Терский го-

²³ Рук. фонд ИИЯЛ Дагфилиала АН СССР.

род к государевым воеводам меня; а велели мне бити челом государю, что государь отца моего и брата моего, которого на Оварское княжье обирают, со всем родом и с обема их землями пожаловал, под свою царскую руку и в оборону принял, как и Олександра царя грузинского»²⁴.

Краткие сведения, относящиеся ко всем феодальным владениям Дагестана начала XIX века показывают, сколько дворов имел каждый владелец «и в оных душ мужеска полу, полагая по три в каждом дворе, и сколько получает дохода и может выставить войска»²⁵. (См. таблицу 1).

Из данных этой таблицы вытекает прежде всего, что еще местные феодалы были полновластными хозяевами, имевшими неограниченные права над населением. Из этих данных вытекает также, что централизованная система управления, армия, государственная казна и прочие элементы феодальной системы управления во владениях приближались к миниатюрной государственной системе.

Далее мы видим, что ханы, уцмии, майсумы были не только обладателями пастбищ и других богатств, но и верховными правителями в своих владениях. Феодальная иерархия обеспечивала единство феодальной системы, оборону и внешние отношения.

О феодальных отношениях, сложившихся в Дагестане, убедительно свидетельствуют также адаты горцев. Ряд статей постановлений Кайтагского уцмия Рустем-хана и Ума-хана Аварского позволяют существенно дополнить данные о характере феодальных отношений в Дагестане.

Как видно из постановлений уцмия и Ума-хана, классовые отношения в Дагестане были построены на сословных началах. Здесь фигурируют верховный правитель уцмий, ханы, многочисленные беки, духовенство, свободные и зависимые крестьяне, рабы. В постановлениях, наряду с сохранением общинных порядков, ярко выражены давно сложившиеся принципы феодального права. Из свода адатов андалальцев и гидатлинцев вытекает, что уже в XV веке феодальные отношения здесь были заметно развиты.

Из этого же свода адатов и других документов вытекает, что в недрах союзов «вольных» обществ были феодальные владетели, проявлявшие жестокий произвол по отношению к узденской массе и военнопленным, которые расселялись по отдельным аулам. Так, например, в Андалальском «вольном» обществе к XVI веку имелось 416 чанков, а в Казикумухском 830 чанков. Только в одном ауле Ругуджа беков насчитывалось более 50. Из них в 1834 году Гамзат-беком было казнено

²⁴ С. А. Белокуров. Сношения России с Кавказом. М., 1889, стр. 138—139.

²⁵ ЦГАДА, ф. Ермоловых, д. 317.

Владельцы имеют в Северном Дагестане Шамхал с подвластными ему	Число дворов	В них число душ	Владельцы получают	Рубли	Владельцы могут выставить войска	Число войск
Шамхал своих 6000 двор. 18000 душ да акушинцев 30000 двор. 90000 душ			Не присовокуплено во оном высочайше ему положенное жалование, а свои	80000		
Али Султан женгутайский 3750 двор. 11250 душ	39750	119250	положенного нет, а примерно до	15000		
Уцмий каракайдацкий с кочующими	25000	75000			Шамхал	19875
В Южном Дагестане хан кубинский: в Дербенте и во всей Кубинской провинции 10650 двор. 31950 душ				60000	Уцмий	12500
в округе Сальянском 1620 двор. 4860 душ	12270	36810	до	255000	Хан Кубинский	6135
Хан Хамутай казыкумыцкий	15666	46998	исключая рыбной ловли	80000	Хан Хамутай казыкумыцкий	7833
Масум табасаранский	7000	21000		20000	Масум табасаранский	3000
Кадий табасаранский В Ширвани	10666	31998		40000	Кадий табасаранский	5333
Хан шемахинский	4550	13650		100000	Хан шемахинский	2275
Мустафа бек	233	699	подвластны шемахинскому хану	5000	Мустафа бек	119
Авуз баша	705	2115		10000	Авуз баша	355
Хан бакинский	1820	5460		140000	Хан бакинский	910
Мамет хан рутбарский и Сефи хан муганский	1100	3300		5000	Мамет хан Р. и Сефи хан	550
В неописанных провинциях примерно: Умма хана аварского до	30000	90000	сей доход состоит более из найма его войск к другим владельцам	150000	Умма хан аварский	15000
В городе Шеке с областями оной до	20000	60000		100000	Из Шеки с областями оной	10000
Всего:	168760	506280		1060000		84380

свыше 40 человек, причем все их движимое и недвижимое имущество было конфисковано.

В данном документе записано:

«Августа 1884 года, на Гунибе, мы джанки селений Тилитли, Гонода, Ругджа, Ури, Зиура и Гоготль, в присутствии члена комиссии для окончания сословно-поземельного вопроса в частях Кавказского края военно-народного управления подполковника Симонова, показали: наши предки джанков Тилитля и Гонода переселились из Казикумуха в наши настоящие места жительства и мы происходим из рода казикумухских ханов. Времени переселения наших предков мы определить не можем: это было давно. Документы наши уничтожили мюриды Шамиля, убив 25 человек наших отцов и родственников. Мы, ругджинские джанки тоже происходим из дома казикумухских ханов и наш предок по имени Султан переселился в сел. Ругджа при Чулакхане казикумухском, по причине происшедшего в Кумухе возмущения. Когда же поселились наши предки, джанков Ури и Зиури, в этих селениях и откуда происходят наши фамилии мы точно сказать не можем; это было очень давно. Наши предки, Гоготля джанков, пришли из Тилитля и мы из одного тухума с тилитлинскими джанками. Земли, которыми мы пользуемся, большею частью получили по наследству от отцов и частью приобретены нами покупками в разное время.

У нас, тилитлинцев и уринцев, были отобраны Шамилем родовые земли, а у ругджинцев Гамзат-беком, но русским начальством по покорении Дагестана возвращены нам, тилитлинцам и ругджинцам, и уринцам возвратили одну треть, а две трети остались в руках сельского общества и мы не заявили начальству, потому что эти части были долями переселившихся при Шамиле в сел. Чондатель Аварского округа наших родственников.

В настоящее время мы живем в селениях наравне с прочими узденями и во всем на одинаковых правах с ними и имеем одинаковые адаты, кроме следующего: в прежнее время до Шамиля, при всех взысканиях при столкновении джанков с узденями, уздени отвечали вдвойне и с них взыскивали вдвое больше штрафа при убийстве, поджоге имущества его, увозе его женщины; а при подозрении джанки в убийстве узденя — джанки очищались от подозрения только 50 человеками, принявшими присягу, своими родственниками, по указанию родных узденя, а в случае подозрения узденя в убийстве джанки — уздень очищался 50-ю человеками от сельского всего общества, по указанию джанков, родных убитого.

Мы, тилитлинцы, слышали от отцов, что земля, на которой построена деревня и все сельские земли, были приобретены предками нашими пустыми и населены ими. В старину, до Шамиля, если после узденя не оставалось наследников муж-

ского пола, то из его имения 8 сах земли брали беки, или джанки, в свою пользу, а остальное оставляли наследникам; но если было мало земли — не брали.

В настоящее время мы передаем имения детям в наследство по шариату. Так было и в старину, только тогда женщины не имели доли в пастбищных землях. Мы продаем свои земли кому и когда хотим и завещаем мечети, как свои собственные.

Наши предки тилитлинских джанков, четыре брата жили сначала в Голотле, Аварии, но переселившись оттуда три брата в разные селения (Тилитль, Голотль, Гонода) обязали каждый по 12 домов в Голотле платить им за земли свои, которые оставили им в Голотле в их пользование. Плату от 12 домов, следовавшую нашему предку, получали мы (потомки) до появления Шамиля в Дагестане и он лишил нас этой платы, которая была: с двора — две сабы джабы, по сабе всяких плодов и с каждого дома приходил рабочий в Тилитль на три дня. Это все делалось для старшего бека только, а не для всех, он был управителем селения. Для старшего же бека в те же времена и тилитлинские уздени работали 3 дня в году по дню: для распашки, косьбы и жатвы. Урийским джанкам также до Шамиля работали урийские уздени до Шамиля, но сколько — не знают. Остальных селений до нас и наших предков мы не слышали, что никогда не работали уздени. В настоящее время никто из нас никакой повинности ни работой от узденей нигде не пользуется.

У тилитлинских джанков-ганкалов Сурхай-оглы есть свой собственный, наследственный лес «Газапайль-Рох»; у Шамхала-Казанет-оглы — такой же лес, часть того леса и того же названия; также у Чарабура-Амир-Али-оглы также есть лес «Магома-Халиль-Рох», полученный от матери; у его брата Франка два участка леса, один наследственный, а другой куплен у тилитлинского узденя Раджаба-Омар-оглы; у Алибека-Али-Булат-оглы есть две части из «Колосо-Рох»; у его брата Аша-хана есть купленный участок «Колосо-Роха», у трех тилитлинских женщин.

Уринец Хан-Киши-Сурхай-оглы имеет два участка леса: один наследственный, а другой куплен у женщины узденки, овдовевшей; у Умма-Азыкалова есть купленный лес у узденя Хетанова-Ахмед-оглы.

У тилитлинца Еров-Амир-Алиева-оглы есть лес, купленный у своего узденя Магома-Раджаб-оглы. У отсутствующих: тилитлинца Алихана-Гимид-оглы есть наследство жены, лес; у Альбури-Магомедбек-оглы есть купленный лес от джанки Гитинова. У сыновей Магома-Хана-Гаматль-оглы, зиурийца, есть у двух по одному участку, куплен один у тилитлинца узденя Ибрагим-Омар-оглы, у такого же узденя Магома-Раджаб-оглы; у зиурийца Амир-Али-Чарабура-оглы есть лес на-

следственный, у тилитлинца Турчи-хана есть наследство жены — лес.

У гонодинца Али-бега Алдамилова есть пастбищная гора «Гонода-Меер», наследственная, оспариваемая сельским джамаатом и находящаяся в пользовании джамаата.

До Шамиля Чопан, старший бек тилитлинский, получал с Боцадинской горы от боцадинского общества в год четырех баранов, а пешему сборщику один бурмет для бешмета, а верховому один стан подков с гвоздями. Чопан получал одного быка важных преступников, одну ляжку скотины, поступавшей в штраф обществу села и десятую часть штрафов. Потом баранов брал Шамиль, а остальное он уничтожал.

До Гамзат-бека в пользу наших урийских джанков, предков, не знаем сколько дворов и какие сел. Ингерда Аварии вносили все общества 12 баранов в год, не знаем за что. Прочих селений джанки мы слышали от отцов, что в древние времена пользовались с разных мест доходами, но откуда и какими не знаем теперь. Мы вместе с узденями пользуемся наравне с ними пастьбой на джамаатских пастбищах и пользуемся с ними же, где есть, джамаатскими лесами и общественными угодиями и водами на одинаковых правах с узденями. Но в собственные участки лесов отдельных хозяев, как джанков, так и узденей, без позволения хозяина посторонний не может входить и пользоваться, кроме ругджинских джанков, все мы отбываем, наравне с узденями, денежные и натуральные повинности. А из тилитлинских джанков, с Анкалова, бывшего прежде бегадлом, т. е. старшины, не берут подати.

По своим делам мы не обязаны судиться в сельских судах, если сами того не пожелаем.

Мы, тилитлинские и ругджинские джанки, имеем земель больше узденей, но остальные наравне с ними и даже многие меньше узденей»²⁶.

Подобных фактов можно привести сотни. Та же сословно-поземельная комиссия в 1884 году только по одному Андийскому округу имела более 76 заявлений от лиц, претендующих на потомственное звание беков и надел их земель. К царской администрации потянулись представители дворянско-бекского сословия, которому Шамиль в период борьбы с царизмом нанес жесточайший удар. Приведем здесь хотя бы следующие факты.

В августе 1885 г. некоторые жители селений Урада, Тидиб и Гинта Гунибского округа обратились к главнокомандующему гражданской частью на Кавказе с просьбой о возврате им земель, отнятых Шамилем²⁷. Житель сел. Дусрах общества Рис-ор Магомед сын Гасан-Али обратился к наместнику с просьбой о возвращении ему земли, отнятой Шамилем, и о

²⁶ ЦГИА Груз. ССР, ф. 229, оп. 1, д. 86, л. 1—3.

²⁷ ЦГВИА, ф. 400, Аз. ч., 1872, д. 45, л. 259, 265, 269.

восстановлении потомственных прав его в этом обществе. Житель аула Кадар Шах Абас просит пособия за то, что он, как бек, был разграблен армией Шамиля, и лишился десятка невольников и невольниц, всего овцепоголовья и другого скота²⁸. Несколько жителей Кон-Китах просили о возврате лесных участков, принадлежавших им в прежние времена, но отнятых у них Шамилем²⁹.

Как отмечено выше, подобные прошения встречаются десятками и сотнями. Спрашивается, какие же это земли и кому они принадлежали? Нет сомнения, что земли эти принадлежали той бекской группе, которая в годы Кавказской войны была истреблена Шамилем. Эти земли были конфискованы им и переданы народу.

Для большей убедительности можно сослаться и на документ, составленный сословно-поземельной комиссией, работавшей в Дагестане в шестидесятые годы, которая в различных обществах Аварии установила следующее количество лиц, принадлежащих к привилегированному классу:

а) в ханском сословии — 5 человек;

б) в бекском сословии — 3 жителя сел. Хунзах, 32 жителя сел. Гочатля, 1 жит. сел. Гоцо, 1 жит. сел. Моксох, на основании того, что достоверно известно почетным старикам членам комиссии;

в) чанками — 53 жителя сел. Гочатль, 1 жит. сел. Хунзах, 4 жит. сел. Мусшули, 3 жит. сел. Цельмес, 2 жит. сел. Потота, 6 жит. сел. Целкита³⁰.

Таким образом, принадлежащими к привилегированным сословиям признано 107 человек³¹. При этом комиссия отмечает, что все лица, помещенные в списке, «по народному признанию действительно принадлежат к тем привилегированным сословиям, в коих они признаны окружною комиссиею»³².

По Андийскому округу комиссия признала принадлежащими к чанкам 8 жителей сел. Киды, 3 жителей сел. Тукита и 1 жителя сел. Ингердах, о которых в приговорах общества было сказано, что они «из сословия Аварских чанков»³³.

Сверх того комиссия составила «список жителям Андийского округа, заявившим о своем происхождении; таковыми являются: 2 жителя сел. Анди (жол. ас. Магомед Шамхалов и Митар Мирзалал) ведет свой род от князей; 9 жителей сел. Мехельта и 3 жителя сел. Данух — из сословия «чанков»³⁴.

По Гунибскому округу комиссия признала; «...высшего привилегированного сословия, т. е. беков, ханов, чанков в ок-

²⁸ Там же, л. 270.

²⁹ Там же, л. 364—401.

³⁰ ЦГИА Груз. ССР, ф. 416, оп. 3, д. 1301, л. 5-об.-6.

³¹ Там же.

³² Там же.

³³ Там же, л. 7.

³⁴ ЦГИА Груз. ССР, ф. 416, оп. 3, д. 1301, л. 5-об.-6.

руге нет, имеется лишь несколько человек, принадлежащих к дворянству. Два человека из сел. Гогода заявили претензию на принадлежность к ханам и 64 человека оттуда же к «чанкам»³⁵.

Было установлено также 12 лиц из селений Анди, Мехельта, Тинди и Годобери, заявивших о своем происхождении от шамхалов, что было доказано родословными списками, начиная с XVII века³⁶.

Комиссия признала такими же чанками, как и вышеупомянутых, еще 5 жителей сел. Саситль, заявивших, что они происходят от тех же кидинских беков³⁷.

По Казикумухскому округу комиссия (председатель — начальник округа, члены — 5 старожилы из разных селений) признала, что 48 душ, из которых 20 в сел. Кумухе, 3 в сел. Халапки, 7 в сел. Дучи, 4 в сел. Багеклю, 6 в сел. Пара, 5 в сел. Марки, 1 в сел. Пушар и 2 в сел. Кули (из 7 лиц отцы были лишены права за восстание в 1877 г.), действительно принадлежат к потомкам бывших казикумухских ханов. При этом «некоторые из них ведут свое происхождение чрез потомство Муртузали бека, старшего сына первого Казикумухского хана Сурхай хана Чолака»³⁸.

В другом документе указано: «Даргинский военный союз составлялся из союзов общества под названием даргинских магалов. Этим магалов было всех 6: Акушинский, Мекегинский, Цудахарский, Мугинский, Сюргинский и позднее присоединенный магал Каба-Даргинский. Каждый магал управлялся в прежнее время своим представителем беком (бек означает в переводе с даргинского наречия — голова). Бек или голова выбирался из влиятельных фамилий пожизненно, а в случае смерти бека место его заступал следующий в роде его. Доказывается это тем, что акушинский магал все время управлялся известным родом акушинских кадиев, власть коих не перешла в другой род неродственный ему. То же самое было в Сюргинском магале, то же можно сказать и о Мекегинском магале, который управлялся представителями рода, известного ныне под именем Малика из Даудов (9), из которого известно три правителя Мекегинского магала, начиная со времен Надир-шаха. Последний представитель магала из этого рода Шамсутдин-кадий известен своей храбростью в делах с русскими до покорения Даргинского союза. Дела его воспеваются до сих пор даргинцами с гордостью»³⁹.

Даргинский округ состоял из 6 обществ — Цудахарского (5 сел.), Акушинского (22), Усишинского (5), Мугинского (1 сел. Муги), Мекегинского (3 сел.) и Урахинского (10 сел.)

35 Там же, л. 8.

36 Там же, л. 7-об.

37 Там же, л. 7-об.

38 Там же, л. 8-об.

39 ЦГИА Груз. ССР, ф. 1087, д. 308, л. 103—104.

и управлялся главным акушинским кадием и старшинами по адату; каждое общество в отдельности управлялось своим кадием. В Акушинском и Цудахарском обществах они были наследственные, а в остальных избирались на определенный срок. Некоторые акушинские кадии, как, например, Зухум-кадий, пользовались доверием начальства. «Если жаловать дворянство за происхождение, часто весьма сомнительное, — говорится в документе, — то может быть будет справедливо вознаградить и потомков некоторых кадиев Даргинского округа за верность и преданность их предков»⁴⁰.

Сословное деление населения Дагестана по данным статистического учета 1894 года представляется в следующем виде:

1. Дворян потомственных	1465	душ обоего пола,	0,5%
2. Личных дворян	1813	» » »	0,62%
3. Духовенства:			
православного	28	человек	
армяно-григорианского	11	»	
римско-католического	1	»	0,3%
магомето-сунитского	1504	»	
магомето-шиитского	52	»	
еврейского	36	»	
4. Городских сословий:			
потомственных почетных			
граждан	60	человек	
личных почетных граждан	41	»	
купцов	582	»	3,02%
мещан	18900	»	
5. Крестьян государствен-			
ных	556112	»	
Крестьян помещичьих	17293	»	2,92%
6. Войск регулярных . . .	10209	»	
» нерегулярных	456	»	1,9%

В 1901 году, т. е. через 6—7 лет, деление по сословиям в пределах Дагестана было следующим: дворян 0,8%, духовенства 0,3%, городских сословий 4,3%, крестьян 93%, военных 1,3%, иностранных подданных 0,3%⁴¹.

Феодалы, эксплуатировавшие разнообразные слои крестьян и рабов, в свою очередь распались на несколько групп. Наверху феодальной лестницы стояли ханы, ниже — различные группы беков. Отметим здесь, что некоторые беки имели «наследственные права над подчиненными им деревнями»⁴².

⁴⁰ «Сельское хозяйство горного Дагестана». Изд-во АН СССР, 1940, стр. 31.

⁴¹ «Сельское хозяйство горного Дагестана». Изд-во АН СССР, 1940, стр. 31.

⁴² Н. Дубровин. Указ. соч., т. I, ч. I, стр. 604.

Феодал-хан имел свою дружину нукеров, кормившихся около него и составлявших ту вооруженную силу, при помощи которой хан утверждал свое право на эксплуатацию крестьян. Эти нукеры сами превращались в мелких феодалов, хотя нередко они являлись выходцами из узденской верхушки. Один из путей превращения представителей верхушечного слоя узденей в феодалов — это раздача беком своим нукерам раятов.

Доходы хана, слагавшиеся из крестьянских повинностей и всяких поборов, бывали очень велики. Так, донесение барона Вреда от 1 февраля 1821 года показывает, что «доходы уцмия (каракайтакского — Г. Д.) составляли: 1) с каждой рабочей пары буйволов в шести терекемейских деревнях платилось по 20-ти саб пшеницы * и по 5-ти саб ячменя; 2) с 13-ти ятагов или пастбищных мест, от 700 до 1000 баранов за выгон стад; 3) за каждый пуд марены с откупщиков по 10-ти копеек серебром (обыкновенно продавалось до 7000 пудов); 4) — же деревень в Терекемее, также добывавшие марену, были отдаваемы в откупное содержание за 200 рублей серебром; 5) с каждого тутового сада давалось по два мотка шелка и по одной сабе шелковичного семени; 6) нефтяные черные колодцы, также отдаваемые на откуп, приносили от 400 до 500 рублей с ежегодного дохода; 7) за провозимый шелк взималось с каждого вьюка по червонцу; 8) дамга или сбор с провозимых товаров, отданный на откуп, давал 1000 рублей серебром»⁴³.

По дагестанским масштабам, где сто рублей считалось очень крупной суммой, это, разумеется, много. А ведь речь идет о незначительном в то время ханстве Каракайтага, пожалуй, самом маленьком из всех тогдашних дагестанских ханств. Помимо того, документ приводит только подати, взимавшиеся ханом со всего населения. Для того, чтобы ясно представить себе ханские доходы, нужно прибавить к приведенным здесь суммам еще и то, что хан получал от своих крепостных. Эти доходы были не меньше, а пожалуй, и больше общих поборов.

Беки не отставали от ханов в ограблении крестьян. Достаточно просмотреть данные, приводимые статистическим сборником «Дагестанская область» по Казикумуху, чтобы убедиться в том, что целые селения регулярно платили бекам сравнительно крупные суммы. Таковы, например, повинности Казикумуха, выполнявшиеся нераятскими группами крестьян (т. е. узденями). Из большого списка этих повинностей приведем только те из них, которые относятся к селению Кая. Здесь 28 дымов ежегодно вносили кадиевской фамилии по 8 баранов, а 23 дыма — по 30 саб хлеба: первые за пользование пастбищем, вторые за пользование пахотной землей⁴⁴.

* Одна саба — около 8 килограммов.

⁴³ «Акты», т. IX, стр. 309—310. Записка о каракайтагском народе, принадлежащем к управлению Дербентской провинции, 21 марта 1838 г.

⁴⁴ «Дагестанская область», стр. 159.

Кроме того нужно иметь в виду, что в ханствах административная власть находилась в руках беков. А это в феодальных условиях всегда являлось хорошим источником дохода.

О том, до какой степени обнищания могло дойти крестьянство под давлением всей массы феодальных платежей, ясно говорит характеристика аварцев, данная им одним из офицеров генерального штаба: «Недостаток ощутителен здесь во всем, нет почти никакой промышленности, истинно справедливо сказано в одном описании Аварии, что с трудом здесь можно отыскать кузнеца. В селениях для трех лошадей не всегда можно получить продовольствие на одну ночь и корм, тогда собирается от 10 хозяев, взяв у каждого, так сказать, по горстям ячмень, смешанный с соломой»⁴⁵.

Говоря о феодальной иерархии, установившейся в Дагестане, мы вскользь упомянули о беках.

Нужно сказать, что беки делились на так называемых чистокровных беков и карачи-беков и, на наш взгляд, необходимо охарактеризовать каждую из этих групп в отдельности.

Развитие сословий в Дагестане тесно связано с развитием бекской власти. В самом деле, пока ханская власть была слаба, сословного вопроса среди феодалов существовать не могло, но как только ханская власть превратилась в наследственную и ханы заняли твердое положение в своих владениях, на сцену выступили отдельные сословия феодалов, причем первым образовалось сословие беков. Подавляющая же масса населения Дагестана оставалась свободной и составляла сословие узденей, т. е. «свободных обывателей» (слово уздень происходит от узсал, свой, и предлога день — означающего от себя, из себя)⁴⁶.

«Генезис сословия беков, — говорит М. М. Ковалевский, — тот же, что и служилых людей: антирустионов, танов, дружинников. Временное и личное отличие, вызываемое службой, со временем, на почве чисто фактических отношений приобретает характер постоянной сословной привилегии; вместо того, чтобы вознаграждать служилых определенным жалованьем, ханы и султаны наделяют их правом обращать в свою личную пользу все натуральные и денежные поступления с крестьян известного округа. На первых порах это право всецело связано со службой и прекращается вместе с ней. Но так как со временем служба становится не только пожизненной, но и наследственной, то и право на крестьянские повинности и сборы приобретает характер наследственного пользования, фактически ничем не отличающегося от собственности»⁴⁷.

⁴⁵ ЦВИА, д. 6528, л. 139—140. «Война на Кавказе и Дагестане». Соч. Мочульского, ч. 2, топографическая. 1834 г. (рукопись).

⁴⁶ Макаров. Кумыкский округ. «Кавказ», 1860, № 77.

⁴⁷ Ковалевский, Закон и обычай на Кавказе, т. I, стр. 230.

Однако в Дагестане, в отличие от Закавказья, отношения эти осложнялись тем, что владельцы, по установившемуся обычаю, редко поручали управление селениями или группами селений лицам, не состоявшим с ними в той или иной степени родства. Все родственники шамхалов, ханов и других владельцев, при условии, если они не являлись потомством от браков с женщинами — узденками, раятками, составляли сословие беков, пользовавшееся преимущественными правами на занятие различных административных должностей, в том числе по управлению теми или другими районами данного владения или отдельными селениями, и передававшее свои личные и в большинстве случаев имущественные права потомству.

Звание бека являлось наследственным и пополнение этого сословия извне лицами «низшего» происхождения практиковалось лишь в виде исключения. Так, некоторые из владельцев (например, ханы дербентские), под персидским влиянием, жаловали иногда титул бека состоявшим у них на службе лицам небекского происхождения, сопровождая пожалование представлением во временное или пожизненное их управление одного или нескольких селений, или же, в более редких случаях, только титул.

Такие «пожалованные» беки пользовались меньшими правами, чем потомственные. Например, те из них, которым жаловались в управление селения, имели право взимать с них лишь известную долю урожая, а причитающуюся с этих селений денежную подать получали владельцы.

«Пожалованные» беки в Дагестане, так же как и в персидских ханствах Закавказья, нередко успевали превращать временную привилегию в наследственную и таким путем незаметно сливались с сословием потомственных беков.

Как уже было упомянуто, случаи пожалования бекского достоинства были редки, и громадное большинство беков Дагестана принадлежало к тем или иным правившим в этой части Кавказа династиям.

Беки управляли на тех же правах, что и шамхалы, ханы, майсумы, теми селениями, которые находились в их непосредственной зависимости. В раятских селениях жители не только находились в административной зависимости от беков, но последним принадлежало и право суда над ними, причем беки налагали на виновных штрафы в свою пользу и даже подвергали провинившихся смертной казни. Собственно, по адатам, выносить смертные приговоры беки не могли, поэтому провинившихся раят они просто убивали.

Таковы были условия в плоскостной части Кайтага и Табасарана, где и экономическая зависимость населения от феодалов была наиболее тяжелой. В раятских же селениях Кюринского ханства беки не имели права судебной власти. В узденских селениях Северного Дагестана беки также располагали той или другой степенью административной власти.

В первые годы царского управления беки, пользуясь покровительством чиновников, воспитанных на крепостном праве, стали проявлять полный произвол в отношении подвластных им раят, не только стесняя их, но даже продавая и даря их, подобно русским помещикам. Характерной иллюстрацией такого произвола беков является рапорт дербентского коменданта Дагестанскому военно-окружному начальнику, в котором он, между прочим, доносил: «Беки, управляющие деревнями, кои им даны за заслуги их, или предков, разделяя семейства, из них мужского и женского пола продают и даже дарят другим, в другие деревни и города, чем самым ощутительно жители терпят угнетение»⁴⁸.

Зависимые от беков сельские общества, так же как и общества, не состоявшие в подчинении кому-либо, имели на занятые ими земли права владения, пользования и распоряжения, т. е. все те права, которые в совокупности образуют понятие права собственности. При издавна установившемся почти повсеместно в Дагестане подворно-общинном характере землеустройства (в подворном владении находились усадьбы, сады и пахотные земли, тогда как пастбища, сенокосы и леса составляли предмет общинного пользования), право собственности получило наивысшее развитие в отношении земель, состоящих в подворном владении и называемых «мюльками». Мюльки всюду образовались в результате обращения никому не принадлежавших или общественных неудобных земель в плодородные путем расчистки их из-под леса, камня, болога или камыша, орошения и т. д., причем для увеличения площади удобных земель приходилось прилагать упорный труд, нередко доставляя на небольшие каменистые выступы плодородную землю и удобрения на собственных плечах.

Так же, как и в других горных районах Северного Кавказа, передача по наследству (по правилам шариата), продажа, дарение и заклад этих мюльков всегда составляли право крестьян (безразлично свободных или зависимых), распоряжавшихся своими подворными участками неограниченно. Правда, представители привилегированного сословия, уже при помощи царской администрации, стали вмешиваться в эти права, запрещая продажу мюльков лицам, не принадлежащим к данному сельскому обществу.

Такие же права принадлежали сельским обществам на земли общественные, но здесь права эти не получили такого яркого выражения, как права на мюльки, главным образом вследствие фактической ограниченности свободы распоряжения общественными угодьями (преимущественно лесами и пастбищами), не могущими, по своему хозяйственному назначению, быть предметом индивидуального обладания, и потому не допускающими дробления между отдельными

⁴⁸ ЦГА ДАССР, ф. 105, оп. 2, д. 20.

членами общества. Однако со временем население было ограничено в свободном пользовании общественными пастбищами, так как царским самодержавием они были превращены в казенные земли и за пользование ими с населения брали подать.

Почти повсеместно в Дагестане беки владели в зависимых от них сельских обществах собственными участками земли (мюльками), находившимися в их пользовании. Участки эти доставались им различным путем. Одни жаловались им владельцами, другие приобретались покупкой у зависимых крестьян, третьи поступали в их распоряжение как выморочное имущество тех же крестьян. Право распоряжения по своему усмотрению недвижимым имуществом подвластных бекам крестьян, не оставлявших после себя наследников, являлось ранее одним из существенных прав представителей привилегированного сословия в Дагестане.

Другой поземельной привилегией беков являлось право на особый надел из общественных земель подвластных бекам селений. В большей части зависимых сельских обществ шамхальства Тарковского, ханства Мехтулинского и владений карачи-беков, при наличии у жителей подворных пахотных участков, имелись еще пахотные, сенокосные участки, находившиеся в общем пользовании, с ежегодными переделами между членами общества. В меньшинстве же селений такому переделу подвергались все принадлежавшие обществу земли, так что в этих обществах в подворном владении оставались только усадьбы и сады. В упомянутых районах Дагестана беки и пользовались правом на наделы из общественных земель подвластных им селений, причем получали не одну, а две или иногда даже четыре доли, с правом получения этих долей не по жребию, как крестьяне, а по собственному выбору.

Кроме того, там, где существовало искусственное орошение земель, участие беков в пользовании общественными угодьями простиралось и на воду, причем и в этом случае они также имели преимущества перед крестьянами. К числу менее важных привилегий беков относилось, например, право их выпасать в течение известного времени (обычно около шести недель) свой скот на пастбищах зависимых крестьян.

Согласно установленным ханами и шамхалами правам, в Дагестане основанием для отбывания повинностей являлась не земля, а рабочая сила. Так, денежная повинность взималась или в раз навсегда определенном для всего селения размере, независимо от числа дымов, или же в определенной сумме с каждого дыма. Количество рабочих, выставлявшихся для бека, определялось числом дымов. Повинность ячменем, пшеницей и т. п. отбывалась в определенном размере каждым дымом.

Последствием такого обложения было то, что общее количество повинностей, взимавшихся ежегодно с каждого селения,

не находилось в соответствии с тем или другим размером площади земли, а, как общее правило, определялось непосредственно числом дымов в селении. При этих условиях беки, естественно, мало были заинтересованы в количестве земли, находившейся в пользовании крестьян. При разделе между наследниками бека прав на получение повинностей, их распределяли не по количеству земли, на которой жили зависимые крестьяне, а по числу дворов.

Это приводило к тому, что многочисленное безземельное население, не имея возможности вносить подати, попадало в рабскую кабалу и терпело гонения со стороны беков и местной администрации.

Получавшие удел лица обычно селились в пожалованном ауле и управляли жителями уделов на тех же правах, что и ханы, управлявшие всем владением. Так с течением времени составилось особое сословие — беков коренных или родовых. Позднее наряду с ним появилось еще одно сословие, представители которого, благодаря свободе от повинностей и своему привилегированному положению, стали по аналогии также называться беками.

Происхождение этого сословия таково. Прежние правители давали своим любимцам или особо отличившимся людям одно или несколько селений на то время, пока это лицо находилось в должности или пользовалось расположением хана. На первых порах это право было всецело связано со службой и прекращалось вместе с нею. Однако поскольку служба становилась со временем не только пожизненной, но и наследственной, то это временное и личное отличие, вызываемое службой на почве чисто фактических отношений, со временем приобретало характер постоянной сословной привилегии⁴⁹.

Нередко случалось, что жены жаловали титул бека своим мелким служащим, вроде чубукчи, или даже давали за деньги. Поэтому между коренными и заслуженными (пожалованными) беками существовало резкое различие. Родовые беки были более сильны и зависимость их от ханов была меньшей. Весь доход с пожалованных селений шел в их пользу, и они не были обязаны отчитываться перед ханами. Пожалованные беки пользовались только взиманием известной части урожая, а денежную подать с селения должны были предоставлять хану. Кроме того, коренные беки были более гарантированы от нарушения их прав.

Как те, так и другие беки, не имея права на земли жителей, владели наделами общественной земли наравне с прочими обитателями селения, во внутреннее управление которым они не вмешивались. Отношения их к хану исчерпывались выступлением в военное время.

---

⁴⁹ Гидулянов. Сословно-поземельный вопрос в Дагестане. Этногр. обзор, т. XVIII, стр. 28.

С присоединением Дагестана к России значение беков усиливается благодаря поддержке царских властей: каждый сын бека, рожденный от бике, был бек и имел право наследовать владетелю, когда делался по летам старшим в роде.

Уцмию Султан-Ахмету (1583) приписывают определение прав членов уцмийского рода, рожденных от матерей равного происхождения и рожденных от матерей неравного происхождения — первые считались чистокровными беками или эмирами, вторые — беками-чанками. Это определение приняли все владельческие фамилии Дагестана, но в фамилиях майсеумов и кадиев оно не привилось.

Беки и чанки в деле наследования искони подчинялись бекскому адату, по которому, когда не получали какой-либо определенной доли наследства, обеспечивались соответственно своему положению и происхождению тем из родственников, к которому по адату переходило наследство. «Никогда, — писал князь Меликов, — ни в Кайтаге, ни в других местах раздел наследственного имущества между беками и братьями их чанками не совершался по шариату. Если бы здесь в прежние времена применялся к подобным делам шариат, то давно бы не стало ни бекского сословия, ни крупных недвижимых имений. По шариату бекские имущества подвергались бы, при многоженстве мусульман, делению на такие мелкие части, что это привилегированное сословие утратило бы всякое значение и даже самое существование. Значение чистоты происхождения в бекском сословии засвидетельствовано тем же князем Меликовым: «В Дагестане права высшего сословия по наследству сохраняются так строго и ненарушно, что до сих пор не было примера, чтобы офицерский чин сравнивал кого-либо из чанков с чистыми беками. Отец по своему офицерскому чину не может передать своим чанкам прав, присвоенных...»⁵⁰.

Таким образом, настоящими беками считались происходящие от владетельных домов или родов, которым по праву только и принадлежит титул бека. В Турции и Персии это был титул царственных особ и членов их домов, потом он сделался титулом и правителей областей. В Дагестане этим званием пользовались наследственно только потомки владетелей, но потом стали употреблять этот титул и в смысле «господин», присваивая его лицам, получившим офицерский чин.

При таком значении слова бек в Дагестане чистота происхождения играла главную роль. Князь Меликов писал в 1863 году: «Бекские роды в Кайтаге, равно как и в других дагестанских провинциях, происходят по большей части из династии владетелей, правивших этими провинциями: семейства беков такого происхождения давно уже отделились от прямой линии владетельных домов, но члены тех семейств, рожденные

⁵⁰ ЦГИА Груз. ССР, ф. 416, оп. 3, д. 1301, л. 3.

от матерей ровной крови, имели всегда и твердо сохраняли по настоящее время, в отношении чанков, т. е. единокровных братьев, рожденных от матерей не бекского происхождения, те же самые права и преимущества, какими пользуются члены семейств бывших и настоящих владетелей, в отношении подобных единокровных братьев чанков»⁵¹.

Ригоризм в этом отношении доходил до такой степени, что бек, имевший право наследовать достоинство уцмья, брал в старшие жены дочерей лиц равного себе рода, а остальные жены его были из узденских родов; примера же, когда бек женился на чанке, не было, исключая одного случая — Эльдар бек Муртузали бек оглы из уцмийского рода женился на дочери чанки.

Слово бике имело в Дагестане значение княжны, так титуловали дочерей владетелей и вообще всех женщин и девушек — членов ханско-бекской семьи.

Исторически выяснить вопрос о карачи-беках едва ли возможно, но по твердо установившейся традиции, чистые карачи-беки не уступали в глазах народа бекам шамхальского дома. Судя по многочисленности карачи-беков, их род действительно должен был быть весьма древним. Но, размножившись и через это раздробив родовые земли на мелкие части, они крайне обеднели, и их общественное положение с давних времен весьма понизилось, особенно рядом с богатыми бекскими родами (шамхальскими и другими).

Примером печальной судьбы многих карачи-беков могут служить так называемые гамринские беки в Кайтаге, где они кроме рода уцмья составляли единственный бекский род. Они владели Гамринским магалом, но как правители незначительной территории никакого политического значения в Дагестане не имели и постоянно находились если не в вассальной зависимости от уцмья, то в принужденном союзе с ним. Род их, растратив свои родовые земли, впал в крайнюю бедность и последние члены его ничем не отличались от крестьян.

Карачи-беки старались сохранить за собою сословную отличительность и избегали смешения с крестьянами посредством брачных связей с ними. Чувство «сословной чести» особенно сильно пробуждалось в них в случаях обид от людей, не принадлежащих к привилегированному сословию.

Существует также объяснение происхождения карачи-беков, по которому беки карабудахкентские, ишкартинские, губденские и каранаевские происходят от трех братьев — выходцев из Аварии и членов Аварского ханского рода, поселившихся прежде в Губдене, откуда один из них, Карабудах, ушел и основал Карабудахкент. Это предание, таким образом, делает карачи-беков аварцами.

⁵¹ Там же.

Существуют и другие предания о происхождении карачи-беков. Так, например, по преданиям отдельных аулов северных районов Кумыкии, происхождение карачи-беков относится ко времени заселения прибрежной части Дагестана от Дербента к северу тюрками (кумыками). Родоначальники их, по мнению самих карачи-беков, пришли во главе племени, населяющего Тарковское владение, с которым они были соплеменны, и, следовательно, живут здесь со времени заселения этих мест тюркскими племенами (за несколько столетий до пришествия арабов). Они, следовательно, древнее, чем род шамхала, уцмия и др.

Кроме категории беков к феодальной иерархической лестнице можно отнести и чанков. Права чанков точно не были определены и большей частью они пользовались тем значением, которое унаследовали от своих отцов. Они не имели никакого права на звание бека, и собственно говоря, по своим правам ничем не отличались от обыкновенных узденей. Впрочем часто случалось, что чанки, которые происходили непосредственно от владетелей и беков, а равно потомки таких чанков, рожденные от матерей непростолюдинок, получали титул бека. Чанки же, рожденные от браков чанков с простолюдинками, безусловно не могли быть беками.

Нравы, установившиеся в Дагестане с незапамятных времен, — говорит Сараджев, — установили такой строгий этикет, что чанка большей частью находится в роли почетного слуги (нукера) бека, несмотря на то, что они бывают и детьми одного отца. Независимо от этого в случаях вознаграждения за обиды, при браках и в порядке наследования чанки имели далеко не равные права и преимущества с единокровными и прочими беками. В доме шамхалов, по свидетельству одного из его членов, смотрели на чанков, как на нукеров или комнатную прислугу. Чанки не пользовались правами на наследование имущества наравне с детьми от равной по происхождению жены, имущество давалось им только во временное пользование, как средство для жизни (так наз. чанк—пай).

Таким образом, сословие чанков, в основе своей резко отличающееся от беков, по мере удаления от своего, так сказать, начала, все более теряет связь с бекским достоинством и, наконец, сливается с узденством. Если даже чистым чанкам, непосредственно происходившим от владельца или бека, адат совершенно отказывает в правах отца, то потомку таких людей претендовать на сравнение с беками было невозможно; сравнение чанков с беками в правах на дворянство было диаметрально противоположно обычаю. «Обычай же — это та живая сила, на основании которой должна была быть построена вся система законодательства; он слагается веками, в нем, как в зеркале, отражается все юридическое мирозерцание известного народа. Только те законы имеют надлежащую силу

и крепость, которые составляют естественное произведение юридических воззрений народа в данную эпоху. Законодатель большей частью только определяет это воззрение и облакает их в форму законов»⁵².

Обыкновенно чанка, вскоре после женитьбы или по достижении совершеннолетия, получив при жизни или после смерти отца незначительную долю отцовского имения, выселялся из родительского дома и затем уже не только не мог претендовать на наследство от отца, но и не считался членом фамилии. Примеров тому, что офицерский чин не предоставлял бекским сыновьям-чанкам прав и преимуществ, которыми пользовались братья их, рожденные от матерей, принадлежащих по рождению к привилегированному сословию, в Дагестане было не мало как во владетельных, так и в бекских фамилиях. Так, генерал-лейтенант Мехти Шамхал оставил чанков в офицерском звании. Ни при жизни отца, ни при преемниках его они и не помышляли претендовать на какую-либо часть отцовского наследства. Предпоследний шамхал генерал-адъютант князь Абу Муслим также оставил чанку, который, получив офицерский чин еще при жизни отца, не считал себя принадлежащим к шамхальскому дому. Родившись чанкою, он и потомство его не могли пользоваться никакими правами и преимуществами беков. То же самое происходило во всех других дагестанских ханских и бекских фамилиях. Таким образом, ни владетели, ни беки, ни сами чанки, ни остальное население не изъявляли желанья, чтобы офицерское звание сравнивало чанков в имущественных правах с их братьями-беками. Несмотря на это, нельзя сказать, чтобы в Дагестане офицерское звание не придавало коренному жителю известного значения.

Кроме ханов, беков и других привилегированных групп, над народом господствовали и духовные феодалы. Количество духовных лиц в начале XX века превышало 42 тысячи человек.

Низшие слои духовенства вербовались из крестьянства. Важно отметить при этом, что (по народным рассказам) из привилегированных слоев мало было духовных лиц, а из семей ханов и беков якобы почти совсем не было.

Среди духовенства были разные группы, а потому невозможно себе представить его монолитным и целостным. Так, если шейх-уль-ислами, находившийся при владетельном князе, в торжественных случаях сидел даже выше самого князя, имел свои земли, богатства и зависимых крестьян, то низшее духовенство непосредственно срасталось с крестьянством, не отличаясь от него и внешне.

По аналогии с Черкессией, духовенство дагестанских горцев составляли: отмеченный уже шейх-уль-ислами (ученый

---

⁵² Стебницкий. Обычное право кавказских горцев. «Юрид. вестник», № 3, 1884, стр. 489.

настоятель и глава всего духовенства того или иного княжества), муфтий — несколько ниже его по иерархической лестнице, кадий (аналогичный благочинному в православной церкви), мулла (священник) и муэдзин (дьякон). Мулльство давалось длительной выучкой в «медресе» (духовная школа) и у известных ученых-арабистов.

Представители духовенства стремились к власти, получали почести, порою и богатства, в значительном количестве имели и рабов. Как высшее сословие были явными угнетателями, наравне с беками и князьями. Некоторые из них, имея должность по наследству, были богатейшими землевладельцами, на которых работали крестьяне.

Среди непривилегированных сословий наиболее тяжелым было положение низшей группы крестьянства — кулов. При рассмотрении данной категории крестьянства легко впасть в ошибку, так как эта категория включала в себя по крайней мере две (если не три) различные группы.

Первоначальный смысл понятия «кул» («караваш») соответствует понятию «раб» («рабыня»). Так и характеризует их один из авторов: «Кулы и каравашы, — пишет он, — не имели никаких прав; владельцы безотчетно и безгранично распоряжались ими. Их личность ограждалась только интересом владельцев, которые берегли своих невольников, чтобы упрочить свое материальное благосостояние»⁵³.

Но не всех кулов можно рассматривать как рабов, хотя приведенная цитата и не оставляет сомнений в рабском происхождении кулов. Дело в том, что по свидетельству ряда авторов в Аварии и Казикумухе было несколько аулов, населенных исключительно кулами, «которые имели постоянную оседлость, обрабатывали ханские земли и отдавали владельцам только часть собранного урожая. **Кулы эти имели и собственные земли**»⁵⁴. (Подчеркнуто мною, — Г. Д.). Это жители селений Ках, Хинуб, Кгауниб и Тхлаилуб — в Аварии, Кодрух и Четрух — в Казикумухе. Кроме того, «в Кюринском ханстве были только кулы, которые никакими взносами в пользу владельцев не были обязаны, а только выходили на домашние работы к беку»⁵⁵.

Приведенные данные показывают, что под общим названием кулов в Дагестане объединялись различные группы зависимого населения — от настоящих рабов до типичных крепостных. Несомненно, здесь мы имеем дело с превращением рабов в крепостных крестьян, эволюцией, происходившей и в Сред-

---

⁵³ С. Эсадзе. Историческая записка об управлении Кавказом, т. I, Тифлис, 1907, стр. 468.

⁵⁴ Там же, стр. 469.

⁵⁵ Там же, стр. 470. По вопросу о кулах см. также у А. Руновского: «Взгляд на сословные права и взаимные отношения сословий в Дагестане», стр. 19—33.

нем (Авария, Кумух), и в Южном (Кюринское ханство) Дагестане. А. Руновский указывает на чрезвычайное распространение кулов в Дагестане, особенно среди «мелких владельцев»; каждый из них имел одного, двух и более кулов⁵⁶. Именно к этой массе кулов в основном и относится приведенная нами характеристика кула как раба. Иное положение кулов имело место у крупных землевладельцев — ханов и беков, селивших кулов на земле и превращавших их в крепостных.

Чтобы получить более конкретное представление о кулах, необходимо сослаться на документ, в котором приводится количество кулов и указывается их положение по отдельным частям Дагестана.

В Кюринском округе.

«1. Имеется только один вид зависимого сословия: это кулы.

2. Они не пользуются никакою землею, а находятся на иждивении господ.

3. Кулы употребляются для домашних работ и затем никакими взносами в пользу своих господ не обязаны.

4. Цена на кулов, смотря по телосложению и летам от 150 до 300 руб., а за караваша от 100 до 200 руб., но ежели девушка красивая, то цена доходит до 500 руб. По этим же ценам рабы могут выкупаться от своих господ на волю, но это только в таком случае допускается, ежели сам господин предложит своему рабу выкупиться, раб же не имеет права предъявлять об этом требования.

5. Обычаев, на основании которых рабы могли бы получить свободу, нет.

6. Рабы в округе принадлежат частью бекам, частью поселянам.

7. Рабы не могут иметь собственность — все их имущество, как и они сами, принадлежит их господину».

В Самурском округе.

«В этом округе имеется только один род зависимых людей, именно поселяне деревень Лудгун и Ялаг.

1. Все общество деревни Лудгун на месте платит бекам по 75 рубле пшеницы и по столько же ячменя, а жители деревни Ялаг платят по одной рубле пшеницы от каждого дыма.

2. В обоих селениях от каждого дыма, т. е. отдельного семейства, которое значится в камеральном описании, поселяне дают одного рабочего на три дня в году. Из числа этих трех дней поселяне работают бекам полтора дня с своим ин-

---

⁵⁶ А. Руновский. Указ. соч. О том же говорят и материалы экспедиции Северокавказского горского научно-исследовательского института в Чечню и Ингушетию летом 1932 г., как например, сообщение Д. Мудунова (Шатой): «Кулы были и у узденей, по 1—2 человека, но не у всех». Ср. также у Ольшевского «Кавказ» с 1841 по 1866 гг., «Русская старина», 1893 г., кн. VIII, стр. 293: «Владельцами рабов, как пленников, или приобретаемых покупкою могли быть беки и уздени».

струментом, необходимым для работ, полтора дня с ишаком и быками для распашки земель и для перевозки с места заготовления в дома бека продуктов и произведений, но с тем однако ж, чтобы рабочий скот был употребляем в работу сообразно народному обычаю, только полдня, а остальное время отдыхал бы и кормился. Рабочих беки могут употреблять лишь на следующие хозяйственные работы свои: уваживание полей, обработку и уборку посевов, собственно бекам принадлежащих, заготовление сена и рубку дров.

Объясненные выше повинности общества селений Лудгун и Ялаг обязаны нести не каждому из беков, а всем вместе.

Все работы, на которые беки имеют право, они могут требовать лишь от 1-го апреля по 1-е ноября, дабы поселяне не были затрудняемы в суровое время года».

В Верхнем Дагестане.

«Племя лезгин, населяющее Бежтинский округ, никаких сословных подразделений на высший или низший класс не имеет, а все лезгины считаются равноправными, а потому зависимых сословий, в роде холопов в округе нет».

Верить этому весьма трудно по той простой причине, что во многих аулах бывшего Бежтинского округа, куда входили нынешние Тляратинский, Цунтинский, Цумадинский районы, имелись до недавнего прошлого отдельные кварталы, которые были заселены так называемыми рабами. Далее, эти районы находятся непосредственно на границе с теми территориями, куда дагестанцы совершали набеги.

Имеются и другие документы, отмечающие наличие в Верхнем Дагестане «сословных подразделений на высший и низший класс». Можно, однако, согласиться с тем, что здесь классовые отношения выступают в менее выраженной форме, чем в других районах Дагестана.

Возьмем, к примеру, такую личность из бывшего Бежтинского округа, как Ахалав. На наш взгляд, это типичный феодал, пользовавшийся определенной формой господства, имевший экономическую силу и политическую власть. Без этого он не мог быть в близких отношениях с царем Грузии Ираклием Вторым, а также могущественным Ума-ханом Аварским. Были же в этом обществе и другие уздени, но они не были в таких отношениях с царями Грузии и ханами аварскими. А ведь среди этих узденей были и более храбрые, и более почитаемые за их подвиги. Для того, чтобы находиться ближе к высшей феодальной аристократии, помимо храбрости, требовались и сословные привилегии, чем как раз и отличался Ахалав. Вот что пишет о нем Ираклий Второй Ума-хану Аварскому:

«Сердечный привет и лучшие пожелания от эмира, ищущего убежище у всевидящего бога Ираклий хана могущественного, прекрасного звания нашему дорогому брату Магомед-Нуцал Хану да хранит его бог от несчастья и беды в земной и загробной жизни и от злорадствования врагов. Аминь!

Крайним желанием и великой целью, побудившей написать это дружеское письмо, есть сообщить, что к нам прибыл Шихамир ака и Мустафа ака с твоим любезным письмом. Мы основательно изучили это письмо и поняли его содержание. Очень обрадовались словам, переданным вами через них. Оба они подробно передали и изложили твои слова с начала до конца. Когда ты желал, чтобы мы послали к тебе Ахалава, его не было у нас. И ты, из-за неприбытия Ахалава не прислал к нам Георгия. Теперь мы послали его (Ахалава) вместе с Шихамир ака, Мустафа ака и Шахав. Знай, что с момента установления между нами братского обета и дружбы мы соблюдали его условия прочно и непоколебимо с начала до конца и поэтому в нужное время мы обменивались мнениями.

Мы изложили все, что в наших сердцах Ахалаву, Шихамиру и Мустафе, и если бог соизволит, они по приезде ясно изложат тебе и разъяснят тебе без преувеличения наши мысли и слова.

С приветом и молитвой»⁵⁷.

Или возьмем письмо «от великого царя царей Ираклия Динга Хаджи из Тинды». В нем, в частности, говорится:

«Письмо это написано с целью выразить наше пожелание тебе здоровья. Мы слышали, что ты хочешь быть с нами в дружеских и братских отношениях. Раз это так, то ты с чистым сердцем должен приехать к нам с людьми, чтобы заключить мир и установить дружеские отношения. Если ты будешь жить спокойно и дружно с нами, то с нашей стороны не будет проявлено к тебе ничего, кроме только добра и братских отношений. Остальное расскажет тебе податель этого письма»⁵⁸.

Такие отношения между грузинским царем Ираклием и главой Тиндинского общества Динга Хаджи сложились лишь потому, что последний был не только отважным воином, предводителем частых набегов на Грузию, но и являлся феодалом, превратившимся из племенного вождя в князя. По преданию, Динга Хаджи был крупным работаргом, владельцем больших отар овец, пастбищ и пахотных участков; он имел четыре жены, был неограниченным властелином в обществе. Как иначе, чем феодалом, можно назвать такого предводителя набегов, наводившего ужас на Грузию?

Здесь следует подчеркнуть, что появлению рабов в Дагестане и набегам на Грузию порою способствовали сами грузинские князья, а иногда даже и цари, которые вели постоянные междоусобные войны. Для победы одного князя над другим они часто обращались за помощью к горцам, причем вынуждали последних совершать грабежи и брать в плен мужчин и женщин у князей, которые оказывались побежденными.

Примеров искать не приходится. Сошлемся хотя бы на сле-

⁵⁷ Рукоп. фонд ИИЯЛ Дагфилиала АН СССР, д. 2506.

⁵⁸ Там же.

дующее письмо царя Грузии Ираклия старшинам и в целом джамаату Чамалал:

«Нашим возлюбленным друзьям «Думимо», «Маху», главарям (?), старшим, молодежи, старикам, всему джамаату «Чамали» от царя царей Грузии Ираклия.

...А после: желаю вам здоровья. Мы писали вам и приглашали вас к себе. Вы задержались с приездом, поэтому мы написали это письмо и послали к вам Абдулага и Юсупа сообщить, чтобы вы, по получению этого письма как можно скорее приехали к нам. После вашего приезда между нами будут только хорошие отношения. Мы постараемся также, чтобы вы получали добычу. Приезжайте, не задерживаясь, как об этом мы ранее договаривались. Остальное вам расскажет этот посланец. О джамаат, приезжайте поскорее. Скорее, скорее, скорее»⁵⁹.

В Северном Дагестане.

Здесь существовали следующие виды зависимых сословий.

«1) Свободные поселяне—уздени, живущие на собственных своих землях, но управляемые беками из фамилии, которой издавна присвоено право полицейской расправы над теми поселянами, с вознаграждением от них некоторыми полевыми работами.

2) Свободные же поселяне уздени, живущие на землях беков, с правом наследственного пользования теми землями и с обязательством вознаграждения землевладельца выполнением разных обычных повинностей.

3) Чагары, т. е. бывшие дворовые люди из рабов и рабынь, отпущенные из двора для заведения собственного хозяйства на земле бека, с обязательством выходить на работы владельца по востребованию. Чагары не имеют определенных прав на обрабатываемую ими землю, но большую часть занимают ее также наследственно в виде обязанных крестьян.

4) Рабы и рабыни (кулы и караваша)—это дворовые люди, невольники, не имеющие, по туземным обычаям, никаких прав в отношении к своим владельцам; местные понятия жителей присваивают сим последним над невольниками безотчетные и безграничные права, но случаи злоупотребления таких прав были весьма редки, а в недавнее время уже сделаны распоряжения к ограждению рабов от более стеснительных для них прав владельцев.

5) Зависимые поселяне отбывают бекам повинности работою и произведениями. Обязанность выходить на работы ограничивается двумя, тремя, четырьмя и в редких местах большим числом дней в году, кроме чагаров, коих владельцы могут требовать во всякое время. Сверх сего, зависимые поселяне в некоторых местах обязаны давать владельцу по арбе дров, по мерке пшеницы, а имеющие баранов — и по барану в год.

⁵⁹ Рукоп. фонд ИИЯЛ Дагфилиала АН СССР, д. 2506.

6) Выкупная сумма, вносимая рабами и рабынями за выкуп свободы, равно как и продажные цены их, смотря по возрасту и физическим достоинствам выкупающихся или продаваемых, простирается вообще от 100 до 300 и более рублей с души.

7) Невольники и чагары могут приобретать свободу только с согласия владельца посредством дарового освобождения или же освобождения либо по единовременному выкупу, либо с рассрочкою взноса выкупа на несколько лет.

8) Кулов, каравашей и чагаров, по приблизительному исчислению, состоит: в Даргинском округе до 20 душ, Мехтулинском ханстве — 35, шамхальстве Тарковском 250 д. и Присулакском наибстве — 50.

9) Зависимые сословия, указанные в 1, 2 и 3 пунктах имеют свою собственность, так же как все другие сословия свободных поселян; что же касается до невольников, то у них нет такой собственности, которою не мог бы воспользоваться владелец, если он пожелает».

В Среднем Дагестане.

«1) Рабы и рабыни находятся в таком же положении и той же зависимости от своих владельцев, как в Северном Дагестане. При прежних ханах Аварии и Казикумуха существовало несколько деревень, населенных исключительно кулами. Кулы этих селений имели оседлую жизнь, обрабатывали ханские земли и выручаемый с этих земель хлеб отдавали своим владельцам. Ханы имели полное право брать в прислугу как мужской, так и женский пол. Кулы этих деревень имели и собственные земли. С покорением Восточного Кавказа, они поступили в число прочих аулов округа, с несением повинностей наравне с прочими жителями.

2) Рабы не имеют ничего собственного и все труды их принадлежат владельцу, поэтому они не отбывают никаких повинностей.

3) Выкупная сумма, которую вносят рабы и рабыни при выкупе свободы, а равно средние продажные цены, по которым покупщики приобретают кулов и каравашей, следующая: за душу мужского пола платится от 150 до 200 рублей, а женского — от 240 до 300 рублей.

4) Кулы и каравашы могут приобретать свободу только с согласия владельца посредством дарового освобождения, или освобождения либо по единовременному выкупу, либо с рассрочкою взноса выкупа на несколько лет.

5) Численность кулов обоого пола в Гунибском округе 21 душа, в Казикумухском — 40 и в Аварском — 30, всего 91 душа.

6) Кулы не имеют никакой лично им принадлежащей собственности».

В Южном Дагестане.

«В Кайтаго-Табасаранском округе существуют следующие виды зависимых сословий.

1) а) Водворенные на бекской земле и б) получающие земли под посевы, покосы и пастьбу скота, за которые платят произведениями и отбывают натуральную повинность владельцу земли.

2) Зависимые сословия не имеют права собственности на ту землю, на которой водворены и которую обрабатывают, а могут, в случае крайности, продавать оные своим односельцам, отчуждать же жителю другой деревни не имеют права. На переселение в другую деревню, независимо от согласия общества, раяты обязаны испрашивать согласие бека, без которого переселение не может состояться. С переселением раята все недвижимое его имение поступает в пользу бека.

3) Зависимые сословия платят подати и отбывают повинности в следующем размере: с каждого дыма от одной до шести саб пшеницы, кто имеет баранов два барана в год: одного осенью и одного весною, где есть орехи, от одной до трех саб орехов; где есть соль — от одного до пяти капанов соли, где есть фрукты — от одной до восьми саб фруктов, с виноградных садов платят сообразно с урожаем, от продажи сухой марены от 40 до 50 коп. с пуда, дают кур и яйца не определено по мере надобности, при выдаче девицы замуж платят беку 10 руб., а вдовы — 5 руб., с дыма одну арбу сена или саману. Кроме того вносят штраф за преступление: за убийство — одного буйвола, за поранение — одного быка, за воровство — одного быка, за прелюбодеяние — одного буйвола, за похищение девицы — одного быка. Натуральные повинности зависимых сословий следующие: жать хлеб от 1 до 3 дней, по приглашению (эовазъ) на довольствии бека один день жать ячмень на своем..., один день косить и один день собирать сено, возить дрова по мере надобности, по очереди возить пшеницу для перемола на мельницу, возить хворост и бурьян для ограды сада, если таковой есть у бека, один день очищают канаву, содержат зимою по одной бекской скотине, если не давали ему сена или саману, нукеры отбывают конную службу; бек пользуется круглыми сиротами для прислуги в доме, которых обязан по совершеннолетию: девушку выдать замуж, а мужчину женить; где производят чалтычный посев, там для беков сеют известную пропорцию из семян, полученных от него; в некоторых местах выходят с своим скотом на один день пахать землю для бека. В Кайтаге платят раяты от каждой пары рабочей скотины 20 саб пшеницы и 10 саб ячменя.

4) В Кайтаго-Табасаранском округе (крестьян) кулов и каравашей беки приобретают покупкою от 200 до 600 руб. за душу, выкупных же цен не существует. Эти люди не могут выкупать себя, но получают иногда свободу с согласия владельца посредством дарового освобождения.

5) Зависимых сословий, т. е. водворенных на бекских землях в этом округе, числится до 2426 дымов.

6) Кулы и каравашы не имеют никакой лично им принадлежащей собственности; раяты же имеют право собственности с вышеизложенными ограничениями»⁶⁰.

Приведенный документ свидетельствует о том, что сословие невольников-рабов в Дагестане во второй половине XIX в. еще было велико. Рабство, как социальное явление, позорящее общественное устройство народов, в других частях империи не существовало, оно сохранилось лишь в Дагестане. Шамилем рабство было уничтожено. Однако затем на короткое время, стихийно, согласно адатам, оно было восстановлено.

Сословие кулов и каравашей находилось в невероятно тяжелых условиях. Чтобы показать это более наглядно, сошлёмся на один документ. В докладной записке начальника Дагестанской области главнокомандующему Кавказской армией говорится:

«В Дагестане, как и во всех горских обществах Кавказа, существует до сих пор класс рабов, в обширном смысле этого слова. Он образовался большей частью из пленных христиан, захваченных в хищнических набегах, и находится в самом унижительном состоянии, какое только можно создать для человека. Рабы и рабыни считаются принадлежностью владельцев своих, как всякое другое домашнее животное, с которым хозяин вправе поступить как он хочет. Их личность ограждается одним только интересом владельцев и они берегут невольников своих, не потому чтобы могли ответственность за их обиды, увечье, или даже смерть, а потому, что, лишившись раба, понесут материальный ущерб.

Несмотря на такие отношения владельцев к рабам своим, эти последние выносили свое положение довольно терпеливо. По долговременному существованию между горцами невольничества, поколения рабов росли в таких понятиях, которые уничтожали в них всякое сознание человеческого достоинства, и они только изредка решались выражать тягость своего унижения жалобами на владельцев и побегами от них.

В последнее время жалобы рабов и рабынь стали повторяться чаще и некоторые из них бывают столь возмутительны, что местное начальство не может не вступить за обиженных и как каждое подобное заступничество влечет за собой нарушение прав владельцев, установленных обычаями страны, то начальствующие лица поставлены бывают в крайние затруднения, по неизданию до сих пор правил о том, в каких случаях и в какой степени они могут ограждать рабов от произвола владельцев.

Одним из весьма примечательных примеров подобного затруднения может служить следующее: вдова одного из беков,

⁶⁰ ЦГИА Груз. ССР, ф. 416, оп. 3, д. 397, стр. 1—15.

жительствовавших в сел. Кумтер-Кала, владения Тарковско-го, Меседи-Бике, при выделе ей вдовьей части получила от племянников мужа своего между прочим 9 душ невольников. Невольники эти состояли: из старика Амир-Хана, 70 лет, родившегося в сел. Кумтер-Кале и всю жизнь служившего в доме мужа Меседи-Бике. Из дочери его Хана, 35 лет (рожденной от невольницы) и семи человек детей ее, рожденных от брака с свободным человеком Кумтер-Калинским жителем Янгиурчи.

По дагестанскому обычаю дети невольницы, рожденные от брака с свободным человеком, обращаются в рабство того же владельца, кому принадлежала мать и потому дети рабыни Хана составляли собственность того дома, которому принадлежала она сама и на этом основании переданы вдове своего бека.

Такой переход в собственность вдовы не подал бы, по всей вероятности, никакого повода к жалобам, если бы она вскоре после того не вознамерилась переехать на жительство из сел. Кумтер-Кала на Кумыкскую плоскость в деревню Андреевскую и не потребовала, чтобы доставшиеся ей люди следовали за ней.

Затрудняясь оставить свое родное селение, в котором он имел давнишнюю оседлость и хозяйство и не желая расстаться с женой и детьми, Янгиурчи стал сопротивляться в выдаче своего семейства и требовал, чтобы оно оставлено было в услужении беков в сел. Кумтер-Кале же; но беки не обратили внимания на это естественное требование и насильственно взяв жену и детей его, отправили связанных на Кумыкскую плоскость. Причем владелица их высказала еще угрозу, что распродаст всех их в разные руки.

Теряя в один раз и навсегда жену и детей, Янгиурчи и престарелый тесть его прибегли к заступничеству предместника моего генерал-адъютанта барона Врангеля. Понятно, что он не мог отказать просителям в своем участии и немедленно отнесся к местному начальству Кумыкского округа о возвращении семейства Янгиурчи на прежнее жительство с тем, чтобы оно оставалось в тех же отношениях к Кумтер-Калинским бекам, родственникам мужа Меседи-Бике, в каких находилось до вывоза его в Кумыкский округ, а Меседи-Бике определено было соответственное денежное вознаграждение.

Но посредничество это не было уважено и согласно домогательству владелицы семейства Янгиурчи жалоба сего последнего передана была на разбирательство Дагестанского народного суда. Народный суд, рассмотрев жалобу Янгиурчи и сообразив оную с существующими в Дагестане обычаями, решил это дело, как и следовало ожидать, в пользу Меседи-Бике.

Таким образом Янгиурчи потерял всякую надежду возвратить к себе, при содействии русской власти, свое семейство;

и теперь остается у него одно последнее средство — выкуп, но и этим средством, по крайней своей бедности, он не может воспользоваться.

Само собою разумеется, что правильность решения суда нельзя подвергать никакому сомнению, так как оно опирается на народные обычаи, которые заранее указывали на такой исход дела, но тем не менее у человека, у которого взяли жену и семерых детей, нельзя отнять право оплакивать и до сих пор свое положение и невозможно не сочувствовать его несчастью.

Положение это есть неизбежное последствие права, поддерживаемого обычаями дагестанских племен и еще не отмененного нашим правительством; потому-то справедливые жалобы здешних жителей, поставленных в одинаковые с Янгиурчи условия, и обращаются к этому обычаю, установившему такие неестественные и возмутительные отношения между людьми.

Но в то же время они, имея перед глазами столько фактов силы и могущества русской власти, не быть... самым строгим образом, что эта же самая власть, сознавая всю правоту их дела, не может или не желает оказывать им никакой защиты к охранению естественных прав. Им трудно или почти невозможно понять, что же отменив или же ограничив предварительно существующее в Дагестане крепостное право, невозможно избежать тех последствий его, которыми нарушаются основные права человека и на которые они так справедливо жалуются. Поэтому некоторая доля жалоб массы народа будет отнесена и на правительство.

Факты, подобные выше описанному, могут повторяться до тех пор, пока действующее здесь крепостное право не будет ограничено в некоторых своих последствиях и всякий раз при подобном случае, представителю Русской власти в этом крае придется выслушивать те же жалобы и нарекания, а народу недоумевать о значении в сим правительства.

А между тем поддержание в народе, без всякого колебания, уважения к силе и значению нашей власти и внушение горцам веры в справедливость нашего суда, во всех возможных случаях, конечно, должны быть, как и везде, главною заботою правительства.

Поэтому постепенное ограничение крепостного права в Дагестане делается ныне необходимостью, в одних уже этих видах, не говоря о том, что оно, в настоящей его силе, не сообразно ни с духом времени, ни с достоинством нашего правительства.

Ограничение же это по мнению моему может заключаться, на первое время, в том: 1) чтобы владельцы крепостных людей или рабов в Дагестанской области не иначе могли продавать, дарить или иным способом отчуждать своих крестьян, как це-

лыми семействами, а не порознь, отдельными членами и 2) чтобы крепостная женщина, вышедшая замуж за человека свободного состояния, не могла быть разлучена с мужем без согласия сего последнего, а дети без обоюдного их согласия.

Ограничения эти, будучи достаточны для начала присвоения классу рабов в Дагестане общечеловеческих прав, могут быть объявлены теперь же, без всякого затруднения, и потому представляя вашему сиятельству о вышеизложенном, имею честь испрашивать разрешения»⁶¹.

Следующая группа крестьян — чагары и раяты. Это уже типичные крепостные. Для характеристики этих групп укажем чагарские повинности. Они «отбывали беку повинности рабской и произведениями земли. Обязательство выходить на работу ограничивалось двумя, тремя или четырьмя днями в году; а в некоторых аулах поселяне обязаны были давать владельцам только по одной арбе дров, одной мере пшеницы и одному барану»⁶².

Наиболее точную характеристику чагар дают документы шестидесятых годов. Чагары определяются там, как «бывшие дворовые люди из рабов и рабынь, отпущенные владельцем со двора, для устройства собственного хозяйства, на землях бекских или владельческих»⁶³. Другими словами чагары произошли от тех самых кулов, которых селили целыми деревнями, как это было в Аварии и Казикумухе.

Это отразилось и на отношении чагар к земле: «Чагары на землю, ими обрабатываемую, никаких определенных прав не имеют, но право собственности на приобретенное ими своим трудом признается за ними, как за всеми свободными лицами»⁶⁴. Последняя оговорка имеет особый интерес, она показывает, насколько далеко отошли уже чагары от своих предков — кулов. В то время, как последние, говоря словами того же документа, «никакой собственности не имеют и вообще имущественных прав за ними не признается»⁶⁵, чагары уже сближаются со свободными, или вернее, с бывшими свободными, составившими при феодализме основную массу крепостного крестьянства.

Наконец, чагарские повинности определяются здесь таким образом: «Чагары обязаны давать владельцу по арбе дров, мерке пшеницы, а имеющие баранов, по барану в год. На работы они могут быть потребованы владельцем во всякое время и на определенное число дней»⁶⁶. Неопределенность размеров чагарской барщины особенно характерна: это — пере-

⁶¹ ЦГИА Груз. ССР, ф. 416, оп. 3, д. 98, л. 1—3. Кавказская археографическая комиссия. Горское управление.

⁶² ЦГИА Груз. ССР, ф. 416, оп. 3, д. 397, л. 2-об., -3.

⁶³ Там же, д. 1224, л. 1.

⁶⁴ Там же.

⁶⁵ Там же.

⁶⁶ Там же.

житок тех времен, когда чагары были еще не крепостными крестьянами, а самыми настоящими рабами — кулами.

Те же документы сообщают несколько интересных характерных черт о положении раятов: «Раяты не имеют прав собственности на ту землю, на которой водворены и которую обрабатывают, а могут в случае крайности продавать оную своим односельцам, отчуждать же жителю другой деревни не имеют права. На переселение в другую деревню независимо от согласия общества, раяты обязаны испросить согласие бека, без которого переселение не может состояться. С переселением раята все недвижимое его имение поступает в пользу бека»⁶⁷.

Если применить западноевропейскую терминологию, го основное в повинностях раятов — это чинш — повинности, вносимые раятом с земли. Вот как определяют размер этих повинностей адаты: «Раяты за пользование бекской землей платят беку: с пары рабочего скота — 20 саб пшеницы, 5 саб ячменя и одну сабу саману, а не имеющие пары и ни одной скотины — 5 саб пшеницы. Раяты засевают для бека на состоящих в их пользовании землях 4 дышлика... и полученный с этих семян урожай жнут, молотят и после обращения в пшено доставляют в дом бека»⁶⁸. Но это еще далеко не все: «Когда подать, взысканная с раятов, не достает на содержание бека, тогда он берет нужное ему количество пшеницы у тех своих раятов, у коих хлеба больше, нежели сколько им нужно. Бек не покупает, когда у подвластных его много»⁶⁹.

Далее мы находим в адатах длинный список всевозможных повинностей по случаю постройки беком дома, землянок, конюшен, по случаю переездов бека, приезда к нему гостей, женитьбы и т. д. И каждый раз при этом на раята падают обязанности: работать на постройках, перевозить или содержать бека и его гостей, оплачивать устраиваемые беком угощения, одним словом, платить беку по любому случаю. Если бек не имеет дойной скотины, он «берет буйволицу и корову у раятов, имеющих таковых, держит у себя весной, летом, осенью и возвращает оных хозяевам зимой, если будут живы, а если падут у бека, то бек вознаграждает за них хозяев. У состоятельных богатых раятов бек брал скотины от 1 до 6 штук»⁷⁰. И, наконец, «когда бек нуждается в скотине для зарезания или для отдачи просящему, тогда... по приказанию его берут у того из раятов, у кого больше, нежели сколько нужно скота и бек режет ту скотину или отдает просящему»⁷¹.

67 Там же.

68 Там же.

69 Там же, д. 397.

70 Там же.

71 Там же.

Все эти адаты говорят о полном произволе бека в отношении крепостного крестьянина-раята.

Характерно, что райатов можно дарить, что подтверждается следующей статьей тех же адатов: «Бек, когда желает, раздает райатские дворы (т. е. райатов) своим нукерам из **узденей** (подчеркнуто мною — Г. Д.), как бы раздел имущества с указанием какой двор, которому нукеру должен платить и служить. Беки давали нукерам много райатских домов»⁷². Отметим, что владельцами райатов, судя по приведенной цитате, могли быть (и бывали) уздени.

Ряд не менее типичных феодальных черт, характеризующих положение райатов, приводит и С. Эсадзе; большое количество райатских повинностей перечислено в сборнике «Дагестанская область». К сожалению, мы не имеем данных о численности описанных групп, но косвенным путем, на основании позднейших данных, относящихся к шестидесятым годам, можно сказать, что они составляли преобладающую часть населения.

Основной частью дагестанского крестьянства были уздени. Этот термин на северо-западном Кавказе принят для обозначения дворянства, поэтому вопрос о социальной природе дагестанских узденей иногда вызывал недоразумения. Однако источники говорят об этом с категоричностью, не допускающей никаких сомнений. Так, согласно «Сведениям о видах крепостной зависимости, существующей у туземного населения Дагестанской области»⁷³, в Северном Дагестане «имеются в числе других зависимых сословий также и уздени».

В связи с этим перед нами во весь рост встает необходимость правильного решения вопроса о землевладении и землепользовании в Дагестане во второй половине XIX века.

В исторической и экономической литературе при определении места класса феодалов в обществе прежде всего разбирается вопрос о средствах производства, т. е. о земле. Исходя из характера землевладения и землепользования и определяется роль и место классов и сословий в обществе.

Однако дагестанскому феодализму присущи и своеобразные, специфические особенности. Эти особенности, связанные прежде всего с землевладением и землепользованием, во второй половине XIX века были в значительной степени порождены политикой царского правительства в отношении феодалов и горского крестьянства. Поэтому земельно-крестьянский вопрос, как вопрос, непосредственно связанный с политикой царского правительства, следует рассматривать отдельно, в хронологической последовательности.

---

⁷² «Адаты об отношениях терекемейских райатов к своим бекам». Архив канцелярии наместника на Кавказе, 1867. Св. 8714, д. № 33—43.

⁷³ ЦГИА Груз. ССР, ф. 416, оп. 3, д. 397.

Приведенный материал позволяет сделать некоторые выводы об общественно-экономических и политических отношениях в Дагестане до присоединения его к России.

В настоящей главе мы рассмотрели археологические памятники древней материальной культуры народов Дагестана, добытые археологами за последние пять лет; фольклорное наследие, которым располагает Институт истории, языка и литературы; некоторый материал из свода адатов народов Дагестана; арабо-персидские источники, характеризующие, главным образом, политическое устройство нагорного Дагестана на раннем этапе его политического развития.

Нами введены в научный оборот источники, которые позволяют констатировать наличие феодальных общественно-политических отношений в Дагестане еще на раннем этапе его развития. При этом самым важным обстоятельством является возможность, исходя из анализа вышеуказанных материалов, высказать определенное мнение о существовании в Дагестане крупного по своим масштабам и игравшего видную роль в общественно-политической жизни народов Дагестана политического союза — царства Серир.

Наличие такого государства в Дагестане еще на раннем этапе его общественно-политического развития приводит к очень важным выводам о том, что, во-первых, родовому строю Дагестана весьма существенный удар нанесло возникновение такого государства, во-вторых, на смену родовым отношениям постепенно пришли феодальные отношения. Далее, наличие такого государства, как царство Серир, создает непосредственные предпосылки к возникновению в Дагестане территориальных сельских общин вместо родовых клеток, существовавших до этого. С возникновением территориальных сельских общин феодального типа, наряду с феодальными владениями, создаются новые сельские политические союзы на базе объединения территориальных единиц.

Вдумываясь в содержание имеющихся источников, необходимо проявлять реализм при оценке высказываний авторов, правильно осмыслить отношение их к Дагестану. Несомненно одно, что при описании в тогдашних условиях общественно-политического строя Дагестана, при незнании языка, топографии и топонимики местности, авторами или переписчиками и переводчиками могли быть допущены ошибки. Так, например, они легко могли переоценить роль даже мелких племенных вождей. Все это при определении общественно-политического строя Дагестана должно быть принято во внимание.

Нам думается, что в таких государственных объединениях, каким представляется царство Серир, выросшее на пуповине родового строя, не имели место общественно-политические отношения, характерные для классического феодализма. Отнюдь нет! Ячейками и атрибутами общественно-политического

строю, присущими этому царству, являются отношения периода переходного от родового строя к раннефеодальному.

Вместе с тем необходимо подчеркнуть, что серьезную тревогу вызывает отношение к истории Дагестана некоторых исследователей, которые порою с определенной целью, а в отдельных случаях и по незнанию исторической действительности, стремятся архаизировать общественно-политические отношения нагорного Дагестана, признавая наличие здесь родового строя даже в XIX веке. Такая ненаучная концепция не выдерживает никакой критики, потому что не отвечает фактическому положению вещей.

Действительно, Дагестан, особенно его горная часть, по многим объективным причинам, был по своему общественно-политическому строю отсталым краем, чрезмерно опутанным пережитками родового строя. При этом в XIX веке одни районы были более развитыми, другие средние, а некоторые очень отсталыми.

При поверхностном изучении общественно-политических отношений, сложившихся в отсталых районах, резко бросались в глаза обычаи, характерные для периода переходного от родовых отношений к раннефеодальным. В связи с этим ряд исследователей допускал крупные ошибки в оценке общественно-политического строя Дагестана. Особенно это относится к дореволюционным исследователям, стремившимся показать цивилизаторскую миссию царской России по отношению к колониальным народам. Эти исследователи, как правило, ссылались на «вольные» общества, обычное право горцев, тухумно-родственные отношения, кровную месть.

Ошибочность такого толкования очевидна. Нет никакого сомнения в том, что народам Дагестана были присущи атрибуты феодального общества — господства и подчинения, сословий и сословных привилегий, как категории исторической. В одних местах они проявлялись более выпукло, а в других слабее.

В аулах Дагестана к началу XIX века, помимо беков и чанков, выступила другая привилегированная социальная группа — влиятельное узденство.

Приведенные в этой главе документальные материалы позволяют сделать вывод о том, что уже в XIX веке в основной части Дагестана завершилась четкая дифференциация между классом феодалов и классом феодально-зависимого крестьянства. При этом мы еще раз подчеркиваем, что дагестанский феодализм — это феодализм горной страны, где огромное значение в хозяйстве имеет животноводство, где земледелие, как правило, играет второстепенную или даже подсобную роль. Дагестанские феодалы присваивают в первую очередь местные пастбища и кутаны, эксплуатируют крестьянство путем пастбищной ренты.

Одной из характерных особенностей дагестанского феодализма, наложившей отпечаток на все его дальнейшее развитие, являлось то, что полная разобщенность народов высокогорной и средней части Дагестана, происшедшая в результате многоязычия, специфических географических условий, внутренних междоусобиц и вторжений внешних завоевателей, исключала возможность превращения Дагестана в единое феодальное государство. Это приводило к отставанию роста производительных сил и в результате этого развития общественно-политической жизни аулов.

Тем не менее жители Среднего Дагестана, составлявшие значительную часть населения нагорного Дагестана, как в политическом, так и в экономическом отношении были подвластны аварским, казикумухским, кайтагским, ахтыпаринским феодальным владетелям. В «вольных» обществах этой части Дагестана сильно было развито классовое деление, сословность. Более 30 видов повинностей и податей должно было нести население в пользу указанных владетелей.

Народы Северо-западного Дагестана были втянуты в феодальные отношения, но политическая власть феодалов здесь проявлялась в весьма невыразительной форме. Однако сословность была представлена в полном ее объеме. Каким бы туманом родовых пережитков не были заслонены общественные отношения народа в XIX веке, отрицать господство и подчинение, классовость общества Дагестана будет неправомерным.

Таким образом, наличие феодальных производственных отношений в Дагестане является бесспорным фактом. Но производственные отношения подвержены изменениям. Особенно большим изменениям они подверглись после присоединения Дагестана к России. Централизованная государственная система регулировала общественную жизнь. В недрах старых общественно-экономических отношений появились новые, которые со временем стали господствующей формой общественных отношений, как и во всем государстве, в состав которого вошел Дагестан.

Наряду с жестокими полицейскими мероприятиями в отношении подневольного горского крестьянства, царское правительство проводило особо «милостивую» политику в отношении феодалов Дагестана. В результате после присоединения Дагестана к России в этом крае на одном полюсе стал быстро расти класс крупных скотоводов и землевладельцев, а на другом — армия обезземеленных, нищенствующих горцев, которые влачили жалкое существование.

Для того, чтобы дать правильную оценку этому процессу, необходимо прежде всего выяснить вопрос о характере землевладения и землепользования в Дагестане после присоединения его к России.

Как известно, удобные земли в Дагестане распределялись на три основные группы: 1) частные владения, 2) общинные

земли, 3) вакуфные земли. «Вообще все земли у горцев, — пишет Н. Дубровин, — делились на общественные и частные; к первым принадлежали пастбищные горы, выгоны и леса, а ко вторым — очищенные из-под леса участки, которые переходили наследственно»⁷⁴.

При более глубоком анализе материалов о землевладении в Дагестане выясняется, что частные земли были зависимыми. В сборнике статистических материалов «Дагестанская область»⁷⁵ мы находим многочисленную группу аулов, о каждом из которых сказано, что жители его обязаны были нести тому или иному беку определенные повинности за землю. Лишь немногие общества в Дагестане, по преимуществу общества высокогорной зоны, не несли указанных повинностей.

Таким образом, зависимые земли дагестанского крестьянства представляли собой не что иное, как обычные феодально-зависимые земли. При этом крестьяне выступали в качестве непосредственного держателя земли, а в качестве феодала этому держателю противостоял хан, бек, карачи-бек, уцмий, майсум, кадий различных обществ. Для подтверждения указанного сошлемся на следующий документ.

В краткой записке о зависимых сословиях Дагестанской области говорится:

«Зависимые сословия в Дагестане могут быть подразделены на два главных вида: а) лично свободные, но зависимые по земле ими обрабатываемой или же по жительству в известной общине или селении управляемых тем или другим беком и б) зависимые лично, а с тем вместе и в поземельном отношении: к первому виду относятся: 1. свободные поселяне (уздени), живущие на бекских землях, с правом наследственного пользования этими землями, за что они несут в пользу владельцев повинности обычаем установленные и 2. свободные поселяне — уздени, живущие на собственных землях, но под управлением известной бекской фамилии, которой издавна предоставлено право полицейской расправы над этими поселянами, которые в вознаграждение за это исполняют некоторые полевые работы; ко второму же ряду зависимых сословий принадлежат: 1. чагары и 2. кулы и каравашы (рабы и рабыни); ...уздени, живущие на бекских землях представляют только особый вид арендаторов, лично свободных, но потомственно пользующихся землею и отбывающих в пользу владельцев таковой установленные повинности»⁷⁶.

Эта справка достаточно ясно говорит о характере узденского сословия в Дагестане. Кроме того, мы располагаем ря-

⁷⁴ Н. Дубровин. История войны и владычества русских на Кавказе, т. I, ч. I, стр. 510.

⁷⁵ «Дагестанская область». Сборник статистических данных. СПб, 1890.

⁷⁶ Арх. Канц. Наместника ЕИВ на Кавказе, 1866 г. Св. 8718. Дело № 31—I, часть I.

дом других данных, подтверждающих это. В цитированном выше статистическом справочнике⁷⁷ мы находим следующие интересные указания: в 30-х гг. в Дагестанской области числилось дворян (беки, ханы, чанки и др.)—3.493 чел., «поселян»—567.834, причем в число последних включены и 399.061 человек узденей. Уже одни эти цифры показывают, что уздень в Дагестане не был дворянином, иначе дворяне составили бы более половины всего населения Дагестана. Далее, в том же справочнике⁷⁸ читаем: «Сел. Болкихан состоит из беков, узденей (крестьян собственников) и бывш. райтов (временно обязанных крестьян). Как уздень, так и бывш. райт отбывают бекам нижеследующую натуральную повинность: 1) **уздени и райты совместно** (подчеркнуто мной — Г. Д.) платят ежегодно бекам по 8 баранов малых и 12 больших, а также по одному барашку с каждого стада или пастуха; 2) кроме того, райты отбывают бекам особо от узденей по 9 саб зерна (6 п. 30 ф.) и по 1 овце с каждого дыма, а также по одному улью с каждых 10 ульев теми только дымами, у которых имеются пчелы».

Такое объединение узденей с райтами в одну категорию при платеже повинностей представляется нам чрезвычайно показательным: уздени, это хотя и свободное крестьянство, но все же крестьянство, которое объединяется для выполнения известных повинностей с другими группами крестьян.

Необходимо отметить, что повинности узденей сел. Боркихан — это далеко не единичный факт. С. Эсадзе⁷⁹, ссылаясь на работы комиссии для окончания сословно-поземельных дел в частях военно-народного управления, говорит, что до 60-х годов в Северном Дагестане уздени принадлежали к числу зависимых сословий. Его мнение, хотя и с некоторыми оговорками, поддерживает Н. Дубровин.

Однако узденскую группу нельзя признать совершенно однородной не только по фактическому ее составу, но и по юридическим нормам. Прежде всего, нужно отметить наличие среди узденей двух групп. Одни — это «свободные поселяне, живущие на собственных землях», но тем не менее платящие бекам повинности за «право полицейской расправы»; другими словами, это зависимая, но не обезземеленная еще феодалами группа крестьянства. Другие — «свободные же уздени, жившие на землях беков». Это уже обезземеленные крестьяне, потерявшие под нажимом беков свои родовые участки или принужденные отдать их ростовщикам из среды тех же беков, а иногда и своих одноульцев — узденей. Этого последнего процесса перехода узденских земель в руки беков, или точнее говоря, ограбления узденей беками, не может замолчать даже официальная царская комиссия, тщательно замазывавшая сущность описываемого ею процесса.

⁷⁷ Дагестанская область, стр. 120—123.

⁷⁸ Там же, стр. 159.

⁷⁹ С. Э с а д з е. Указ. соч., стр. 467.

Один из документов шестидесятых годов, говоря о претензиях крестьян-узденей к бекам «до нашего (т. е. царского — Г. Д.) правительства, а частью и после занятия нами Северного Дагестана» сообщает, между прочим, такие сведения: «Другие же из землевладельцев вызвали претензии живущих на их землях поселян тем, что стали расширять свое собственное хозяйство и через это уменьшили как пространство земель, находившихся до того в пользовании поселян, так и количество воды, служившей прежде для орошения поселянских посевов»⁸⁰.

Параллельно документ отмечает и другой чрезвычайно интересный момент, тесно связанный с ростом барщинной запашки за счет экспроприруемого крестьянства:

«В последние годы, — сообщает цитируемый документ, — возникло множество жалоб... от поселян, живущих на владельческих землях, на неправильное увеличение беками налогов, установленных обычаями... Такие же жалобы возникали от поселян, живущих на собственных землях, но состоящих в зависимых отношениях к бекам». Документ констатирует, что «некоторые из землевладельцев и наследственных правителей деревень действительно увеличили несколько существовавшие в старину налоги и повинности с жителей», но это увеличение сделано большей частью до царского правительства, а частью и после занятия царскими войсками Северного Дагестана, т. е. как раз в начале XIX века.

Это говорит о том, что в описываемое время в Дагестане идет ярко выраженный процесс закрепощения не только зависимых («живущих на владельческих землях»), но и свободных узденей («живущих на собственных землях»); ни раяты, ни чагары, ни, тем более, кулы в это время в массе своей собственных земель не имели. Усиление крепостной зависимости, варажающееся в росте барщины и оброка — вот сущность того процесса, который шел в Дагестане в начале XIX века. И узденская масса не стояла, да и не могла стоять в стороне от этого закрепощения. Наличие обеих групп в узденской среде дает явственную картину постепенного закабаления узденской массы и ее обезземеления.

Приведенные материалы совершенно не оставляют места для свободного, незакабаленного помещиками крестьянства. Однако некоторые из дореволюционных историков, в частности Н. Дубровин, наоборот, называют почти всех узденей просто свободными людьми и выделяют лишь часть из них, как находящихся в зависимом положении. Царская комиссия

---

⁸⁰ Копия записки об учреждении особой комиссии, которую предположено составить для определения личных и поземельных прав высшего сословия во владении Тарковском, ханстве Мехтулинском и наибстве Присуллакском (Архив канцелярии наместника на Кавказе, 1869, св. № 8715, д. 42—1—42).

по «освобождению зависимых сословий» также отказалась признать узденей зависимыми, мотивируя это тем, что «зависимость узденей не заключает в себе ничего похожего на крепостное право и на обязанности из этого права вытекающие» и что «уздени, живущие на бекских землях, представляют только особый вид арендаторов, лично свободных, но потомственно пользующихся землей и отбывающих в пользу владельцев таковой установленные повинности»⁸¹.

С наибольшей, пожалуй, категоричностью высказывается А. Руновский. По его мнению, и уздени (которых он называет мелкими владельцами), и кулы — «все они... были не что иное, как крепостные своего хана»⁸².

Среди узденей, так же как и среди кулов, наблюдались различные стадии закрепощения. В самом деле, уздени, имевшие все признаки свободного крестьянина, не закрепощенного и никому не обязанного повинностями, напоминают свободное крестьянство государств Западной Европы во время расцвета феодализма. Такой крестьянин был лично свободен, но по земле зависел от сеньора. Но и это лично свободное крестьянство на протяжении первой половины XIX века все сильнее и сильнее закабалялось ханами и беками.

Однако, наряду с процессом закрепощения общей массы узденей, происходило выделение из них верхушечного слоя. Указания на существование этого слоя дает один из цитированных выше официальных документов: «В некоторых деревнях есть фамилии, которые вследствие личных достоинств⁸³ представителей своих пользовались несколько поколений первенствующим положением в своих обществах, считают себя узденями высшего разряда. Хотя эти фамилии и до сих пор сохраняют за собой почет в народе, но это, однако же, не дало им права на присвоение каких-либо преимуществ в виде сословного отличия от прочих узденей вообще»^{83*}.

Этот верхушечный слой базировался, с одной стороны, на собственных участках земли, с другой же, на владении кулами. По поводу владения землей мы находим следующее указание в исторической записке, составленной «Временной ко-

---

⁸¹ ЦГИА Груз. ССР, ф. 416, оп. 3, д. 397. Сведения о видах крепостной зависимости туземного населения Дагестанской области о правах и численности их, о размере отбываемой ими повинности и выкупа. 1864—1866.

⁸² А. Руновский. Цит. соч., стр. 19—33.

⁸³ О том, что это за «личные достоинства» хорошо говорят чеченские отношения, выделение «аристократических» теип.

^{83*} Копия с записки об учреждении особой комиссии... и т. д. Тот же документ указывает на существование в Дагестане особого слоя беков «акрачи беков». Последние, по преданию, выдвинулись на положение верхушечного слоя населения еще до прихода сюда позднейших шамхальских беков.

миссией, наряженной для определения личных и поземельных прав туземцев Темир-Хан-Шурина округа»⁸⁴.

«К третьему виду, — читаем мы в этой записке, — относятся земли, принадлежащие отдельным владельцам и сельским обществам, на правах частной собственности. В этот разряд входят кутаны, горы, пахотные земли и другие угодья, кои находятся в исключительном пользовании шамхала и других лиц из беков и узденей (подчеркнуто мной — Г. Д.), и особо сельских обществ с полным правом отчуждения их»⁸⁵.

Здесь уздень выступает в роли частного земельного собственника. Однако далеко не все уздени могут быть отнесены к этой категории. Большинство их не является собственниками земли, а входит в состав сельских обществ, объединяющих основную массу населения. Верхушечный слой узденей оказывался, таким образом, в двойственном положении. С одной стороны, выступая в качестве рабовладельцев⁸⁶ и землевладельцев, он противостоит кулам и узденской массе, с другой же, как обязанный повинностями ханам и бекам, он оказывается частью той же рабской и крестьянской массы. Анализируя положение крестьянства в Дагестане XIX века, мы не можем пройти мимо этого двойственного положения узденской верхушки.

Наряду с перечисленными, наиболее типичными формами эксплуатации, в Дагестане в этот период были налицо и другие. Такова, например, зависимость населения Салатавии от кумыкских князей, о которой говорит рапорт командующего войсками Кавказской линии и Черномории⁸⁷: «Все почти земли, на коих поселены салатавцы, принадлежат кумыкским князьям, коим они всегда платили подати...».

Другой момент, характеризующий эксплуатацию целых обществ отдельными феодалами, — взимание платы за зимние пастбища. «Хайтаки (кайтагцы — Г. Д.) имеют пространную, хорошую и плодородную землю... а особливо изрядную паству для скота, чего ради многие акушинцы и тавлинцы зимой, когда снег в горах глубок бывает, гоняют на хайтакскую паству свой скот и пасут через всю зиму, которая там очень сносна; а за то платят усмею некоторую пошлину (подчеркнуто мной — Г. Д.), которая для многого числа овец, коих более

⁸⁴ Напечатано под заглавием «Шамхалы Тарковские» в ССОКГ, вып. I, стр. 53—80.

⁸⁵ Там же, стр. 77.

⁸⁶ Ср. выше то, что говорилось о рабовладельцах-узденях («мелких владельцах») А. Руновским; то, что говорят о владении узденей раятами терекемейские адаты и, наконец, ср. замечание М. Ольшевского: «Владельцами рабов, как пленников, или приобретаемых покупкой могли быть беки и уздени» («Кавказ», 1861 по 1866 г. См. «Русская старина», 1893, т. VIII, стр. 292).

⁸⁷ Рапорт ген.-адъют. Граббе от 15. IX. 1841 г., № 2865. Объединенный горский архив, фонд левого фланга, д. 4 за 1841—42 гг.

100.000 в пригоне бывает, до великой суммы простирается»⁸⁸. В официальной переписке второй половины XIX века⁸⁹ имеются указания на то, что аварцы нанимают зимовья для стад «в Кумыкских, Тарковских, Мехтулинских, и, отчасти, Кюрийских владениях».

Несомненно, что поводом для сбора подобных «пошлин» служил и самый факт перегона скота через территорию данного владельца. Об этом говорит Н. Дубровин: «Жители, занимающиеся овцеводством, при перегоне своих стад через дороги, прилегающие к чужим покосам или пастбищам, платят владельцам их за прогон и ночлег некоторую дань баранами, ягнятами, маслом или сыром»⁹⁰.

Приведенный нами фактический материал отчетливо показывает формы землепользования и землевладения в Дагестане ко времени его присоединения к России. Здесь ясно выступают феодальная, общинная и узденская формы землепользования и землевладения. При этом уздени подразделяются на две группы: родовитых и простых. Простые уздени в свою очередь были зависимыми и независимыми.

Многие предполагают, что родовитые уздени второй половины XIX века — это те же феодалы или феодализирующаяся верхушка. Ошибочность такого толкования очевидна. Мы не знаем «феодализирующейся» верхушки так же, как не знаем «кулакизирующейся» верхушки. Кстати, вторую половину XIX века в России принято относить к эпохе буржуазных отношений, а не феодальных.

Далее, характер землепользования и землевладения в Дагестане во второй половине XIX века остается в основном прежним, но, во-первых, увеличивается количество хозяйств видных узденей, собственников земли.

Эти изменения в землепользовании в основном происходят не за счет ущемления интересов феодалов, которые, наоборот, еще получили пахотные участки и кутаны, а за счет изменения характера общественной земли, земли, перешедшей в казну в результате конфискаций, и как выморочная. В казну перешла и та земля, которая осталась от переселенцев в Турцию. Постепенно количество казенной земли настолько увеличивается, что царское правительство было вынуждено объявить о принадлежности казне всей земли горного Дагестана и обложении ее оброчной податью.

Таким образом, к тем зависимым отношениям, которые существовали раньше, прибавились зависимые отношения узденей горного Дагестана к казне, причем они были лишены права собственности не только на общественные земли, но и

⁸⁸ Чулков. Указ. соч., т. I, ч. 2, стр. 487—488.

⁸⁹ Рапорт Паскевича графу Нессельроде от 18. II. 1830 г. № 115. См. «Акты», т. VII, стр. 530.

⁹⁰ Н. Дубровин. Указ. соч. т. I, ч. I, стр. 512.

на лично им принадлежавшие мюльки. На новом этапе общественного развития Дагестана собственниками земли выступали: класс феодалов — как частновладелец, казна — как владелец всех общественных и конфискованных земель.

Богатое узденство — новая категория хозяев эпохи буржуазных отношений, владеющая не только пахотными участками и сенокосами, но и обширными кутанами и летними пастбищами, приобретенными ими у отдельных частновладельцев и у казны.

Вступив в управление Дагестаном, царское правительство создает невероятный ажиотаж в деле землевладения и землепользования. Аграрный вопрос не только не был решен, но в решении этой особенно важной проблемы были созданы искусственные трудности, препоны и невозможная путаница.

Такая путаница и ажиотаж в вопросах землевладения и землепользования в Дагестане происходили из-за того, что царское правительство проводило определенную политику, направленную на лишение крестьян Дагестана принадлежащей им земли и наделение ею местных феодалов и пришлого элемента из внутренних губерний России.

Как известно, царизм всячески старался оградить дворянство Дагестана от посягательств плебеев и принимал все зависящие от него меры к восстановлению и укреплению былых экономических и политических прав феодалов по отношению к народам Дагестана. Своей непосредственно продворянской политикой царское правительство создавало внутри этого края такую опору, которая в свою очередь делала все для укрепления позиций России в Дагестане. Царизм прежде всего навечно узаконивает те земельно-правовые отношения между классом феодалов и зависимым сословием, которые были налицо в момент присоединения Дагестана к России. И в дальнейшем правительство остается равнодушным к обездоленному горскому народу и проводит такую продворянскую социально-политическую линию, которая должна была навсегда закрепить экономическую и политическую роль местных феодалов.

Таким образом, первая тактическая ошибка колониальных властей в Дагестане состояла в том, что они игнорировали мудрые высказывания в этой части Шамиля, который говорил: «Прежде всего, уничтожьте ханскую власть и дворянское звание, держите беков в таком же черном теле, в каком держал их я. После этого делайте, что хотите, горцы во всем будут вам послушны, и вы будете ими довольны»⁹¹.

Говоря о политике царизма в Дагестане, ни на минуту не следует забывать, что эта политика прежде всего отражала интересы правящих классов колониальной державы и в то же время царское правительство не могло не выступить вырази-

⁹¹ АКАК, т. XII, стр. 1500.

телем интересов местного господствующего класса, тем более, что он оказал колониальной администрации большие услуги.

«Русское правительство, по введении дагестанских ханств в состав империи, обыкновенно давало в грамотах ханам и в прокламациях народу обещания владетелям, а в лице их и бекам, сохранить прежнее внутреннее управление присоединенных провинций и оставить неизбылемыми прежние права как высшего сословия, так и всей массы населения. То же было сделано и при присоединении к России Дагестана. Подобные государственные обязательства представляли не случайные явления, а необходимую политическую систему, усвоенную в отношении покоряемых ханств потому, что они представляли единственное средство, дававшее возможность прочно присоединить ханства к России и поддерживать в них внутренний порядок.

При тогдашнем состоянии внутреннего быта этих владений, при тогдашних средствах, которыми располагало русское правительство, не могло быть и речи о полной инкорпорации их в состав империи на основаниях, одинаковых с другими частями ее.

При таких условиях единственным средством для этой цели было действовать через владетелей и беков, привлекать их на сторону России, сохранять все их права в неприкосновенности, укрепляя их положение среди населения и требуя от них взамен поддержания внутреннего порядка среди управляемого населения. Оставление ханских и тем самым бекских прав неприкосновенными и трактатов, заключенных с ханами, не было какой-либо милостью со стороны русской власти; эти положения трактатов подсказывались обоюдной выгодой для сторон: России они облегчили присоединение Дагестана, для ханов же было выгодно входить в соглашения с Россией на условиях сохранения их прав; на этих условиях они даже содействовали России в покорении независимых ханств. Но будь это подчинение ханов соединено с лишением их прав, присоединение отдельных частей Дагестана к России совершалось бы не так скоро и с гораздо большими затруднениями и жертвами»⁹².

Даже после окончательной ликвидации автономных ханских владений, русское правительство не уничтожило зависимых отношений крестьян к бекам и признало, что крестьяне обязаны по-прежнему отбывать бекам повинности. Таким образом, царское правительство «признавало этот институт, всегда до самого последнего времени давало ему административную и судебную охрану, иногда не считая закономерным самовольное прекращение поселянами платежа повинностей». Не случайным является и факт вознаграждения ханов и пре-

⁹² АКАК, т. XII, стр. 1500.

вращения их в крупных земельных собственников после ликвидации политических прав ханов в их владениях.

Чтобы показать отношение царского правительства к местному привилегированному сословию, стремление привлечь его на свою сторону и превратить в свою опору, необходимо привести документ, ярко отражающий отношения между царским правительством и местным дворянством. В этом документе говорится:

«1. Владетельные дома в Дагестане должны быть одарены нашим правительством теми правами, которыми они до поступления под покровительство России пользовались, дабы этим предоставить им средства и возможность к полному обузданию и держанию в страхе и повиновении своих подвластных, ибо ослаблением некоторых несообразных с нашими законами жестоких прав их, они упали духом и подвластные по этой причине не так повинуются им, как бы следовало.

2. Правительству нашему нужно уверить владетелей покорных нам горцев, дипломами в том, что все завоеваемые ими части в немирном Дагестане будут причислены на вечные времена к их владениям. В тех же покорных нам обществах, в которых не было и нет владетелей и управление ими находится в руках кадий и других незначительных лиц, как например, общества: Джаро-Белоканское, Акушинское, Цудахарское и проч. нужно для единообразия с утверждения правительства и с выбора самих жителей дать им полномочных владетелей из членов знаменитых домов Дагестана, ибо от безначального народа кроме вреда никакой пользы ожидать нельзя»⁹³.

Во-первых, такое отношение царское правительство проявляло к местным владетелям не без выгоды для себя. Взамен царское правительство потребовало, чтобы каждый владетель сообщил сведения о численности ополчения, которое он может выставить и держать под ружьем, чтобы в нужную минуту использовать против горцев. В зависимости от численности ополчения казной отпускался порох и свинец, причем ответственность за употребление того и другого против горцев возлагалась на владетелей.

Кроме того, применялся принцип, который предусматривал, что «занятым военными действиями владельцам назначить жалованье не по чинам, а по числу всадников, состоящих в их ополчениях, полагая на человека столько, сколько благоугодно будет высшему начальству, что послужит лучшим поводом к усилению ополчений»⁹⁴. При занятии владетелями силою оружия какого-либо «немирного» селения или общества, царское правительство по представлениям, которые делались самими же владетелями, отличившихся в борьбе против горцев

⁹³ ЦГИА Груз. ССР, ф. 1087, оп. I, д. 378, л. 54.

⁹⁴ Там же, л. 54—61.

лиц знатного происхождения поощряли наградами, а тот, кто не мог быть представлен к награде, как представитель низшего сословия, награждался деньгами.

Царское правительство, обеспокоенное сохранением имущества владетелей и класса феодалов в целом, предлагало командованию Кавказской армии: «Состояние владетелей, занятых военными действиями, с их семействами для большей безопасности помещать в наших близких к их владениям укреплениях»⁹⁵.

К каждому владетелю, доказавшему свою верность царизму, назначали офицера в качестве адъютанта. Кроме того, не всегда доверяя владетелям, правительство поручало адъютантам «наблюдение за их образом мыслей».

К владетелям Дагестана в конце каждого года направлялись доверенные лица для инспектирования ополчений, проверки годового отчета о приходе и расходе отпущенных денег, пороха и свинца, осмотра завоеваний этого года и представления подробного донесения главному начальству Закавказского края.

По мере завоевания владетелями «немирных» частей Дагестана, для утверждения в них могущества царского оружия и распространения власти самих ханов, они устраивали в самых выгодных в военном отношении местах укрепленные штаб-квартиры для перевода туда царских войск, расположенных в Дагестане. Таким образом, местные владетели шли в авангарде царских войск и обеспечивали утверждение в Дагестане власти царского самодержавия.

Владельческим особам, да и всему классу феодалов было за что и кому служить. Царское правительство воздавало ханам и бекам почести, одаривало богатством, наделяло землей, раздавало все необходимое для утверждения их в крае. Со своей стороны местные феодалы весьма прилежно обслуживали потребности царского правительства, делали все необходимое для прочного обоснования его в Дагестане. Перед все возрастающей угрозой гибели от меча Шамиля феодалы ринулись в объятия царских генералов и офицеров, чем сохранили свою жизнь, власть и богатство.

Феодалы Дагестана никогда не выражали интересов своего народа. Они всегда устремлялись туда, где им улыбалось счастье. Не оставляет никаких сомнений, что дворянско-бекский класс был большой силой в деле подавления движения горцев и колониального закабаления горского крестьянства.

За свои услуги царизму феодалы Дагестана были щедро вознаграждены. Вся последующая политика царского правительства в социально-экономическом отношении была направлена на удовлетворение потребностей феодалов, на их возвышение и упрочение их положения.

⁹⁵ ЦГИА Груз. ССР, ф. 1087, оп. I, д. 378, л. 54—61,

Стремление правительства к завершению объединения всех владений и обществ Дагестана под единым управлением местной колониальной администрации и лишение ханов былых политических прав с большой экономической компенсацией прежде всего диктовалось необходимостью с помощью царского оружия покончить с горским «необузданным» характером.

Бывшие ханы отказались от политических прав по отношению к тем горцам, которые находились в их владениях, не потому, что они подчинялись силе, а потому, что в этой реформе они видели выгодную для себя сделку, экономическое возвышение и укрепление потомственных привилегий. Ханы, действительно, отказывались от повинностей со стороны населения, но взамен они получали большие пенсии и землю, офицерские и генеральские чины, ордена и ценные подарки, обещание сохранить и укрепить их экономическое влияние. Так, например, Султан-Ахмед-хану Аварскому за «усердие и верность императорскому престолу» был присвоен чин генерал-майора русской армии и определено 5 тыс. руб. жалованья в год⁹⁶. В 1829 году царь установил аварским владетелям Сурхаю и Абуд-Султан-Нусал-хану жалованье по 2 тыс. рублей в год, присвоил им чин полковника. Последний был утвержден в ханском достоинстве с выдачей знамени с императорским гербом⁹⁷. С 1828 по 1830 год семья аварского хана получила от царского правительства четыре бриллиантовых перстня и 13 тыс. рублей деньгами, 18 отрезков сукна, 50 аршин парчи, 30 аршин бархата, 40 аршин шелка, золотых часов на 400 рублей⁹⁸.

Не только ценными подарками и мундирами были приласканы царизмом ханы и беки; в знак благодарности за их усердную службу им жаловались целые селения и участки. Так, к владениям шамхала Тарковского была присоединена часть Улусского магала в вознаграждение «услуг и верности, оказанных престолу». В 1826 г. Хан-Магомед-бек «за усердную приятность, престолу оказанную» получил в управление селения Великент, Салик, Мамед-кала и Падар⁹⁹. Бекам Табасарана Гатам-беку и Джамал-беку за усердную службу были отданы в управление 7 терекемейских селений¹⁰⁰.

Царская администрация считала, что управление народами Дагестана следует осуществлять при посредстве беков. «Народ должен управляться беками и кевхами, как и до сих пор»¹⁰¹, — писало военное командование, когда народ обра-

⁹⁶ ЦГИА Груз. ССР, ф. 2, оп. 1, д. 17, л. 10—13.

⁹⁷ Там же.

⁹⁸ АКАК, т. VIII, стр. 525, 532.

⁹⁹ ЦГИА Груз. ССР, ф. 2, оп. 1, д. 5343, л. 3

¹⁰⁰ «Колониальная политика Российского царизма в Азербайджане», ч. 1, М.—Л., 1936, стр. 106.

¹⁰¹ АКАК, т. IV, ч. II, Тифлис, 1875, стр. 64.

шался к нему с жалобой на произвол, чинимый беками. Царские власти заверяли шамхала в том, что он получил поддержку от правительства. «За себя и детей своих можешь быть спокойным. Теперь власть Шамхала более будет уважаема и соседи уразумеют, что значит могущественное покровительство государя»¹⁰².

Таким образом, вступив на территорию Дагестана, царизм стал всецело опираться на ханов и беков и через их посредничество проводить тяжелую колониальную политику. Кн. Воронцов в 1847 году писал: «Надо иметь в этой части края твердый и надежный оплот, к чему вернейшим средством могут служить самые владельцы, которые из собственных своих выгод будут охранять тишину и покорность в деревнях своих, держать жителей во всегдашнем повиновении»¹⁰³.

Первым поводом к разрешению поземельных отношений в Дагестане в пользу класса феодалов послужил высочайший рескрипт от 6 декабря 1846 года «О поземельных правах беков, меликов и агаларов». Этот рескрипт был дан в ознаменование особой «милости» и «благоволения» к ханам, бекам, меликам из армян и другим лицам за особые отличия и подвиги. Ряд «всемиловитвейших пожалований» выражался в следующем:

«1. Утверждение в их потомственном владении всех тех земель, коими роды их обладали во время присоединения мусульманских провинций к России и которые теперь находятся в беспорном их владении; 2. Возвращение их земель их владельцам, у которых они были отобраны в административном порядке после 1840 года; 3. Поселяне обязаны отправлять в пользу владельца земли разного рода повинности и вознаграждение за пользование его землей. Сверх того владельцу земли предоставляется надзор за порядком и благополучием между поселянами и полицейское ими управление»¹⁰⁴.

Приведенный рескрипт носил ярко выраженный крепостнический характер и выражал интересы не только класса феодалов Дагестана, но и интересы крепостников царской России. Не случайно был издан такой рескрипт, ибо взамен царизм требовал, чтобы представители «высшего мусульманского сословия были всегда готовы, несмотря на возраст и состояние, по первому призыву являться в ряду... храбрых воинов и отправлять с ревностью и усердием те обязанности, которые будут на эти сословия возлагаемы»¹⁰⁵.

¹⁰² Там же, стр. 98.

¹⁰³ ЦГА ДАССР. ф. 150, оп. I, д. 17, л. 88.

¹⁰⁴ Рукоп. фонд ИИЯЛ Дагфилиала АН СССР, д. 1331, л. 26. Извлечение из полного собрания законов Российской империи. Собрание второе, т. XXI, 1847, стр. 617—618.

¹⁰⁵ Там же.

Таким образом, узденство было поставлено указанным актом в зависимость от ханов и беков. Другими словами, население Дагестана было отдано им на разграбление.

В 1848 году для оформления указанного положения была образована Дербентская сословно-поземельная комиссия, которая составила списки всех селений, жители которых были отнесены к лицам, находящимся в зависимых отношениях к бекам, и вынесла заключение о применении к каждому мнению рескрипта от 6 декабря 1846 года.

В 1852 году эта сословно-поземельная комиссия закончила свою работу. Однако она была распущена якобы с тем, чтобы организовать новую комиссию, которая должна была собрать аналогичный материал по всему Дагестану. Вследствие этого материалы южнодагестанской сословно-поземельной комиссии дальнейшего движения не получили.

Не только царский рескрипт, но и заключение сословно-поземельной комиссии решили вопрос землевладения в пользу феодалов, грубо нарушив тем самым интересы узденства Дагестана,

Опираясь на финансовую и военную поддержку царизма, феодалы в «короткое время сделали свою власть над подданными совершенно безграничной. Увеличивали размеры существовавших, вводили новые подати и повинности, расширяли свое собственное хозяйство и через это уменьшали... пространство земель, находившихся до этого в пользовании поселян»¹⁰⁶. «Мы, — писал А. Руновский, — способствовали угнетению горцев со стороны их владетелей... После покорности дагестанских племен мы не изменили существенно господствовавшую там вредную систему управления. Установленные там порядки не только не прекратили тиранию владетелей, но предоставили им власть управлять народами на прежних основаниях, еще укрепили эту власть»¹⁰⁷.

Все это красноречиво говорит о характере колониальной и социальной политики царизма в Дагестане. Местные феодалы, пользуясь неограниченной поддержкой царской администрации, не гнушались в выборе средств управления населением, а в деле присвоения его земель применяли методы, какие находили нужными.

«Шамхал Тарковский, поддерживаемый русскими, — говорил генерал царской армии, — не боится никакой вражды народной, продолжает рубить и притеснять своих подвластных, не отдавая никому в том ответа»¹⁰⁸. Шамхал употреблял против своих подвластных такие меры, перед которыми бледнеют пытки средневековой инквизиции. По его приговору

¹⁰⁶ «Военный сборник», 1859, стр. 680.

¹⁰⁷ Там же.

¹⁰⁸ ЦГИА Груз. ССР, ф. 1083, оп. 6, д. 344, л. 11.

людей закапывали живыми в землю, им отрезали руки, выкалывали глаза, отрезали уши и носы, четвертовали детей и т. д.

Находясь под защитой царского правительства, дагестанские владетели «в случае неисполнения подданными личных и корыстолюбивых их требований, угрожали им могуществом русского оружия... Без суда и следствия, по одной лишь прихоти хана, десятки людей были ссылаемы в Россию»¹⁰⁹. Феодалы щеголяли друг перед другом чинимыми над народом жестокостями. «По одному капризу Казикумухского хана, — говорится в официальном документе, — подвластные его подвергались страшным пыткам: пытали раскаленным железом, разводили на груди огонь, выжигали разные места на теле, и иногда на бритой голове провинившегося делали чашу из теста и лили туда кипящее масло»¹¹⁰.

Народ проявлял недовольство не только ханами и беками, но и царским правительством, которое допускало нечеловеческий произвол над народом. «Скрытно они ропщут на правительство русское, допускающее утеснять народ»¹¹¹. «Неудовольствие это почти всеобщее скрывается... боясь мести... несколько неограниченного в его властях и сильного российским оружием»¹¹². «Поддерживаемый русским, он не боится никакой вражды народной»¹¹³.

С помощью царских генералов, которые правили в Дагестане и проводили здесь недалновидную политику, вредную как горцам, так и самому царизму, местные феодалы жестоко угнетали народы Дагестана. В результате этого в крае создавалась напряженная социально-политическая обстановка.

Ошибочно думать, что с ликвидацией политической власти ханов с этим было покончено. Наоборот, ханы и беки, управлявшие большинством населения Дагестана, лишившись любой добычи, усилили социальный и экономический нажим на крестьянство, обостряя тем самым классовые противоречия внутри области, к тому времени уже ярко обозначившиеся.

Сословное разделение, крепостная зависимость, прямое рабство, непосильные подати и повинности не давали горцам свободно дышать. После Кавказской войны участь горца не только не улучшилась, а наоборот, значительно ухудшилась. Ухудшилась она и в политическом, и в экономическом отношении. В первые годы царского правления в отдельных местах феодалы настолько распоясались, что «всякого рода насилия, взятки и поборы, а в случае сопротивления — открытый гра-

¹⁰⁹ «Кавказский сборник». Т. VI, Тифлис, 1882, стр. 33.

¹¹⁰ Н. Дубровин. История войны и владычества русских на Кавказе. Т. I, кн. 1, СПб, 1871, стр. 604.

¹¹¹ ЦГИА Груз. ССР, ф. 1083, оп. 6, д. 344, л. 9.

¹¹² Там же.

¹¹³ Там же.

беж, нередко сопровождавшиеся убийством, составляли ежедневные заботы дагестанских владетелей и беков»¹¹⁴.

Местные феодалы, пользуясь бесконтрольностью и попустительством со стороны царских властей, выжимали из трудового народа последние соки, доводя его до крайности. Царское правительство не только способствовало усилению произвола ханов и беков в существовавших ранее владениях, но и искусственно насаждало ханско-бекскую власть там, где ее не было. Примером может служить положение в Аварии.

К концу 1867 года, ликвидируя так называемую политическую власть ханов, царское правительство проводило линию, способствовавшую расширению экономических прав местных дворян, сохранению и увеличению бекских хозяйств. Если ханы лишались былой политической власти над населением, то помещичье право на барщину, оброк, земли и пастбища сохранялось. Такая политика царизма, продиктованная стремлением создать себе надежную социальную опору, была наруку феодалам, и они с помощью царской администрации повсеместно осуществляли ее на практике.

Царизм и его военные власти до конца своих дней усердно прислуживали бекам, так же как последние им. «Дворянство есть необходимая принадлежность самодержавного государства», — писали Паскевич, Кутайсов, Мечников при составлении проекта так называемого «Предложения по устройству Закавказского края», и предлагали «учредить сверх русского и туземное дворянство»¹¹⁵.

Возведение представителя местного населения в звание русского дворянина предполагалось в строго индивидуальном порядке в награду за службу царизму верой и правдой.

Местное дворянство создавалось не на голом месте. Царизм, проводя продворянскую аграрную политику, обеспечивал его землей за счет изъятия ее у крестьян. В результате в Дагестане происходил процесс обезземеливания крестьянства, — с одной стороны, и рост числа крупных собственников земли — с другой.

В условиях Дагестана, где народ всегда страдал из-за отсутствия земель как посевных, так и пастбищных, такая политика царизма являлась вредной и реакционной. Несмотря на острый земельный голод в Дагестане, огромные земельные массивы были розданы колонистам, генералам, офицерам, купечеству. Изъятие у народа земель производилось и для сооружения крепостей, укрепленных пунктов и стратегических дорог. Кроме того, лучшие земли сосредоточивались в руках представителей ханско-бекского сословия, офицеров из местного населения и крупных скотоводов.

¹¹⁴ АКАК, т. XII, стр. 310.

¹¹⁵ «Колониальная политика российского царизма в Азербайджане». Сб. док., М.—Л., 1956, т. I, стр. 292—293.

Осуществляя указания царя, у горцев отбирали лучшие земли под строительство военных объектов. Так, были построены крепости в Ахтах, Дербенте, на Самуре, в Меджалисе, Порт-Петровске, Чирюрте, Хасавюрте, Темир-Хан-Шуре, Чиркее, Моксохе, Аймаки, Левашах, Цудахаре, Кумухе, Зирани, Салтах, Гунибе, Карадахе, Хунзахе, Ботлихе и т. д.

Отобранные в плоскостной части южного Дагестана земли приносили царскому двору ежегодный доход в сумме 1300 рублей серебром¹¹⁶, а отобранные в Каракайтаге кутаны давали казне ежегодный доход 3290 рублей серебром¹¹⁷.

Земельный фонд, принадлежащий казне, на территории Дагестана исчислялся в 180 тыс. десятин¹¹⁸. Казне принадлежали летние пастбища, леса, соленые озера, промысловые предприятия.

Как уже отмечалось выше, отобранная земля присваивалась генералами, военными и гражданскими чиновниками и казаками. В целях быстрой колонизации сюда переселялись казаки, а также русские из центральных губерний России. Так, граф Воронцов-Дашков имел в Дагестане 2314 дес. земли, генерал Лазарев — 1765 дес.¹¹⁹, помещик Кожевников — 5472 дес., дворянин Пыльцов — 2175¹²⁰, действительный статский советник Кривенко — 973 дес.¹²¹ и т. д.

Лучшие места на окраинах России царизм намеренно заселял пришлыми поселенцами. Наместник Кавказа князь Голицын писал, что «как бы ни был ограничен существующий на Кавказе запас свободных земель, его надлежит целесообразно использовать для водворения русского населения. Ввиду чрезвычайно важного государственного значения вопроса об усилении русского населения на Кавказе считаю нужным просить вас обратить на это ваше особое внимание и принять все зависящие от вас меры к усиленному и возможно скорому выполнению настоящего моего предложения»¹²².

Это говорит о том, что колонизации Кавказа, в том числе и Дагестана, царское правительство уделяло особое внимание. Следует, однако, отметить, что водворение в этом крае переселенцев из центральных губерний России, помимо воли и политических соображений царизма, объективно сблизило народы Дагестана с русским народом и дало им много поучительного в деле ведения сельского хозяйства. Такое сближение несомненно было положительным явлением.

В то же время необходимо принять во внимание и субъективные факторы, заключающиеся в том, что горец, вытиснутый

116 ЦГИА Груз. ССР, ф. 2, оп. I, д. 1994, л. 34—35.

117 АКАК, т. IX, стр. 310.

118 ЦГА ДАССР, ф. 21, оп. 3, д. 30, л. 300.

119 ЦГА ДАССР, ф. 30, оп. 3, д. 6, л. 23.

120 Там же.

121 Там же, л. 3.

122 «Обзор Дагестанской области за 1913 г.», стр. 12.

е лучших, плодородных земель, лишенный средств для содержания себя и своей семьи, не видел иного выхода, кроме политической борьбы с теми, кто его вытеснил. И если он открыто не вступал в борьбу, то это еще не значит, что он примирился со своим положением.

Таким образом, здесь прослеживается следующий процесс: царизм экспроприрует у дагестанцев значительную часть земель, чем ставит их в тяжелое экономическое положение; после экспроприации непосредственными владельцами этой земли становятся казаки, военная администрация, искусственно созданное местное дворянство, военное и гражданское чиновничество, непосредственно связанные с царизмом.

Чтобы уберечь себя от недовольного населения, царское правительство делает ставку на местные феодально-крепостнические элементы. Оно содействует возвышению и укреплению позиции местной феодальной знати путем наделения ее огромными земельными массивами по «грамотам», «ордерам», «билетам», «охранным листам» и т. д.

Наместник Кавказа кн. Михаил Николаевич писал: «Русские правительственные власти без строгой разборчивости снабжали этих князей охранными листами, указами, билетами и свидетельствами, в которых, по незнанию местного и обычного права, вкрались определения, послужившие впоследствии основанием к долголетним спорам владельцев между собою и постепенному лишению народа права собственности на землю. С того времени владельцы (князья), снискав доверие у русского начальства, обласканные им, отличенные чинами начали развивать значение полученных ими актов для ослабления права народа на землю и расширения личного своего права. Народ терял право на поземельную собственность, удерживая за собою только права перехода от одного владельца другому, но однако, не иначе как оставляя свою усадьбную оседлость... в собственность владельца»¹²³.

Документальные данные свидетельствуют, что, например, кумыкские князья, пользуясь такими привилегиями, сумели за короткий срок захватить почти все крестьянские земли, в результате чего около 30 тыс. крестьянских хозяйств оказались обезземеленными. Земля в количестве 400 тыс. десятин оказалась сосредоточенной в руках около 10 княжеских фамилий. В 1878 г. полковнику Тулаеву было пожаловано 563 десятины земли, отобранной у селения Фергаткент¹²⁴, майору милиции Айдемиру Адильханову «за усердно исполненную службу» — 248 десятин¹²⁵ и т. д. Такая раздача земель производилась в относительно больших аулах этого края.

¹²³ «Всеподданнейший отчет главнокомандующего Кавказской армией за 1863—1870 гг». СПб, 1870, стр. 247.

¹²⁴ ЦГА ДАССР, ф. 90, оп. 3, д. 24.

¹²⁵ Там же.

Проводимая царизмом на колониальных окраинах аграрная политика не могла отличаться от той аграрной политики, которую царизм проводил в России, и особенно в ее европейской части. Это и понятно, ибо царизм как в экономическом, так и в политическом отношении в XIX веке являлся концентрированным выражением интересов дворянства. Колониальная администрация проявляла особое стремление к захвату огромных латифундий, наделению ими дворянства, обеспечению земель класса, на представителей которого правительство опиралось на колониальных окраинах России.

Итак, главными личными собственниками земли в Дагестане были дворяне, которым принадлежало громадное количество земель. Активно защищая интересы крупнейших земельных собственников, колониальная администрация проводит определенную пробекскую земельную политику, которая еще больше укрепляет бекские права, способствует отчуждению в их пользу земельных площадей, способствует усилению дворянства и за счет неродовитых беков.

С целью увеличения числа бекских фамилий беками объявлялись офицеры, проявившие преданность царизму в годы Кавказской войны. Эта группа беков, несколько сходная с опричниной, являлась прямой агентурой царизма и помещичьего строя, так как царизм ее непосредственно создал и опекал.

Таким образом, в условиях Дагестана беки стали могущественной силой. Права их не были ограничены, и бывшая политическая власть ханов сосредоточивалась в их руках. Старую, одряхлевшую, скомпрометировавшую себя во всех отношениях ханскую власть, для отвода глаз и успокоения умов горцев Дагестана, царизм решил заменить, но никем иным, как представителями дворянской аристократии, которая претендовала на роль спасителя «крамольного Дагестана».

Власть помещиков и беков укрепляют, ее бережно лелеют, для ее сохранения и укрепления выращивают новые силы. «До 1900 года главная забота правительства по отношению к Кавказу сосредоточилась почти исключительно на поддержке привилегированных сословий...»¹²⁶, — говорится в официальном документе царской администрации на Кавказе.

Но достоинство привилегированного сословия царизм укрепляет не только путем простого присвоения дворянско-бекского звания. Эта сторона в тогдашних конкретных исторических условиях не была бы столь значительной, если бы она не подкреплялась земельно-правовыми отношениями. Так, например, в рескрипте от 1846 года говорится, что помыслы местной администрации были направлены и на отвод дворянам крупных земельных площадей и пастбищных угодий. «Утвер-

¹²⁶ «Всеподданнейшая записка по управлению Кавказским краем ген.-адъютанта графа Воронцова-Дашкова», 1907, стр. 87.

длить в их потомственном владении все те земли, коими роды их обладали во время присоединения мусульманских провинций к России и которые теперь находятся в беспорном их владении»¹²⁷ — такое указание наместнику Кавказа говорит о многом. В потомственное владение дворян передают земли (пастбища, сенокосы, посевные площади, леса), за ними сохраняют экономические и социальные права, укрепляют их право на получение податей и повинностей, на угнетение рабов, раятов и простого узденства. Происходит принудительное прикрепление крестьянина-горца к бекской земле, что способствует усилению экономического господства над ним. Горцы, живущие на земле дворян и беков, обязаны были «отправлять в пользу владельца различного рода повинности в вознаграждение за пользование его землею»¹²⁸.

Укрепление достоинства агларов и беков, утверждение в их потомственном владении больших латифундий и закрепление за ними крестьян для получения с них податей и отбывания повинностей в пользу беков, были далеко не случайными мероприятиями, ибо колониальная администрация хорошо понимала, что без создания такой классовой опоры ей не обойтись. Все это подтверждается положением о том, что «высшее мусульманское сословие в ответ на оказанную милость всегда (должно быть готово) по первому призыву являться в ряды наших храбрых воинов и отправлять с ревностью и усердием те обязанности, которые будут на это сословие возлагаемы»¹²⁹.

Нужно заметить, что это было не только привилегированное сословие, но и класс, господствовавший как экономически, так и политически над основной массой горского крестьянства. Далее, колониальные власти ясно выражают мысль о том, что этот класс должен явиться проводником колониальной политики в крае. Из документа явствует также, что колониальные власти, не уверенные в прочности своего положения, боясь выступления народа, создают себе прочную опору для защиты своего положения в Дагестане. Как говорится, рыбак рыбака видит издалека. Так и сближались те, чьи классовые интересы скрещивались в одной точке, кто служил друг другу верой и правдой, защищая свои собственные интересы.

Картина экономического и политического господства местного дворянства и потворства ему со стороны колониальных властей будет, по меньшей мере, неполной, если не остановиться на податях и повинностях, взимаемых с населения как в пользу дворян и беков, так и на налогах для удовлетворения потребностей колониальной администрации на Кавказе.

Прежде всего необходимо подчеркнуть, что обложение крестьянского населения Дагестана разного рода налогами

¹²⁷ ППСЗ, т. 21, стр. 617—618.

¹²⁸ Там же.

¹²⁹ Там же.

и повинностями и самый характер, вид и размер этих налогов и повинностей всегда находились в зависимости от политического строя, социально-политических группировок в стране и исторического процесса ее развития. По мере изменения политической власти менялись и формы обложения населения.

После присоединения Дагестана к России, во время господства шамхалов, ханов и беков, крестьянство, находясь в личной и имущественной зависимости от них, как было указано выше, несло целый ряд тяжелых поборов и повинностей, совершенно не соответствовавших платежеспособности и мощности отдельных хозяйств.

Повинности эти можно разделить на имущественные и личные, а по времени их вноса — на заранее определенные и неопределенные, выполняемые населением по мере надобности, и случайные, вносимые только при наступлении известных обстоятельств.

По имеющимся скудным историческим данным, во владениях шамхала Тарковского, хана Мехтулинского, уцмия Кайтагского, кадия Табасаранского, беков южного Дагестана, равно как и беков Аварии и Казикумуха, были определены следующие основные подати и повинности:

«1) Кент-ясак, подать с баранов. Каждый барановод, имеющий более 30 овец, должен был отдавать по одной овце и за пастьбу по одному барану из стада.

2) Арба-ясак, дровяная повинность. Каждый дым, имеющий рабочий скот, обязан был доставить владельцу одну арбу дров.

3) Булха, барщина — обязанность поставки плугов, косцов и жнецов в течение 2—4 дней в году.

4) Предоставление арб для надобности хана.

5) Предоставление рабочих для работ в доме хана и обработки его сада.

6) Штрафы за преступления и проступки.

7) Дамга, сбор с провозимых через владения хана товаров.

8) Сабу, подать по одной сабе (мера) пшеницы или магара с дыма, занимающегося посевом или сдающего участок под посев.

9) От каждой пары быков или буйволов по 20 саб пшеницы и 5 саб ячменя.

10) Ряд случайных поборов, в виде подношений — по случаю свадьбы», рождений и проч.»¹³⁰.

Все эти личные и имущественные повинности не поддаются точному учету, т. к. назначение размера их находилось вне всякой зависимости от мощности крестьянского хозяйства;

---

¹³⁰ Арх. Канш. намест. е. и. в. на Кавказе, 1864, св. № 8711, д. № 21—19—22.

в особенности это касается податей, взимавшихся по мере необходимости и по случаю свадеб, рождений и смерти.

«1) Душлык — по одной сабу пшеницы и по одной сабу ячменя в год с каждого дыма, имеющего достаточный посев. За орехи же бек получает с покупателей оных пошлину по 10 коп. сер. с капана.

2) Для жатвы вообще бекских хлебов давать в год с каждого дыма по одному человеку на один день.

3) Для ношения и сбора сена давать с каждого дыма по одному человеку на один день.

4) Перевозить сено по одной арбе с дыма, имеющего скот.

5) Перевозить снопы на гумно по одной арбе с двух дымов, имеющих скот.

6) Перевозить хлеб с гумна на дом с двух дымов, имеющих скот по одной арбе.

7) Доставлять по одной полной арбе дров и по одной арбе хворосту с дыма, имеющего скот ¹³¹.

8) Для возки хлеба на мельницу для перемола и перевозки обратно назначать с двух дымов, имеющих скот, по одной арбе, а для присмотра в мельнице посылать отдельно с дыма, не имеющего скота, по одному человеку.

9) Для очистки бекской канавы назначить по одному человеку с дыма на один день.

10) Назначить на гумно для работы по одному человеку с дыма, не имеющего скота, на два дня.

11) Отдавать в дом бека для службы сирот, не имеющих отца; матери, братьев и дядей со стороны отца, сиротам этим оставаться в доме бека до 14-летнего возраста, но бек не имеет права продавать сироту женского пола в замужество.

12) Уплачивать беку штраф с провинившегося, по решению Окружного суда.

13) Лица, имеющие баранов, платят в пользу бска по расчету с каждой сотни по одному барану в год.

14) Принимать в кунаки только лиц, приезжающих к беку по службе из Окружных Управлений или от наибов, прибывающим же по частным надобностям бека давать только квартиры, а прием последних кунаками зависит от согласия жителей.

Затем существовали повинности, как-то: давать беку кур и яйца бесплатно, давать по барану или барашку, по очереди, в случае приезда гостей, посылать райтов по надобности бека конного или пешего и т. д.

От всех перечисленных повинностей освобождались лишь муллы и нукеры (милиционеры)».

---

¹³¹ Примечание: при работах, указанных в 4, 5, 6, 7 пунктах, «дымы», имеющие скот, должны выделять по одному человеку для необходимых при перевозке работ.

Приведенный материал убедительно показывает произвол, чинившийся беками в отношении подвластных им райт. Из документа видно, что при установлении податей и повинностей беками не брались во внимание ни работоспособность членов семьи райт, ни площадь обрабатываемой ими земли. В документе сказано:

«...Обращаясь к Дагестанской области, необходимо, прежде всего, отметить, что во всем этом крае повинности поселян носят неземельный характер даже там, где они отбываются произведениями земли. Основанием для отбывания повинностей там является не земля, а рабочая сила»¹³².

Обычно беки не были заинтересованы в количестве земли, находящейся в пользовании крестьян, и при разделе совладельцами прав на повинности они распределяли последние между собой не по количеству крестьянской земли, а по числу домов. Крестьянские повинности в Дагестане не имели прямого отношения ни к трудоспособности отдельной податной единицы, ни к земельной обеспеченности: «Как бы различно ни было количество земли у отдельных поселян, они все отбывают повинность бекам приблизительно в одинаковом размере»¹³³, — говорится в том же документе.

Еврейское население зависимых селений, вовсе не имея полевых угодий, а владея землей под постройками, тоже отбывало повинности бекам. «Существуют райты, проживающие на землях свободных селений, следовательно, не владеющие в собственном смысле этого слова райтской землей, на которую могли бы претендовать беки (селения Кайтаго-Табасаранского округа Берикей, Вели-Кент), и тем не менее уплачивающие бекам повинности»¹³⁴.

Некоторые райты, утратив свои земельные участки, стали приобретать себе новые из числа земель свободных селений. Несмотря на это, они продолжали нести повинности бекам. Конечно, этого не было бы, если бы отбывание повинностей обуславливалось пользованием бекской землей.

Для характеристики крестьянских повинностей, как института неземельного, может служить и существование такого рода обязательств, которые, без сомнения, проистекали из неземельных прав беков. Так, «в некоторых селениях беки получали определенную плату за право выхода женщины замуж, девушки (платили) в большом размере, вдовы в меньшем»¹³⁵. Далее, «в некоторых селениях Кайтаго-Табасаранского округа существовала обязанность райт уплачивать беку некоторое количество зерна с заработков на стороне»¹³⁶. В

¹³² ЦГИА в Ленинграде, ф. 1276, оп. 2, д. 84.

¹³³ ЦГИА в Ленинграде, ф. 1276, оп. 2, д. 84.

¹³⁴ ЦГИА в Ленинграде, ф. 1276, оп. 2, д. 84.

¹³⁵ Там же.

¹³⁶ Там же.

Там же .

Там же .

селениях «с развитым садоводством беку уплачивалась пошлина за покупаемые у раят фрукты»¹³⁷.

Таким образом, отношения беков к раятам выражались в праве получения повинностей. Использование земель крестьяне распоряжались вполне самостоятельно, не испрашивая разрешения бека. Единственным определенным указанием на принадлежность раятских земель бекам являлось поступление выморочных участков в пользу беков. Кроме того, при деспотическом правлении, бек всегда имел большую возможность захватить свободный участок, чем сельское общество, что и осуществлялось на практике.

Неземельный характер повинностей крестьян Дагестана являлся естественным результатом исторических и бытовых обстоятельств, вызвавших к жизни этот институт. Зависимые отношения, как это видно из приведенных ранее материалов, существовали в тех частях Дагестана, которые входили в состав бывших более или менее самостоятельных владений, во главе которых стояли наследственные правители, носившие различные наименования (хан, шамхал, кадий, уцмий, майсум). Правители эти, взимавшие с населения различные подати и повинности, раздавали членам своих семейств или приближенным лицам в управление отдельные районы своих владений, предоставляя таким управителям доходы с подчиненных им селений. Этим объясняется то обстоятельство, что в Северном Табасаране раятские повинности взимали беки, табасаранские потомки бывшего правителя Табасарана кадия; в Нижнем Кайтаге — потомки бывшего владельца уцмня, беки уцмиевы; в южном Табасаране в числе других беки Майсумовы, потомки местного майсума и т. д., то есть совершенно так же как в Закатальском округе, где раяты отбывали повинности членам бывшего владетельского Елисуйского дома.

Такая раздача селений в управление практиковалась долгие годы, даже после присоединения Дагестана к России. Так, например, в Кюре до 1812 года вовсе не было беков, и крестьяне не отбывали бекских повинностей. С назначением в 1811 году Кюринским ханом Аслан-хана Казикумухского вслед за ним прибыли в Кюру его многочисленные родственники из Казикумуха, которым он стал раздавать в управление селения Кюринского ханства. Таким образом, бекское сословие появилось в этой части Дагестана уже при русском управлении. Время и обстоятельства этого появления не оставляют никакого сомнения в том, что повинности, вносимые раятами бекам, были неземельного происхождения.

Другим, не менее характерным примером возникновения крестьянских повинностей в пользу беков являются повинности селений Луткун и Яллах, Самурского округа. Жители этих селений добровольно приняли покровительство казику-

¹³⁷ Там же.

мухских ханов, с обязательством платить им за покровительство определенную хлебную дань.

Переход по наследству состоявших в управлении бекоз селений с правом получения доходов, естественно, мог привести беков к тому убеждению, что селения эти принадлежали им на вотчинном праве, «которое с водворением русского управления и с постепенным проникновением в местную среду русских правовых взглядов и понятий о поместном владении должно было окрепнуть в направлении, совершенно несоответствующем истинной природе бекских прав. Подобному перевороту в представлениях беков на характер их отношений к поселянам, без сомнения, способствовало и отношение к этому вопросу местных властей. Невмешательство русской администрации во внутренние дела местных владений, соединенное с поддержанием всех особенностей местной правовой жизни, было причиной того, что владельцы и беки получали возможность развивать и усиливать свои права по отношению к поселянам, истолковывая их в желательном для них смысле. Также много способствовали развитию убеждения беков в принадлежности им прав на самые земли, населенные раями, работы Дербентской комиссии, которая, приступив к обследованию вопроса о населенных имениях, могущих быть укрепленными за беками в порядке рескрипта 6 декабря 1846 года, внушила бекам уверенность, будто населенные поселянами земли составляют собственность беков, а взимаемые ими повинности являются не вознаграждением за прежние покровительства и охрану безопасности, а земельным оброком»¹³⁸.

Такой взгляд беков новейшего происхождения подтверждается, между прочим, тем, что в делах и переписке, производившейся по Дагестанской области до появления рескрипта 6 декабря 1846 года и до образования Дербентской комиссии, не имеется никаких указаний на поместные права беков. По крайней мере одна из комиссий, работавших по этому вопросу в Дагестане — временная комиссия 1901 года, ознакомившаяся с делами Дербентского архива, не обнаружила в них никаких сведений о правах беков на крестьянские земли. Самое выражение «населенное имение», впоследствии очень употребительное в официальной переписке, ранее вовсе не встречалось и определяемое им понятие было чуждо народу. Всюду шла речь о селениях и их управлении, о доходах с них, без всякого отношения к земле.

Но и впоследствии местная администрация, идя на поводу у беков, не смогла предотвратить превращения бекских прав в институт частного права даже в тех случаях, когда истинное значение этих прав было вполне ясно. В этом отношении весьма характерен следующий пример. В 1847 году князь Ворон-

¹³⁸ ЦГИА в Ленинграде, ф. 1276, оп. 2, д. 84.

цов в связи со спором о селениях Урма, Дургели и Параул Темир-Хан-Шурина округа, предписал разъяснить шамхалу Тарковскому, что деревни эти, отданные генералом Ероловым Мехти Шамхалу в вознаграждение услуг, оказанных последним русскому правительству, «не составляют его личной собственности, достояния шамхальского дома, и не могут быть шамхалами без согласия правительства отчуждаемы, как точно и другие части шамхальства», т. е. шамхалу «предоставляется право пользоваться доходами и повинностями с жителей по обычаю края, но с тем однако же условием, чтобы все взаимные отношения жителей и обычаи касательно пастбищ, воды и проч., отнюдь не изменились в том положении, как это существовало издревле до поступления деревень к разным владельцам»¹³⁹.

Несмотря на этот ясно выраженный взгляд относительно селений, принадлежавших владельцам, условия пользования ими на практике остались неизменными. Теми же селениями, по поводу которых последовало вышеприведенное разъяснение Воронцова, «князь Абумуслим Тарковский распорядился на том же праве, как и своими родовыми, отчуждая их по своему усмотрению; так, например, сел. Параул отдано было им в 1853 году в пользование сыну своему чанке Таймаз-хану, а некоторые из населенных участков даже были проданы в частные руки»¹⁴⁰.

Такому распространению взглядов беков на получаемые ими земли, как на предмет частного обладания, не могла не способствовать следующая непоследовательность, допущенная правительством уже в позднейшее время, при окончательной ликвидации политических прав ханов в их владениях. В 1865 году было упразднено Кюринское ханство, преобразованное в округ. Последнему хану была пожалована денежная пенсия, а взамен всех угодий, которыми он пользовался по званию хана, отведен в вечное и потомственное владение в Кюринском округе участок из так называемых ханских земель площадью 4000 десятин. Жители Кюринского округа, взамен всех существовавших ранее казенных и ханских налогов, были обложены общим денежным сбором. Но, освободив жителей округа от уплаты повинностей, отбывавшихся непосредственно хану, — говорится в документе, — «правительство не освободило их от отбывания повинностей бекам; между тем, упразднить и эти повинности представлялось бы вполне справедливым, так как права кюринских беков — родственников и приближенных Кюринского хана — были того же происхождения, что и ханские, возникнув не более как за 50—55 лет до упраздне-

¹³⁹ ЦГИА в Ленинграде, ф. 1276, оп. 2, д. 84.

¹⁴⁰ Там же.

ния ханства, из права управления, а не из обладания землей»¹⁴¹.

Совершенно то же самое повторилось с упразднением входивших в состав Темир-Хан-Шурина округа шамхальства Тарковского и ханства Мехтулинского. В 1867 году шамхальство и ханство были упразднены, причем последний шамхал князь Шамсудин-хан отказался от всех повинностей, следовавших ему «по званию шамхала и землевладельца» с подвластных ему селений. От уплаты таких же налогов хану Мехтулинскому подвластное ему население было освобождено по высочайшему повелению. Между тем «за беками, пользовавшимися повинностями в селениях бывших шамхальства и ханства, таковые были сохранены, и они ими пользуются до сего времени, хотя права на получение этих повинностей, уступленные им правителями, подлежали упразднению по тем же основаниям, по каким было признано необходимым упразднить все вообще политические права бывших владельцев в этих местностях»¹⁴².

Наиболее широко было распространено убеждение в принадлежности раятской земли взимателям повинностей среди беков Кайтаго-Табасаранского округа, в котором зависимые отношения и размер повинностей достигали наибольшего развития. В подтверждение земельного происхождения взимаемых беками повинностей местные беки, между прочим, обычно ссылались на то, что многие из раят, в особенности жители так называемых терекемейских селений (расположенных на берегу Каспийского моря севернее г. Дербента), являются переселенцами из других мусульманских провинций, водворенными на землях уцмия, под условием отбывания повинностей. Факт этот, однако, опровергался преданием об обстоятельствах заселения этого района Кайтаго-Табасаранского округа, записанным и внесенным в составленный Южнодагестанской сословно-поземельной комиссией исторический очерк Южного Дагестана. Оказывается, терекемейские земли принадлежали жителям Верхнего Кайтага и отчасти жителям сел. Башлы. За сопротивление, оказанное ими уцмию Султан-Ахмеду, последний перебил часть их, захватил земли и заселил их выходцами из разных мест, предоставив таким образом последним не собственные пустопорожные земли в качестве землевладельца, а отнятые им в качестве правителя. Следовательно, и версия о заселении Терекемейского района колонистами не могла служить доказательством принадлежности этих земель потомкам уцмия на вотчинном праве.

С развитием в Дагестане буржуазных отношений беки, нуждаясь в деньгах, стали разнообразить и увеличивать взимаемые с раят повинности как натурой, так и деньгами. Де-

¹⁴¹ ЦГИА в Ленинграде, ф. 1276, оп. 2, д. 84.

¹⁴² ЦГИА в Ленинграде, ф. 1276, оп. 2, д. 84.

нежная повинность становилась для раят чрезвычайно трудной, так как слишком ограничены были источники получения денег. Паразитический образ жизни бека все больше давил на раятское сословие. Сословно-поземельная комиссия писала: «Сущность раятской зависимости, чрезвычайно разнообразящейся в подробностях по отдельным округам, районам и селениям, состоит в том, что поселяне зависимых селений отбывают отдельным лицам высшего сословия повинности денежные и натуральные двоякого рода»¹⁴³. Натуральные повинности обычно отбывались продуктами сельского хозяйства, уплачиваемыми в определенном размере, и личным трудом (распашка бекских полей и сев, поставка рабочих и подвод для переезда бека, доставка дров и т. п.). В Закатальском округе, так же как бекам в Дагестане, отбывалась кешкельная повинность. «Сущность кешкельной повинности заключается в том, что плательщики обязаны ежегодно уплачивать получателям определенную натуральную повинность произведениями земли пшеницей, ячменем, просом, чалтыком, причем поселяне одних селений отбывают эту повинность только пшеницей и ячменем, других же — всеми видами земных произведений, в зависимости от того, какая культура преобладает в данном районе. Плательщиками этой повинности являются омусульманившиеся грузины и «мугалы» — мусульмане татарского происхождения. Получателями повинности являются лезгины, бывшие покорители страны»¹⁴⁴.

Уже к 1900 году зависимые отношения охватывали в Дагестанской области и в Закатальском округе около 142 селений с 15.000 дымами, представлявшими многочисленную группу населения — приблизительно 90.000 душ.

В тяжелом характере отбываемых крестьянами Дагестанской области и Закатальского округа повинностей едва ли приходится сомневаться. Эти повинности выступали в общественной жизни так, как будто они отбывались крестьянами или в виде дани покоренного племени (кешкельная повинность), или за труд управления. Таким образом, они были чем-то вроде государственных податей, а не платой за пользование землей.

Поскольку в деле установления повинностей раятам беки проявляли полнейший произвол, то такое положение приводило к серьезным политическим осложнениям. В результате Кавказская администрация вынуждена была бить тревогу перед царским правительством. Кавказское начальство заявляло, что «дальнейшее оставление этого вопроса в его теперешнем положении представляется недопустимым также в виду следующих обстоятельств. Существование этих повинностей поставило население в обостренные отношения, разделив его

¹⁴³ ЦГИА в Ленинграде, ф. 1276, оп. 2, д. 84, л. 729.

¹⁴⁴ Там же, л. 729—730.

на два враждебных лагеря. Имея исключительное право пользования своею землею, уплачивая за нее государственные и земские налоги, поселяне Дагестанской области и Закатальского округа усвоили себе взгляд, что с введением русского управления и с освобождением беков и лезгин от исполнения административно-полицейских обязанностей в районах прежних туземных владений, и те и другие утратили права на взимание повинностей; если население отбывает их, то в огромном большинстве случаев не из сознания правомерности повинностей, а под влиянием еще сохранившегося кое-где авторитета получателей повинностей и под давлением требований администрации»¹⁴⁵.

Создавшееся невыносимое положение приводило к тому, что раяты, а вместе с ними и вся остальная плебейская часть крестьянства, выступали против произвола беков и местной администрации. Брожения на этой почве происходили повсеместно, и полицейская власть не в силах была принимать эффективные меры против возмущившихся крестьян.

Дело в том, что раяты должны были отбывать повинности и вносить подати не только феодалам Дагестана, но одновременно и царской казне. «...Сверх повинностей бекам, поселяне, состоящие в зависимых отношениях к последним, уплачивают с 1901 года на основании закона 12 июня 1900 года, государственный поземельный налог на одинаковых с частными землевладельцами началах»¹⁴⁶.

В конце XIX столетия зависимые крестьяне Дагестана стали уклоняться от отбывания повинностей не только бекам, но и казне. Во многих районах Дагестана, несмотря на принятые меры, раяты совершенно прекратили исполнять свои обязательства по отношению к помещикам. «В результате этого движения возникло множество процессов и жалоб»,—говорится в официальных документах, которыми завалены суды и администрация. — В отдельных случаях суды восстанавливают нарушенные права. Главное Кавказское начальство и местная администрация также стараются не допускать произвольного уклонения поселян от исполнения своих обязательств, но их воздействие, как показал опыт, бессильно устранить коренной недостаток сложившегося порядка, требующего законодательного вмешательства, и движение среди поселян Дагестана продолжается.

Это движение в названной области развилось в зависимости от нескольких причин. Прежде всего оно имеет экономический характер. Отбывавшиеся бекам Дагестана повинности являлись обременительными для поселян, так как последние, кроме них, должны были уплачивать земские сборы и подым-

¹⁴⁵ ЦГИА в Ленинграде, ф. 1276, оп. 2, д. 84, л. 729—730.

¹⁴⁶ Там же, л. 776.

ную подать, а после 1900 года государственный поземельный налог или оброчную подать»¹⁴⁷.

Приведенные документы красноречиво характеризуют социальную политику царского правительства в Дагестане, политику, направленную на удовлетворение потребностей своей социальной опоры — беков. Эта политика оказалась настолько пагубной, что администрации пришлось принимать реальные меры к предотвращению всеобщего восстания в Дагестане. Как в социально-экономическом, так и в политическом отношении все условия к восстанию назрели. Одно то, что царское правительство узаконило возмутительно тяжелое положение, в котором находилось крестьянское население Дагестана, говорит о том, что горцы имели все основания для открытого политического выступления как против царского правительства, так и против местных феодалов.

После всего, что было сказано выше о социальной политике царизма, нам остается дать этой политике краткую характеристику.

Царское правительство проводило свою сословно-поземельную политику в интересах класса феодалов, совершенно игнорируя законные права горского крестьянства. Однако царское правительство не могло проводить свою политику, опираясь только на местных феодалов. Царское правительство не забывало и о себе, и о тех, кто прибыли в этот край из центральных губерний и обосновались в Дагестане как колонисты. К тому же в гарнизонах, дислоцированных в Дагестане, были офицеры, которые хотели обосноваться в Дагестане, для чего они должны были получить бесплатные земельные массивы. В то же время правительство несло большие расходы на содержание колониальной администрации. Для пополнения казны нужно было выкачивать деньги из населения под видом налогов.

Перейдем к разбору этой стороны вопроса, имеющей принципиальное значение для определения социальной политики царского правительства в отношении узденства и выяснения колонизаторского характера внутренней политики царизма в Дагестане.

Известно, что одним из продуктов родового строя, оставшихся в виде пережитка и после присоединения Дагестана к России, являлось определенное количество общинной земли. Обычно такой землей распоряжались по своему усмотрению джамааты. Общинную землю по адатам составляли в основном пастбища, леса, сенокосы. Общинная власть распространялась иногда и на пахотные участки, но они не превалировали над остальными угодьями. Общинной землей могли распоряжаться лишь те члены джамаата, которые являлись жителями данного аула. Известно, что по шариату и адатам

¹⁴⁷ Там же, л. 77б.

общинной землей не могли распоряжаться ни ханы, ни другие представители привилегированного сословия.

Казна не имела юридического права претендовать на земли, принадлежавшие обществам Дагестана и узденям горных округов. Утверждение, что все общественные земли якобы должны принадлежать самодержавной власти, было вопиющим нарушением элементарных прав обществ и людей. Это признавало и само кавказское начальство.

О том, что казна не имела прав на эти земли, говорится в документе колониальной администрации: «в Дагестанской области и в Закатальском округе казна не имеет и не осуществляет прав собственности на состоящие во владении жителей земли. К таким правам, по мнению наместника его императорского величества на Кавказе, не могут быть отнесены различные административные ограничения поземельных прав жителей, установленные, правда, как бы в ожидании, что земли, состоящие в их пользовании, будут признаны собственностью казны, как, например, запрещение отчуждения земель не туземцам, объявление недр этих земель казенным достоянием и наконец обложение земель сельских обществ государственной оброчной податью»¹⁴⁸.

Утверждение прав казны на дагестанские и закатальские земли возникло под влиянием соображения, будто в мусульманских странах поземельной собственности не существует, а вся земля там принадлежит носителю государственной власти — шаху, султану, как представителю бога, которому единственно, по учению Мухаммеда, принадлежат все земли. Однако принадлежность всех земель в мусульманских странах не частным лицам, а государству, была только теократической функцией.

В действительности пользование землей мусульманских землевладельцев Дагестана и Закатальского округа никогда и ничем не отличалось от владения европейскими собственниками. Права государства существовали в качестве реальных правомочий с определенным содержанием лишь в тех мусульманских странах, где они были признаны, как например в Турции, в порядке закона, установившего особую природу «эрази-мирие», как института, отличающегося от института собственности европейских законодательств. Там же, где писанного закона не существовало, и где обычное право не было подавлено авторитетом права духовного и всецело регулировало земельно-правовые отношения, — в этих странах, в частности в Дагестане и Закатальском округе, не приходилось говорить о каких-либо правах государства на земли. «В подобных случаях право это представляет не более, как отвлеченное верховное обладание без действительных правомочий, которое не может быть приравнено к существующему

¹⁴⁸ ЦГИА в Ленинграде, ф. 1276, оп. 2, д. 84, л. 903—904.

в русском законодательстве праву государства на населенные земли, состоящие в пользовании государственных крестьян, предоставляющему казне определенные правомочия в отношении этих земель»¹⁴⁹, — говорится в указанном документе.

Вопрос о землепользовании в отношении Дагестанской области и Закатальского округа вполне удовлетворительно разъясняется, если обратиться к рассмотрению тех правомочий, которые принадлежали местному населению на состоящие в его владении земли по местному обычному праву. Все местные жители Дагестана, как отдельные лица, так и сельские общества, имели на занятые ими земли ничем не ограниченные права владения, пользования и распоряжения, т. е. все те права, которые в совокупности образуют понятие права собственности.

Это фактическое владение, представлявшее все материальное содержание права собственности горцев на землю, не могло быть окончательно признано собственностью казны в смысле толкования общих гражданских законов. Права собственности на землю эти законы не могли лишать горцев хотя бы потому, что недостает формального момента укрепления его за фактическими владельцами в порядке, установленном законом, который действовал в России, но о котором понятия не имели горцы Дагестана.

Зато наивысшее развитие получило в Дагестанской области и Закатальском округе понятие фактического владения, как полного, непосредственного и исключительного земельного обладания, в отношении земель частновладельческих. Против этих прав царское правительство не выступало, и казна на эти земли не претендовала. Это и понятно. Указанные земли принадлежали классу феодалов, и правительство утвердило их владельцами этих земель.

Вместе с тем частновладельческими должны были считаться и те земли, которые находились в подворном владении и которые здесь издавна назывались «мюльками», т. е. собственностью. Иного понятия о юридической природе земель этой категории у местных жителей не могло и выработаться при тех условиях, при которых создалось здесь частное землевание. Мюльки всюду образовались путем затраты огромного труда на превращение никому не принадлежащих или общественно неудобных земель в плодородные расчисткой их из-под леса, камня, камыша, орошением их и т. п.

Однако и на эти мюльки претендовала казна. «Такие же полные права, как и частным владельцам всех разрядов, принадлежат и сельским обществам на земли общественные, но эти права не получили такого яркого выражения, как полнота права на мюльки, единственно вследствие фактической ограниченности свободы распоряжения общественными угоды-

¹⁴⁹ Там же, л. 904.

ями — преимущественно пастбищами и лесами, не могущими по своему хозяйственному назначению быть предметом индивидуального обладания и потому не допускающими дробления между отдельными членами общества. Изучение местного обычного права не дало возможности открыть такие признаки, которые бы указывали на принадлежность состоящих во владении жителей земель носителям государственной власти на вотчинном праве»¹⁵⁰.

С такой земельной программой и выступает царское правительство в отношении дагестанских горцев. Кроме изъятия земли у народа в пользу казны, сохранения исключительных прав владения за классом феодалов и «запрещения отчуждать свои земли нетуземцам, нельзя указать никакого другого распоряжения правительства, которое было бы общим для всех земель Дагестана и Закатальского округа»¹⁵¹.

В том же документе говорится, что «заявления о принадлежности недр земель казне касаются только земель сельских обществ. Равным образом только последние указанные земли обложены оброчною податью, а земли частных лиц уплачивают государственный поземельный налог. Отсюда ясно, что в этих действиях администрации сказались русские понятия о сословности земель. Земля здесь принадлежит ее владельцам на одинаковом обычном праве, к какому бы сословию они не принадлежали. Нельзя не иметь в виду и того обстоятельства, что земли Дагестана и Закатальского округа никогда доселе не состояли в ведении органов управления государственными имуществами, так как никогда последними не числились»¹⁵².

Таким образом, медленное и неопределенное поземельное устройство населения Кавказского края, особенно территории военно-народного управления, поставило его население в почти безвыходные условия, парализуя всякое проявление живой инициативы и, в частности, переход к прогрессивным формам землепользования и рациональному ведению сельского хозяйства.

Отдельные, издававшиеся по конкретным поводам, законоположения и административные распоряжения, а также разъяснения сената, не всегда отличавшиеся согласованностью проводимых в них взглядов, не вносили «в поземельный вопрос той определенности, которая может быть дана единственно общим поземельно-устроительным законом, всесторонне охватывающим разрешение назревших нужд жителей и устанавливающим на твердых основаниях его правомочия в отношении занимаемых земель»¹⁵³.

Можно согласиться с тем, что царское правительство

---

¹⁵⁰ ЦГИА в Ленинграде, ф. 1276, оп. 2, д. 84, л. 904.

¹⁵¹ Там же.

¹⁵² Там же.

¹⁵³ Там же, л. 851.

вынуждено было временно приостановить решение земельного вопроса до выяснения и изучения всех весьма сложных обстоятельств, относившихся к этой важной, запутанной и очень актуальной проблеме. Но прежний порядок вещей мог быть в известной степени терпим лишь до тех пор, пока он резко не тормозил развитие экономической жизни населения. Между тем уже во второй половине XIX века население Дагестана, даже в наиболее его глухих местностях, постепенно вовлекалось в общий гражданский и политико-экономический оборот империи.

Об этом мы уже писали раньше, и в последующих разделах данной работы подробно остановимся на этом вопросе. Здесь мы только отметим, что с привлечением капиталов из России в Дагестане строились промышленные предприятия, и это безусловно влекло за собой мобилизацию прав на недвижимость, формально запрещенную и искусственно задерживавшуюся в Дагестанской области и в Закатальском округе, ввиду неизвестности земельных прав населения и в связи с ограничением для местных жителей права свободно отчуждать земли.

Нужно учесть также, что обстоятельства эти в сильнейшей степени осложняли процесс сельскохозяйственного развития края, население которого в то время совершенно было лишено ипотечного кредита, который по тогдашним законоположениям был немыслим при господстве правовой неопределенности и существенном разногласии регулировавших эту неопределенность специальных узаконений и распоряжений.

Не меньшее, чем отсутствие поземельного кредита, препятствие к развитию местной земледельческой культуры составляло почти полное отсутствие, ввиду указанных причин, в этих районах, и тем более в плоскостной части Дагестана, рационально поставленных хозяйств, которые могли бы иметь показательное значение, например, в деле производства технического сырья.

Законоположениями царского правительства были поставлены такие барьеры, которые не позволяли в местностях военно-народного управления получить сельскохозяйственную аренду или право разработки минеральных богатств. Это задерживало развитие производительных сил края и неблагоприятно сказывалось на общем социально-экономическом развитии Дагестана. В этой связи кавказское начальство вынуждено было обратиться к царскому правительству с документом, в котором говорится:

«Если уже теперь чувствуются все вредные последствия той неопределенности, в какой до сего времени пребывает этот наболевший вопрос, то в будущем они получают, без сомнения, еще более острое значение, задерживая хозяйственную инициативу населения и замыкая местный гражданский оборот в искусственно суженные рамки.

Важнейшей задачей плодотворной государственной политики в особенности среди отсталых в культурном отношении частей населения, к которым пока принадлежат жители упомянутых выше местностей Кавказа, следует без сомнения признать проведение в их жизнь начала правового порядка и укрепление в них чувства законности. Но нельзя ожидать от населения законности и уважения к чужим правам там, где основа всего местного экономического быта — землевладение остается вне положительных определений закона, когда никто из жителей точно не знает объема и существа своих прав в отношении наиболее ценного в жизни хозяина блага — обрабатываемой им земли. Поэтому дальнейшая затяжка в решении этого вопроса представляется совершенно недопустимой, так как существующий строй землепользования не может воспитать в населении уважения к твердому праву, основанному на положительном законе.

В отношении населения Кавказа отсутствуют условия, которые могли бы считаться препятствиями для непосредственного насаждения в среде местного населения земельной собственности на общем основании. Владение угодьями на основании так называемого раздельного пользования во всем крае отличается значительной устойчивостью и положительностью. Не только принадлежность, но даже границы отдельных земельных участков в большинстве известны как их владельцам, так и окольному населению, и охраняются нормами местного обычая. Наконец, в областях военно-народного управления в Закавказье и в нагорном районе Северного Кавказа издавна сложился класс крупных земельных владельцев, напоминающих помещиков губерний Европейской России и Закавказья, которым, на общем основании, нельзя предоставить иного права, кроме права полной личной собственности. Таким образом, и местные условия землевладения подсказывают то же разрешение земельного вопроса, как и задачи единства оснований земельного Имперского законодательства, а именно требуют предоставления земель населению на праве собственности...»¹⁵⁴.

Само собой разумеется, что кавказская администрация не могла, да и не имела права безразлично относиться к такому жизненно важному для края вопросу. На Кавказ были обращены взоры многих дельцов, сюда тянулись арендаторы, промышленники из центральной России. Выращивание технических культур, виноградарство, садоводство, устройство плантаций под овощами и табаком представлялись очень выгодным делом. Большие доходы давало виноделие. Однако развивать эти отрасли хозяйства пришлый элемент не имел возможности

---

¹⁵⁴ ЦГИА в Ленинграде, ф. 1276, оп. 2, д. 54, л. 851—852.

лишь потому, что не был решен вопрос о праве землепользования и землевладения, и в силу этого запрещалась аренда земли. У местного же населения не хватало ни средств, ни навыков для организации подобных крупных хозяйств.

Примерно так же обстояло с разработкой недр, в частности с добычей нефти. Неопределенность в решении земельного вопроса не давала возможности приобретать большие участки и приложить капитал в промышленных целях. Само же государство не принимало никаких мер к освоению земель, к закладке культурных хозяйств или строительству промышленных предприятий. В этом государство абсолютно не было заинтересовано.

Таким образом, поземельное устройство народов Дагестана составляло краеугольный камень экономического развития края. Как говорится в официальном донесении, «то или иное разрешение поземельного вопроса в среде покорных народов, затрагивая самые близкие и насущные интересы наибольшей земледельческой массы, имеет громадное значение для ассимиляции победителей и побежденных и умиротворения покоренной страны»¹⁵⁵. Продолжая свою мысль, составители документа далее пишут: «Нет возможности допустить, чтобы в настоящее время, покорив себе и присоединив к своим владениям известную населенную территорию, победитель пренебрег поземельными правами местных жителей, будут ли эти права основаны на письменных законных актах, хотя и не обязательных для победителя, или на адатах и обычаях; подобный образ действий, основанный только на праве завоевания, повел бы к продолжению упорной борьбы с побежденным, быть может уничтожению его и отклонил бы экономическое преуспевание края; в силу этих соображений, не говоря уже о чувстве гуманности, право собственности государства в покоренных странах обращается обыкновенно на недвижимые имущества, никому в частности не принадлежащие»¹⁵⁶.

При ознакомлении с этим документом, на первый взгляд может показаться, что у кавказского начальства были гуманные чувства по отношению к народам Дагестана. На самом же деле это далеко не так. Прежде всего, на такой шаг его толкали не предприниматели, которые оседали в Дагестане в надежде на большие барыши. Но главное — это общественное движение горцев Дагестана, развернувшееся в эти годы и порою достигавшее больших масштабов. Это и заставило кавказское начальство бить тревогу перед царем.

---

¹⁵⁵ Рукоп. фонд ИИЯЛ Дагфилиала АН СССР, д. 2507.

¹⁵⁶ Там же.

После присоединения Дагестана к России высшее начальство Кавказа для сохранения политического спокойствия в крае объявило об оставлении неприкосновенными веры и имущественных прав. Народ этому верил. В отдельных ханствах и княжествах выполнение подобных обещаний не встречало особых затруднений не только по отношению к феодалам, но и по отношению к узденству. Однако землевладение в Дагестане носило особый характер — право собственности на землю определялось по адату. При определении сословно-поземельных отношений у горцев не оказалось необходимых документов, так как все было основано на устном обычае, подкрепляемом солидарностью членов обществ, изгонявших всякого из своей среды, кто не желал подчиняться этому обычаю. С водворением царской администрации неопределенность прав землевладения, а главное затруднения, связанные с разбором возникающих исков и тяжб, первоначально были устранены передачей всех этих дел в ведение судов, составленных из выборных от населения и разрешавших дела по адатам. Но с течением времени, после того, как царизм окончательно укрепился в Дагестане, и на этой основе начала развиваться мирная жизнь, экономические отношения между горцами стали встречать серьезные осложнения — вследствие неопределенности и сбивчивости адатных прав разрешение поземельных дел в судах стало невозможным.

Царское правительство не могло оставаться глухим к тревожным рапортам кавказского начальства, оно само ощущало необходимость навести определенный порядок в землевладении и землепользовании в Дагестане. Однако оно не сделало нужного шага для окончательного решения земельного вопроса, ибо это было не в его интересах. По существу, правительство создает только видимость, что оно занято решением этого вопроса. Для этого оно спустило многочисленные инструкции и положения и дало кавказскому начальству указание, чтобы последнее более конкретно занялось вопросами землевладения и землепользования в Дагестане.

Уже само главное кавказское начальство, столкнувшись с таким положением и имея указание сверху, принимает меры к урегулированию адатного землевладения. С этой целью были образованы особые комиссии, на обязанности которых и лежали сбор адатных, сословно-поземельных норм горского населения и выработка поземельного положения, что позволило бы совершить переход к землевладению по русскому гражданскому праву.

Как мы видим, колониальные власти пытаются «урегулировать» взаимоотношения между государственной казной и дагестанским крестьянством, с одной стороны, а с другой — между феодальной верхушкой и зависимым населением. Нужно учесть одно обстоятельство, да из имеющихся материалов

это и вытекает, что царское правительство при попытке решить земельный вопрос удивительно виртуозно лавировало между двумя основными социальными классами Дагестана. Чтобы отвлечь внимание народа, создавались многочисленные комиссии, составлялись десятки проектов, но ни вопрос о поземельных отношениях, ни вопрос о зависимых отношениях в Дагестане определенного решения не получил.

Первая сословно-поземельная комиссия, как известно, была создана еще в 1848 году. Работа этой комиссии продолжалась до 1852 года, но она так и не была завершена.

С так называемым преобразованием военно-народного управления, в 1873 году была учреждена общая сословно-поземельная комиссия для всех частей военно-народного управления Дагестана. Но эта комиссия особых результатов не достигла вследствие восстания 1877 года и последовавшим за ним эмиграционным передвижением жителей. Впоследствии комиссия возобновила свою работу, собрала сведения о сословно-поземельных адатах и приступила к подготовительным работам по составлению общего поземельного проекта для всей области.

Распоряжением главноначальствующего генерал-адъютанта Шереметева комиссии было предложено в кратчайший срок выработать и представить поземельный проект по Дагестану и Закатальскому округу, для чего, между прочим, летом 1892 года комиссия почти в полном составе была командирована в Дагестанскую область.

Какие бы ни создавались комиссии, но работы, направленные на решение поземельного вопроса в Дагестане, не были доведены до конца. Из разрозненных материалов устанавливается, что работа сословно-поземельных учреждений в деле устройства горцев, находившихся в военно-народном управлении, в поземельном отношении не дала ничего. Замедление и в конечном итоге срыв работы вызывались главным образом сложностью дела и различными политическими событиями, отражавшимися сильнее всего на территориях военно-народного управления, и в частности в Дагестане в связи с антиколониальной борьбой горцев, развернувшейся в эти годы. Созданные в то время комиссии не могли завершить работу, потому что были «установлены права государства на эти территории (т. е. территории военно-народного управления — Г. Д.) и передача казенных земель в ведение Министерства государственных имуществ»¹⁵⁷.

В 1889 году, в силу закона 14 июня 1888 года о передаче казенных земель ведения военно-народного управления в Министерство государственных имуществ, состоялась передача ему всех казенных оброчных статей и до 1.186.056 десятин

¹⁵⁷ Рукоп. фонд ИИЯЛ Даг. филиала АН СССР, д. 2507.

лесных, заселенных и не возделанных земель, находившихся в областях и округах военно-народного управления.

Официальные органы царского правительства вынуждены были дать разъяснение, почему правительство проявляло подобное отношение к землепользованию в таких районах, как Дагестан, который находился в ведении военно-народного управления. В указанном объяснении говорится: «В настоящем деле имели место заявления о полном и безусловном праве казны на все территории военно-народного управления, причем основанием такого толкования приводятся: право завоевания, произведенные государственные затраты и 406 ст. т. X, ч. I, Св. гр. Зак.»¹⁵⁸.

Насколько неприменимо к этим территориям право завоевания совершенно очевидно. Дело в том, что право сильного оставалось неотъемлемой основой действий царского правительства в отношении народов Дагестана и после окончания Кавказской войны.

Но указанная мера не могла быть осуществлена спокойно, без волнений. Путь, рекомендованный царским правительством для устранения могущих возникнуть в Дагестане осложнений, заключался в том, чтобы временно оставить за всеми жителями пользование имуществом на прежних основаниях, а затем перейти к установлению новых отношений землевладельца к земле, и на этой основе провести обложение.

Колониальная администрация, обеспокоенная, что подобные меры в деле землепользования приведут к нежелательным осложнениям, с тревогой докладывала правительству: установление таких отношений землевладельца к земле несвойственно «русскому правительству и не практично на востоке, ибо ведет к колебанию и неустойчивости власти, между тем как свойства народа требуют прямой и открытой постановки вопросов как бы они остры не были. Вернее предположить, что опубликование и применение подобной меры вызовет в населении волнение, которое осложнится и усилится вследствие других сторон народного характера»¹⁵⁹.

Ссылка на ст. 406, т. X, ч. I была основана на том, что ею определялась принадлежность казне всех имуществ, не принадлежащих никому в особенности. Как мы уже отмечали, ни общества, ни отдельные лица из числа горцев не могли иметь документов, подтверждающих принадлежность им земель. Но основывать на этом обстоятельстве право государства на такие земли было совершенно не правомерно. Горское население не только не имело представления о формальных актах, но даже не имело и не могло иметь письменного закона о землепользовании и землевладении. Ведь оно не могло знать, что

---

¹⁵⁸ Рукоп. фонд ИИЯЛ Дагфилиала АН СССР, д. 2507.

¹⁵⁹ Там же.

царское правительство, пользуясь правом завоевателя, потребует от горцев документы на право землевладения. Все, что в европейских государствах было основано на формальном законе и актах, в Дагестане основывалось на обычном (адатном) праве. Поэтому колониальная администрация вынуждена была писать: «...настолько же несправедливо лишать горца адатного права землевладения, насколько несправедливо лишать такого же права покоренного европейца, основывающего свое право на документе прежнего своего государства»¹⁶⁰.

Чтобы выйти из создавшегося положения, колониальная администрация должна была оформить это право по своим уставам и законам, но так как адатные права горцев не совсем ясно были сформулированы, необходимо было разобраться в них, для чего и были созданы особые комиссии, утвержденные царской властью. Однако правительство стремилось завершить поземельный вопрос путем «причисления всего горского населения к разряду государственных поселян, водворенных на казенных землях»¹⁶¹.

При обсуждении данного вопроса 14 июня 1888 года Государственный совет «высказал опасение, чтобы взгляд этот не нашел применения при предстоящем разверстании угодий, находящихся ныне в заведывании военно-народного управления и перешел к дальнейшему обсуждению проекта закона только тогда, когда последовало удостоверение бывшего министра государственных имуществ, что обсуждаемый закон не будет служить к разрешению каких-либо принципиальных вопросов и определению права казны на те или другие земли означенных территорий, а будет касаться передачи исключительно казенных земель и лесов»¹⁶².

Считая, что приведенными соображениями и мнением Государственного совета был установлен известный взгляд на право государства по отношению к территории военно-народного управления, царское правительство ограничивает этим свою работу, а в дальнейшем прекращает деятельность поземельных комиссий. Однако вопрос не только не был решен, но он был осложнен до такой степени, что на этой почве имели место неоднократные выступления горцев и среди них не прекращалось брожение.

Свидетельством этому является «Всеподаннейшая записка» Кавказского начальства царю, в которой отмечалось тяжелое положение кавказского населения: «Во всяком случае я решаюсь всеподаннейше заявить перед вами, государь, что практиковавшееся до последнего времени отношение к кавказскому населению в его земельных делах более терпимо быть

¹⁶⁰ Там же.

¹⁶¹ Рук. фонд ИИЯЛ Дагфилиала АН СССР, д. 2507.

¹⁶² Журнал Государственного Совета в соединенных Департаментах Законов и Государственной Экономии 14 мая 1888, № 58.

не может и уже потому только, что оно, несомненно, играет довольно видную роль в революционном настроении сельского населения»¹⁶³.

В связи с тем, что в местностях военно-народного управления политика царского правительства в земельном вопросе оказалась нереальной и неприемлемой, в 1870—80-х гг. в Дагестане развернулось антиколониальное движение. Только тогда царское правительство принимает меры, направленные на окончательное разрешение земельного вопроса.

Для этого, по указанию правительства, вместо ранее созданной поземельной комиссии, в 1883 году была образована при учрежденном тогда управлении главноначальствующего новая центральная «Комиссия для окончания сословноземельного вопроса в частях Кавказского края военно-народного управления». Эта комиссия должна была в основном вести работу по разрешению вопроса о поземельных отношениях между беками и крестьянами в Дагестанской области.

В 1898 году комиссия внесла в Совет, организованный при главноначальствующем на Кавказе, проект о распространении положения от 14 мая 1870 г. «на поселян, водворенных на землях лиц высшего сословия в частях Дагестанской области, входивших в состав бывшей Дербентской губернии». Однако этот проект не был утвержден. Ввиду того, что сословно-поземельная комиссия не оправдала своей роли, она была преобразована из самостоятельной комиссии, или даже учреждения, в отдел канцелярии главноначальствующего по военно-народному управлению.

В том же 1898 году этому отделу было поручено составить новый проект, который по существу вводил положение от 14 мая 1870 года, однако с внесением некоторых поправок к положению 1870 года и существовавшим положениям по сословно-поземельным вопросам, а именно: этим вновь созданным проектом не устанавливались нормы надела для крестьян, а закреплялось фактическое пользование землей. Кроме того новым проектом отменялись все повинности, не вытекавшие из земельного пользования, а оставлялись только те, которые имели смысл платы за землю.

Дело в том, что положение о поземельном устройстве от 14 мая 1870 года рассматривало все земли как казенные и горцев — как государственных крестьян, с той разницей, что государством эти земли были отданы в вечное пользование владельцам. Таким образом, горские крестьяне рассматривались как крестьяне, водворенные на землях лиц, принадлежащих к привилегированному сословию. Этим актом навечно закреплялось право привилегированного сословия на землю, поскольку последнее было непосредственной опорой царской

---

¹⁶³ «Всеподданнейшая записка по управлению Кавказским краем генерал-адъютанта графа Воронцова-Дашкова», 1907, стр. 63.

России в Дагестане. Многие статьи из положения от 14 мая 1870 года, предусмотренные для мусульманских народов Закавказского края, были разработаны применительно к принципам крестьянской реформы 19 февраля 1861 г., которая была крепостнической реформой и не могла быть иной, ибо ее проводили крепостники.

Вообще следует сказать, что все реформы, проекты, уложения, связанные с сословно-поземельным вопросом, в частности с вопросом о зависимых отношениях и феодальных повинностях в Дагестане проводились царскими крепостниками при непосредственном приложении рук дагестанских феодалов. Эти реформы проводились в их пользу и с таким расчетом, чтобы они были как в политическом, так и в экономическом отношении однотипны с русскими крепостниками.

Согласно положению от 14 мая 1870 года впредь до введения в действие уставных грамот крестьяне продолжали пользоваться всеми теми землями и угодьями, которыми пользовались до сих пор и должны были отбывать в пользу землевладельцев прежние повинности. В связи с этим указывалось, что все спорные вопросы должны решаться добровольно, с утверждением мирового посредника и при содействии местной полиции. На местную полицию в то же время возлагалась обязанность исполнять немедленно все законные требования мирового посредника.

Таким образом, закон от 14 мая 1870 года был законом, который, за редким исключением, сохранял все повинности в пользу дагестанских землевладельцев в прежнем виде и обеспечивал народы Дагестана «полицейской порукой» по царскому закону.

С развитием буржуазных отношений в Дагестане перед землевладельцами стал вопрос о замене натуральных повинностей денежными. В связи с этим выдвигался новый проект, который предусматривал изменения поземельно-сословного положения в духе развивающихся буржуазных отношений. Этот проект возлагал на главного начальника Кавказского края обязанность перевести земельные повинности на деньги и обязать крестьян вносить их в казначейство. В то же время горцам предоставлялось право выкупа установленных натуральных повинностей, но с условием, что и после выкупа право собственности на земли должно принадлежать казне, а крестьяне, водворенные на эти земли, могли пользоваться ими исключительно на правах государственных крестьян.

Таким был проект, представленный краевой властью на рассмотрение царского правительства.

Проект встретил со стороны центральных ведомств, в особенности со стороны Министерства внутренних дел, «серьезные возражения». В результате этот проект, как «не находящий себе оправдания в законодательных актах о земельном

устройстве сельских обывателей», был отвергнут. Кавказской администрации было предложено заняться переработкой этого проекта путем дополнительного изучения земельных и сословных отношений дагестанских горцев.

Для этого в 1901 году в Дагестанскую область была командирована особая временная комиссия, на которую было возложено: 1) проверить по планам хозяйственной съемки земель Дагестанской области границы фактического землевладения беков и зависимых крестьян; 2) собрать в Дербентском архиве сведения по вопросу о применении в Дагестанской области рескрипта от 6 декабря 1846 года. При этом земельные участки в первую очередь следовало определить бекам, а оставшуюся часть земли — крестьянам.

Прибыв в 1901 году в Дагестан, указанная комиссия проделала значительную работу по сбору и обобщению фактического материала о «землепользовании раят». Однако дальше сбора материала дело не двинулось, и работа была прекращена. Единственное, что комиссия нашла возможным сделать — это дать следующее заключение:

«Всякое предрешение ныне вопроса о правах сельских обществ Дагестанской области на состоящие в их пользовании земли надлежит считать преждевременным и выходящим из пределов главного, а тем более местных начальств Кавказского края. Поземельный вопрос, как и сословный, в Дагестане еще не разрешен в законодательном порядке, а потому определить в настоящее время принадлежность, на праве собственности земель, состоящих в пользовании так называемых вольных обществ, не представляется возможным. С одной стороны, жители не имеют документальных данных, свидетельствующих о формальном закреплении за ними сих земель; с другой — многолетнее, беспрепятственное и свободное пользование с их стороны этими землями, к тому же весьма ограниченными по своим размерам и недостаточными для удовлетворения их нужд, — указывает на невозможность не только отчуждения этих земель, но даже и незначительного стеснения в существующем пользовании. Таким образом, упомянутые земли состоят в полном пользовании поселян, но права этого пользования в юридическом смысле не определены законодательным порядком»¹⁶⁴.

Таково было непосредственное отношение царских властей к горцам Дагестана в деле решения земельного вопроса, так остро вставшего в жизни горцев.

Разбирая вопрос о поземельной собственности и общественном землепользовании на Кумыкской плоскости, Н. П. Тульчинский пишет: «Внимательно рассматривая ход поземельного

¹⁶⁴ ЦГИАЛ. ф. 1276. оп. 2, д. 84. л. 118—119.

вопроса на Кумыкской плоскости, мы видим, что он развивался тремя периодами. К первому периоду, и самому длинному, относится время с 1722 по 1818 гг., в продолжение которого шло, путем разного рода разрешений и произвольных захватов, закрепление поземельной собственности за высшим сословием, никем не нарушаемое. Ко второму периоду относится время с 1818 до начала 60-х годов, в котором высшее сословие, уже захвативши почти всю территорию плоскости, производит земельные разделы между княжескими фамилиями и ведет ожесточенные споры между собою, народом и соседями — некумыками из-за обладания той или другой землею, причем в этих спорах и разделах еще с большею рельефностью выступает процесс нелегальных земельных захватов, свидетельствуемых самими князьями и народом. Наконец, третий период — это 60-е годы, когда поземельный вопрос опять-таки с лабиринтом запутанных споров, получил окончательное решение»¹⁶⁵.

Прежде всего следует подчеркнуть, что такой захват и насильственное приобретение земель происходили не только на плоскости, но и во всем Дагестане, свидетельством чему является ханско-бекское землевладение, которое растет в эти времена.

В период ермоловщины этот процесс в горах усиливается, а не уменьшается. В 60-х годах земельный вопрос так осложняется, что царское правительство, как самое лучшее решение, находит нужным объявить все земли казенными, а горцев — государственными крестьянами. «Под влиянием такого направления поземельный вопрос... получил даже принципиальное разрешение в смысле признания всех земель собственностью казны по праву завоевателя и в виду юридических соображений о принадлежности земель в Турции только одному султану»¹⁶⁶.

Однако, для того, чтобы при сложившихся в начале XIX века общественно-политических и экономических условиях возвысить дворянское сословие, тот же Воронцов-Дашков считает необходимым «всех отдельных землевладельцев признать за собственников земель из фактического владения. Нет возможности допустить, чтобы в настоящее время, покорив себе и присоединив к своим владениям известную территорию..., победитель пренебрег поземельными правами жителей, основанными на письменных законных актах... Заставлять ныне беков Дагестана и землевладельцев... доказывать право собственности на их земли, когда вперед известно, что они не в состоянии это сделать, было бы недостойным русского правительства»¹⁶⁷.

¹⁶⁵ Н. П. Тульчинский. Указ. соч., стр. 14.

¹⁶⁶ «Всеподаннейшая записка по управлению Кавказским краем ген.-адъютанта графа Воронцова-Дашкова», 1907, стр. 56.

¹⁶⁷ Там же, стр. 57.

С такой программой по земельному вопросу кавказская администрация выступила перед царским правительством. В эту программу входило сохранение собственности на землю за дворянством и укрепление мерами экономического характера сословных привилегий землевладельцев. «Я думаю, — писал Воронцов-Дашков, — что предстоящее поземельное устройство Дагестана... должно быть основано на охранении давностного добросовестного владения, путем признания за владельцами права собственности»¹⁶⁸.

Таким образом, первым насильственным актом колониальных властей в Дагестане явился захват общественной земли, в связи с чем горцев, как и крестьян многих губерний России, стали причислять к разряду «государственных крестьян», якобы сидящих на «казенных землях, состоящих в постоянном пользовании поселян»¹⁶⁹. Между тем горцы Дагестана и понятия не имели о «казенной» земле. Если сопоставить термины «общественное» и «казенное», то никакого юридического тождества между ними нет. Однако не эта сторона вопроса интересовала колониальную администрацию в Дагестане, которая в нарушение общепризнанных местных обычаев подвела формальную базу для захвата земли и впоследствии практически осуществляла таковой. Свои доводы царское правительство аргументировало тем, что якобы «все земли, состоящие в распоряжении сельских (аульских) обществ, принадлежали при прежнем владычестве (в каком документе не говорится) казне и отданы были лишь во временное пользование населению и что отношения эти сохранились и по водворении русской власти»¹⁷⁰.

Этим актом царское правительство, во-первых, явочным порядком превращает в государственную собственность земли, находившиеся в распоряжении сельского общества, во-вторых, на жителей этих земель колониальная администрация накладывает государственные налоги якобы за пользование государственной землей. Тем самым в экономическом отношении народ был чрезвычайно отягощен, а в политическом отношении принижен. Вчерашний свободный горец оказывался превращенным в «казенную собственность».

Колониальная администрация не подвела под рубрику казенных ту часть земель, которая еще Шамилем была превращена в байтул-мал, т. е. в общегосударственную собственность. Шамиль обращал в общегосударственную собственность главным образом земли, которые были им изъяты у ханов и беков. При этом общественные земли аулов оставались нетронутыми и использовались так, как это считал нужным джамаат. Однако по окончании Кавказской войны

¹⁶⁸ «Всеподданнейшая записка по управлению кавказским краем ген.-адъютанта графа Воронцова-Дашкова», 1917, стр. 58.

¹⁶⁹ ППСЗ, 1907, т. XX, стр. 779.

¹⁷⁰ Там же, стр. 778.

царское правительство превращенные Шамилем в общегосударственную собственность ханские и бекские земли не перечисляет в казну, а возвращает тем, кто прежде угнетал народ, т. е. ханам и бекам.

Какую же цель, кроме налоговой, преследовал царизм, превращая общественные земли в общегосударственные? Прежде всего этот акт давал возможность под любым предлогом отчуждать земли и раздавать их по усмотрению колониальных властей местным и пришлым дворянам, чиновникам и офицерам; строить на них по своему усмотрению крепости, дороги и другие стратегические объекты.

Отнеся все земли, принадлежащие горцам, в разряд казенных, царское правительство считало естественным, что этими землями могли распоряжаться лишь те, кто прибыл в Дагестан из центральных губерний России. Местное население, как не пользующееся доверием царизма, не могло приобретать казенные земли и что-либо строить на них.

Это можно подтвердить документом, исходящим от наместника Кавказа. В документе говорится:

«В окрестностях штаб-квартир войск Терской и Дагестанской областей есть земли, составляющие собственность казны и предназначавшиеся для удовлетворения разных хозяйственных надобностей частей, там расположенных. Ныне, с уменьшением численного состава войск, часть этих земель остается без употребления и в настоящем своем виде не приносит почти никакой пользы, но в то же время не может быть уступлена туземным жителям, так как близкое соседство последних к месту расположения войск не может быть допускаемо. С другой стороны, обыватели штаб-квартир, при настоящем положении дел, крайне стеснены даже в первоначальных потребностях и по необходимости должны довольствоваться тем, что производят полковые и батарейные огороды или за довольно высокую цену приобретать огородные овощи, доставляемые из других мест.

На этом основании его императорское высочество признает, что разрешение раздавать в частные руки земли с целью разведения огородов, садов и даже плантаций разных полезных растений, свойственных кавказскому климату, распространенное и на ту часть Кавказской территории, которая непосредственно состоит под военным управлением, на условиях существующих относительно этого предмета в Закавказье, принесло бы в будущем несомненную пользу. Право получения земель в окрестностях штаб-квартир, непосредственно под прикрытием наших войск, привлекло бы в эти места деятельных промышленников и тем положило бы основание правильному хозяйству, столь необходимому для будущего экономического развития этой части Кавказа.

Равным образом его высочество считает полезным и дозволение русским офицерам, а также и лицам гражданского ве-

домства, всякого звания и состояния, приобретать, с хозяйственными целями, у туземцев земли, коими последние владеют на правах собственников и признаются в этом качестве нашим правительством.

В этих видах его императорское высочество командующий Кавказской армией просит исходатайствовать высочайшее государя императора соизволение:

1. На предоставление его высочеству, по званию командующего Кавказской армией, права раздачи частным лицам свободных казенных участков земель в Терской и Дагестанской областях, на тех же основаниях, как это предоставляется наместнику в Закавказском крае, выше приведенными (142—148) статьями свода гражданских постановлений.

2. На дозволение русским офицерам и лицам гражданского ведомства приобретать в собственность у туземцев земли, и

3. На отделение в штаб-квартирах войск Терской и Дагестанской областей (которые в будущем сохраняют значение населенных пунктов, независимо от военных обстоятельств), некоторых пространств земли для продажи в частные руки, не стесняя однако построек военных и принадлежащих чинам войск.

В настоящее время, как изъясняет его высочество, во многих из штаб-квартир названных областей уже возведены частными лицами капитальные здания, между тем земля, на которой существуют эти постройки не составляет собственности домовладельцев и может быть у них отобрана во всякое время, по военным обстоятельствам. Но так как ход последних на Восточном Кавказе уже достаточно разъяснился, то испрашиваемая его высочеством мера будет благотельно содействовать как развитию промышленности, так и благоустройству самих поселений при штаб-квартирах находящихся.

Представление его императорского высочества командующего Кавказской армией было сообщено мною на заключение министра государственных имуществ, который уведомил меня ныне, что так как его императорское высочество признает, по военным обстоятельствам, осуществление вышеизложенных мероприятий возможным и в настоящее время, то он не встречает препятствий к приведению в исполнение предположений его высочества как вполне полезных.

С своей стороны, совершенно соглашаясь с мнением его императорского высочества командующего Кавказской армией, что предполагаемые его высочеством меры будут вполне благотельны для края, я имею честь представить предположения его императорского высочества, командующего Кавказской армией, на разрешение Кавказского комитета»¹⁷¹.

---

¹⁷¹ ЦГИАЛ, ф. 1268, оп. 10, д. 104, л. 2—6.

На это последовал указ царя, который гласил:

«...1) Предоставить его высочеству, по званию командующего Кавказской армией, право раздачи частным лицам свободных казенных участков земель в Терской и Дагестанской областях на тех же правилах и основаниях, как это предоставлено наместнику Кавказскому в Закавказском крае.

2) Дозволить русским офицерам и лицам гражданского ведомства приобретать в собственность у туземцев означенных областей земли, и

3) в штаб-квартирах войск Терской и Дагестанской областей (которые в будущем сохраняют значение населенных пунктов, независимо от военных обстоятельств) отделить некоторое пространство земли для продажи в частные руки, не стесняя однако построек военных и принадлежащих чинам войск»¹⁷².

О чем говорят указанные документы?

Прежде всего из приведенных документов виден тот произвол, который чинило царское правительство в отношении горцев Дагестана в области землепользования.

Землю, явочным порядком отобранную у народа и признанную общегосударственной собственностью, царское правительство считает возможным навсегда передать не тем, кому она раньше принадлежала, а царским колонистам — офицерам, чиновникам, дворянам и буржуазным элементам недагестанского происхождения. Горцы, почти лишенные земли, влачили голодное существование, а царское правительство, отобрав у горцев и без того недостающую им землю, передавало ее в руки колонистов.

Подобные манипуляции могли совершаться и в отношении извечно принадлежащих горцу мюльков. Если бы эти мюльки были расположены в районах, где легче мог обосноваться офицер или предприниматель из центральной России, то возможно, лишив горца права пользования мюльками, они навечно отводились бы, как казенная собственность, этим колонистам. Но «счастье» горца заключалось в том, что мюльки были расположены в трудно доступных и ненадежных с точки зрения царского правительства местах. Поэтому они не отводились горским колонистам. Тем не менее права собственности горца-узденя на мюльки царское правительство не признавало и таким образом создавало неопределенность положения горцев и незаинтересованность в улучшении находившихся в их пользовании мюльков.

Как отмечалось выше, мюльки извечно представляли собой частную собственность горца-узденя. Мюльки, созданные трудом поколений, переходили из рода в род, из поколения в поколение. Мюльки передавались по наследству сыновьям

---

¹⁷² Там же.

и даже дочерям, могли быть, по желанию хозяина, превращаемы в собственность мечети или в общественное достояние. Однако, после того, как царское правительство причислило горцев к категории крестьян, живущих на казенной земле, оно стало отрицать также право собственности узденей на мюльки.

Последовательно проводя продворянскую политику, царское правительство всячески изыскивало пути изъятия у народа земли и превращения ее в государственную собственность. Так, например, только за участие в восстании 1877 года у горцев отобрано и передано в казну более 374 тыс. десятин удобной земли¹⁷³.

Летние пастбища 35 селений Андийского округа площадью примерно в 16 тыс. десятин были конфискованы и переданы в ведение управления государственным имуществом¹⁷⁴.

Неоднократные аграрные беспорядки, многочисленные делегации аулов, побывавшие в резиденции наместника царя на Кавказе, исключительно тяжелое экономическое положение горцев вынуждали царское правительство создавать поземельные комиссии для решения аграрного вопроса. Хотя эти комиссии создавались шесть раз и немало занимались сбором и изучением учетно-статистического материала, однако к конечному результату они не приходили, и аграрный вопрос так и остался неразрешенным. Наоборот, вместо правильного отношения к данному вопросу, комиссии только запутывали его. Так, междуведомственное совещание, созванное для рассмотрения законопроектов наместника на Кавказе по земельному устройству населения Кавказского края, отмечало, что «земли, состоящие в их пользовании (т. е. в пользовании узденей — Г. Д.), будут признаны собственностью казны, как например, запрещение отчуждения земель нетуземцам, объявление недр этих земель казенным достоянием и, наконец, обложение сельских обществ государственной оброчной податью». Это было аргументировано тем, что «в мусульманских странах поземельной собственности не существует, а вся земля там принадлежит носителю государственной власти»¹⁷⁵.

Такая поземельная политика царизма в отношении дагестанских горцев была не только обременительной для них, но в конкретных исторических условиях она носила ярко выраженный продворянский классовый характер. В конечном итоге она приводила к полной экономической зависимости основной массы горцев не только от дворян и беков, но к концу XIX

---

¹⁷³ «Обзор Дагестанской области за 1912 г», Темир-Хан-Шура, 1913, стр. 23.

¹⁷⁴ Там же.

¹⁷⁵ ЦГВИА, ф. 1276, оп. 2, д. 84, л. 1219.

и началу XX века и от зажиточного крестьянства, превращавшегося в силу объективных условий в земельных собственников и угнетателей горского крестьянства. Кроме всего прочего, такая политика была глубоко реакционной, ибо она была направлена против частнопредпринимательских действий, а следовательно, задерживала развитие производительных сил в крае.

Царское правительство, проводя такую поземельную политику в отношении горцев Дагестана, в то же время серьезно не занималось его экономикой и не принимало реальных мер, направленных на улучшение жизни горцев. К тому же не было специального органа, который занимался бы экономикой аулов. В 1864 году в центральных губерниях России созданы земства, которые к решению вопросов сельского хозяйства и сельской жизни подходили исключительно с классовых дворянских позиций. Следовательно, многого от них ожидать было нельзя, и все же даже таких органов в Дагестанской области создано не было.

Вопросами земства Кавказское начальство занималось с 1883 года. Был создан Совет главноначальствующего под председательством помощника главноначальствующего. В Совете составлялись, по данным Кавказской канцелярии, проекты земских смет расходов и доходов и рассматривались разные вопросы, возникавшие при исполнении этих смет. Заведывание всеми земскими делами было возложено в районах военно-народного управления, т. е. в Дагестане, на канцелярию военного губернатора. Таким образом, заведывание земскими делами осуществлялось исключительно администрацией, без участия местных людей.

До 1883 года заведывание земскими повинностями лежало на «Особом о земских повинностях присутствии при местном главном управлении» и на «Особом комитете», который созывался один раз в три года для рассмотрения земских смет. Оба эти учреждения функционировали под председательством начальника гражданского управления.

Особый комитет был организован из военных губернаторов, местного губернского предводителя дворянства, председателя Закавказской казенной палаты и депутатов от отдельных сословий, приглашаемых по усмотрению наместника Кавказа. В документе говорится, что «если до введения с 1-го июля 1883 года нового учреждения управления Кавказским краем местные элементы, хотя и в незначительной степени, все-таки привлекались к участию в земских делах, то с 1883 года все земское хозяйство было возложено всецело на администрацию».

С постепенным развитием в Кавказском крае земского хозяйства представители высшей администрации уже не были в состоянии заниматься вопросами земства. В связи с этим

было возбуждено ходатайство об образовании в Закавказских губерниях для заведывания земскими делами губернских распорядительных комитетов.

Этот вопрос был представлен на рассмотрение министра финансов, который, не находя каких-либо оснований, препятствующих введению распорядительных комитетов, предложение это поддержал.

Канцелярия главноначальствующего составила в 1885 году записку об учреждении распорядительных комитетов. В этой записке, между прочим, было указано, что для губернских правлений и канцелярий военных губернаторов, у которых вообще не было коллегиальных органов для обсуждения земских вопросов, создаваемые распорядительные комитеты могут сыграть положительную роль.

Однако министерство финансов возбудило ходатайство перед правительством об организации вместо распорядительных комитетов земских комитетов под председательством губернаторов и в составе управляющего казенной палатой, члена губернского по поселянским делам присутствия, городского головы областного центра, управляющего государственным имуществом.

На заседания этих комитетов должны были приглашаться губернатором с правом голоса местные землевладельцы или владельцы иных, облагаемых земскими сборами, имуществ в числе не менее пяти лиц, для рассмотрения: 1) проектов смет и раскладок земских повинностей и переводе их в денежные, и 3) дел об оценке облагаемых земским сбором имуществ.

Привлечение к управлению земским хозяйством местных землевладельцев или владельцев других, облагаемых земскими сборами, имуществ и притом в таком числе, которым обеспечивалось бы принятие комитетом во внимание специфических условий, присущих отдельным местностям, считалось весьма желательным не только при периодическом составлении раскладок, но и при разрешении всех частных вопросов, жалоб и недоразумений. По мнению властей, указанные представители, близко знакомые с местными условиями, могли давать полезные советы и указания по многим вопросам земского хозяйства.

Все эти предложения Министерства финансов тогда не получили осуществления, так как правительство не поддержало их.

В 1896 году Министерство внутренних дел, предполагая ввести земские учреждения в Ставропольской губернии, возбудило ходатайство об организации земства на Кавказе, и это ходатайство было поддержано. Ходатайство Министерства внутренних дел следующего содержания:

«При проведении Положения о земских учреждениях в 33 губерниях Европейской России было поручено Министерству

внутренних дел, вместе с тем, озаботиться введением этого положения и в остальных губерниях империи. Предположение это, однако, не могло быть осуществлено в некоторых губерниях по политическим условиям того времени, в других же по местным их особенностям. «Между тем, — по мнению Министерства, — реформа хозяйственного управления в тех губерниях, в которых не действует Земское положение, представлялась настоятельно необходимой, так как действующие в них местные хозяйственные органы, учрежденные в первой половине текущего столетия и почти не подвергшиеся изменениям до последнего времени, настолько устарели, что не только не отвечали более предъявленным к ним как со стороны правительства, так и с точки зрения интересов местного населения, требованиям, но и оказались недостаточными для исполнения всех тех функций, которые возлагаются на них вновь издающимися законами. Изложенные неудобства дореформенного порядка в губерниях, в коих не введено земское положение, неоднократно обращали на себя внимание высшего правительства, и Государственный совет, по Департаменту государственной экономии, счел нужным поручить министру внутренних дел, до истечения срока действия земских смет на трехлетие 1896—1898 гг., войти, по сношению, с кем следует, в обсуждение и внести на утверждение Государственного совета свои соображения по вопросу о преобразовании учреждений, ведающих делами о земских повинностях в губерниях, где не введены земские учреждения, и о мерах, кои могли бы способствовать правильной постановке в этих губерниях земского хозяйства».

Из всего изложенного видно, что с начала 80-х годов прошлого столетия как главное кавказское начальство, так и Министерства финансов и внутренних дел признавали существующую организацию земского хозяйства в Закавказском крае не отвечающей потребности земского дела.

Помимо этого, вопрос о введении в Закавказье земских учреждений разрабатывался и обсуждался как на губернских собраниях дворян Тифлисской и Кутаисской губерний, так и во многих местных сельскохозяйственных и медицинских обществах.

Еще в 1867 году, по предложению Горийского уездного дворянского собрания, был возбужден вопрос о введении в Тифлисской губернии земских учреждений. Затем в 1871 и 1880 гг. такой же вопрос был поднят и в Тифлисском губернском дворянском собрании. В 1894 году, по предложению князя Г. М. Туманова, Тифлисское губернское дворянское собрание избрало особую комиссию для выработки записки о введении земских учреждений. Такая же комиссия была выбрана в 1897 году, причем последняя представила проект введения в Тифлисской губернии земских учреждений

по Положению 1890 года. На основании этого проекта и после всестороннего обсуждения вопроса о земских учреждениях в губернском и уездном собраниях, Тифлисский губернский предводитель дворянства представил 31 декабря 1899 года главноначальствующему гражданской частью на Кавказе князю Голицыну рапорт о распространении на Тифлисскую губернию Положения о земских учреждениях 1890 года. В этом рапорте губернский предводитель дворянства, помимо разных статистических и экономических сведений о Тифлисской губернии, привел также и соображения как о цензе для права избрания в гласные, так и о числе гласных в уездных земских собраниях.

Затем вопрос о необходимости введения земских учреждений обсуждался в императорском Кавказском обществе сельского хозяйства, которому член этого общества А. И. Сааков представил в 1899 и 1903 гг. обстоятельные доклады по данному вопросу. На состоявшихся осенью 1901 года при этом обществе съездах по виноделию и виноградарству, по земледелию, по молочному хозяйству и кустарной промышленности было выражено мнение о необходимости для развития той или другой отрасли хозяйства в крае введения земских учреждений. К такому же решению пришли и участники съездов по хлопководству.

Вопрос этот обсуждался и местной печатью. За введение земства в крае высказывались: «Новое обозрение», «Иверия», «Моамбе», «Квали», «Северный Кавказ», «Кубанские ведомости», «Медресе» и др.

Из краткого обзора истории вопроса видно, что и администрация, и местные учреждения, и отдельные общества, и печать, учитывая недостатки земского хозяйства в крае, приходили к решению о необходимости изменить существующий в этом деле порядок. Министерство финансов и главное кавказское начальство находили необходимым совершенно реорганизовать земское хозяйство, предоставив во всех местностях края право участия местным землевладельцам в руководстве земскими делами. Как уже было упомянуто выше, канцелярия главноначальствующего еще в 1885 году высказалась в том смысле, что только применение к Закавказскому краю действовавшего в то время Положения о земских учреждениях дало бы возможность развиваться местному земскому хозяйству и распределять более правильно налоги.

Таким образом, сомнений в необходимости и возможности введения в Закавказье земских учреждений не существовало.

Первоначально, при разработке вопроса о земских учреждениях для губерний, управляемых по общему положению, имелось в виду предоставление хозяйственному управлению большего единства, большей самостоятельности и большего доверия. Главной же задачей, по выражению министра финан-

сов, было «по возможности полное и последовательное развитие начала местного самоуправления с тем, чтобы заведывание земскими делами уездов и губерний было предоставлено самому населению уезда и губернии на тех же основаниях как частное хозяйство предоставляется распоряжению частного лица, хозяйство общественное—распоряжению общества». Выборность земских учреждений обуславливалась признанием, что в местном управлении были дела, которые лучше могли быть выполнены непосредственно в них заинтересованными местными людьми, чем назначенными чиновниками.

Земским и городским учреждениям предполагалось предоставить возможно широкое участие в деле заведывания различными сторонами местного благоустройства, привлекая для этого представителей всех слоев заинтересованного в местных делах населения. Предполагалось также образовать, кроме губернских и уездных земских учреждений, общественные установления по заведыванию делами благоустройства на местах в небольших по размеру участках. Таким образом, был выдвинут вопрос о мелкой земской единице, который разрабатывался более 30 лет и обсуждался почти во всех уездных и губернских земских собраниях, во многих ученых обществах и в различных правительственных комиссиях. По этому вопросу были тогда намечены следующие главнейшие положения:

Разделение уезда (округа) на мелкие земские единицы должно было проходить по возможности с таким расчетом, чтобы численность населения данного района могла обеспечить выплату земского сбора. Такие районы удобны тем, что все предпринимаемое земством могло быть основано на точном знании местных условий и в то же время территория района настолько велика, что он располагает достаточными средствами для правильного ведения скромного земского дела.

Согласно положению мелкая земская единица должна была быть создана как бессословная, самоуправляемая и самооблагающаяся. Она должна была сблизить между собой различные группы населения, мало соприкасающиеся друг с другом, так как сама жизнь делала все необходимое для взаимодействия всех слоев населения, без различия веры, национальности, сословия, экономического положения и пр.

По положению источником средств предусматривался подоходный налог, который мог быть введен законодательной властью. Организация такой мелкой земской единицы должна была слататься из избирательного и распорядительного собрания и исполнительного органа, избираемого этим собранием и подлежащего его контролю. Избирательные собрания должны были созываться раз в три года, а распорядительные — очередные — ежегодно и чрезвычайные — по мере надобности. В избирательных собраниях могли участвовать частные вла-

дельцы, не принадлежащие к составу сельских обществ, с цензом, пониженным против определенного земским положением, представители от мелких землевладельцев, от малых городов и местечек, от сельских обществ, а также от казны, уделов и духовенства (по цензу церковного имущества). Некоторые земства предполагали предоставить право участия в избирательном собрании мелкой земской единицы местным уроженцам и постоянным жителям, хотя и не обладающим имущественным цензом, но удовлетворяющим требованиям ценза образовательного.

Круг деятельности мелкой земской единицы был установлен в общем такой же, как и уездного земского собрания по отношению к своему району, тот же порядок производства дел, счетоводства, отчетности и пр. Основными условиями успешного действия мелкой земской единицы признавались: доверие к общественной самодеятельности, обеспечение самостоятельности и свободы распорядительного органа, установление такого порядка, при котором выборный исполнительный орган никем не утверждается и сменяется лишь по суду.

На таких началах предполагалось организовать земства и их работу в Дагестане. Несмотря на то, что в тогдашних социально-экономических и политических условиях значительного прогресса в жизнь дагестанского аула они не внесли бы, тем не менее горцы Дагестана располагали бы органом, который в какой-то мере занимался бы внутрисельскими вопросами. Это не вызывает никаких сомнений.

Известно, что ни военно-народное управление, ни губернатор области конкретно внутрисельскими делами, тем более развитием экономики горца и аула, не занимались. С организацией земств все эти вопросы в какой-то мере нашли бы отражение в деятельности этих органов, хотя больших надежд на них нельзя было возлагать. Земские учреждения могли бы заниматься вопросами проведения дорог, строительства школ, ветеринарно-зоотехническим и агрономическим обслуживанием сельского хозяйства, и элементарная культура земледелия проникла бы в гущу горских аулов.

В Дагестане предполагалось организовать два земства, аналогичных уездным земским собраниям, а именно: Темир-Хан-Шуриновское земство и уездное земское собрание, Гунибское земство и уездное земское собрание.

Была проведена большая практическая работа по сбору и обобщению фактического материала, показывавшего экономические основы, позволявшие организовать в Дагестане земства.

На основе уже собранных и обобщенных экономических показателей была составлена сводная ведомость (см. прилагаемую таблицу 2).

Предполагалось, что с организацией земства в Дагестане, во-первых, можно было достичь определенного решения по со-

	Число участков	Число сел. управлений	Число селений	Число приставств.	Численность населения в округах и городах						Число дымов в округе	Сумма земск. сбора с крестьян. населения в год		Число частных землевладельцев.	Число частных землевлад., имеющих право уч. на выб.	Сумма земского сбора с них		Общественные (штрафные) суммы		2% зем. сбор. с фабр. и торг.-произв. завед. вне городов		Всего поступлений в земские суммы				
					Коренного			Временного				Итого				Руб.	К	Руб.	К.	Руб.	К.	Руб.	К.	Руб.	К.	
					муж. п.	жен. п.	всего	муж. п.	жен. п.	всего		муж. п.	жен. п.													всего
Т.-Х.-Шуринское вездное земство																										
Т.-Х.-Шуринский округ	4	51	56	1	42681	41938	84619	2061	1608	3669	44742	43546	88288	17230	36667	—	505	474	11507	79	3200	—	14116	83	65493	62
Даргинский	4	59	77	—	40015	41325	81340	105	44	149	40120	41369	81489	21008	6696	—	35	16	87	15	5162	—	133	56	12078	71
с городами:																										
Т.-Х.-Шурой	—	—	—	—	1207	1144	2351	3292	2743	6035	4499	3887	8386	—	4416	—	—	—	—	—	—	—	—	—	4416	—
Петровском	—	—	—	—	1720	1488	3208	8173	5371	13544	9893	6859	16752	—	11576	—	—	—	—	—	—	—	—	—	11576	—
Итого:	8	110	133	1	85623	85895	171518	19631	9766	23397	99254	95661	194915	38238	59355	—	630	490	11596	94	8362	—	14250	39	93564	33
Дербентское																										
К.-Табасаранский	3	57	201	—	38143	36537	74680	914	400	1314	39057	36937	75994	15944	31825	—	176	152	10821	77	2073	—	6536	82	51256	59
Корнижский	4	70	214	1	40406	37894	78300	424	202	626	40830	38096	78926	14765	21268	—	267	196	4719	38	3007	—	1578	22	30572	60
Самурский	3	43	80	—	36134	32354	68388	21	10	31	36055	32364	68419	14249	8848	—	66	31	135	31	1595	—	260	23	10838	54
Г. Дербент	—	—	—	—	10480	8282	18862	8585	2391	10976	19165	10673	239838	—	10008	—	—	—	—	—	—	—	—	—	10008	—
Итого:	10	170	495	1	125163	115067	240230	9944	3003	23947	135107	118070	253177	44958	71949	—	509	379	15676	46	6675	—	8375	27	102675	73
Гундубское																										
Гундубский с упр. Гундуб	5	87	258	—	36518	36887	73405	33	25	58	36551	36912	73463	17778	8736	—	174	13	33	11	1406	—	136	60	10311	71
Аварский	2	46	68	—	16114	16514	32628	102	24	126	16216	16338	32754	8234	3351	—	128	57	192	13	1390	—	41	44	4974	57
Англинский	3	66	97	—	27648	27363	55011	475	340	815	28123	27703	55826	14980	4130	—	96	45	196	94	1835	—	39	30	6201	24
Казикумухский	2	48	83	—	23318	24148	47666	17	11	28	23335	24159	47694	10304	3780	—	67	34	221	37	1318	—	251	12	5570	49
Итого:	12	247	506	—	103798	104912	208710	627	400	1027	104425	105312	209737	51296	19997	—	459	149	643	55	5949	—	468	46	27058	1

словному вопросу, во всяком случае решение его не затянулось бы до 1913 года. Вопрос о зависимых отношениях, так остро стоявший в Дагестане, разрешился бы не только значительно раньше, но и с меньшими экономическими жертвами для подневольного крестьянства.

С другой стороны, с введением земства определенное решение получил бы и поземельный вопрос, крайне запутанный и являвшийся для царского правительства основным средством экономического угнетения горцев Дагестана. К тому же этим актом царское правительство хотя бы косвенно могло оказывать содействие в решении некоторых экономических вопросов, возникавших перед системой военно-народного управления, но не получивших положительного решения в сферах этого управления.

Кроме того, сельское население Дагестана должно было избирать представителей для участия в уездных земских собраниях. А это в свою очередь повлияло бы на оживление политической активности населения, оказало бы положительное влияние на рост классового самосознания трудящихся масс и на развертывание политической и экономической классовой борьбы.

Все эти заметки, отражавшие «благие намерения» царского правительства, так и остались на бумаге. Ни один проект организации земства и уездных земских собраний не был проведен в жизнь. Так в Дагестане земства и не увидели света.

Следует учесть, что земская реформа намечалась в те годы, когда значительная часть горцев Дагестана была охвачена революционной борьбой, когда в аулах происходила открытая борьба между двумя антагонистическими классами. Поэтому не подлежит сомнению, что все эти разговоры о земстве были направлены на отвлечение горцев Дагестана от политической борьбы.

Возникает вопрос, если земельная проблема в Дагестане оставалась нерешенной, какую же политику проводило царское правительство в отношении производительного использования природных богатств Дагестана?

Дагестанская область, судя по минеральным богатствам, открытым в ней еще в давние годы, могла быть смело причислена к тем местностям Российской империи, которые в этом отношении находились в более благоприятных условиях. Поэтому горная промышленность Дагестана, которая тогда находилась еще в зародышевом состоянии, в будущем должна была получить немаловажное значение в экономической жизни области.

Знаменитый исследователь Кавказа Абих писал еще в середине XIX века, что минеральные богатства Дагестана не оценены по достоинству, но что со временем, при развитии гражд-

данственности в крае, горная промышленность здесь будет процветать. «Но и теперь еще ее развитию препятствуют многие причины, из коих наиболее серьезными являются: невыясненное положение прав на землевладение и отсутствие удобных и дешевых путей сообщения»¹⁷⁶, — отмечал Е. И. Козубский в начале XX века. В этом и крылась основная причина того, что в Дагестане так слабо была поставлена работа по использованию минеральных богатств.

Характерным в этом отношении является дело с разработкой ртути, организованной в Дагестане в самом конце XIX века. В 1895 году было приступлено к разведочным работам на киноварь близ селений тогдашнего Кюринского округа — Гапца, Хпек и Рухун. 9 февраля 1896 года указом царя был утвержден устав товарищества «Кавказская ртуть», учредителями которого были князь А. А. Шаховской, И. А. Веру, М. М. Далгат, Ф. И. Тимченко-Ерещенко и И. А. Ахвердов.

Согласно уставу, товарищество было основано для разработки и эксплуатации ртутных месторождений в Кюринском округе, на территории, отведенной на основании царского указа на «свободной казенной земле». Однако из-за невыясненности вопросов землевладения и землепользования начались серьезные недоразумения. Так, кавказское начальство считало жителей аула Гапца не правомочными сдавать в аренду земли указанному товариществу, так как они якобы жителям аула не принадлежали. Вокруг этого дела началась невероятная шумиха, последовало специальное послание царя и определение Сената.

Для более ясного освещения вопроса, как тормозились разработки и промышленное использование минеральных богатств Дагестана из-за того, что вопрос о землевладении и землепользовании не был решен, обратимся к документам, исходящим от официальных органов России. В одном из документов царского правительства мы читаем следующее:

«...В каком порядке и при каких условиях может производиться на таких землях разработка горных богатств, и имея в виду безусловную невозможность приостанавливать это дело впредь до разрешения в установленном порядке поземельного вопроса, хотя закон определяет слишком большое различие, в зависимости от того, принадлежат ли земли казне или частному лицу, необходимо дать исход из настоящего неопределенного положения, при котором нахожу возможным лишь одно: применить к этим землям, по отношению собственно к разработке недр, законоположения, касающиеся казенных населенных земель, с тем, чтобы жители, если они будут лишены прав свободного распоряжения поверхностью, вознаграждались соответственными временными отводами из других, близ-

¹⁷⁶ «Дагестанский сборник», выг. I. Темир-Хан-Шура, 1902, стр. 103.

лежащих казенных земельных участков. Такая постановка этого частного вопроса отнюдь не может предрешать вопроса о принадлежности земель на права собственности, что должно идти своим законным путем. Жителям же должно быть в подобных случаях категорически объявляемо, что права их на состоящие в их пользовании земли не распространяются на недра земли.

Сообщить об изложенном военному губернатору Дагестанской области и Управлению горною частью на Кавказе. Первому присовокупить при этом, что, по мнению моему, от предусмотрительности и такта местной администрации будет вполне зависеть спокойное применение указанного порядка, а второму, что при применении в Дагестанской области общих законоположений о разработке недр, необходимо соблюдать в виду исключительных местных условий, особую осторожность и преимущественно опираться на содействие местной администрации, с которою непременно входить в предварительные отношения и соглашения»¹⁷⁷.

В подкрепление этого сенат вынес особое постановление, смысл которого, вопреки всякой логике, создавал видимость решения вопроса. Не запрещая отводить под разработки ртути участки, а скорее разрешая, Сенат тем самым требование кавказского начальства отклонил. Поводом для обсуждения вопроса в Сенате послужило донесение наместника Кавказа царю и жалоба по этому же поводу сел. Гапца Кюринского округа о разрешении селению отводить земельные участки для разработки ртути. Обратимся непосредственно к документу:

«По указу его императорского величества Правительствующий Сенат слушал дело по жалобе поверенного общества сел. Гапца Кюринского округа, Дагестанской области, присяжного поверенного Ахвердова на главноначальствующего гражданскою частью на Кавказе, коим признан недействительным договор о разработке ртутной руды, заключенный обществом сел. Гапца с дворянином Веру и доктором Далгатом. Приказали: Рассмотрев обстоятельства настоящего дела, Правительствующий сенат находит, что жители сел. Гапца, Кюринского округа, Дагестанской области, нотариальным договором от 10 мая 1891 г., основанным на общественном приговоре, утвержденном начальником Кюринского округа, отдали находящееся на земле их месторождение ртутной руды, под разработку дворянину Веру и доктору Далгату. Последствием сего явилось распоряжение главноначальствующего гражданскою частью на Кавказе от 31 октября 1891 г., которым признано, что общество сел. Гапца, не имея прав собственности на владеемые им земли, не могло заключать договора на отдачу в разработку найденного на тех землях ртутного

¹⁷⁷ ЦГИАЛ, ф. 1276, оп. 2, д. 84.

месторождения, и, вместе с тем, постановлено, чтобы впредь до определения законодательным путем прав туземцев Дагестанской области на состоящие в их пользовании земли, в отношении собственно разработки заключающихся в их недрах минеральных богатств, применялись законоположения Горного устава, касающиеся казенных населенных земель, причем, однако, эта мера отнюдь не предрешает вопроса о праве собственности казны или жителей на земли и вводится временно, в виду невыясненности поземельного вопроса, с одной стороны, и невозможности приостанавливать развитие горной промышленности в крае — с другой. Обращаясь вследствие принесенной поверенным общества сел. Гапца жалобы, к обсуждению правильности такого распоряжения главноначальствующего гражданскою частью на Кавказе, Правительствующий сенат находит, что правительством нашим неуклонно проводится то воззрение, в силу коего во вновь присоединяемых к империи областях за местным населением сохраняются принадлежащие ему ранее права на фактическое владение и пользование земель; в полном согласии с сим главноначальствующий гражданскою частью на Кавказе доносит правительствующему сенату, что с покорением и присоединением ханских владений и вольных обществ и союзов, образующих ныне Дагестанскую область, правительство признавало необходимым сохранять до времени неприкосновенными издавна установившиеся сословные и экономические отношения среди местного населения. Такое охранение существующих форм владения туземным населением землею не предрешает окончательного устройства землевладения в крае, которое может последовать лишь законодательным путем, имеющим определить существо прав населения на землю и виды владения им таковою сообразно существующим в нашем законодательстве установлениям. Согласно сказанному, если во вновь присоединенной области не существует собственности в качестве юридического института, но земля, хотя бы на основании лишь обычая, находилась в неограниченном владении частных лиц, то администрация, не касаясь надлежащего разрешению судебной или законодательной власти вопроса, может ли земля быть признана собственностью владельцев, обязана охранять существующее положение вещей. Обращаясь от приведенных общих соображений к обстоятельствам настоящего дела, Правительствующий сенат находит, что главноначальствующим гражданскою частью на Кавказе не отрицается то обстоятельство, что обычные (адатные) порядки пользования землею горцами военноплеменного ведомства близко совпадают с признаками земельной собственности, установленными нашими законами; по заявлению же поверенного просителей — жители сел. Гапца принадлежат к вольным обществам, не состоящим в поземельной зависимости от беков, и с незапамятных времен распоря-

жались своими землями бесспорно и беспрепятственно, сдавали в аренду покосы и пастьбу, продавали и закладывали и в настоящее время продают по актам, совершенным в народных судах и окружных управлениях. Такое заявление присяжного поверенного Ахвердова подтверждается имеющимися в деле данными о признании права собственности сел. Гапца на земли при разрешении административными учреждениями поземельных споров сел. Гапца с соседями в прежнее время, а также выданными по возникновении уже настоящего дела учреждениями Управления государственными имуществами и военионародного управления удостоверениями о принадлежности земель сел. Гапца на праве собственности; указанные документы, хотя и не могут, согласно вышеизложенному, служить сами по себе доказательствами права собственности сел. Гапца на земли, но являются подтверждением неограниченного права распоряжения землями, которое фактически принадлежало местному населению главноначальствующий гражданской частью на Кавказе усматривает между прочим основание для признания земель этих казенными, предоставленными населению лишь для ограниченного пользования, в высочайше утвержденном 10 мая 1848 г. мнении Кавказского комитета, которым отклонено ходатайство наместника Кавказского о пожаловании 19 селений Кюринского владения некоторым бекам; но, во-первых, в положении этом говорится не о принадлежности земли казне, а о состоянии селений в казенном управлении, а во-вторых, приведенное положение Кавказского комитета может иметь решающее значение лишь относительно того предмета, который им разрешался и который выражен в резолютивной его части; что же касается другого указания на изъятие из владения горского населения расположенных на землях его рудных месторождений, в период подчинения части Дагестана власти имама Шамиля, то, по неопределенности его источников, из которых оно заимствовано, указание это не может иметь особого значения. Ввиду изложенных соображений и не предвешая вопроса о праве собственности сел. Гапца на принадлежащие ему земли, Правительствующий сенат не усматривает достаточных оснований для лишения доверителей просителя права разрабатывать или иным образом распоряжаться заключающимися в недрах принадлежащей им земли минеральными богатствами и для распределения на земли их законоположений Горского устава, касающихся казенных населенных земель, а потому определяет состоявшееся по предмету сему распоряжение главноначальствующего гражданской частью на Кавказе отменить»¹⁷⁸.

Мы располагаем десятками документов, запрещающих отвод земельных участков для разработки нефти, соли, серы, свинца и т. д. Все эти документы свидетельствуют о том, что

¹⁷⁸ ЦГИАЛ, ф. 1276, оп. 2, д. 84, л. 118—119.

установленные царским правительством препоны в деле землепользования не позволяли вести разработку недр земли Дагестана. На реализацию земель для производительного их использования население не имело права, ибо как поверхность земли, так и ее недра, были изъяты из общего торгового оборота. Тем самым и были созданы препятствия к проникновению в Дагестан крупного промышленного капитала, к развитию товарности сельского хозяйства и связанному с этим появлению промышленного и сельскохозяйственного пролетариата.

Аграрная политика царизма не могла удовлетворить растущие материальные потребности населения, она сковывала все экономические начинания. Выигрывали от этого разве только те земельные собственники, которые являлись неограниченными владельцами земель.

На основании вышеизложенного можно сделать такое резюме: царское правительство, сделавшись «собственником» дагестанской земли, во-первых, раздало ее колонистам и своей агентуре из местных людей, усердно служивших царизму, а, во-вторых, установив, что право владения большинством земель признается за казной, назначило за пользование ею горцами ежегодные подати. В результате осуществления царизмом аграрной продворянской политики десятки тысяч горцев, обреченных на разорение и нищету, всецело попали в кабальную зависимость от феодалов. Казна, в свою очередь, сосредоточив у себя огромные земельные массивы, приступила к сдаче земли в аренду пришлым предпринимателям, а порою сельским обществам и отдельным представителям сельской буржуазии. Малоземельные сельские общества, лишённые пастбищ и сенокосов, необходимых для содержания скота, были вынуждены арендовать землю у казны на кабальных условиях.

С продворянской земельной политикой царского правительства была непосредственно связана налоговая политика. Поэтому для полной характеристики колониальной политики царизма в Дагестане необходимо остановиться на налоговой политике, проводившейся в этом крае.

После окончания Кавказской войны и преобразования административно-судебного управления, в Дагестане приступили и к реформе податного обложения.

В начале 1868 года начальником Дагестанской области были представлены наместнику Кавказа подробные сведения о видах и размерах налогов и повинностей, от которых шамхал освободил подвластное ему население, а также о тех материальных выгодах, которых он лишился в результате такого освобождения.

За отказ от сборов и повинностей шамхал, как и ханы, в достаточной мере компенсировался, причем это было сделано за счет увеличения окладов подымной подати, которая

была введена в Дагестане вслед за преобразованием управления края на новых основаниях.

Размер подымной подати колебался от одного рубля до 3 рублей на двор. Независимо от этого с населения взимались сборы на удовлетворение различных потребностей в размере от 1 до 4 рублей на двор.

Кроме того, население привлекалось к натуральным повинностям: 1) дорожной, 2) подводной, 3) квартирной, 4) к принятию мер в случаях появления заразных болезней и падежа скота, 5) к содержанию в исправном виде проселочных дорог, меж и межевых знаков, проточных вод и канав, 6) к содержанию караулов, 7) к принятию противопожарных мер, 8) к истреблению саранчи, хищных зверей и т. п.

В тогдашних конкретных исторических условиях для горца, у которого и земли-то не было в собственности (если мюльки и были, то они мало обеспечивали жизнь горца), налоги были весьма тягостными и обременительными. Особенно обременительными эти налоги были для зависимого крестьянства, которое одновременно с уплатой налогов должно было вносить подати бекам. Получались двойные повинности с одних и тех же лиц, причем с тех, которые считались подневольными и зависимыми от феодалов и не имели права собственности на землю.

Создавшееся положение стало невыносимым и на этой почве возникли серьезные беспорядки, о чем колониальные власти вынуждены были сообщить правительству для принятия надлежащих мер к урегулированию налогового вопроса. «Подати и повинности, отбываемые жителями вверенного мне отдела чрезвычайно разнообразны и к тому же эти повинности несутся жителями так различно, что привести их в общую цифру и разделить подымно, приведет к ошибочности относительно налогов на каждое селение отдельно» — говорится в документе Кавказской администрации¹⁷⁹.

Действительно, подати и повинности населения были настолько различны, что одним приходилось платить подати, другим земский сбор, одни вносили подати деньгами, другие продуктами сельского хозяйства. Ряд обществ, дополнительно ко всем сборам, выставлял подводы, другие содержали нукеров.

В Дагестане население облагалось податями постепенно, по мере расширения сферы влияния царского правительства, упразднения ханской политической власти и освобождения зависимых сословий от повинностей владетельным фамилиям и бекам. С образованием области подымная рублевая подать раньше всего была введена в Казикумухском и Даргинском округах, где в эту подать был обращен сбор, который до этого

¹⁷⁹ ЦГИА Груз. ССР, ф. 416, оп. 3, д. 113.

был установлен на содержание милиции. Сбор этот, учрежденный в Казикумухском владении — ханами, в Даргинском округе — самим населением, стал поступать в казну с 1860 года — в первом, с 1862 года — во втором. В 1862 же году, со введением в Аварии царского управления, взимавшиеся ханом доходы также стали поступать в казну. В 1864 году подымная подать была введена в Кюринском округе, в 1865—1866 гг. — в Кайтаго-Табасаранском, в 1866 году — в Андийском, Аварском и Гунибском, в 1866—67 гг. в Темир-Хан-Шуринском. Жители Самурского округа платили подать с 1839 г.

В 1900 г. подымная подать взималась с населения области по следующим окладам: в Темир-Хан-Шуринском округе из 47 селений 4 были обложены рублевым окладом, 2 селения — 1 руб. 50 коп., 25 селений — 2 руб. и 16 селений — 3 руб.; все население Аварского, Андийского, Гунибского, Даргинского и Казикумухского округов было обложено окладом в 1 рубль с дыма; в Кайтаго-Табасаранском округе 134 селения были обложены окладом 2 руб., а 58 селений от подымной подати были освобождены, но зато вносили земский сбор по усиленному окладу.

В Кайтаго-Табасаранском округе до 1900 года была сохранена сверхокладная подать, которою были обложены раятские селения. В Кюринском округе, в Южно-Табасаранском участке взимался оклад 2 рубля, прочие же селения были обложены окладом от 50 коп. до 6 руб. 75 коп. с дыма. 32 селения этого округа подымной подати не платили, а вносили земский сбор по особому усиленному окладу. С населения Самурского округа подымная подать взималась в размере 1 руб. 50 коп. с дыма, за исключением 5 селений, обложенных окладом 2 рубля. Жители сел. Борч были освобождены от подымной подати, взамен чего они обязаны были разрабатывать дорогу через Салават.

От уплаты подымной подати и повинностей освобождались должностные лица сельских управлений, служащие по военному управлению, офицеры и их семейства, беки и чанки, всадники Дагестанского конного полка, прослужившие в нем 15 лет и более. «Кроме того высшее сословие за свои земли до 1901 года не несло казенных и земских повинностей... Вся тяжесть прямых налогов и земских повинностей, падающих на доходы с земель, на Кавказе ложилась исключительно на сельское крестьянское население... Такое неравномерное распределение податного бремени, уплачиваемого из земельных доходов и взимаемого подымно, т. е. без всякого соотношения с ценностью и доходностью имущества, существовало в Кавказском крае с 1843 года и не могло в течение почти 60-ти лет не отразиться пагубно на экономическом состоянии кавказского крестьянства»¹⁸⁰.

¹⁸⁰ «Всеподданнейшая записка по управлению Кавказским краем гендьютанта графа Воронцова-Дашкова», 1907, стр. 87—88.

Земские сборы также раскладывались без определения благосостояния населения в размере 1 руб. 50 коп. с дыма.

С 1887 года в Дагестанской области были введены налоги: поземельный с землевладельцев, военный с мусульманского населения, взамен отбывания воинской повинности, и 2% сбор с фабрично-заводских помещений, в том числе с мельниц, стоимость которых превышала 50 рублей, а с 1890 года и с торговых помещений, находящихся вне городов.

Подымное обложение в области производилось сперва на основании камеральных описаний, составленных в разных частях края. С 1888 года эти камеральные описания были заменены посемейными списками, составленными в 1886 году.

Податная система в области находилась в непосредственном ведении военно-народного управления. Зачисление сборов по окладным листам было введено только с 1892 года, но исчисление состоящих в окладе дымов, а следовательно и определение годового контингента подати с области, а равно сдача податей в казначейство оставались на прежних основаниях, без изменений.

Основным налогом, имевшим наиболее важное значение, была подымная подать, которая взималась в пользу казны. Подымная подать отличалась чрезвычайной неравномерностью, так как при обложении отдельных единиц не принималось во внимание соответствие размеров подати с платежеспособностью населения. При этом подымное обложение падало исключительно на так называемое податное сословие, что обуславливало несправедливое распределение податной тяготы. Избегнуть этого можно было лишь путем замены подымных сборов поземельным обложением, равномерно падающим на всех землевладельцев, без различия сословий. Ввиду этого реформа податной системы являлась одной из важнейших потребностей края.

В конце 1899 года комиссия, утвержденная главноначальствующим гражданской частью на Кавказе, по соглашению с министром финансов, выработала законопроект о преобразовании существовавшей в Закавказском крае податной системы в смысле замены подымных сборов поземельными. Законопроект, по рассмотрении его в Государственном совете, 12 июня 1900 года был утвержден царем, после чего последовал манифест, гласивший: «Согласно утвержденным нами сего числа мнением Государственного совета, признали мы за благо: 1) отменить с 1 января 1901 г. взимаемые на Кавказе подымные, а также разного рода поземельные подати и, взамен их, установить государственную оброчную подать и поземельный налог, и 2) привлечь к расходам на земские повинности, наряду с землями сельских обществ, земли частных лиц к составу сил обществ принадлежащих, равно как и владения высших сословий. Меры эти имеют целью, распре-

делить равномерно бремя поземельных платежей, ввести в податное обложение края необходимую справедливость»¹⁸¹.

Согласно закону от 12 июня 1900 года все подымные сборы на Кавказе были отменены с 1 января 1901 года, а вместо них вводились в пользу казны: а) государственная оброчная подать — со всех казенных земель, состоящих в постоянном пользовании крестьян и б) государственный поземельный налог — со всех прочих земель, кроме состоящих в непосредственном распоряжении казны, т. е. с земель частных землевладельцев, разных учреждений, а также с земель крестьян, получивших эти земли в надел или в постоянное пользование из владений помещичьих. Оба эти налога должны были взиматься по раскладочной форме: причитающиеся с области суммы государственной оброчной подати устанавливались на каждое трехлетие законодательным порядком. Тем же порядком и на тот же срок определялись средние для области подешатинные оклады государственного поземельного налога. Областное присутствие по раскладке поземельных сборов производило разверстку областного контингента по округам; окружные присутствия составляли проекты распределения назначенных на округ сумм между отдельными платежными единицами.

На трехлетие 1901—1903 гг. законом от 12 июня 1900 года была назначена для Дагестанской области сумма государственной оброчной подати в 206.000 рублей и средний оклад государственного поземельного налога на десятину удобной земли и леса в 3,3 копейки с десятины. Причитающаяся к ежегодному в течение трехлетия 1901—1903 гг. взиманию с Дагестанской области сумма государственного поземельного налога была определена министром финансов в 13.244 рубля из расчета 3,3 копейки с каждой десятины подлежащих обложению этим налогом земель (401.329 дес.).

Законом от 12 июня 1900 года была произведена реформа земских сборов в Закавказском крае. Согласно сметам и раскладкам на трехлетие 1901—1903 гг., общая сумма земских сборов должна была взиматься в определенном процентном отношении к государственному поземельному налогу и государственной оброчной подати. Плательщики налога должны были вносить по 4 руб. 50 коп. в земскую кассу; со всех же земель, могущих быть обложенными оброчной податью, — пропорционально окладам этой подати. Некоторые налоги и сборы, производившиеся в пользу казны, были обращены в земскую смету.

Согласно закону от 12 июня 1900 года и инструкции по распределению государственной оброчной подати и государственного земельного налога, в 1900 году Бакинской казенной

---

¹⁸¹ «Собрание узаконений и распоряжений правительства», 1900, № 73, стр. 1621.

палатой, податной инспекцией и администрацией области были произведены работы по определению количества земель в области, подлежащих обложению. Исследование доходности земель производилось податными инспекторами области, причем были установлены данные, приведенные в прилагаемой таблице ¹⁸².

Разряды земель по округам	По дан- ным об- ластной админи- страции	По своду стати- стич. данных	По по- казаньям податной инспек- ции	По вы- воду совеща- ния	Всего

Темир-Хан-Шуриинский округ

А. Земель, состоящих в общем пользовании единичных или нескольких вместе селений . . . . .

instituteofhistory.ru

180130 93942 — 93942

Б. Земель, состоящих в подворном крестьянском владении (мюльков), также земель раятских, лиц неподатного сословия и вакуфных (мечетских)

231427

49272 80194 137485 137485

Аварский : А . . . . .
округ : Б . . . . .

198112 207260 — 183482
46573 23778 23778 207260

Андийский : А . . . . .
округ : Б . . . . .

122000 54760 — 54760
9578 — 9578 64338

Гунибский : А . . . . .
округ : Б . . . . .

88124 172355 —
34847 70375 26151 26151 242730

Казикумух- : А . . . . .
ский округ : Б . . . . .

16132 242730 — 28911
36349 46409 17499 17498 46409

К.-Табасаранский : А . . . . .
округ : Б . . . . .

111716 20815 — 46497 143986
46699 123171 97489 97489

Кюринский : А . . . . .
округ : Б . . . . .

9169 51131 — 51131 111874
62545 60743 60743 60743

Самурский : А . . . . .
округ : Б . . . . .

— 212921 — 212921 229645
16724 16724 16724

А . . . . . 33974 — — 45857
Б . . . . . 11883 — 11883 11883

Итого на обр. под. — — — 922197 1323526
по области на поз. нал. — — — 401329

¹⁸² «Дагестанский сборник», вып. I, 1902, стр 126—132.

На основании инструкции царского правительства от 17 июня 1900 года в области подлежали обложению оброчной податью земли, принадлежащие сельским обществам (кроме раятских селений), а к облагаемым поземельным налогом были отнесены земли: 1) частных землевладельцев всех сословий, мечетей (вакуфы) и городские, необлагаемые налогом с недвижимых имуществ, 2) раятских сельских обществ, получивших земли в надел или в бессрочное пользование из частного владения, 3) приобретенные сельскими обществами в собственность по крепостным актам.

При неопределенности основ землевладения и землепользования в области, администрация стремилась выяснить вопрос о категориях хозяйств и формах землевладения. Сначала было отмечено 7 различных форм землевладения и землепользования, а с течением времени их оказалось больше. В записке Министерства финансов по поводу податной реформы говорилось: «Таким образом в Дагестанской области к обложению государственным поземельным налогом будут привлекаться: 1) земли русских помещиков, 2) вакуфы, 3) земли, состоящие в пользовании беков и чанков и отделенные от земель сельских обществ, а также состоящие в их пользовании кутаны и ятаги. Все же остальные земли, находящиеся в пользовании сельских обществ, будут подлежать обложению государственною оброчною податью»¹⁸³.

Согласно данным «Материалов съездов податных инспекторов», в 1910 году в Кавказском крае по отдельным округам на одну десятину падало оброчной подати от 14 до 19 коп. и земского сбора от 8 до 11 коп. В среднем на двор по разным округам приходилось поземельных сборов от 1 до 2 рублей в год. Кроме того с каждого мужчины взималось по 35 копеек воинского налога и 2—3 рубля мирских сборов со двора, а всего со двора 4—6 рублей, не считая натуральных повинностей, с которыми в общем обложение составляло 6—8 рублей в год. Процент освобожденных был ничтожен¹⁸⁴.

Может создаться впечатление, что налоги с народов Дагестана, собиравшиеся в те годы, были незначительными. Ошибочность такого взгляда станет ясной, если указать сумму всех налогов и реальную стоимость рубля. Так, например, в 1913 году стоимость барана в Дагестане определялась в 3—5 рублей, а быка в 9—14 рублей. Если учесть, что в течение года горцам приходилось вносить всех видов сборов 620 тыс. рублей (и то исключая Хасавюртовский округ), станет ясным, какая тяжелая податная система существовала в Дагестане

¹⁸³ «Дагестанский сборник», вып. I, 1902, стр. 126—132.

¹⁸⁴ Журн. «Плановое хозяйство Дагестана», № 3, Махачкала, 1927 г.

в те годы. Все это подтверждается документами той поры¹⁸⁵.

Таким образом, после введения обложения податью и зачисления земель в казну, горское крестьянство было окончательно отнесено царским правительством к разряду казенных крестьян. Земли, когда-то им принадлежавшие на праве частной собственности, переходили отныне в казну и царское правительство по своему усмотрению распоряжалось ими.

Как уже говорилось выше, в Дагестанской области имелись мюльки. Этим термином назывались расчищенные из-под леса, камня, болота или камыша участки земли, личным трудом обращенные в огород, пашню или покос; они являлись частью земель сельского общества, обыкновенно составляющей полную собственность отдельных дворов. В частности, в южном Дагестане мюлками признавались участки, расчищенные поселянами из-под леса; они продавались и отдавались в качестве платы за кровь, и на этом основании крестьяне считали их своей собственностью. Беки же, напротив, заявляли, что мюльки принадлежат им, бекам, и что в отношении пользования мюлками крестьянам предоставлялись лишь более широкие права с целью поощрения к расчистке земель. Министерство финансов, приняв во внимание, что все крестьянское население области по камеральному описанию отнесено к одному разряду крестьян, живущих на казенной земле, и основываясь на общем принципе мусульманского права, что земля принадлежит только богу и представителю его на земле — халифу, признало; 1) что все земли, состоящие в распоряжении сельских (аульных) обществ, принадлежали при прежнем владычестве казне и отданы были лишь во временное пользование населения, и 2) что отношения эти сохранились и по водворении русской власти. На этом основании министерство полагало, что следует привлечь эти земли к платежу государственной оброчной подати. Мнение министерства взяло верх, и мюльки были признаны подлежащими обложению государственной оброчной податью. Таким образом, были зачислены в казну и обложены оброчной податью и те земли горцев Дагестана, которыми они распоряжались на протяжении веков как своей собственностью и к которым до сих пор никто не предъявлял претензий и не оспаривал права горцев на эти земли.

Зачисляя все земли в казну, царское правительство, во-первых, игнорировало права горцев на частное владение лично обрабатываемыми и принадлежащими им землями, во-вторых, горцы были лишены права распоряжаться этими землями по своему усмотрению. К тому же, лишенные права распоря-

---

¹⁸⁵ «Материалы по вопросу о ведении земских учреждений в Закавказье», т. III, Тифлис, 1910, стр. 70.

жаться принадлежащими им землями, сами горцы были зачислены в разряд казенных крестьян и поставлены в зависимое положение.

Столь бесцеремонный акт царского правительства в отношении земель и самих горцев Дагестана вызвал бурю негодования и резкий протест со стороны всего населения области. «Уже и в настоящее время, — писал Воронцов-Дашков, — в виду неправильного зачисления многих земель, искони составлявших частную собственность свободных горских племен, в разряд казенных ко мне поступают многочисленные жалобы на неправильное обложение этих земель, в качестве казенных оброчную податью, и я считаю, что общее разрешение этого вопроса является безусловно неотложным»¹⁸⁶.

Характер казенно-оброчных статей и роль их в общественно-экономической жизни горцев показывает хотя бы следующий документ:

«Казенно-оброчные статьи отыскиваются всеми правдами и неправдами. Умрет бывший государственный крестьянин, передав свой надел зятю из бывших помещичьих крестьян или из привилегированного сословия, надел отбирается в казну, в качестве оброчной статьи, впрочем обычно с отдачею его на первое время в аренду хозяину. Брошенная в залежь пахота зачисляется в казенные пастбища. Зарастет часть крестьянского надела лесом, она обращается в казенную лесную оброчную статью; покроется другая часть надела водою, при перемене русла реки, она становится казенною рыболовною статьею. Дело доходит до того, что ореховые деревья, выращенные собственными руками поселян, на их же дворовых землях обращаются в казенно-оброчные статьи. За отобранные в казну угодья население обычно в течение многих лет продолжает платить подати, как за надельные, и только после многочисленных ходатайств и продолжительной переписки оно освобождается от этого двойного обложения. Наряду с описанным образованием оброчных статей, происходит особенно тягостное для населения штрафование за порубку леса, лов рыбы в пределах своего же надела, доставляющий ежегодный доход казне в несколько сот тысяч и разорительное для отдельных хозяев»¹⁸⁷.

С одной стороны, казна лишает горца права собственности на его землю и потому возникают препятствия в деле завещания, передачи по наследству, продажи и аренды, с другой стороны законом от 1864 года горцев зачисляют в разряд бесправных казенных крестьян, обложив их, помимо других нало-

¹⁸⁶ «Всеподданнейшая записка по управлению Кавказским краем ген.-адъют. графа Воронцова-Дашкова», 1907, стр. 94.

¹⁸⁷ ЦГИА Груз. ССР, ф. 2, оп. I, д. 1997.

гов, тяжелой оброчной податью. Как свидетельствует приводимый документ, оброчная статья была явно невыгодной для крестьян как с экономической, так и с юридической точки зрения. Здесь частная инициатива в той мере, в какой она должна проявляться в хозяйстве, где преобладает личная собственность, не могла проявляться, а следовательно это отрицательно сказывалось на развитии сельского хозяйства, особенно полеводства и садоводства.

Взимание с крестьян тяжелых податей и налогов в пользу феодалов и царской казны приводило к массовым голодовкам, уносящим тысячи жизней.

Если случалось, что крестьяне-горцы отказывались вносить налоги в казну, кавказская администрация обращалась к испытанному методу — реквизиции скота. Подтверждением сказанному может служить следующий документ: «Если будут упорствовать в платеже следуемых с них налогов, то заарестовать их стада, которые они в зимнее время пасут на низменных местах... и тем принудить их к взносу казенных податей, или же пополнить таковые продажей самого скота»¹⁸⁸.

С целью увеличения объема вносимых населением податей и повинностей, краевая администрация, по указанию сверху, ежегодно обновляла перечень их и устанавливала количество податей и повинностей, подлежащих взносу натурой. Для этого по указу царя спускались инструкции, которыми руководствовались при обложении и взыскании податей. Так, например, в одной из инструкций говорится: «С настоящего года жители будут обложены повинностями согласно новой раскладке, по утверждению его императорским высочеством главнокомандующим Кавказскою армиею соображения моего, представленного мною начальнику Дагестанской области.

...определяется по числу рабочего скота у каждого поселянина, а потому, не всегда одинаковое количество зерна этого каждый житель вносит, сумма же денег, определенная за пшеницу и ячмень, вносится в казначейство по окладу, одинаковому ежегодно.

Примечание 2) Сорочинское пшено, вносимое жителями в подать, не есть постоянная норма, а зависит от урожая, из которого десятая часть вносится в подать.

Примечание 3) вместо пшеницы и ячменя жители вносят в казначейство деньгами, по цене, существующей в провиантском магазине.

Примечание 4) Сорочинское пшено, бараны, козы, коровье масло, телята, холст и шелк продаются с аукционного торга и вырученные деньги вносятся в казначейство.

Б) Земского сбора жители вносят по 2 руб. с дыма.

...имеется аробная дорога, выставляют подводы по мере казенной надобности, а где нет аробных дорог, выставляют

¹⁸⁸ ЦГИА Груз. ССР, ф. 2, оп. 1, д. 1997.

чапарских лошадей по мере надобности.

...5) Жители обязаны содержать в исправности мосты и дороги»¹⁸⁹.

Кроме прямых налогов, существовали и поборы, взимаемые колониальной администрацией два раза в год с тех, чей скот перегонялся с зимних пастбищ на летние и обратно. Указанная подать в ряде случаев взималась и с тех селений, скот которых оставался зимовать в аулах. Так, например:

«Весною: с жителей деревень: Рича, Бадюг, Квардал, Хорадис, Укуз, Гюльхан Амар, Хнег, Урсун, Цимипор, Хнедис; Коказ, Хорадж и Киминор Кюринского округа, при переходе с гор весною для пастбы на казенных землях, на плоскости в течение осеннего периода по 1-му барану или по два рубля со стада в 1000 овец, а при следовании обратно, по маленькому барану или по 1-му руб. со стада, осенью же по 1 барану с сотни.

С Агульского и Кошанского магалов за пастбу весною на плоскости, по одному старому барану (эркъ) или по 3 руб. со ста овец, а при переходе с гор и обратно взимается то же число что из предыдущих деревень. Стада этих деревень зимуют в горах и только весною на 2 месяца спускаются на плоскость.

Со всех остальных деревень летом: по четыре барана или по восьми рублей с каждого стада в 1000 овец за пастбу в горах, на пастбищах преимущественно принадлежащих курахам и ричинцам.

Осенью. С тех же деревень за пастбу в течение осени и зимы до перехода в горы, по два барана со ста или по четыре руб.

Со стада пасущегося вне округа по 1-му барану с сотни, столько же взыскивается со всех тех деревень, которые осенью и зимою не отправляют своих стад на казенные пастбища, исключая однако же деревни Гюнейского магала. Этого магала селения: Халца, Гоган, Кучун, Ходжакент, Газардкам, Чахчах и Мугарган стада свои осенью пасут на казенных землях, а зимою оставляют у себя в деревнях, но с них также взыскивается по два барана с сотни. Сел. Ориля подлежит той же пошлине хотя зимою и осенью бараны остаются дома. От этих деревень была заявлена Начальнику Горского управления просьба об уменьшении пошлин».

Такие же поборы производились с жителей селений, которые были причислены к разряду казенных, к каковым относились почти все селения Дагестана. В этих условиях невозможно определить в денежном выражении размер налогов и повинностей, падающих в среднем на двор; во всяком случае поборы эти были весьма велики и непосильны для крестьянского хозяйства.

¹⁸⁹ «Архив Кавказского Военного округа». Дело Кавказского горского управляющ. 4 отделения. По описи 1865 года. № 7, стр. 48.

Такая налоговая политика вконец разоряла многочисленных горцев, которые в итоге превращались в наемных рабочих сельской буржуазии.

В связи с этим нельзя не отметить, что одним из прогрессивных и далеко идущих мероприятий Шамиля является его налоговая политика, введенная им в противовес всем существовавшим ранее видам этой политики, им же отмененным.

По данным Покровского, Шамиль ввел такую военно-финансовую организацию, которая далеко превосходила все то, что до тех пор знали горские народы. Шамиль установил новую подать по шариату — закят — процентный сбор со всего движимого имущества мусульман (10% с хлеба, 1% со стада и 2,5% с наличных денег), т. е. при исчислении и взимании подати применялся в зачаточной форме принцип доходности. Установлен был и необлагаемый минимум — имеющий менее 50 мер (42 пуда) хлеба и менее 40 рублей от уплаты налога был избавлен.

Сборы и повинности, взимавшиеся Шамилем, по размеру были меньше тех, которые взимались в ханствах; кроме того, во владениях ханов освобождались от сборов и повинностей лишь муллы и нукеры, а у Шамиля — малоимущие бедняки. Таким образом, Шамилем впервые в Дагестане в основу податного обложения было положено начало справедливости, равномерности и соразмерности.

Чтобы покончить с вопросом о поборах, необходимо указать, что помимо всех перечисленных налогов, податей, сборов и повинностей существовало еще очень много поборов с горцев в пользу духовенства. Мусульманское духовенство, оправдываясь шариатом и тем, что для него не было установлено определенного денежного оклада, как православному духовенству, находило всякие поводы к опустошению карманов верующих мусульман. Остановимся на самых крупных из этих поборов.

Ушур — осенью, после сбора урожая, по существу тот же закят, но только с зерна. Ушур — значит десятая часть, а в различных хозяйствах десятая часть, само собой разумеется, бывает различна. В крупных крестьянских хозяйствах ушур составлял до 50 пудов зерна. Ушур предназначался для отмоления грехов верующих и его целиком присваивали муллы. По точному смыслу шариата муллам от ушура ничего не полагалось, но на самом деле редко бывало, чтобы беднота получала что-либо от ушура.

Закят (денежный) — одна сороковая часть денежной наличности. При закяте три человека, имевшие вместе 120 рублей, платили ежегодно 3 рубля, а один богач, имевший ту же сумму — тоже 3 рубля! Шесть человек, имевшие 240 рублей, платили столько же, сколько 2 богача, имевшие ту же сумму. Обычно закят платили осенью.

М а л - з а к я т — «очистка добра от нечистот». Замят из мелкого скота. При мал-закяте из 40 голов взималась одна. Имевшие от 40 до 100 голов мелкого скота тоже отчисляли одну голову мелкого скота. Платили замят в любое время года, причем шесть человек, имевших по 40 баранов, платили столько же, сколько один богач, имевший 600 баранов.

Из крупного же рогатого скота — из 30 голов — 1 двухлетка, из 40 голов — 1 трехлетка, из 60 голов — 2 двухлетки, из 80 — 2 трехлетки, из 90 — 3 двухлетки, из 120 — 3 трехлетки и т. д. Это все наглядно показывает, на чьи плечи ложилась основная тяжесть поборов. Короче говоря, богатые совершенно не чувствовали тяжести ни ушура, ни замята.

К у р б а н - б а й р а м — в честь жертвоприношения Исаила, сына Авраама — на 7 человек режется 1 голова крупного рогатого скота не моложе двух лет. На каждого человека в отдельности полагалось из мелкого рогатого скота 1 голова. Муллы изобретали разные способы, чтобы львиная доля доходов от курбана попадала им.

Каждый верующий во время рамазана (уразы) должен был внести около 5 фунтов пшеницы, а из остального зерна — около 10 фунтов, или деньгами стоимость этого количества зерна.

О м ы в а н и е т р у п а. За омывание трупа мулла брал со своим муэдзином полное одеяние покойника с ног до головы. Если одеяние было старое, то заставлял сделать совершенно новое, говоря, что по шариаду не допускается старое. Бедные и богатые старались исполнить это требование служителей религии.

В 52-й день со дня смерти муллы собирались для совершения кем-дуа, который заключается в том, что в этот день кости покойника якобы отделяются друг от друга: это-де сопровождается большими страданиями для покойника, если не будет прочитана молитва для костей. Для выполнения этого обряда резали хорошего барана.

Когда умирал мусульманин, то необходимо было отмаливать его грехи за пропущенные намазы, за неисполненные обряды, за нарушение уразы и т. д. А за это мулла, разумеется, также получал мзду.

«Дебиррасул рос» — прямой налог, вносимый сельскому дебиру натурой с дыма.

Если вникнуть во все это, то станет ясным, что все это самые настоящие, весьма слабо прикрытые подати, грабеж и эксплуатация горского крестьянства, и без того находившегося в крайне тяжелом положении.

Если проанализировать представленную в 1907 году местником Кавказа графом Воронцовым-Дашковым «Всеподданнейшую записку по управлению Кавказским краем», то можно легко себе представить, в каком тяжелом положении находились тогда горцы.

До 1901 года вся тяжесть прямых и земских повинностей на Кавказе, как указывает Воронцов-Дашков, ложилась на крестьянство. В целом по Кавказу оно уплачивало подымную подать и разные сборы других наименований в размере 2.730.000 рублей, а вместе с земским подымным сбором (2.840.000) всего 5.570.000 рублей. Земли оно имело около 10 миллионов десятин.

Частные владельцы, имея 5 миллионов десятин земли, вовсе не платили казенных сборов. После проведения некоторой поземельной реформы в 1900 году была установлена единая государственная оброчная подать для казенных земель, находившихся в пользовании крестьян, а для всех других земель — государственный налог.

По новой реформе крестьяне уплачивали государственную оброчную подать в сумме 3 млн. 426 тыс. рублей, государственный поземельный налог — 83 тыс. рублей, земские сборы 1 млн. 970 тыс. рублей. Помещики платили государственного поземельного налога 228 тыс. рублей и земские сборы на сумму 769 тыс. рублей, а всего с площади около 5 млн. десятин — 997 тыс. рублей. Крестьяне, владея землей, площадь которой была в несколько раз меньше, чем площадь помещичьих и других хозяйств, платили податей в 5 с половиной раз больше, чем помещики.

Если взять расходную часть бюджета, то она складывалась из следующего: на дорожную часть приходилось 16%, на медицинскую помощь и местные хозяйственные нужды — 13%, на образование — 4%. Итого хозяйственно-культурная часть бюджета составляла 33%. Остальные 67% шли на нужды военно-полицейского и чиновничьего аппарата царизма на Кавказе. Так, в 1905 году из общих земских расходов на содержание полиции было затрачено 57%.

Всей своей тяжестью подати и сборы ложились на беднейшую часть населения, ибо ханы, беки, князья, кулаки, пользуясь своим влиянием и подачками царской администрации, освобождались от всех повинностей. Убедиться в этом не трудно, если привести слова самого наместника на Кавказе Воронцова-Дашкова: «Сельские должностные лица, пользуясь поддержкой администрации и своим независимым от избранного общества положением, преследуют свои личные интересы... главным образом, в неправильных внутренних раскладах денежных и натуральных повинностей и разных взысканий. Последствием этих злоупотреблений, ставших как бы нормальным порядком вещей, явилось то, что вся тяжесть казенных, общественных, а равно и натуральных повинностей падает почти исключительно на наименее самостоятельную часть населения, тогда как более богатые изобретают поводы к уклонению от платежа налогов и выполнения натуральных повинностей. Все жалобы на такие действия сельских властей,

приносимые полиции, обычно остаются без последствий, так как они поддерживают своих агентов. Эта поддержка часто объясняется тем, что выборы должностных лиц сельского управления составляют доходную статью для чиновников уездной полиции»¹⁹⁰.

Более убийственную характеристику своим подчиненным едва ли кто-нибудь мог дать. Разложение полицейского и чиновничьего аппарата царизма на Кавказе стало явлением социальным.

Колониальная политика кавказской администрации, направленная на удовлетворение интересов царского правительства и потребностей дворянско-бекской верхушки, крайне тяжелые для населения налоги и подати, бескультурье, нищета, массовые эпидемии, частые голодовки и невероятно низкий уровень жизни приводили к сокращению численности коренного населения Дагестана.

В прилагаемых здесь таблицах мы приводим статистические данные, относящиеся к дореволюционному времени (за 20 лет). Эти данные отображают естественное движение населения Дагестана (без не входивших тогда в его состав Хасавюртовского, Кизлярского и Ачикулакского округов)¹⁹¹.

Рождаемость за 1896—1915 годы

Годы	Число рождений по годам				
	В абсолютн. цифрах		В процентах		
	В городах	В округах	В городах	В округах	Всего
1896	770	14647	2,53	2,55	2,55
1897	865	12994	2,77	2,26	2,29
1898	1063	13509	3,08	2,30	2,34
1899	1064	11304	3,15	1,94	2,01
1900	1085	12210	3,03	2,09	2,14
1901	1415	13305	3,92	2,32	2,41
1902	1453	13115	4,00	2,21	2,31
1903	1492	13052	3,54	2,19	2,25
1904	1560	16160	3,59	2,67	2,73
1905	1578	15930	3,42	2,66	2,71
1906	1502	14592	2,82	2,44	2,47
1907	1591	13689	2,89	2,27	2,32
1908	1471	13800	2,46	2,28	2,30
1909	1438	13193	2,51	2,15	2,19
1910	1371	13455	2,29	2,19	2,20
1911	1511	14784	2,35	2,39	2,39
1912	1768	14031	2,67	2,26	2,30
1913	1607	15649	2,21	2,49	2,46
1914	1761	15806	2,52	2,17	2,21
1915	1755	16311	2,42	2,55	2,54

¹⁹⁰ «Всеподданнейшая записка об управлении Кавказским краем». Тифлис, 1907, стр. 136—137.

¹⁹¹ «Плановое хозяйство Дагестана». Ежемесячный журнал Госплана Дагестанской республики. Махачкала, 1927, стр. 82.

Средние показатели по рождаемости за весь двадцатилетний период: по городам 2,79%, по округам (без городов) 2,32% и по всей территории Дагестана 2,36%.

Смертность за 1896—1915 гг.

Годы	Число смертей по годам				
	В абсолютн. цифрах		В процентах		
	В городах	В округах	В городах	В округах	Всего
1896	757	14467	2,49	2,52	2,52
1897	807	12994	2,58	2,26	2,27
1898	1472	11184	4,27	1,90	2,03
1899	1141	14704	3,38	2,53	2,58
1900	978	10579	2,73	1,81	1,86
1901	948	10992	2,62	1,85	1,89
1902	1050	13013	2,89	2,19	2,24
1903	1137	9954	2,70	1,66	1,70
1904	1108	11280	2,55	1,86	1,91
1905	1830	14328	3,97	2,39	2,50
1906	1267	14328	3,97	2,39	2,50
1907	1131	10703	2,06	1,78	1,79
1908	1171	11057	1,96	1,83	1,84
1909	1240	12184	2,17	2,08	2,09
1910	1319	12756	2,21	2,08	2,09
1911	1104	9124	1,72	1,47	1,49
1912	1369	10609	2,07	1,71	1,74
1913	1189	11858	1,64	1,89	1,86
1914	1591	10038	2,28	1,59	1,65
1915	1224	11828	1,69	1,85	1,83

В отношении смертности средние показатели за двадцатилетний период: по городам 2,38%, по округам (без городов) 1,95% и по всему Дагестану 1,98%.

Прирост населения по отдельным годам колеблется в довольно широких пределах — от 0,02% (в 1897 г.) до 0,71% (в 1915 г.), дав один случай (в 1899 г.) снижения до отрицательного показателя (−0,57%). Средний прирост населения за весь период: по городам — 0,41%, по округам (без городов) — 0,37% и по всему Дагестану — 0,38%¹⁹².

Указанные колебания естественного прироста населения имели различные причины, причем в зависимости от своего характера они могли действовать в двух направлениях — либо в сторону понижения рождаемости, либо в сторону повышения смертности.

Показатели рождаемости и смертности по годам не обнаруживают зависимости от колебаний в количественном составе населения, что только подтверждает наличие связи этих показателей со сторонними причинами. Округляя (в тысячах)

¹⁹² Там же.

абсолютные величины рождений и смертей и располагая их в порядке возрастания, мы имеем данные, представленные в прилагаемой таблице ¹⁹³.

Число рождений свыше (тысяч)	Число таких годов	Число смертей свыше (тысяч)	Число таких годов
10	—	10	1
11	—	11	6
12	1	12	4
13	2	13	4
14	5	14	2
15	6	15	2
16	2	16	1
17	3	17	—
18	1	18	—

По рождаемости наиболее часты годы с количеством рождений от 14 до 15 тысяч и по смертности — годы с количеством смертных случаев от 11 до 13 тыс.

Амплитуда колебаний в естественном росте населения оказывается еще более значительной при увеличении периода и охвате им годов, выделяющихся по своим особенностям из общего ряда. Например, 1891 год («голодный год») для Дагестана сказался понижением прироста населения по сравнению со средним годовичным уровнем почти в три раза; следующий год («холерный») дал абсолютное уменьшение населения почти на 13 тысяч, 1899 год (после массовой гибели скота — 284 тыс. мелкого и 41 тыс. крупного, при плохом урожае хлебов) дал также уменьшение населения на 3,5 тыс.

Как социальная политика государства, так и экономические факторы вообще оказывают могущественное влияние на динамику населения, а в Дагестане им сопутствовали и другие факторы, из которых бытовые и культурные занимали не последнее место. Экономические причины проявлялись в том, что в результате социальной политики царского правительства всякое случайное понижение обычных норм существования (из истории известно, что эти нормы у населения Дагестана стояли на пороге физиологических, т. е. обеспечивающих минимальные потребности человека) обессиливало население и вносило неурядицы в общий бытовой уклад. Обессиливанию населения шло навстречу бескультурье и в результате взаимодействия этих двух факторов понижалась рождаемость, с одной стороны, и свирепствовали различные инфекционные заболевания, с другой.

После упомянутого «холерного» 1892 года, когда общее количество населения в Дагестане уменьшилось на 2,2%, падение воспроизводящих сил сказалось резким понижением рождаемости на ближайшие годы, и прирост населения выразился, например в 1893 и 1894 гг. всего в 907 и 756 человек.

¹⁹³ Там же.

Прирост населения Дагестана стоял в очевидной связи и с колебаниями в общем числе уходящих на сторонние заработки. В 1892—94 гг. число отходников составляло 71—75 тысяч в год, вслед же за урожайными годами (с 1895 г.) это число упало до 45 тысяч и, постепенно повышаясь, достигло прежнего своего уровня только в 1901 году (76 тыс.). Без сомнения, ежегодный отход взрослого мужского населения за пределы Дагестана и 8—9-месячный срок надо признать одним из факторов, влиявших на степень роста населения. Не будь этого явления или, если бы оно носило смягченные формы, показатели динамики населения Дагестана, очевидно, получили бы существенные коррективы.

Годы 1898 и 1899 были неблагоприятными по урожаю (при общем сборе хлебов в 0,43 четверти на единицу населения) и рождаемость вслед за этими годами упала до 12—13 тысяч, с соответствующим уменьшением прироста населения. 1901 год был неурожайным, что привело как к понижению рождаемости, так и к повышению смертности, в связи с чем прирост населения за 1902 год дал всего 505 человек.

Выявлению культурно-бытовой и санитарно-гигиенической обстановки, в какой живет население данного края, могут служить показатели заболеваемости. В изданиях Дагестанского статистического комитета за 1895—1901 гг. приводятся сведения о заболеваемости и смертности по всем городам и округам Дагестана (в границах того времени). Эти сведения даются здесь в сгруппированном виде по области в целом и имеют важное значение для обрисовки социально-экономического и культурного состояния Дагестана в те годы. Весьма возможно, что огромный рост заболеваемости населения инфекционными болезнями сыграл известную роль в прекращении публикации полных сводок, показывающих санитарное неблагополучие области и могущих, с точки зрения тогдашних администраторов, производить в центре невыгодное для них впечатление.

*Заболеваемость и смертность по Дагестану в 1895—1901 годы*¹⁹⁴

Болезни		Годы						
		1895	1896	1897	1898	1899	1900	1901
Оспа нат. (О. н.)	Заб.	3129	6540	5600	1786	1863	721	702
	ум.	726	1268	1002	273	292	121	152
Дифтерит (Дф.)	Заб.	54	69	151	144	104	261	225
	ум.	25	43	48	30	19	99	84
Скарлатина (Ск.)	Заб.	358	137	920	775	1406	197	306
	ум.	76	59	259	187	368	47	91
Цинга (Цн.)	Заб.	—	318	251	261	348	455	246
	ум.	—	1	1	—	4	2	1

¹⁹⁴ «Плановое хозяйство Дагестана». Махачкала, 1927, стр. 87—88.

Болезни		Г о д ы						
		1895	1896	1897	1898	1899	1900	1901
Дизентерия (Дз.)	Заб.	38	104	515	464	507	385	377
	ум.	—	6	66	34	59	12	28
Корь (Кр.)	Заб.	970	297	347	1517	7965	780	589
	ум.	158	37	17	191	949	102	104
Коклюш (Кк.)	Заб.	—	74	110	728	358	202	67
	ум.	—	—	9	22	46	15	14
Туб. лег. (Т. л.)	Заб.	67	226	115	122	105	265	214
	ум.	21	61	36	65	43	36	53
Круп. пнев. (К. п.)	Заб.	71	219	106	231	111	252	99
	ум.	22	65	12	56	28	43	16
Заушница (Зш.)	Заб.	48	—	56	85	103	264	203
	ум.	—	—	—	—	—	—	—
Инфлюенца (Ин.)	Заб.	54	271	208	300	478	807	410
	ум.	42	59	88	215	147	125	84
Сифилис (Сф.)	Заб.	640	1082	1074	817	778	1106	1129
	ум.	—	1	1	1	3	5	2
Венер. бол. (В. б.)	Заб.	—	162	286	412	351	680	698
	Чесотка (Чс.)	Заб.	—	821	1149	1476	1514	2378
Тиф сыпн. (Т. с.)	Заб.	—	15	14	1	116	436	23
	ум.	—	2	—	—	22	75	3
» брюш. (Т. б.)	Заб.	107	115	182	153	554	—	345
	ум.	22	31	47	2	108	—	70
» возвр. (Т. в.)	Заб.	—	26	15	1	28	367	18
	ум.	—	2	1	—	3	56	—
» неопр. (Т. н.)	Заб.	16	8	12	27	26	20	37
	ум.	7	3	2	6	2	1	6
Рожа (Рж.)	Заб.	—	104	76	98	105	181	106
	ум.	—	3	3	3	4	5	2
Итого:	Заб.	11962	17455	20570	23813	32876	33786	33517
	ум.	1099	1651	1601	1095	2122	767	727

Примечание: В дальнейших таблицах и в тексте названия болезней будут даваться сокращенно, как обозначено в скобках.

Средняя, выведенная по всему семилетнему периоду годовая смертность от инфекционных болезней составляет к числу населения 0,24%. По числу жертв на первом месте стоят болезни детского возраста, дающие в общей сложности свыше 50% всех смертных случаев от заразных болезней, за ними, в нисходящем порядке, следуют: малярия, тифозные заболевания, туберкулез. По заболеваемости порядок этот изменяется. На первое место выступает малярия (свыше 50% всех заболеваний), затем идут детские болезни, чесотка, сифилис. Процесс смертности по отдельным видам болезней колеблется в весьма широких размерах. Особенно высок он по болезням детского возраста, туберкулезу, круп. пневмонии и тифозным заболеваниям и опускается до нуля по В. б. (кроме Сф.) и Зш.

Болезни	Средние годовые показатели	
	Заболелаем. в % к населению	Смертность в % к заболеваемости
О. н.	0,49	20,9
Дф.	0,03	34,7
Ск.	0,10	26,4
Цн.	0,05	0,3
Дз.	0,06	8,5
Кр.	0,03	12,5
Кк.	0,04	6,8
Т. л.	0,03	28,3
К. п.	0,03	22,4
Зш.	0,02	—
Ин.	0,06	3,0
Мл.	0,47	0,75
Сф.	2,16	0,3
В. б.	0,06	—
Чс.	0,26	0,1
Т. с.	0,10	17,4
Т. б.	0,25	19,0
Т. в.	0,08	13,8
Т. н.	0,03	19,0
Рж.	0,11	3,1

Итого: 0,24 5,27

В целях выявления влияния, какое оказывает на величину заболеваемости наличие городов в составе соответствующих территорий, дается таблица с показателями заболеваемости с делением на а) города, б) округа вместе с городами и в) округа, не имеющие городов ¹⁹⁵.

Болезни	Т.-Х.-Шура	Петровск	Дербент	Итого	В % к количеству населения	Города вместе с их округами	Округа, не имеющие городов
						В % к количеству населения	
1	2	3	4	5	6	7	
О. н.	3	9	6	19	0,06	0,21	0,67
Дф.	10	19	3	32	0,11	0,02	0,03
Ск.	21	13	14	48	0,16	0,11	0,10
Пн.	10	29	15	54	0,18	0,05	0,04
Дз.	4	74	42	120	0,40	0,08	0,05
Кр.	43	27	28	118	0,39	0,28	0,34
Кк.	8	22	11	40	0,13	0,03	0,04
Т. л.	30	23	43	95	0,32	0,06	0,02
К. п.	24	37	55	116	0,39	0,07	0,01
Зш.	14	14	14	42	0,14	0,04	0,01
Ин.	130	34	19	183	0,61	0,13	0,04
Мл.	463	4777	2010	7250	24,16	5,80	1,08
Сф.	21	51	81	153	0,51	0,12	0,20

¹⁹⁵ Плановое хозяйство Дагестана. Махачкала, 1927, стр. 92.

1	2	3	4	5	6	7	
В. б.	22	171	90	283	0,94	0,18	0,01
Чс.	14	60	39	111	0,37	0,32	0,25
Т. с.	2	6	—	7	0,02	0,005	0,02
Т. б.	19	38	5	62	0,21	0,04	0,05
Т. в.	—	—	—	—	—	—	0,004
Т. н.	—	7	—	8	0,02	0,005	0,004
Рж.	7	16	9	32	0,11	0,03	0,01
Итого:	845	5427	2504	2873	29,24	7,61	2,94

За семилетний период распределение заболеваемости и смертности (по инфекционным болезням) между городским и сельским населением дало соотношения, указанные в прилагаемой таблице ¹⁹⁶.

Болезни	В городах	
	число заболевания	% смертно- сти к числу заболеваний
	году. % к числу городского населения	
О. н.	0,06	32,3
Дф.	0,11	20,7
Ск.	0,16	29,3
Цн.	0,19	1,8
Дз.	0,40	8,9
Кр.	0,39	11,2
Кк.	0,13	5,3
Т. л.	0,29	45,8
К. п.	0,34	28,6
Зш.	0,14	—
Ин.	0,61	3,5
Мл.	24,20	1,4
Сф.	0,49	1,4
В. б.	0,94	—
Чс.	0,37	0,3
Т. с.	0,02	12,0
Т. б.	0,21	30,6
Т. в.	—	50,0
Т. н.	0,03	25,0
Рж.	0,11	7,2
	29,19	3,0

Как показывает таблица, средняя заболеваемость городского населения в 1895—1901 гг. (29,19%) стоит выше заболеваемости сельского населения (2,89%), в отношении же смертности сельская местность (6,4%) дает значительный перевес над городами (3,0%) — на 113%.

¹⁹⁶ Там же.

В эти годы смертность от инфекционных болезней по отношению к количеству населения составляла: в городах 0,81% и в сельской местности 0,19%. Общая смертность составляла: в городах 2,38% к числу городского населения и в сельских местностях 1,95% к числу сельского населения. В качестве составной части в эти показатели входила и смертность от инфекционных болезней.

Крайне незначительный естественный рост сельского населения связан с рядом моментов, параллельных данному явлению. В этом отношении весьма характерен, например, состав сельского населения, выявленный демографической переписью 1897 года. Из общего количества около 120 тысяч хозяйственных единиц, зарегистрированных этой переписью, оказалось (не считая 7104 хозяйств одиночек): состоящих всего из двух лиц 14,93%, из трех лиц 19,64% и четырех лиц 19,98%, из пяти лиц 17,60% и лишь остальное количество — свыше шести лиц. Таким образом, до 72% всех хозяйств имели средний состав всего лишь 3,5 чел. Весьма показательны также, что той же переписью было зарегистрировано в сельской местности детей в возрасте от 1 года всего 10090, т. е. менее абсолютной средней по рождаемости, что указывает на значительную смертность среди детей в самом раннем возрасте и подтверждает отмеченную выше картину массовой гибели детей от специфических инфекций. Распределение населения по половому и возрастному признаку в свою очередь дает указание на постоянную ненормальную убыль лиц мужского пола, нарушающую правильное количественное соотношение полов (данные переписи 1897 года показали, что в раннем возрасте это соотношение характеризуется перевесом в сторону мужского пола). Подтверждением этому служат данные (в процентах) о составе населения по брачности (см. таблицу) ¹⁹⁷.

	Муж.	Женщ.
Холостых и девиц	59,3	45,7
Состоящих в браке	37,1	40,1
Вдовых	2,9	13,3
Разведенных	0,5	0,8
Не указано	0,2	0,1
	100	100

Если различие цифр относительно состоящих в браке может быть объяснено наличием многоженства, то громадное различие в показателях (с отношением 1:4,6) вдовых мужчин и вдовых женщин свидетельствует преимущественно о повышенной смертности мужчин, начиная с 30-летнего возраста, приводящей в конце концов к тому, что все взрослое мужское

¹⁹⁷ «Плановое хозяйство Дагестана». Махачкала, 1927, стр. 110.

население в возрасте от 30 лет и выше составляет 35,1%, а женское в том же возрасте — 38,5%. Причины этого явления, надо полагать, коренятся в социальных отношениях, где решающую роль играл мужчина, а также в том, что именно мужская часть населения несла многочисленные жертвы от кровавых столкновений и обычая кровной мести.

Перепись 1897 года определила общее количество сельского населения по коренному Дагестану в 532469 человек. Данные административного учета естественного движения населения с 1897 по 1916 год включительно дали: рождений 280992, смертей 233104, прирост 47888 человек. Получается, что средний естественный прирост составлял 592 человека. Это было явно недостаточно, и убыль населения происходила катастрофически.

Таким образом, приведенные данные тоже показывают порочность социальной политики царского правительства, осуществлявшейся в отношении народов Дагестана.

Анализируя данные о смертности и рождаемости, мы в первую очередь должны учитывать реальные условия жизни и быта народов Дагестана, их культурное состояние в тот период. Почти ежегодные голодовки в результате неурожая и отсутствия привозного хлеба сказывались именно на численности населения, его приросте и смертности.

Те болезни, которые уносили тысячи жизней горцев, были явлением социальным, вырвавшимся на экономической и культурно-бытовой почве. В первую очередь экономическая сторона жизни и определяла не рост, а уменьшение численности населения Дагестана. Экономическая же сторона прежде всего была связана с поземельным устройством Дагестана. Там, где поземельные отношения были более или менее благоприятными, где население за счет наличных земельных площадей могло обеспечивать себя хлебом, уход на заработки, смертность населения не носила характера социального зла. Но там, где поземельные отношения вообще не были ясными, где тяжесть феодального гнета ощущалась особенно сильно, там это прежде всего отражалось на росте народонаселения.

Одновременно нельзя уходить и от такого факта, как почти полное отсутствие лечебных учреждений и сколько-нибудь удовлетворительного медицинского обслуживания. В дальнейшем на этом факте мы остановимся более подробно. Здесь мы отметим только, что медицинским персоналом Дагестан совершенно не был обеспечен, а там, где он и был, трудовой народ им почти не обслуживался.

Серьезной причиной уменьшения численности населения служил его низкий культурный уровень. К делу повышения его колониальная администрация относилась совершенно безразлично.

На уменьшение численности населения влияли и такие факторы, как антиколониальная и антифеодальная борьба горцев и наличие в Дагестане такого бича, как кровная месть.

Подытоживая все сказанное здесь о землевладении и землепользовании и политике царского правительства в этой области, мы прежде всего должны констатировать, что крестьянская и другие реформы 60-х годов XIX века были проведены в Дагестане в интересах класса феодалов. Крестьянская реформа не разрешала вопроса о земле. Местные беки и царская казна и после реформы остались крупнейшими земельными собственниками. Достаточно сказать, что в казне к концу XIX века было сосредоточено (без Кумыкской плоскости) более 200 тыс. десятин лучшей земли¹⁹⁸. В Кумыкском округе в 60-х годах царская казна располагала только 20 тыс. десятин земли¹⁹⁹. И это в условиях исключительного малоземелья Дагестана!

Царская казна отдавала эти земли в аренду, получая весьма большие доходы. Кроме того, часть так называемой казенной земли отдавалась «местной знати» и русским чиновникам, дворянам и офицерам. Только за 40 лет (50—80 годы XIX века) было отдано таким лицам по далеко не полным данным более 17 тысяч десятин²⁰⁰.

Мечетские земли также остались в фактическом пользовании высшего мусульманского духовенства. Ничего не было сделано и для ликвидации зависимых отношений одних селений от других, более крупных селений.

Крестьянская реформа 60-х годов XIX века совершенно не коснулась в Дагестане раят и части феодально-зависимых узденей, количество которых составляло около 90 тыс. человек. Вопрос о подготовке отмены зависимых отношений этих крестьян был передан в так называемую сословно-поземельную комиссию, созданную тогда же исключительно из представителей дворянства и царских чиновников. Судьба раят и зависимых узденей, говоря словами этой комиссии, была предоставлена «полному и бесконтрольному усмотрению бэков», которые «проявили при взыскании податей и повинностей недостаточную умеренность и произвол, не сообразуясь ни с условиями, ни с экономическим положением»²⁰¹.

Дагестанские беки с помощью царского правительства отбирали у крестьян земли и увеличивали подати и повинности. Так, беки Мирзоевы в 1885 году захватили в местности «Кокрек» половину земли, принадлежавшей крестьянам селения Кумторкала, а бек Тарковский захватил 3861 десятину²⁰².

¹⁹⁸ ЦГА ДАССР, ф. 21, оп. 3, д. 9, л. 329—330.

¹⁹⁹ Там же, ф. 105, оп. 1, д. 10, л. 33.

²⁰⁰ ЦГИА Груз. ССР, ф. 231, д. 6, л. 158—164.

²⁰¹ Журнал «Красный архив», № 6(79), 1936, стр. 117.

²⁰² ЦГИА Груз. ССР, ф. 12, оп. 7, д. 3792, л. 2.

В 1901 году бек отобрал у раят селения Джемикент 600 дес. земли²⁰³. В 1906 году бек Тарковский захватил у крестьян сел. Муслим-аул Темир-Хан-Шурина большого участка земли под названием «Адербеджане»²⁰⁴.

Беки произвольно увеличивали не только размер существовавших повинностей, но и вводили множество новых, ранее крестьянам не известных податей и повинностей. Богатый фактический материал об этом содержится в многочисленных жалобах и прошениях крестьян, хранящихся в архивах Махачкалы, Тбилиси и Москвы. Среди вновь введенных податей и повинностей были такие, как присвоение имущества крестьянина, не оставившего после своей смерти детей мужского пола, взимание при выходе замуж раятской девушки платы в размере от 10 до 25 рублей (в противном случае запрещалось вступать в брак), налог на кур и т. д.²⁰⁵

Об исключительно тяжелом положении крестьян красноречиво свидетельствует хотя бы такое обстоятельство. Крестьяне селений Буркихан Кюринского округа и крестьяне селения Фиргиль Кайтаго-Табасаранского округа просили представителей царской администрации избавить их от гнета беков или переселить их куда угодно, ибо, писали они, нет «больше терпения»²⁰⁶.

Нужно иметь в виду, что крестьяне, помимо феодальных повинностей бекам, вносили множество налогов в царскую казну, они отправляли ряд очень тяжелых и изнурительных трудовых «казенных» повинностей, их угнетало духовенство, должностные лица сельского управления (старшины, кадии, кевхи и т. д.).

Тяжелое положение крестьян усугублялось их политическим угнетением. Крестьяне по-прежнему оставались «низшим» сословием. Исключительно тяжелое экономическое и политическое положение толкало крестьян на борьбу против гнета местных беков и царского правительства.

Сословно-поземельная комиссия, которую ни в коем случае нельзя заподозрить в защите интересов крестьян, писала, что крестьянское движение в Дагестане «прежде всего имеет... экономический характер. Отбывавшиеся бекам Дагестана повинности являлись обременительными для поселян, так как последние кроме них должны были уплачивать в обычных нормах земские сборы и подымную подать, а после 1900 г. государственный поземельный налог или оброчную подать. Естественно, что поселяне тяготятся таким двойным обложе-

²⁰³ ЦГА ДАССР, ф. 2, оп. 3, д. 142 «г», л. 42.

²⁰⁴ ЦГА ДАССР, ф. 2, оп. 2, д. 42, л. 36.

²⁰⁵ Рукоп. фонд ИИЯЛ Дагфилиала АН СССР, д. 1294, 1383.

²⁰⁶ ЦГВИА, ф. 400, д. 45, л. 242. Рукоп. фонд ИИЯЛ, д. 1383, стр. 82.

нием, принимающим довольно чувствительные размеры» (подчеркнуто нами — Г. Д.)¹³⁵.

Да, действительно, красноречивое и на этот раз правдивое признание представителей самодержавного государства. Не приходится удивляться тому, что крестьяне Дагестана десятилетиями боролись за свое освобождение от колониальной и феодальной кабалы. Борьба крестьян принимала многообразные формы, начиная с простой апелляции к административному аппарату царизма и кончая открытыми вооруженными выступлениями. Борьба крестьян особенно обострилась накануне, в ходе и после революции 1905—1907 гг.

---

¹³⁵ «Красный архив», 1936, № 6(79), стр. 116.

**Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ИЦ РАН**

instituteofhistory.ru

КЛАССОВАЯ БОРЬБА В ДАГЕСТАНЕ В КОНЦЕ XIX И НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Во второй половине XIX—начале XX века в Дагестане происходит ломка исстари существовавших феодальных производственных отношений. Этот процесс не был явлением, возникшим лишь в начале 60-х годов прошлого столетия. Процесс ломки старых социально-экономических отношений начался еще в начале XIX века в виде отдельных элементов и постепенно расширялся. Однако на его бурное развитие решающее влияние оказали отношения с Россией, сложившиеся в 60-х годах прошлого столетия.

Этот процесс был тесно связан с ростом производства кустарно-ремесленных изделий и продуктов сельского хозяйства, с одной стороны, с другой — с колониальной экономической политикой царизма по отношению к горскому крестьянству, способствующей проникновению в Дагестан купеческого капитала, который мог бы прочно укорениться здесь, завладеть рынком, сельскохозяйственным и промышленным сырьем, и тем самым облегчить установление политического господства над народами этого «крамольного» края.

Такая экономическая тенденция, непосредственно вытекавшая из политических интересов царизма, обеспечивала создание колониальной опоры не только из дворянско-бекского сословия и русских переселенцев, но главным образом из верхушки узденства, которая держала в своих руках кустарно-ремесленное производство, торговлю и располагала значительной частью земли и скота.

Объективно, шаг за шагом, такая колониальная политика в условиях дагестанского аула приводила к формированию нового класса, а следовательно и новых производственно-экономических отношений.

Колониальная политика царизма тесно переплеталась с интересами военно-бекского управления, удовлетворяла стремление к обогащению верхушечной части узденства, раскрывала возможности для освоения новых земельных площадей, особенно под техническими культурами, садами и виноградниками, для создания в районах сырьевых источников предприятий пищевкусовой промышленности, для возникновения крупных скотоводческих хозяйств.

Звонкая монета становилась господином в экономической жизни горского крестьянства, и это способствовало росту отходничества и обезземеливанию огромного количества крестьян, так как земля становилась товаром и переходила в руки «господ-купонов».

Помещикам и бекам, верхушечной части узденства нужны были пауперизированные крестьяне для использования дешевых рабочих рук в деле расширенного воспроизводства в сельском хозяйстве. Царизму в свою очередь нужна была сильная опора, которая была бы проводником его колониальных интересов в Дагестане. Общие интересы скрещивались в органах политического управления, созданных в Дагестане и являвшихся выражением интересов помещиков и развивающегося капитала. Торговый капитал находит себе в этом крае необъятный простор и с годами получает весьма важное значение. Вряд ли остался хотя бы один сколько-нибудь крупный аул, не охваченный влиянием русского и местного торгового капитала. Переселение и другие атрибуты колониализма сильно повлияли на социально-экономическую жизнь некапиталистических окраин, и в частности Дагестана, породили глубокие изменения в жизни горцев, значительно ускорили классовую дифференциацию и темпы ломки патриархальной замкнутости. Проникновение вместе с колонизацией капиталистических элементов приводит к росту товарно-денежных отношений и к разложению натурального хозяйства.

Все эти изменения не могут быть отнесены в одинаковой степени ко всем частям Дагестана: в горной зоне они проявлялись менее заметно, нежели на плоскости. В плоскостных аулах роль колонизации в экономическом отношении сказывалась быстрее, чем в горах. И, наоборот, политическое угнетение сказывалось сильнее в горах, чем на плоскости. Аулы Прикаспийской низменности воспринимают сравнительно передовые формы ведения сельского хозяйства, приступают к выращиванию технических культур, которые становятся доходной отраслью сельскохозяйственного производства.

Проникновение капиталистических элементов во все сферы экономического быта дагестанских народов оказало влияние, в первую очередь, на основную отрасль их хозяйства — животноводство и главным образом на овощеводство. Дагестанское животноводство под влиянием товарно-денежных отношений постепенно изменяет свой характер. Скот становится предметом купли и продажи как в живом виде, так и в виде продуктов животноводства: шкуры, мясо, брынза, масло, шерсть, сало и т. д. Несколько меняется и сам состав стада, а именно в связи с ростом спроса на шерсть идет увеличение метисного овцепоголовья. Шерсть и мясо в значительных количествах вывозятся за пределы Дагестана.

Население городов растет, и горцы близко знакомятся с городской жизнью. Для обеспечения городов продуктами

сельского хозяйства увеличиваются засеваемые площади, создаются виноградные и овощные плантации. В средней полосе Дагестана, где больше всего были сосредоточены воинские части, по мере оживления торговли увеличивались площади под садами и виноградниками. Растет вывоз овощей, фруктов, винограда в центральные губернии России.

Получение денежного дохода становится одной из главных хозяйственных целей дагестанских горцев. Иными словами, горцы стремятся приспособить свое хозяйство к требованиям рынка.

Следствием этого было появление новых видов хозяйств, которые успели сосредоточить в своих руках основную массу скота, тогда как малоскотные хозяйства дагестанцев совершенно разорялись. Имущественная дифференциация горцев Дагестана как в области земледелия, так и в области садоводства и животноводства обрекла значительную часть бедноты на полурабский труд в качестве батраков в кулацких и бекских хозяйствах. Жестоко эксплуатируя бедняков, во многих случаях под видом родственной помощи, кулаки и беки оставляли их в темноте и невежестве, притупляя их классовое самосознание при помощи пережитков патриархальных отношений.

В развитии дагестанского аула в эти годы мы наблюдаем две тенденции, а именно — политическое и духовное порабощение, господство пережитков патриархальщины, безграмотность и обездоленность горского крестьянства, с одной стороны, с другой — экономическое оживление края в целом, формирование нового класса из среды горского крестьянства, появление новых производственных отношений.

Одним из главных факторов в этом процессе является проникновение торгово-ростовщического капитала (персидского, армянского, грузинского, и особенно русского) в аулы Дагестана, под влиянием которого структура социально-экономических отношений в аулах претерпевает существенные изменения. Важным фактором, содействовавшим возникновению новых производственных отношений, особенно с начала XIX века, был перевод во многих местах натуральных повинностей в денежные, что особенно подчеркивало влияние русского торгового капитала. Появился также местный торговый капитал, который скоро проник в самую толщу хозяйств аулов Дагестана и крепко здесь обосновался.

В связи с политикой царизма в Дагестан проникал не промышленный, а торговый капитал, ибо он являлся основным авангардом колониальной системы и основным ее орудием. Следует подчеркнуть, что он не изменил в аулах способа производства, ибо он на это не был способен, но, проникая во все поры горского хозяйства, он обосновывался там, играя роль посредника при обмене одних продуктов на другие.

После того, как русский торговый капитал овладел дагестанским сырьем, он в целях завоевания рынков развивает

функции, отличные от посреднических, а именно ростовщические. В горах Дагестана ростовщичество принимает особенно широкий размах, и это в свою очередь приводит к изменению структуры хозяйства. Известно, что ростовщический капитал при докапиталистических способах производства играет революционизирующую роль, поскольку он разрушает и уничтожает традиционные формы собственности. В данном же случае в Дагестане он разрушал феодальные формы собственности.

Нужно отметить, что ростовщический капитал в Дагестане, особенно в его горной части, был неотделим от торгового капитала. Необходимо также заметить, что ростовщичество в горах и на плоскости было далеко не одним и тем же и играло далеко не одну и ту же роль. В то время, как в горах ростовщический капитал играл не самостоятельную, а только подчиненную роль по отношению к торговому капиталу, интересы которого имели здесь преобладающее значение, на плоскости ростовщический капитал со временем стал играть самостоятельную роль, постепенно преобразуясь в промышленный капитал.

При азиатских формах ростовщичество может существовать очень долго, не вызывая ничего иного, кроме экономического упадка и политической коррупции. Лишь там и тогда, где и когда имеются остальные условия капиталистического способа производства, ростовщик является одним из орудий, создающих новый способ производства, разоряя, с одной стороны, феодалов и мелких производителей, централизуя, с другой стороны, условия труда и превращая его в капитал.

Имелись ли в дореволюционном Дагестане эти «остальные условия» капиталистического способа производства, при наличии которых ростовщический капитал способен был играть роль силы, создающей переворот в способе производства? Утвердительный ответ можно получить лишь тогда, когда мы ответим на следующий вопрос: создавал ли торговый капитал сам по себе в качестве торгового посредника и при помощи ростовщического кредита возможность перехода от феодального способа производства к капиталистическому?

К. Маркс, как известно, различал три пути, по которым совершается этот переход: во-первых, купец прямо становится промышленником; во-вторых, купец делает своим посредником мелких мастеров или прямо покупает продукцию у самостоятельного производителя, номинально он оставляет его самостоятельным и оставляет без изменения его способ производства; в-третьих, промышленник становится купцом и непосредственно производит продукцию в крупных размерах для торговли. Последний путь, когда производитель становится купцом и капиталистом, — это действительно революционизирующий путь. Но этот путь был исключен для дореволюционного Дагестана. Если бы в горах ростовщический капитал

сросся с различными видами кустарного производства, то это положение могло бы привести к возникновению промышленного производства шерстяных, шубных, кожевенных, деревообделочных, гончарных и других изделий. Но дело в том, что ростовщический капитал для гор оказался паразитическим, направленным только на процентную выручку. На плоскости ростовщический капитал принимает в отдельных отраслях хозяйства форму промышленного капитала, и капиталистический способ производства получает здесь довольно широкий размах.

Чем можно объяснить, что в горах ростовщический капитал не сросся с промышленным капиталом? Причиной этого являются слабо развитые производительные силы, неразведанные недра земли и в связи с этим отсутствие объекта приложения капитала, бездорожье и главным образом колониальная политика царизма, не заинтересованного в экономическом развитии Дагестана и стремящегося сохранить его как рынок сбыта и источник дешевого сельскохозяйственного сырья.

В XIX веке в Дагестане господствовала жестокая колониальная политика, производительные силы края были скованы, пережитки патриархальщины, безграмотность и отсталость экономики тормозили его развитие. Именно поэтому не мог сложиться класс дагестанских капиталистов, концентрирующий в своих руках значительные средства производства.

Тем не менее ростовщический капитал создал условия, способствующие росту контингента собственников земли, скота, недвижимого имущества, постепенно появляются новые владельцы огромных отар, табунов, ластбищ, рыбных промыслов, мареновых и табачных плантаций. Расширялся рынок сбыта продуктов сельского хозяйства. Наряду с другими причинами, это способствует тому, что здесь формируется класс сельской буржуазии — кулачество, являющееся новой общественной силой в ауле.

У Развитие экономики Дагестана приводит к тому, что появляется необходимость заняться путями сообщения как между округами, аулами и центром Дагестана, так и Дагестана в целом с другими районами России.

Темир-Хан-Шура — административный центр военно-народного управления области, ввиду отдаленности от водных путей и отсутствия необходимых условий для организации промышленного производства, не приобретает большого значения и особого внимания на его развитие не обращают.

✠ Оставался один Дербент — крупный торгово-экономический центр, портовый город, игравший во все периоды истории Дагестана исключительно большую роль как в политическом, так и в экономическом отношении.

Тем не менее Дербент был расположен слишком далеко от административно-политического центра, с одной стороны, и от основных округов и районов Дагестана — с другой. Кроме

того, Дербент как недостаточно удобный порт не мог быть пригоден для дальнейшего развития торгово-экономических отношений.

Торгово-экономические отношения России с Дагестаном с каждым годом настолько возрастают, что давно сложившиеся торговые пути, по которым раньше велась оживленная торговля, уже их не обеспечивают. Во второй половине XIX и начале XX века Дербент теряет то многовековое экономическое значение, которое он имел. В то же время Ставрополь, экономически и политически связывавший центральную Россию с Северным Кавказом, не мог обеспечить транспортировку огромного количества товаров, идущих во внутренний Дагестан для торговли и снабжения войск провиантом.

Наместничество Кавказа, видя все возрастающую роль Астрахани как центра, экономически связывавшего горские народности с Россией, ищет пути для создания опорного пункта на западном берегу Каспийского моря. В связи с этим был решен вопрос о возведении Порт-Петровска. Создание этого города сыграло большую роль в дальнейшем развитии экономики Дагестана.

Место, где расположен город Порт-Петровск, в 1844 году было занято под укрепление Петровское, возведенное взамен упраздненного Низового укрепления. Поводом для выбора этого места была необходимость основать вблизи военного центра удобный и укрепленный приморский пункт, к которому могли бы быть беспрепятственно доставляемы провиант и боевые припасы, а также необходимость оживлять торговлю со всеми народами, живущими не только в Дагестане, но и за Терекком.

Укрепление это было построено на небольшой возвышенной площади отрога Таркинской горы (Тарки-Тау), именуемой дагестанцами Анджи. Этот отрог оканчивался у самого берега моря. От названия горы Петровск именовался Анджи-Кала, что в переводе означает Анджинская крепость. Укрепление Петровское было возведено в крепость 3-го класса 27 мая 1857 года. Название Петровск было дано в память о том, что близ этого места Петр Первый сделал высадку войск, с которыми ходил в Дербент в 1722 году.

Занятый под укрепление пункт сочетал в себе необходимые условия для доставки, выгрузки и складирования всякого рода военных припасов, разных товаров и продуктов. Доставка сюда всяких предметов и товаров, отправляемых из России по Волге и от Астрахани морем, была весьма удобной, а выгрузка, сравнительно с другими местами, представляла то преимущество, что рейд перед укреплением был защищен от северных ветров косою Гондалахум и имел вблизи берега хорошее якорное место. Перевозка же отсюда доставлявшихся из России предметов имела то преимущество, что от Петровска ко всем главным пунктам шли хорошие аробные дороги.

Благодаря удобствам этого приморского пункта, вскоре после возведения на нем укрепления, при форштате, состоявшем из домов военнослужащих, образовалось небольшое поселение иногородних торговцев, ведших выгодную торговлю привозимыми из России товарами и продуктами.

Военное и гражданское начальство, замечая, что ввоз через Петровск разных товаров год от года увеличивается, еще в 1850 году возымело мысль о возведении образовавшегося здесь поселения в степень города и перенесении со временем сюда главной резиденции военного и гражданского управления. В документе говорится: «Хотя бывший наместник Кавказский..., фельдмаршал князь Воронцов вполне разделял мнение князя Аргутинского о значении Петровска, но осуществление предположения его нашел несвоевременным, потому что военные обстоятельства, в которых был тогда этот край, требовали, чтобы командующий войсками и штаб его находился ближе к театру военных действий, именно в Темир-Хай-Шуре, где и возведены в 1854 и 1855 гг. означенные здания»¹ для регулярной армии.

В 1851 году для Петровского укрепления с разрешения князя Воронцова было куплено пять участков земли, площадью в 1672 десятины на следующих основаниях:

а) Она должна была поступить в собственность укрепления Петровского и его форштата, а впоследствии времени предполагавшегося города Петровска.

б) Ею должны были быть обеспечены сенокосами войска, расположенные в Петровске, частью за плату по одной копейке с пуда в пользу общественного сбора в Петровске²... а частью бесплатно.

в) Выгоны должны были быть общие как для войск, так и для жителей с определением только от последних, также в пользу общественного сбора, некоторой платы за пастьбу от каждой скотины.

г) Остальные же места из купленного пространства предназначены были под огороды войскам бесплатно, а жителям, в виде найма, с платою в общественный доход, с тем однако же, чтобы разводить пашни или обширные сады на купленных землях отнюдь не дозволялось, так как хлебопашество и садоводство составляют предмет сельских обывателей, а не горожан, в которых предполагалось обратить поселившихся на Петровском форштате иногородних жителей»³.

¹ ЦГА Груз. ССР, ф. 416, оп. 3, д. 807, л. 2.

² Тогда уже производились с торговцев на Петровском форштате небольшие сборы, в виде городских, на разные общественные потребности форштата. Копеечный сбор с сена назначен был только с сенокоса артиллерийских батарей и с покосов, отводимых офицерам, а линейному батальону велено отводить покос бесплатно.

³ ЦГА Груз. ССР, ф. 416, оп. 3, д. 807, лл. 2 об.—3.

...Кавказский наместник князь Барятинский, приехав в 1856 году на Кавказ, морем через Петровск, нашел, что пункт этот может служить главным местом выгрузки и складирования продовольственных припасов для Дагестана, и отчасти для Терской области, что он может развиться и тем способствовать усилению торговли и промышленности по северо-западному берегу Каспийского моря, и потому ходатайствовал о возведении его в степень портового города. Создаваемый город должен был явиться важным центром водворения промышленников, которые могли бы принести пользу торговле и благосостоянию края, наладить внутреннюю и заграничную торговлю, привлечь местное население к установлению дружественных торговых отношений с Россией. Мероприятия наместника Кавказского вскоре привели к тому, что город был основан. Для иллюстрации отношения царского правительства к созданию города Петровска приведем некоторые документы. Так, в письме Временного отделения при Главном управлении наместника Кавказского к А. З. Крузенштерну от 13 ноября 1857 года за № 302 мы читаем: «Его сиятельство князь Александр Иванович изводил ходатайствовать об учреждении при Петровской крепости, на северо-западном берегу Каспийского моря, портового города Петровска, каковое ходатайство,— как видно из отношения от 26-го октября за № 1954, удостоилось высочайшего утверждения в 24 день того же месяца.

По докладу об этом князю Александру Ивановичу, его сиятельству благоугодно было приказать мне: отношение Кавказского Комитета с Высочайше утвержденным Положением об управлении г. Петровска и с прочими приложениями, а также с упоминаемыми в оном отношении его сиятельства от 2-го февраля и 7-го июня за №№ 38 и 115, вследствие которых и последовало Высочайшее утверждение,— препроводить в управляемую Вашим превосходительством Канцелярию для зависящих распоряжений к приведению означенного Положения административным порядком в исполнение.

Причем его сиятельству угодно, чтобы обстоятельство это сделано было известным повсеместно посредством объявления об оном чрез газету «Кавказ» и «Ставропольские губернские ведомости».

Исполняя сим приказание его сиятельства князя Александра Ивановича и препровождая к Вашему превосходительству упоминаемые выше бумаги, имею честь присовокупить, что с отношения Кавказского Комитета и с приложений к оному описаны копии к делу Временного отделения, и что о Высочайшем утверждении Положения о портовом городе Петровске сообщено мною вместе с сим исправляющему должность начальника Главного штаба, с препровождением и копии с того Положения»⁴.

⁴ ЦГА Груз. ССР, ф. 416, оп. 3, д. 781, л. 1.

Отношение Кавказского Комитета к наместнику Кавказскому от 26 октября 1857 года за № 1954 гласит:

«Вследствие отношений Вашего сиятельства от 2 февраля № 38 и 7-го июня № 115, имею честь препроводить при сем к Вам, милостивый государь, для зависящих распоряжений:

1. Выписку за № 1883, из Высочайше утвержденного 24 сего октября журнала Кавказского Комитета об учреждении при Петровской крепости, на северо-западном берегу Каспийского моря, портового города Петровска.

2. Засвидетельствованные списки: с именного высочайшего указа, данного по настоящему делу в 24 день сего октября Правительствующему Сенату, положения об исправлении означенного города и штата гражданского управления оным, того же числа удостоенных Высочайшего утверждения.

Подлинные: указ Правительствующему Сенату, положение и штат отправлены вместе с сим в Сенат, откуда и будут опубликованы и доставлены Вашему Сиятельству установленным порядком»⁵.

Можно привести еще выписку из журнала Кавказского Комитета от 7 октября 1857 года, где говорится:

«Слушаны: отношение наместника Кавказского от 2-го февраля № 38, с приложенными к оному проектами положения об учреждении при Петровском укреплении, на северо-западном берегу Каспийского моря, портового города Петровска и штата управления оным, отзывы по сему делу министров: юстиции от 22 февраля № 3530, финансов (по Канц.) от 22-го апреля № 1162 и внутренних дел (по Деп. пол. испол.) от 19 июня № 1380, а также второе отношение наместника Кавказского от 7 июня № 115.

Комитет, основываясь на удостоверении наместника Кавказского о пользе и необходимости учреждения при Петровском укреплении, на северо-западном берегу Каспийского моря, города положил представленный наместником проект положения о заселении и управлении сего города и штата управления оным, исправив по замечаниям министров, предварительно рассматривавших это дело, принятым и наместником Кавказским, представить на Высочайшее утверждение Его Императорского Величества при проекте особого Указа Правительствующему Сенату.

Государь Император на журнале Комитета в 24 день сего октября Высочайше соизволил написать собственноручно «Исполнить».

Представленные Его Величеству при этом журнале в проектах указ Правительствующему Положению об управлении портового города Петровска и штат гражданского управ-

⁵ ЦГА Груз. ССР, ф. 416, оп. 3, д. 781, л. 1—об.

ления сего города в тот же день удостоены Высочайшего утверждения»⁶.

Ниже приводим утвержденный 24 октября 1857 года указ царя Правительствующему Сенату:

«По представлению нашего наместника Кавказского, признав полезным для развития торговли и промышленности на северо-западном берегу Каспийского моря, учредив при Петровской крепости портовый город Петровск, и даровав некоторые льготы и преимущества лицам, желающим там селиться, мы утвердили составленные наместником и рассмотренные в Кавказском Комитете: положение о заселении и управлении сего города, а также штат управления оным. Препровождая сии положение и штат в Правительствующий Сенат, повелеваем сделать зависящие распоряжения к приведению их в надлежащее исполнение.

На подлинном собственною Его Императорского Величества рукою подписано: — «Александр»⁷.

Вследствие этого поселение, образовавшееся на форштате бывшего укрепления Петровского из временно проживавших там иногородних торговцев, было переименовано в портовый город Петровск. «В то время на Петровском форштате проживало всего 138 душ обоего пола иногородних торговцев. Из них 23 человека имели недвижимую собственность, состоящую из 24 домов и с 10 лавками, устроенными при тех домах, 12 отдельных лавок, 2 трактира, 1 пивной завод и 13 духанов, в коих продавались напитки»⁸.

Для привлечения в Петровск населения, желающим переселиться сюда Положением предоставлялись следующие преимущества и льготы:

«Отвод свободной земли под постройку домов и заведений, с платою, какая будет определена местным начальством.

Льгота от платежа гильдейских пощлин и государственных повинностей, поставки рекрут и военного постоя в течение 10 лет со дня утверждения Положения о городе.

Право производства свободного внутреннего и заграничного торгова, на неопределенную сумму, и всякого рода дозволенной промышленности и ремесла на все продолжение льготного срока.

Дозволение производить торговлю на всем Кавказском берегу Каспийского моря и в Закавказском крае без особой приписки к гильдии и взимания свидетельств»⁹.

В порядке общего управления Петровск был причислен к Закавказскому краю, а непосредственное управление городом

⁶ ЦГА Груз. ССР, ф. 416, оп. 3, д. 781, л. 1—об.—2.

⁷ Там же, л. 2.

⁸ Там же, л. 807, л. 3—об.

⁹ Там же, л. 3 об.—4.

было вверено коменданту Петровской крепости на правах Закавказской земской и городской полиции.

Кроме комендантского управления, Положением о городе Петровске было предусмотрено учредить в нем городовую Ратушу, с предоставлением, однако, наместнику Кавказскому права не открывать деятельность ратуши в полном объеме, пока не окажется в том необходимости.

Вместе с опубликованием преимуществ, которые были предоставлены желающим переселиться в Петровск, в 1857 году было сделано несколько «вызовов». Однако «вызовы» эти не имели успеха и на них почти никто не откликнулся. В течение нескольких месяцев 1857 года было подано только 9 просьб от временно проживавших в Петровске и других ближайших пунктах торговых людей о причислении их к городу Петровску. В связи с этим для привлечения в город Петровск желающих сюда переселиться было разрешено отводить, в первые три года, земли без взимания пошлины.

В 1859 году из бывшего Прикаспийского края была образована Дагестанская область, в Положении об управлении которой предусматривалось и управление городом Петровском. Начальник портового города Петровска мог действовать на основании утвержденного в октябре 1857 года Положения, однако с условием не учреждать, до увеличения в этом городе населения, ратуши, а все подлежащие решению ратуши дела, превышающие полномочия начальника города, передавать на разбирательство в Дагестанский областной суд. По военной же части на начальника города возлагались обязанности коменданта¹⁰.

С этим дополнением к Положению о городе Петровске был несколько изменен временный штат управления, с увеличением окладов и добавлением некоторых должностей.

В связи с тем, что город Петровск ощущал недостаток в пресной воде, начальник Дагестанской области обратился к одному из торгующих в Темир-Хан-Шуре тифлисских граждан Ивану Алиханову с предложением взять на себя проведение в город воды. Алиханов согласился, но в связи с крайним недостатком воды вблизи Петровска начальник области вынужден был предложить одному из местных владельцев уступить для города воду, которой пользовалось принадлежащее ему небольшое селение Амирханкет. Владелец дал согласие с условием, что у него будет куплена вся земля сел. Амирханкета, а у живущих на ней крестьян — сады и дома по добровольному с ними соглашению. Начальник области принял это усло-

---

¹⁰ ЦГА Груз. ССР, ф. 416, оп. 3, д. 807, лл. 6—6—об. В документе имеется примечание следующего содержания: «Управлению начальника портового города присвоится право свидетельствования и совершения крепостных актов на правах, предоставленных Уездным Управлением, где нет Уездных Судов».

вие и согласно договору амирханкентская земля, сады и вода были уступлены за 2450 рублей.

После совершения этой сделки Алиханову было предоставлено право приступить к устройству водопровода. Работы, начатые им в 1862 году, были завершены в 1864 году. Этот водопровод обеспечивал население города водой для питья и других надобностей. Для водопоя же скота в городе имелось достаточно колодцев.

В том же году было открыто обер-провиантмейстерство, преобразованное впоследствии в отдел интендантства.

Хотя работы по сооружению гавани и открытие провиант-мейстерства значительно увеличили число жителей города, но это увеличение мало способствовало заселению города людьми купеческого сословия, имевшими крупные капиталы. Все купцы, причислившиеся к Петровску, за редким исключением, являлись мелкими торговцами, переселившимися сюда в надежде в короткое время нажиться. Когда же надежды их не оправдывались, они начинали роптать на недостаток льгот, предоставляемых переселенцам и отсутствие свободных земель, на которых они могли бы заниматься сельским хозяйством и на то, что в городе нет ратуши.

Это недовольство и явилось причиной тому, что менее чем через три месяца после введения в действие штата управления Петровском, местное купечество подало начальнику области прошение об учреждении в городе ратуши.

В марте 1863 года на имя начальника области поступило прошение петровского общества, для разбора которого была созвана специальная комиссия. По окончании работы этой комиссии начальник докладывал: «Существенная часть их просьб заключается: в даровании им свободы от рекрутской повинности, подобно прочим городам Закавказского края на неопределенное время; в продлении льготного срока свободы от платежа гильдейских и других государственных повинностей, вместо 10, на 25 лет со дня приписки, с тем, чтобы этою льготою пользовались только те, кои припишутся в течение 10 лет, с основания города; в предоставлении в пользу города платимых в казну пошлин с питейных заведений и акцизного сбора — первых на все льготное время, а второго на 10 лет; в приеме домов их в залог по подрядам и поставкам и по займам денег из Кредитных Установлений и ассигнований для Петровска строительного капитала в 100 т. р.; и в представлении им рыбной ловли по городскому берегу»¹¹.

Известно, что привлечению купеческого сословия в пункты, избранные для основания городов, больше всего могли способствовать благоприятные условия для торговли и промыслов. Поэтому стало необходимым безотлагательно решить вопрос об удовлетворении изложенных в прошении просьб.

¹¹ ЦГА Груз. ССР, ф. 416, оп. 3, д. 807, лл. 9 и об.

Начальник области генерал-адъютант князь Меликов полагал полезным и справедливым оказать городскому населению Петровска временную поддержку. Считая, что с устройством на Петровском рейде мола и с развитием среди горцев разных промыслов город непременно получит важное торговое значение не только для Дагестана, но частично и для Терской области, и тогда кулеческое сословие само изыщет средства для расширения своих операций и вполне оправдывает оказываемые ему пособия и льготы. Поэтому начальник области полагал:

«1. Распространить на жителей города Петровска свободу от рекрутской повинности на неопределенное время, подобно тому, как пользуются этим все другие города Закавказья.

2. Даровать им свободу от гильдейских и других государственных повинностей на 25 лет, считая срок этот со дня основания города.

3. Предоставить в пользу города платимые в казну пошлины с питейных заведений и акцизный сбор первый на все льготное время, а второе — на 10 лет, с тем, чтобы деньги, поступающие по этим статьям, обращались частью на покрытие необходимых городских расходов, а из остальной суммы образован был капитал для городского банка.

4. Принимать дома в залог по подрядам и поставкам подобно тому, как это было сделано для некоторых городов Закавказского края, а с образованием Городского банка — и под залог ссуд из этого банка»¹².

Так год за годом рос на берегу Каспийского моря город, сыгравший огромную роль в развитии экономики Дагестана. Площадь, занимаемая городом, составляла 697 десятин, число жителей, по данным переписи 1863 года — 1156 душ обоего пола, в том числе:

«1. Приписавшихся к городу, со времени образования его, в течение восьми лет:

	Семейств	Д у ш	
		Муж.	Жен.
К купеческому сословию	21	58	60
К мещанскому	204	345	162
	225	403	222

2. Отставных из военной и гражданской службы и их вдов, поселившихся в Петровске и имевших в нем прочную оседлость:

¹² ЦГА Груз. ССР, ф. 416, оп. 3, д. 807, лл. 10 и об.

Семейств

Д у ш

Муж. Жен.

Дворян потомственных и личных	6	9	14
Нижних чинов	44	72	83
	50	81	97

3. Временно проживающих в городе по торговым делам и ремесленников . . . . .
просто рабочих . . . . .

134 29
200

4. ...Квартирующих в Петровске разных частей войск и служащих в находящихся там правительственных учреждениях:

Штаб и обер-офицеров

Нижних чинов

Военнослужащих сухопутного и морского ведомства	99	2738
гражданского ведомства	4	7

муж.

жен.

Дворян потомственных и лич- ных	46	53
нижних чинов	110	150

Всего же служащих и их семейств проживает в городе 3207 душ обоого пола»¹³.

Таким образом, все население города Петровска, постоянное и проживавшее в нем по службе, составляло 4263 души обоого пола. По национальному составу население это делилось на:

Русских	875
Армян	73
Дагестанцев	173
Евреев	15

¹³ ЦГА Груз. ССР, ф. 416, оп. 3, д. 807, л. 11—об.—12.

Русско-подданных:

Русских	Грузин	Армян	Мусульман	Евреев	Иностранцев
23	—	—	—	—	—
5	—	—	—	—	—
118	—	3	—	—	—
587	27	70	13	5	10
85	—	—	160	10	—
40	—	—	3207	—	—
			3207		

Всего 1156»¹⁴.

Петровск приобретал большое значение, как центр оживленной торговли. Сюда прибывали суда с разными товарами из Астрахани и других городов. Данные ввоза и вывоза товаров через Петровскую карантинно-таможенную заставу показывают следующие:¹⁵

	Прибыло судов	Привезено на них разных товаров и припасов на сумму (руб.)
1858	396	737509
1859	764	974039
1860	583	1493472
1861	453	890810
1862	357	557826
1863	423	786405
1864	395	1348554

В те же годы вывезено разных товаров на сумму (руб.)¹⁶

1858	70696
1859	57891
1860	102413
1861	105153
1862	73529
1863	29725
1864	68129

Главными предметами ввоза были: мука, железо, строевой лес, спирт, чай, сахар, фабричные мануфактурные и бакалейные товары и разные съестные припасы; главными предметами вывоза — марена, сырые кожи, шерсть, рыбный товар, масло, фрукты, вино и т. д.

Часть ввозимых товаров оставалась в Петровске для местной торговли, а остальная (от $\frac{3}{5}$ до $\frac{4}{5}$ всего ввоза) выво-

¹⁴ ЦГА Груз. ССР, ф. 416, оп. 3, д. 807, л. 12—об.

¹⁵ ЦГА Груз. ССР, ф. 416, оп. 3, д. 807, л. 13.

¹⁶ ЦГА Груз. ССР, ф. 416, оп. 3, д. 807, л. 13.

зились для сбыта в Дагестанской и частично Терской областях.

Кроме товаров, ввозимых через Петровский порт для сбыта населению, ежегодно ввозилось большое количество разных предметов довольствия для снабжения войск. Так, например, одного провианта было ввезено:¹⁷

в 1858 году	116023	четв.
» 1859 »	178109	»
» 1860 »	172544	»
» 1861 »	95339	»
» 1862 »	83702	»
» 1863 »	68817	»
» 1864 »	67513	»

Таким образом, Петровск превратился в весьма важный перевалочный пункт, из которого товары и предметы довольствия развозились как для вольной торговли, так и для снабжения войск, расположенных в Дагестане и частично в Терской области. По мере роста потребности в продуктах и товарах, ввозимых из России, и по мере усиления производства местных предметов, выгодно сбываемых в России, значение Петровска все больше повышается. Это видно хотя бы из данных, приводимых в «Обзорах Дагестанской области». Так, например, Петровский порт доставляет и отправляет (в тыс. пудов):¹⁸

Годы	Вывод	Ввоз	Всего
1897	20.324	10.858	31.182
1902	10.240	18.864	29.104
1907	9.375	13.471	22.846
1908	11.255	11.372	22.827
1909	18.301	15.124	33.426
1910	23.089	18.290	41.379
1911	36.038	16.519	52.558
1912	21.215	20.316	41.531
1913	18.635	19.804	38.439
1914	44.159	20.065	54.224
1915	51.683	19.120	70.803

Только за период с 1913 по 1915 год в Порт-Петровск прибыло 429 судов с разными товарами.

¹⁷ ЦГА Груз. ССР, ф. 416, оп. 3, д. 807, л. 13—об.

¹⁸ Таблица составлена на основе «Обзоров Дагестанской области» за соответствующие годы.

Большое значение приобретает Порт-Петровск и как центральный магистральный пункт для перевозки и отправления товаров по железной дороге. Так, из «Обзоров Дагестанской области» видно, что после проведения железной дороги в Порт-Петровск доставляются с севера предметы промышленного производства и сельскохозяйственные орудия. В свою очередь по железной дороге из Дагестана в разные города России отправлялись предметы кустарного производства, овощи, фрукты, виноматериалы и продукты животноводства, а также продукты промышленности и горного производства. Из Дагестана вывозили также нефть, серу, мануфактуру, табак и табачные изделия и т. д. Это показывают следующие данные (в тыс. пудов):¹⁹

Г о д ы	Количество отправленных грузов	Количество прибывших грузов
1899—1910	169.657	105.677
1911	12.295	38.366
1912	15.854	24.507
1913	23.337	22.068
1914	19.192	37,924
1915	18.872	20.281

До 1910 года Дагестан был в полном смысле слова «кооперативной пустыней», здесь не было ни одной кооперативной организации. И только с 1910 года впервые начинает развиваться дагестанская кредитная кооперация. В самом начале развитие ее носило несколько искусственный характер — первые кредитные товарищества возникли по приказу начальства, по инициативе Главного управления по делам мелкого кредита в Петербурге, которое предложило Бакинскому отделению Государственного банка приступить к организации в Дагестане кредитных и ссудосберегательных товариществ.

Под руководством инспектора мелкого кредита Бакинского отделения Государственного банка к 1912 году были организованы и начали работать Темир-Хан-Шуринское, Петровское и Дербентское ссудо-сберегательные товарищества. В последующие годы сеть кредитных кооперативов вышла далеко за пределы городов и охватила многие районы нагорного Дагестана. Ко второй половине 1914 года число кредитных кооперативов в Дагестанской области достигло 28. Один инспектор мелкого кредита уже не мог обслуживать все кооперативы и Государственный банк назначил второго, причем

¹⁹ Таблица составлена на основе «Обзоров Дагестанской области» за соответствующие годы.

один ведал кооперативами плоскостной зоны, а другой нагорной частью Дагестана.

К сожалению, почти все материалы отчетного и информационного характера о работе молодой дагестанской кредитной кооперации в годы гражданской войны погибли. Известно лишь, что к началу первой мировой войны дагестанская кредитная кооперация уже успела создать удовлетворительный аппарат и завязать деловую связь не только с Бакинским отделением Государственного банка, но и с Московским народным банком и другими организациями.

Московский Народный банк оказал огромную поддержку дагестанской кредитной кооперации. Отпуск потребительных товаров (бакалея, мануфактура), земледельческих машин производился по льготным ценам, иногда даже ниже фабричных, а кредит предоставлялся на продолжительные (до одного года) сроки. Просроченные векселя кооперативов отсрачивались и переучитывались, чтобы не подорвать кредитоспособности кооператива, находящегося временно в затруднительном финансовом положении.

Кредитные кооперативы не ограничивались узкой сферой ссудных и вкладных операций — работа их с самого начала носила интегральный характер: кредитные и ссудо-сберегательные товарищества снабжали своих членов-крестьян сельскохозяйственными машинами и орудиями, выписывая их крупными партиями из центральной России и даже из-за границы, занимались торговлей потребительскими товарами и сбытом продуктов местного сельскохозяйственного и кустарного производства. Кредитная кооперация Дагестана в то время имела даже несколько прокатных и зерноочистительных пунктов.

Агрономический персонал Дагестанской области старался по мере сил оказать поддержку агрокультурным начинаниям кооперации. Областной Агрономический отдел посылал на места своих инструкторов, которые помогали кооперативам своими советами и указаниями.

Ряд товариществ приобретал посевной материал и приучал своих членов — крестьян к возделыванию лучших сортов овощей и даже кормовых трав (люцерна, клевер). С этой целью кооперативы применяли своеобразный принудительный метод, закрывая на несколько месяцев кредитование тем аулам, которые не засеют определенной, минимальной площади земли кормовыми травами.

Так начала свою работу в Дагестане кредитная кооперация.

С началом первой мировой войны шло усиленное выкачивание кредиторами отпущенных кооперации средств, вкладчики стали требовать свои бессрочные и даже срочные вклады (ранее срока) обратно. Падение реальной ценности денег

и вызванный войной продовольственный кризис довершили дело, и к 1917 году вся сельская кредитная кооперация фактически прекратила свое существование, городские же товарищества боролись за свое существование.

Таким образом, мы видим, что с вхождением Дагестана в состав России в этом крае происходит определенное оживление в торговле и кустарно-ремесленном производстве. Это оживление сказывается на развитии сельского хозяйства, главным образом на полеводстве, садоводстве и животноводстве.

Однако, если в эти годы в области сельского хозяйства Дагестана и происходит некоторый рост — увеличение поголовья скота, в особенности овец, увеличение площадей пахотной земли под разными угодьями, повышение урожайности сельскохозяйственных культур, распространение технических культур — табака, картофеля, капусты, томатов, увеличение площадей под садами и виноградниками, применение некоторых видов усовершенствованных сельскохозяйственных орудий — то все это не приводит к значительному развитию производительных сил в сельском хозяйстве, и оно продолжает оставаться крайне отсталым и примитивным. Объясняется это прежде всего колониальной политикой царского правительства, направленной на сохранение в течение длительного времени феодальных отношений, которые служили тормозом на пути развития экономики.

Подтвердить это нетрудно, ибо и после отмены в Дагестане в 1913 году зависимых отношений, запутанность в землепользовании, экономическая зависимость крестьян от беков и частновладельческих капиталистических хозяйств, вместо ликвидации, еще больше усугубляются.

Дагестан издавна не был изолирован от внешнего мира, а наоборот, в силу своих географических условий был тесно связан с ним. Без этого народы Дагестана вообще не могли бы существовать. С внешним миром дагестанский аул был связан отходничеством, способствовавшим поддержанию хозяйства в аулах; кустарно-ремесленным производством, продукция которого реализовалась как на внутреннем, так и на внешнем рынках; проникновением в дагестанские аулы турецкого, персидского, армянского, грузинского, азербайджанского и особенно русского торгового капитала; дальнейшим проникновением колониально-капиталистических отношений и развитием в связи с этим отдельных отраслей промышленности.

Всем этим и обуславливалось разложение старого дагестанского аула во второй половине XIX и первой четверти XX века. Поскольку эти факторы воздействовали на развитие дагестанского аула, происходила экономическая дифференциация крестьянства, а это в свою очередь подрывало основы

общины. Община в период появления основ товарного хозяйства показывала наличие всех тех противоречий, которые свойственны капитализму, — «конкуренцию, борьбу за хозяйственную самостоятельность, перебивание земли (покупаемой и арендуемой), сосредоточение производства в руках меньшинства... эксплуатацию его со стороны меньшинства торгово-вым капиталом и наймом батраков»²⁰.

В. И. Ленин указывает, что «строй экономических отношений в «общинной» деревне отнюдь не представляет из себя особого уклада («народного производства» и т. п.), а обыкновенный мелкобуржуазный уклад», В. И. Ленин далее подчеркивает, что «русское общинное крестьянство — не антагонист капитализма, а, напротив, самая глубокая и самая прочная основа его. Самая глубокая, — потому что именно здесь, вдали от каких бы то ни было «искусственных» воздействий и несмотря на учреждения, стесняющие развитие капитализма, мы видим постоянное образование элементов капитализма внутри самой «общины». Самая прочная, — потому что на земледелии вообще и на крестьянстве в особенности тяготеют с наибольшей силой традиции старины, традиции патриархального быта, а вследствие этого — преобразующее действие капитализма (развитие производительных сил, изменение всех общественных отношений и т. д.) проявляется здесь с наибольшей медленностью и постепенностью»²¹.

В. И. Ленин считает, что разложение крестьянства нельзя рассматривать как простое возникновение имущественного неравенства, как простую «дифференциацию». «Возникновение имущественного неравенства есть исходный пункт всего процесса, но одной этой «дифференциацией» процесс отнюдь не исчерпывается. Старое крестьянство не только «дифференцируется», оно совершенно разрушается, перестает существовать, вытесняемое совершенно новыми типами сельского населения, — типами, которые являются базисом общества с господствующим товарным хозяйством и капиталистическим производством. Эти типы — сельская буржуазия (преимущественно мелкая) и сельский пролетариат, класс товаропроизводителей в земледелии и класс сельскохозяйственных наемных рабочих»²².

«Разложение крестьянства..., — говорит Ленин, — создает два новых типа сельского населения. Общий признак обоих типов — товарный, денежный характер хозяйства. Первый новый тип — сельская буржуазия или зажиточное крестьянство»²³. К этой группе Ленин относит самостоятельные хозяй-

---

²⁰ В. И. Ленин. Соч., т. 3, стр. 140.

²¹ Там же, стр. 141.

²² В. И. Ленин. Соч., т. 3, стр. 142.

²³ Там же, стр. 144.

ства, ведущие торговое земледелие во всех его разнообразных формах.

Другой новый тип — сельский пролетариат, класс наемных рабочих с наделом (неимущие крестьяне, безземельные батраки, поденщики, чернорабочие, строительные и иные рабочие). Промежуточным звеном между этими типами «крестьянства» является среднее крестьянство. «Оно отличается наименьшим развитием товарного хозяйства»²⁴.

Изучение экономики деревни показывает, — говорит Ленин, — быстрый рост разложения: «с одной стороны, «крестьяне» забрасывают и сдают землю, растет число безлошадных, «крестьяне» бегут в города и т. д., — с другой стороны, идут своим чередом и «прогрессивные течения в крестьянском хозяйстве», «крестьяне» покупают землю, улучшают хозяйство, вводят плуги, развивают травосеяние, молочное хозяйство...»²⁵.

В. И. Ленин указывает, что ошибочно думать, что для возникновения земледельческого капитализма требуется особая форма землевладения. Для подтверждения этого положения он ссылается на Маркса. «Та форма, в которой находит поземельную собственность зарождающийся капиталистический способ производства, не соответствует этому способу. Соответствующая ему форма впервые создается им самим посредством подчинения земледелия капиталу; таким образом и феодальная поземельная собственность, клановая собственность и мелкая крестьянская собственность с поземельной общиной... превращаются в экономическую форму, соответствующую этому способу производства, как бы ни были различны их юридические формы»²⁶.

«Таким образом никакие особенности землевладения, — говорит Ленин, — не могут, по самой сущности дела, составить непреодолимого препятствия для капитализма, который принимает различные формы, смотря по различным сельскохозяйственным, юридическим и бытовым условиям»²⁷.

Что можно сказать о Дагестане и его сельскохозяйственном производстве, исходя из основных положений марксизма-ленинизма о разложении общины? Можно ли утверждать, что со времени колонизации и особенно во второй половине XIX и начале XX века в аулах Дагестана происходит усиленный процесс разложения крестьянства и появляется новый тип хозяйства, который способствует появлению новых производственных отношений, и, следовательно, нового класса в аулах сельской буржуазии — класса кулачества.

Обратимся к фактам.

²⁴ Там же, стр. 145.

²⁵ В. И. Ленин. Соч., т. 3, стр. 149.

²⁶ Там же, стр. 278—279.

²⁷ Там же, стр. 279.

С самого начала узденство Дагестана в социально-экономическом отношении было неоднородным. Первостепенные уздени располагали большим движимым и недвижимым имуществом, являлись владельцами значительного количества овец и крупного рогатого скота. Этот процесс происходит главным образом во второй половине XIX века.

Так, например, богатый узден Шуаиб Мулла оставил после своей смерти награбленного и нажитого торговлей добра: 35 крымских ружей, 4000 баранов, 500 голов крупного рогатого скота, не считая 60 буйволов, и около 30000 рублей серебром²⁸. Телетлинский наиб Шамиля Кебет Магомед был богатым барановодом. Он имел кроме крупного и мелкого рогатого скота, более 30000 рублей серебром.

«У богатых жителей Анкратля, — писал Емиршников, — было от 8 до 10 коров, от 200 до 300 овец, от 3-х до 4-х лошадей». Богатые хозяева Тиндинского общества в 1884 году имели по 20 голов крупного рогатого скота и до 300 овец. В отдельных хозяйствах общества Ратлуб насчитывалось до 100 голов крупного рогатого скота и до 1000 овец²⁹. Жители сел. Кудали Гунибского округа Магомед Амралов завещал 1/3 своего имущества мечети (если у него не будет наследников). Эта одна треть имущества составляла 1000 рублей серебром и 13 пахотных участков³⁰.

Богатое узденство располагало присельскими пастбищами, кутанами и пахотной землей. В одном из документов говорится, что «лес в Аварии большею частью составляет частную собственность, и рубка оною войсками нашими не может не раздражать жителей»³¹.

И. Гербер еще в XVIII веке говорил о наличии в Дагестане у разных лиц «великого множества скота и овец»³². Согласно его описанию, у отдельных лиц в нагорных обществах было более ста тысяч голов рогатого скота и овец³³. Жители сел. Чиркей имели 150.000 овец³⁴. Богатые дворы Анкратля еще в 1831 г. имели от 8 до 10 коров и от 3 до 4 лошадей³⁵. Общества Тлейсерух и Мукратль, насчитывавшие 4.000 человек, имели 112.000 овец, что составляет в среднем на душу населения 28 овец³⁶.

²⁸ «Акты Кавказской археограф. комиссии». Т. IX, стр. 881.

²⁹ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6528, ч. II, л. 83.

³⁰ ЦГА ДАССР, ф. 4, оп. 3, д. 15.

³¹ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6342, л. 125.

³² И. Гербер. Известия о находившихся на западной стороне Каспийского моря между Астраханью и рекою Курюю народах и землях и о их состоянии в 1728 г. «Сочинения к пользе и увеселению служащие», 1760, стр. 111, 121, 129.

³³ Там же, стр. 107.

³⁴ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6361, ч. II, л. 82.

³⁵ ЦГВИА, ф. ВУА, кол. 414/301, л. 201.

³⁶ Н. И. Воронов. Указ. соч., стр. 297.

По свидетельству Мочульского, богатые дворы ратлубцев, келебцев, ратлу-ахвахцев в 1844 году имели более 300 овец³⁷. В 1868 году Н. Воронов указывал, что богатые тилитлинцы имеют по 10 голов крупного рогатого скота и по 300 овец³⁸.

«При определении хозяйственных отношений горцев, — писал еще в 1907 году податной инспектор, — овцеводство получило подворное развитие, при котором очень редко можно встретить двор, не имеющий нескольких голов овец». Далее, он писал, что овцеводство находится в руках нескольких очень богатых кулаков, которые скупают как зимние, так и летние выпасы и часто в таком количестве, что перепродают их другим не без выгоды для себя. «Односельчане же у них служат только пастухами»³⁹.

По данным 1896 года, в южном Табасаране 29 проц. хозяйств сосредоточивали у себя 60 проц. всего рогатого скота, 22 хозяйства имели 23 проц. лошадей, 32 хозяйства сосредоточивали 16 проц. овец и коз. Земля, особенно пашни и сенокосы, служила предметом оживленной торговли.

Если для характеристики социального расслоения взять за основу животноводство, то этот процесс могут показать следующие данные (в процентах):⁴⁰

	1886 г.	1917 г.
1. Бесовечные хозяйства	66,0	77,5
2. Хозяйства, не имевшие крупного рогатого скота	11,0	19,0

В дореволюционное время тонкорунное и полугрубошерстное овцеводство почти целиком было сосредоточено в руках крупных овцеводов — арендаторов большого количества пастбищных угодий. Они почти даром пользовались пастбищами, занимались исключительно интенсивным овцеводством (вкладывая в него незначительные капиталы) и получали общие прибыли. В 1912—13 г. в Дагестане было 530 тыс. мериносовых овец.

Таково было положение по части сосредоточения поголовья скота в руках отдельных лиц. А каково же было положение в области землепользования?

Если обеспеченность землею группы узденства, которую мы называем бедняцкой, принять за 100, то по отдельным зо-

³⁷ Мочульский. Указ. соч., ч. II, л. 48.

³⁸ Н. Воронов. Из путешествия по Дагестану. «Сборник сведений о кавказских горах», вып. 3, 1870, отд. 3, стр. 5.

³⁹ Отчет Кюринского податного инспектора за 1907 г. ЦГА ДАССР, ф. 79, оп. 1, д. 3, лл. 72—73.

⁴⁰ И. Р. Нахшуров. Экономические последствия присоединения Дагестана к России. 1956, стр. 75.

нам мы имели в 1912 году следующее соотношение размеров землеобеспечения на хозяйство: ⁴¹

	Бедняки	Сред- няки	Зажиточные
Горная зона	100	180	360
Предгорье	100	163	386
Южная плоскость	100	230	430
Центральная плоскость	100	130	217
Северо-западная плоскость	100	414	564
	100	162	507

Все это позволяет утверждать, что в дореволюционный период основной фигурой в ауле по землеобеспеченности являлся зажиточный хозяин.

Говоря о России, В. И. Ленин писал, что громадное количество земель сосредоточено по-прежнему (по-средневековому) в руках привилегированного дворянского сословия, в руках вчерашних крепостников-помещиков ⁴². Слова великого Ленина в полной мере относятся и к землевладению в Дагестане. Такая земельная политика царизма была обременительной для трудовой части горского населения, она носила ярко выраженный классовый характер, выразившийся в неуклонном стремлении создать возможно большую экономическую зависимость крестьян-горцев от помещиков и кулаков.

К концу XIX века большая часть земель, принадлежавших феодалам, переходит в руки нового класса — зажиточного крестьянства в результате того, что земля эта стала предметом купли и продажи, и была пущена в торговый оборот. Хозяйства, сосредоточившие в своих руках большие массивы земель, приспособливают их к новым условиям, т. е. к торгово-капиталистическим отношениям. Так, например, еще в 1864 году «цены при продаже земель существовали разные, смотря по местности и плодородию оных, десятину можно купить от 20 до 200 рублей» ⁴³. Далее в документе говорится, что «земли отдаются внаймы под посев разного рода произведения с половины» ⁴⁴.

В среднем Дагестане в те же годы «средняя цена при продаже земель была следующая: за пахотную землю на посев одной сабы зерна, равной по весу 30-ти фунтам, платить от 30 до 50 рублей; пахотную землю в наем берут на условиях, чтобы по снятии посева половинная часть урожая поступала в пользу владельца» ⁴⁴.

⁴¹ Рукоп. фонд ИИЯЛ, д. 2875.

⁴² «Архив Канц. Наместника Е. И. В. на Кавказе», 1866, Св. 8713, д. 31—16, часть I.

⁴³ Там же.

⁴⁴ Там же.

Из документов следует, что в крае уже почти не существует общественной собственности на землю, земля, как товар, пущена в торговый оборот, и в аулах процветает обработка земли по найму. Даже сенокосы и пастбища, как частная собственность, стали товаром. «Пространство покосного места, на котором может быть выкошено 100 пудов сена, продается от 70 до 75 руб. серебром». «На плоскости одна саба земли ценится от 1 до 10 рублей». «Земли отдаются внаймы под посеы всякого рода хлеба». «В райтских частях Табасарана одна саба земли ценится в 3 руб.»⁴⁵.

«Житель сел. Мекеге Акушинского общества Омар Гасан-оглы в 1841 году купил у карабудахкентского Зова Гирель-Эльмурза оглы за 400 руб. право пастьбы скота и баранов на пространстве 4-х ецев (один ец — 40—60 десятин)»⁴⁶. Кутан Манас находился во владении нескольких беков. Житель Даргинского округа купил у губденских беков Мамабека, Будаибека и Магомед-бека за 1700 руб. принадлежащие им кутаны⁴⁷. «Житель селения Бухты Казикумухского округа арендовал на зимнее время за 430 у Абдулла Меджид-бека кутан Иссы Су»⁴⁸.

Жители сел. Чох, Согратль Андалальского общества, Анди, Гагатль Андийского общества, Урода и ряд аулов Гидатлинского общества нагорного Дагестана приобрели кутаны на плоскости для выпаса скота.

Уже со второй половины XIX века феодально-клерикальные элементы, не имея других доходных статей в хозяйстве, могущих обеспечить им «аристократический» образ жизни, приступают к продаже огромного количества пахотных земель и пастбищ, в результате чего через несколько десятилетий большинство земель перешло в собственность представителей другого класса, а именно класса кулачества. Большие земли, особенно зимние пастбища ханско-бекских групп на плоскости, были закуплены скотоводческими хозяйствами горного Дагестана.

В то же время в Дагестане происходит очень интересный процесс, заключающийся в том, что представители духовенства, желавшие получить сан хаджи, полностью распродав принадлежащие им земли, выезжали на паломничество в Мекку. А таких людей в Дагестане насчитывалось не десятки, а тысячи. Кто же приобретал эти земли? Безусловно, те зажиточные уздени, у которых были деньги и которые своим хозяйством были связаны с ремеслом и торговлей. Именно эта часть узденства и сосредоточивала у себя большое количест-

⁴⁵ Там же.

⁴⁶ Дело Дагестанского народного суда, 1881, № 317.

⁴⁷ Там же.

⁴⁸ Там же, № 170.

во земли и вела хозяйство не только для личного пользования, но и для реализации сельскохозяйственной продукции.

По мере увеличения численности населения и связанной с ним земельной тесноты, частная собственность на землю все более расширяется и общинное землепользование на пастбища, луга, сенокосы постепенно уступает свое место частной собственности, при территориальных семейных условиях. Таким образом, наряду с некоторым общинным землепользованием на леса, пастбища, луга и в отдельных местах на сенокосы, появилось и частное землевладение, в котором преобладающее место занимало крупное скотоводческое хозяйство.

Хотя общая площадь области в территориальных границах 1906 года определялась в 5.815 тыс. гектаров, однако горный характер страны, наличие на плоскости значительных песчаных массивов и заболоченных разливами горных рек земель исключали почти 40% общей площади неудобных земель.

Из остальной части приходилось:⁴⁹

	Площадь в тыс. га	% непри- годности
На приусадебные земли	47,3	1,3
Пашню	412,8	11,8
Сады и виноградники	16,5	0,5
Сенокосы	215,3	6,1
Пастбища и выгоны	2557,4	73,5
Леса и кустарники	240,0	6,8

В то время, как основная масса земельных угодий была сосредоточена на плоскости, совершенно противоположную картину представляло распределение населения. Так, на плоскости численность населения составляла 191.300 душ, т. е. 35,7%, тогда как в горах его было 539.600 душ, т. е. 64,3%⁵⁰.

Таким образом, средняя землеобеспеченность по области выражалась: по горной зоне — 1,04 га, по плоскостной — 14,70 га⁵¹. Безземельных крестьян в горах насчитывалось 9,7%. Валовой доход от сельского хозяйства, получаемый дагестанским крестьянством, составлял:⁵²

⁴⁹ Данные взяты по существовавшей территориальной границе 1926 года. «Земельная реформа в Дагестане», 1928, стр. 12.

⁵⁰ «Земельная реформа в Дагестане», 1928, стр. 17.

⁵¹ Там же.

⁵² Там же.

Зона	В рублях	
	На гектар площади с/х используемых земель	На 1 душу обоего пола
Нагорный Дагестан	от 23 до 37	от 59 до 75
Предгорье	от 32 до 38	80
Плоскость	от 42 до 56	от 122 до 143
	39,85	103

Приведенные данные показывают, какое нищенское существование влачило горское крестьянство. Все доходы, включая доходы с земельных угодий, обеспечивали удовлетворение потребностей горца в течение 3—6 месяцев в году. Остальное время, чтобы обеспечить существование семьи и создать минимальные условия для самой скромной жизни, горец вынужден был искать пропитание за пределами своего аула.

Таким образом, в начале XX века в аулах Дагестана происходит процесс сосредоточения экономических ресурсов в руках богатых узденей. В экономическом отношении, наряду с феодалами, они в какой-то мере становятся полновластными хозяевами и диктуют свою волю основной массе населения аулов.

В результате изменения соотношения производительных сил и производственных процессов, в аулах Дагестана зарождается новый тип хозяйства, а следовательно и новый тип производственных отношений. Сходство этих мелкокапиталистических отношений с феодальными, помимо формы, сводится к одинаковому, крайне низкому уровню земледелия и животноводства, выражающемуся в рутинной технике, в полной зависимости от стихийных факторов.

А в чем заключалось отличие этих отношений? На основе одной и той же техники производитель, работающий в чужом хозяйстве, снабжен недостаточным количеством средств производства, или даже вовсе лишен средств производства, в то время как основой феодального способа производства является непосредственный производитель, который наделен средствами производства и потому самостоятельно ведет свое хозяйство. Выжимать из него прибавочный продукт можно было только путем внеэкономического принуждения, и делал это только тот, кто пользовался правом внеэкономического принуждения. Следовательно, сословное неравноправие являлось основой для такой эксплуатации.

Экономические различия среди непосредственных производителей проявлялись именно потому, что основной формой феодальной эксплуатации являлась продуктовая рента. К. Маркс, анализируя этот вид ренты, говорит, что вместе

с формой продуктовой ренты выступают также большие различия в экономическом положении отдельных непосредственных производителей, по крайней мере имеется возможность для этого, а также та возможность, что этот непосредственный производитель приобретает средства для того, чтобы самому в свою очередь непосредственно эксплуатировать чужой труд. Таким образом, продуктовая рента создает для непосредственного производителя условия, которые позволяют ему выступить в качестве эксплуататора другого производителя.

В начале XX века в горах наблюдается появление состоятельных людей, вышедших из массы тех же узденей, которые под прикрытием оболочки родственных связей выступали на сцену как эксплуататоры. Дагестанский бедняк, работающий на богача, потому именно и работал на него, что не имел средств производства, которые позволили бы ему в течение года вести самостоятельное хозяйство. Беднота, лишенная элементарных средств производства, вынуждена была всякий получаемый продукт или любое средство производства, предоставляемое во временное пользование, оплачивать своим трудом, и отношения между бедняком и зажиточным хозяйством в большинстве аулов Дагестана неизбежно принимали кабальную форму. Можно даже сказать, что эта форма принимала характер личного прикрепления бедняка к хозяйству. Если бедняк обращался к зажиточному с какой-либо просьбой и последний оказывал ему так называемую «услугу», то эта «услуга» рассматривалась как благодеяние, без которого бедному человеку пришлось бы погибнуть голодной смертью. Нередко такой характер отношений уничтожал всякую возможность сравнения «услуги» богача с тем огромным трудом, который отдал ему бедняк.

В этой извращенной форме в Дагестане, особенно в его горной части, где отношения были более опутаны родственными и тухумными связями, происходило соединение избыточных средств производства богатого хозяйства с избыточной рабочей силой бедняка.

Богатое хозяйство, будь то садоводческое, животноводческое, полеводческое, ростовщическое или торговое, покупало рабочую силу, ибо внеэкономическим путем принудить бедняка работать на себя оно не могло. Другие же хозяйства продавали рабочую силу, ибо без этой продажи бедняку и его семье предстояла голодная смерть.

Здесь мы видим, с одной стороны, наличие сельского пролетариата, влачащего полуголодное существование, и с другой — горстки владельцев крупных имений, которые, по словам В. И. Ленина, не могут ...«хозяйничать иначе, как при помощи труда соседних разоренных крестьян, так как этого

рода хозяйничание не требует затрат капитала и перехода к новым системам обработки земли»⁵³.

Само собой разумеется, крупные латифундии обрабатывались теми крестьянами-горцами, которые были лишены земли, скота и средств для содержания семьи. Мы не располагаем статистическими данными, характеризующими социально-экономические отношения всего крестьянства Дагестана, однако, если даже взять за основу данные по 4860 хозяйствам Кайтаго-Табасаранского, Аварского, Казикумухского и Темир-Хан-Шуринаского округов, то вряд ли можно сомневаться в том, что именно огромная армия лишенных земли хозяйств составляла главный резервуар, приносящий доходы дворянско-бекской аристократии.

По этим данным пахотная земля в Дагестане распределялась между социальными группами крестьян следующим образом:

Хозяйства	В % % ко всему числу хоз-в	В % % ко всей посев. площади
Беспосевные	9,5	—
Имеющие до 1 дес.	77,5	53,8
—«— от 1 до 2 дес.	9,8	24,5
—«— от 2 до 5 дес. и свыше 5 дес.	0,4	4,2
Итого:	100,0	100,0

Основная масса кулаческих хозяйств, торговцы, учитывая, что рис, табак, кукуруза, овощи, виноград, фрукты и продукты животноводства занимают первое место в вывозе из Дагестана и являются наиболее товарными культурами, приступают к их широкому производству, вступают на капиталистический путь, наряду с беками и покровительствующей им администрацией, становятся эксплуататорами беднейшей части населения. Они закупают и захватывают лучшие земли, сосредоточивают в своих руках обширные сады и виноградники, более 1/3 поголовья скота.

Выше нами указывалось, что из всей сельскохозяйственной площади Дагестана под пашней было 343161 га, под сенокосами — 215322 га, под лесами 220975 га. Если обратиться к посевной площади, то в 1913 году по культурам она распределялась следующим образом:⁵⁴

⁵³ В. И. Ленин. Соч., т. 15, стр. 136.

⁵⁴ «Плановое хозяйство Дагестана», № 1, январь 1927 г., стр. 62.

Рожь	Овес	Пшеница	Ячмень	Просо	Кукуруза
11726	8593	174270	59047	46348	25032
Лен	Рис	Картофель	Конопля	Прочие	Всего
118	816	1701	132	15378	343161 га

Из приведенных данных видно, что к 1913 году все культуры, которые производились в других областях России, производились и в Дагестане.

Но они не говорят о том, что производимые культуры обеспечивали в какой-либо степени потребности в питании населения Дагестана, далеко нет. При условии, что из этой культуры значительное количество нужно было оставлять на семена, и в то же время в подавляющем большинстве своем эти культуры приходились на плоскость, то становится совершенно очевидным жалкое и полуголодное положение основной массы горского крестьянства.

Вопрос крестьянского малоземелья являлся, по общему признанию, самым острым социальным вопросом Дагестана. Неодинаковый надел по разным зонам, низкое качество мюльков в горах, неравномерность их распределения как между различными районами, так и различными группами крестьянского хозяйства приводили к глубокому кризисному положению горцев Дагестана. При этом нужно учесть, что в самих аулах, среди различных тухумов и их социальных групп повсеместно, по-разному и не в одинаковой степени были распределены земельные массивы. Теперь в Дагестане земли требовали не только те группы крестьянского населения, которые имели ее значительно меньше среднего земельного обеспечения крестьянского двора в данном районе, но и вся масса среднего крестьянства.

Во всяком случае в наличии глубокого кризиса горского крестьянского хозяйства не могло быть никакого сомнения.

Крайне тяжелое экономическое положение крестьянина-горца, с его скудным потребительским бюджетом вызывало массовое отходничество, батрачество, наем в пастухи, особенно в таких округах как Гунибский, Андийский, Лакский, Самурский, Кюринский.

Упадок крестьянского хозяйства ясно виден в сокращении количества скота им принадлежащего. Такой кризис был вы-

зван и тем, что при сокращении земельного надела техника крестьянского хозяйства не делала существенных успехов.

Вся история развития общественно-экономических отношений в конце XIX и начале XX века говорит о том, что в аулах Дагестана в этот период происходит такой процесс, который непосредственно создает экономическую основу для товарно-денежных отношений, а это в свою очередь приводит к дифференциации отдельных групп и слоев сельского населения. При этом царская аграрная политика стремилась решить вопрос крестьянского малоземелья путем пролетаризации тех крестьян, которые более слабы экономически и менее обеспечены землей в пользу более сильных крестьянских групп. Правительство, жертвуя интересами малоземельного крестьянства, рассчитывало поднять и поднимало крестьянское кулацкое хозяйство путем сосредоточения в нем значительной части крестьянской земли. Уже с тех пор в этом направлении и пошло аграрное развитие в Дагестане, образовался тысячный деревенский пролетариат и рядом с этими обезземеленными крестьянами создавалось сильное и технически более рациональное кулацко-капиталистическое хозяйство.

Так, например, к концу XIX века в одном только Кюринском округе безземельных хозяйств насчитывалось 10,2 процента⁵⁶. Около 51,6 процента хозяйств в этом округе имели в среднем на один крестьянский двор 1,4 десятины пашни и около 2,9 головы скота в переводе на крупный рогатый скот. Следует подчеркнуть, что в Кюринском округе в эти годы 38 процентов крестьянских дворов выделяли работников по найму. Богатые крестьянские хозяйства Кюринского округа имели 10 и более десятин пашни, около 20 голов скота в переводе на крупный рогатый скот. Этот небольшой процент дворов сосредоточивал у себя 23,4 процента пахотных земель, 30 процентов поголовья овец и коз, столько же крупного рогатого скота и лошадей⁵⁷.

Согласно данным переписи 1897 года 3,4 процента хозяйств области применяли наемный труд в форме наличия постоянных наемных работников⁵⁸. Если указанный процент перевести в абсолютное число, то в Дагестане (вместе с Хасавюртовским округом, где насчитывалось около 149 тысяч хозяйств), было 5960 хозяйств с постоянными наемными работниками. Этим крестьянским хозяйствам перешли, надо думать, и земли тех беков и помещиков естественным путем, не принудительной экспроприации, а добровольной продажи

---

⁵⁶ ЦГА ДАССР, ф. 21, оп. 5, д. 76, 78, 80, 81, 85, 88. Посемейные списки 1886 г.

⁵⁷ Там же.

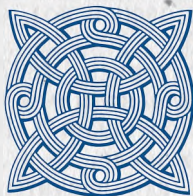
⁵⁸ «Первая всеобщая перепись населения Российской империи». СПб, 1905.

земли разоряющимися крупными феодальными земледельцами. Некоторые из них сами пришли на капиталистический путь развития, а этот процесс расслоения естественно не мог охватить всей горской крестьянской массы, однако процесс явно поворачивал на капиталистический путь развития и формирования сельского пролетариата на местах. Расслоение на основе этого процесса происходило повсеместно.

Архивные материалы дают возможность выяснить количество землевладельцев — представителей класса сельской буржуазии — кулачества, владевшего огромными латифундиями и большим количеством скота и платившего относительно большие государственные налоги.

Приведем некоторые из этих материалов, характеризующих эту категорию хозяйств. См. ниже список землевладельцев⁵⁹.

№№ пп	Имена, отчества и фамилии	Взнос земского поземельного налога на земельный участок		Округ
		Руб.	коп.	
1.	Нажмутдин Доногоно Магома Гоципский	40	25	Аварский
2.	Пирбудаг Дибир оглы	19	48	

instituteofhistory.ru

⁵⁹ ЦГА ДАССР, ф. 127, оп. 1, д. 1, л. 35.

Место жительства землевладельцев	№№ пп	Имена и фамилии землевладельцев
1	2	3

Сел. Кафыр-Кумух	1.	Насрудин бек Магомат бек Тарковский
« Халимбек-аул	2.	Гамзатбек Хасбулатов
« В. Казанищи	3.	Хасбулат Адони Мирзоев
« —«—	4.	Наследники Ягья бека Эльдарова
« Н. Казанищи	5.	Макашариф Макашариф оглы
« Чох, Гунибск. округа	6.	Наследники полковника Мамалова Мамалау
« Н. Казанищи	7.	Джамалудин бек Тарковский
« Н. Черкей	8.	Пейзулла Дацнев
« Н. Казанищи	9.	Нух бек Тарковский
« Н. Казанищи	10.	Абдул Халим Гаджи Умар оглы с соучастниками
« —«—	11.	Абдулгамит Алип Хаджи оглы
Гор. Т.-Х.-Шура	12.	Князь Степан Иванович Долгоруков Аргутинский
« —«—	13.	Егоров Миханл Андреевич отст. майор
Сел. Капчугай	14.	Абдулатип Келеметов

В районе каких селений находятся земли	Колич. земли в десяти- нах	Сумма уплачи- ваемого земского сбора
		Р к.
4	5	6
Апши, Тарки-Ногай, Аркас, Кафыр-Кумух Карабудахкент, Халимбек-аул	4481,5	185—18
Кумторкала	2638	252—36
Тарки	3325	302—72
Тарки	2012	118—44
Тарки	1758	68—63
Кумторкала	1156,75	44—55
Капчугай	3542	688—77
Н. Черкей	1584	124—61
Шамхал-Янги-Юрт	1864	214—43
Н. Казанищи	2777	107—87
Н. Казанищи	500	25—47
Н. Казанищи	31,66	57—65
Н. Казанищи	49,25	85—91
Капчугай	541	16—70

1	2	3	4	5	6
Сел. Капчугай	15.	Абубакар Ахмадханов с соуч.	Капчугай и Кафир-Кумух	788	27—63
« —«—	16.	Даниял Хадисов	Капчугай	531	16—61
« —«—	17.	Магомед Селим Султан оглы с брат.	Кумторкала	1160	29—52
« —«—	18.	Казаналипов Асельдер с соуч.	Капчугай		56—75
Сел. Кумторкала	19.	Путилов Галбац Али-Гаджи оглы	Кумторкала	2463	52—25
Сел. Капчугай	20.	Салахутдин Келемет оглы с бр.	Кумторкала	1149,5	49—86
« Н. Каранай	21.	Бек Джалил Измаилов	Каранай	793,5	45—20
« Кафыр-Кумух	22.	Баммат бек Альбори оглы	Кафыр-Кумух	419	26—46
« —«—	23.	Магомат и Абидин Ахмедхановы	Кафыр-Кумух	1852,5	51—12
« Н. Казанищи	24.	Абдул Кадфра Дандбекова	Кафыр-Кумух	757	21—56
« Чох Гун. окр.	25.	Антик Нур Магома Нажибашев	Халимбек аул	805	41—54
« Эрпелн	26.	Бек Султан Апашев	Эрпелн	952	62—37
« Н. Черкей	27.	Фейзулла Дафиев	Н. Черкей	924	34—65
« Эрпелн	28.	Даниял Апашев	Эрпелн	1086	59—85 ⁶⁰
« Эрпелн	29.	Уллубий бек Уллубиев	Эрпелн	1658	89—78
« Тарки	30.	Адиль Султан Тарковский	Тарки	819	31—23 ⁶¹
« Гелли	31.	Абдул Меджид Шанаваз оглы	Агач Аул, Кака-Шура,	983	47—88
« —«—	32.	Гоккоз Гебек оглы	Гелли	558	19—71
			Гелли		

⁶⁰ Приговором Правительствующего Сената от 19 октября 1904 г. и указом Сената от 3 мая 1905 г. приговорен к лишению чина и других преимуществ по судимости приобретенных и к заключению в тюрьму на шесть месяцев, а потому права участия в выборах не имеет (ст. 7 Положения о выборах).

⁶¹ Как занимающий должность начальника участка, в выборах участвовать не может (ст. 8 Положения о выборах).

1	2	3	4	5	6
Гор. Т.-Х.-Шура	33.	Яков Авдеев	Н. Дженгутай	143	19—49
Сел. Н. Дженгутай	34.	Шааб Хаджи Ахмат Хаджи оглы	Н. Дженгутай	945	89—73
Сел. Кадар	35.	Магомат Гатам оглы	Кадар	285	16—05
« —«—	36.	Уцми Гаджи Мусауз оглы	Кадар	1407	55—13
Сел. Кака-Шура	37.	Алисултан Мехтулинский	Кака-Шура		193—10
Гор. Т.-Х.-Шура	38.	Елизаветы Лапухиной наследн.	Параул	1275	63—18
Сел. Параул	39.	Юсуп Капчакай Гаджи оглы	Параул	1327	50—40
Гор. Т.-Х.-Шура	40.	Мамед Гусейн Ага Миканл оглы	Чоглы	2246	57—20
Сел. Чоглы	41.	Измудин Алыпкачев	Агач-аул	1200	53—46
« Альборикент	42.	Абдурагим Гаджи Омар оглы	Альборикент	17	36—41
Гор. Петровск	43.	Шавлух бек Алыпкачев	Альборикент	3569	160—33
Сел. Согратль					
Гуниб. окр.	44.	Абдул Магома Хуршилов	Атлыбуюн	830	21—11
Сел. Агач-аул	45.	Гаджи Юсуп Гаджи Ибрагим Халил оглы	Атлыбуюн	2072	116—33
Сел. Гоцо Аварского окр.	46.	Нажмутдин Доногоно Магома Гоцинский	Атлыбуюн	1039,5	73—35
Сел. Б. Буйнак	47.	Сулейман Паша Тарковский	Б. Буйнак	3055	233—37
« —«—	48.	Зубанр бек Тарковский	Б. Буйнак		
« —«—			Кумторкала	7186	319—41
« —«—	49.	Таймаз Карабух оглы	Б. Буйнак	682	16—43
« —«—	50.	Абас бек Кахруман бек Тарковский	М. Буйнак	700	30—15
Сел. Б. Буйнак	51.	Абдул Вагаб Гаджи Омар Гаджи оглы	Губден	542	30—74
Сел. Губден	52.	Абдул Меджид Баганд оглы	Губден	200	40—86
« —«—	53.	Абуталиб Идрис оглы	Губден	493	18—36
« —«—	54.	Агай Хаджи Муса оглы	Губден	353	37—53

	1	2	3
Сел. Губден		55.	Али Хан Гамзат оглы
« —«—		56.	Бадыш Хасбулат оглы
« —«—		57.	Гамза Али Хан оглы
« —«—		58.	Джан Киши Ибак бек Магомед бек оглы
« —«—		59.	Ибак Магомед бек оглы
« —«—		60.	Лаварслан Шанаваз оглы
« —«—		61.	Магомад Амир оглы
« —«—		62.	Магомед Шапи Батыраев оглы
« —«—		63.	Махмуд Амир Гамза оглы
« —«—		64.	Муртуза Ильяс оглы
« —«—		65.	Паша бек Султан Ахмад бек оглы
« —«—		66.	Радбаж Магомад оглы
« —«—		67.	Шарбан Багандали оглы
« —«—		68.	Юнус Амир Хаджи оглы
« —«—		69.	Юсуп Каранай оглы
Сел. Қарабудахкент		70.	Абдул Басир бек юнкер Арслан Али бек Айдемир
« —«—		71.	Абдул Джалил Ата оглы
« —«—		72.	Абдул Самед Қадий Арслан Қадий оглы
« —«—		73.	Абдул Меджид Сагар бек оглы
« —«—		74.	Абдул Хаким Дауд Хаджи оглы
« —«—		75.	Асельдер Чопалау оглы с соуч.
« —«—		76.	Али Урусхан оглы
« —«—		77.	Айдемир бек Магомад бек оглы
« —«—		78.	Батал бек Умахан бек оглы

	4	5	6
Губден		595	30—29
Губден		300	32—00
Губден		250	25—83
Губден		553	28—17
Губден		663	29—93
Губден		90	23—85
Губден		644,5	26—42
Губден		500	81—18
Губден		550,67	23—45
Губден		400	16—29
Губден		275,32	15—75
Губден		930	34—38
Губден		400	18—41
Губден		539	27—9
Губден		400	15—44
Карабудахкент		795	37—80
Карабудахкент		405	19—85
Карабудахкент		529	24—26
Карабудахкент		311	21—87
Карабудахкент		593	36—05
Карабудахкент		350	17—82
Карабудахкент		453	31—32
Карабудахкент		179	23—31
Карабудахкент		405	28—44

1	2	3
Сел. Б. Буйнак	79.	Гайдарбек Тарковский
« —«—	80.	Джамалутдин Гаджи Магома Гаджи оглы
« —«—	81.	Зайнутдин Паша оглы
Сел. Карабудахкент	82.	Иман Али Гаджи оглы
« —«—	83.	Кизи Кантемир оглы
Гор. Петровск	84.	Любимов Иван
Сел. Кумторкале	85.	Магомад Насрудин и Бадрудин сын Саида
« —«—	86.	Махмуд Гаджи Исмаил оглы
« —«—	87.	Махмуд Малла Ахмет Гаджи оглы
« —«—	88.	Муталим Гаджи Аслан бек оглы
« —«—	89.	Муталим Муслим оглы
« —«—	90.	Паша бек Абакар бек оглы
« —«—	91.	Сулейман Изн оглы
Сел. Тарки	92.	Умужат Бийке Шамхалова Тар- ковская
Сел. Карабудахкент	93.	Ягья Идрис оглы
Гор. Петровск	94.	Адамов Иван Давидович
« —«—	95.	Атак Герей Ханов
« —«—	96.	Джан Мирза Джанкиши оглы
« —«—	97.	Карагедов Иван, ныне Магомед Кади Атлу Гаджи оглы
Гор. Петровск	98.	Общество Каспийской мануфактуры
« —«—	99.	Нажмутдин Магомед Кади оглы
« —«—	100.	Шайх Гаджи Акалов оглы

Қарабудахкент	1581	94—29
Қарабудахкент	250	16—38
Қарабудахкент	793	64—08
Қарабудахкент	400	20—39
Қарабудахкент	400	20—39
Қарабудахкент	537	26—60
Қарабудахкент	429	24—84
Қарабудахкент	563	27—54
Қарабудахкент	400	15—26
Губден	632	26—19
Қарабудахкент	442	35—10
Губден	1199	57—24
Губден	634	25—38
Қарабудахкент	1520	238—55
Қарабудахкент	490	21—56
Қяхулай-Торкале	5	25—52
Қяхулай-Торкале	10	51—03
Қяхулай-Торкале	3	19—08
гор. Петровск	12	76—37
Қяхулай-Торкале	52,5	96—89
Қяхулай-Торкале	6	25—70
Қяхулай-Торкале	81	41—49

1	2	3
Сел. Кумторкала	101.	Исрафила Магомед Мусаева наслед. кап.
« —«—	102.	Магомед Галбац Али Гаджи оглы
« —«—	103.	Абдул Джапар Абдусалам оглы
« —«—	104.	Абдулмугмед Абдурахман оглы
« —«—	105.	Аджи Алаверды Фатулаев
Гор. Петровск	106.	София Аكوпова
« —«—	107.	Мирзабеков Михаил
« —«—	108.	Аллахов Егор Иванович
« —«—	109.	Қарапет Асланов
« —«—	110.	Гугунцев Артем
« —«—	111.	Джамалутдин Гаджи Абдулмута- лим оглы
« —«—	112.	Изамутдин Таїмурбек оглы Эльдаров
« —«—	113.	Қарташев Александр
« —«—	114.	Кадровы Нестор и Даниял
Сел. Чох Гуниб. окр.	115.	Машковец Николай Аркадиевич
Гор. Петровск	116.	Михайлов Александр
« —«—	117.	Михайлов Владимир
« —«—	118.	Насрутдин бек Занбек оглы Шам- халов Тарковский
Сел. Тарки	119.	Пари Гишат бек Қизы
Гор. Петровск	120.	Рабаев Эликон Пейсахович
« —«—	121.	Резаковы Веннамн и Финаэс
« —«—	122.	Сардарова Марья Степановна
« —«—	123.	Мосес Саркисов

Кумторкале	724	36—86
Кумторкале	1144	52—38
Тарки	25	17—19
Тарки	4	16—11
Тарки	5	19—17
Тарки	4	15—23
Тарки	4	29—32
Тарки	18	76—41
Тарки	4,5	28—62
Тарки	2,5	15—93.
Тарки	3,25	16—47
Тарки	660	23—94
Тарки	2,5	15—93
Тарки	2,5	15—93
Тарки	735	28—08
Тарки	13	47—52
Тарки	3	19—08
Тарки	1052,75	41—99
Тарки	1440	54—99
Тарки	10,5	51—21
Султан-Янги-Юрт	2580	131—36
Султан-Янги-Юрт	6850	418—77

	1	2	3
«	—«—	124.	Тер-Оганов Николай
«	—«—	125.	Турпаева Мария
«	—«—	126.	Фараджев Борис
«	—«—	127.	Фельшау Александр
«	—«—	128.	Шахбагов Аршак
«	—«—	129.	Шушанбазовы наследники
Сел. Чир-Юрт		130.	Зубаир Дауд Хаджиев
«	—«—	131.	Муса Амир Магомедов
«	—«—	132.	Баймирзы Аматава наслед.
Гор. Владикавказ		133.	Мельконовы Езековы братья
Сел. Шамхал-Янги-Юрт		134.	Абдул Меджид Тарковский
Сел. Капчугай		135.	Казаналипов Асельдер бек
Владельцы Чирюртов-		136.	Казимир Невяровский
ского участка		137.	Торговый дом В. А. Кащенко
«	—«—	138.	Джаабат Тарковская
Гор. Темир-Хан-Шура		139.	Екатерина Николаевна Тарковская
Сел. Тарки		140.	Мяснянкин Егор Иванов.
Гор. Петровск		141.	Зульхутжат Муртузали Кизы наслед.
Сел. Гелли		142.	Мирзаханов Сергей Артемьевич ⁶³
Гор. Петровск			

⁶² Записан уже под № 18.

⁶³ ЦГА ДАССР, ф. 127, оп. 1, д. 1, лл. 16—34.

4	5	6
Султан-Янги-Юрт	3311	486—77
Султан-Янги-Юрт	570	49—61
Султан-Янги-Юрт	2450	354—11
Султан-Янги-Юрт	2440	156—74
Чир-Юрт	610	52—24
Султан-Янги-Юрт	40	30—60
Чир-Юрт	1054	35—55
Чир-Юрт	615	17—92
Чонт-аул	2299	115—65
Чонт-аул	2144	92—30
Шамхал-Янги-Юрт	1200	57—15
Шамхал-Янги-Юрт.	5402,150	447—13 ⁶²
Шамхал-Янги-Юрт	3069	83—84
Капчугай		
Шамхал-Янги-Юрт	1730	44—05.

№№ пп	Имя, отчество и фамилия	Место жительства	Служебное положение или род занятий и образование
1	2	3	4
1.	Джамалутдин Гаджи Мама Гаджи оглы	Сел. Карабудахкент Т.-Х.-Шуринского округа	Земледелец
2.	Магомед Магометович Далгат	Сел. Урахи, Даргинского округа	Отставной статский советник, доктор медицины, окончил заграничный университет в Германии.
3.	Зубаир Агаразневич Темирханов	Гор. Т.-Х.-Шура	Дагестанский областной инженер, окончил Институт гражданских инженеров.
4.	Али Касимов	Гор. Петровск	Заведующий мусульманским училищем, окончил курс учительской семинарии.
5.	Таймаз-Хан-Магома Али оглы	Сел. Унцукуль, Аварского округа	Землевладелец
6.	Джамалутдин Ахмед оглы	Сел. Ашильта, того же округа	Землевладелец
7.	Нур-Магома-Хаджи Шахбан оглы	Сел. Ансалты, Андийского округа	Земледелец
8.	Маллик Алибек оглы	Сел. Гагатли, Андийского округа	Земледелец
9.	Чекалау Генжалау оглы	Сел. Калда, Гунибского округа	Землевладелец
10.	Гасанилов Габид оглы	Сел. Тилитль, того же округа	Земледелец
11.	Магомед Абдулла Гаджиов оглы	Сел. Согратль, того же округа	Торговец
12.	Раджаб-Кадн Мирза оглы	Сел. Левашн, Даргинского округа	Сельский кади

1	2	3	4
13.	Абдул Меджид Абдусалам оглы	Сел. Урахи, того же округа	Землевладелец
14.	Сулейман Муртузали Кади оглы	Сел. Нижние Мулебки, того же округа	Земледелец и барановод
15.	Магомед Юсуп оглы	Сел. Цудахар, того же округа	Торговец
16.	Гарун Султан Гусейн оглы	Сел. Кая, Казикумухского округа	Земледелец
17.	Магомед Магомед Гаджи оглы	Сел. Кума, того же округа	Барановод
18.	Магомед Гаджи Уста Магомед оглы	Сел. Утамыш, Кайтаго-Табасаранского округа	Земледелец
19.	Гаджи Абдул Меджид Раджаб оглы	Сел. Мугатырь, Кайтаго-Табасаранского округа	Владелец куст. произв., землевладелец
20.	Гаджи Абдурахман Магомад оглы	Сел. Уркарах, того же округа	Земледелец
21.	Абдул Меджид Уцмиев	Гор. Дербент	Землевладелец
22.	Гаджи Сафи Курбаев	Сел. Яраг, Кюринского округа	Барановод
23.	Магомед Гусейн оглы	Сел. Кабир, того же округа	Земледелец
24.	Гаджи Мирза Гаджи Мурад Али оглы	Сел. Юхари-Яраг, того же округа	Отставной поручик милиции, землевладелец
25.	Садых-Бек-Юсуфханов	Сел. Ахты, Самурского округа	Земледелец и торговец
26.	Абдул Джалил Гаджи Мурад Хан оглы	Тоже	Мусульманский учитель, торговец
27.	Абдул Мута Раджаб Али оглы		
27.	Гаджи Молла Али Рамазан оглы		

1	2	3	4
---	---	---	---

28. Молла Вели Гаджи Мурад
оглы
30. Юсуф бек Агаев ⁶⁴

№№ пп	Имя, отчество и фамилия	Место жительства	Сведения о служебном положении и роде занятий
1	2	3	4

1.	Муртуза Гаджи Пейзула оглы	Сел. Ишкарты, Т.-Х.-Шуринского округа	Земледелец.
2.	Абдулла Халик Бахмуд оглы	Сел. Урари, Даргинского округа	Старшина сел. Урари, земледелец
3.	Магомед Кандар оглы	с. Акуша	Земледелец
4.	Закария Магомед оглы	с. Мекеге	Помощник старшины с. о. Мекеге, земледелец
5.	Гасан Джан Мирза оглы	с. Урахн	Земледелец
6.	Абдул-Гамид Солтан оглы	с. Ицари, Кайтаго-Табасаранского окр.	То же

⁶⁴ ЦГА ДАССР, ф. 224, оп. 1, д. 1, л. 1—2.

1	2	3	4
7.	Гаджи-Баба Агахан оглы	с. Зидьян, Қайтағо-Табасаранского окр.	То же
8.	Ага Бедырхан оглы	с. Гоппайкент	То же
9.	Абдул Джалил Гаджи Мурадхан оглы	с. Ахты	Торговля и земледелие
10.	Молла-Магомед Гаджи-Абдул Керим оглы	с. Хрюк, Самурского округа	Письмоводитель участкового управления.
11.	Коркмасов Джалалутдин Асельдерович	Т.-Х.-Шура	Узденъ; определенных занятий не имеет.
12.	Кончухидзе Петр Исаевич	г. Петровск	Инспектор Петровского городского училища.
13.	Хасбулатов Гамзатбек Алискендерович	Т.-Х.-Шура	Помещик, отставной подполковник
14.	Великов Гамид бек Мирза Худат бек оглы	г. Дербент	Корнет запаса, помощник городского старосты
15.	Абдурагимов Гаджи Мирзабек Агаси бек оглы	г. Дербент	Отставной надворный советник
16.	Гаджи Магомед Гаджи Пир Магомед оглы	с. Магарамкент Кюринского округа	Земледелец
17.	Гаджи Али Ших Баба оглы	сел. Яраг-Казмалар Кюринского окр.	То же

1

2

18.	Молла Магомед Абдулла Эфенди оглы	с. Касумкент
19.	Насредин-бек Мамирза бек оглы Табасаранский	г. Дербент
20.	Магомед Али оглы	с. Маков-Оба
21.	Гаджи Муса Махмуд оглы	с. Ковах-Чель
22.	Гаджи-Искендер Гафул Эфенди оглы	с. Ках-Мугал
23.	Абдулла-Эфенди Гаджи-Баба Эфенди оглы Кабулов	То же
24.	Аслан-бек Али-Ага оглы Кордашев	сел. Чокак-Оба

То же

Акцизный чиновник,
землевладелец.

Старшина Джарского сельского
общества; земледелец.

Земледелец

То же

Землевладелец

Мирав Талачайского водного
округа; отставной губернский
секретарь.

Из документа видно, как формировались в дагестанском ауле новые социальные отношения на основе крупного землевладельческого хозяйства кулака. Но кулак был не только землевладельцем, но и скотоводом, и владельцем табачных, виноградных и фруктовых плантаций. Он выращивает в крупных масштабах технические культуры — рис, коноплю и пр. Однако бекско-дворянскому классу тесно с новым представителем буржуазного класса. Здесь уже явное противоречие. Буржуазный класс чувствует свое превосходство в деньгах, капитале, а также в ведении хозяйства и чувствует свою перспективу, будущность. Но в политических вопросах он оттеснен на задний план, по существу сравнен с остальной крестьянской массой. Здесь превосходство сил беков налицо. Они чувствуют поддержку царизма.

Опираясь на беков и в интересах их укрепления царское правительство рядом решительных мер и различных политико-экономических манипуляций создает устойчивые экономические основы феодальному классу Дагестана, закрепляет за этим классом огромные земельные площади, дающие ему возможность сразу же поставить помещичье хозяйство на широкую ногу.

С другой стороны, сугубо реакционной продворянской аграрной политикой царское правительство лишает основную массу крестьян прав собственности на те земли, которые веками ей принадлежали, создавая тем самым армию обезземеленных крестьян, вынужденных за гроши наниматься на работу в бекско-кулацких хозяйствах.

С расширением своих хозяйств класс феодалов прибегает к усилению эксплуатации крестьян, к увеличению лежащих на них натуральных и денежных повинностей, к применению в бекских хозяйствах принудительного, бесплатного крестьянского труда.

Последний и притом произвольный акт со стороны феодального класса по отношению к крестьянству был совершен при активной поддержке органов царского правительства на местах военно-народного управления. При помощи царского правительства в Дагестане, при сохранении сословных прав было положено начало превращению административно-политических отношений в общественные, в помещичье-крепостные отношения, прикреплявшие окончательно не только раят, но и крестьян-горцев к земле феодалов.

Новые экономические отношения в процессе дальнейшего развития получают новый толчок, когда в руки феодалов переходят функции полицейского аппарата военно-народного управления. Пользуясь этим новым положением, феодалы систематически увеличивают повинности, отбываемые крестьянами бекам.

Класс феодалов вместе с кулачеством усиливает темпы экономического наступления на крестьян, сосредоточивает в своих руках все больше и больше земельных площадей, скупая их за бесценок у крестьянских обществ и узденей, изнывающих под тяжестью повинностей и налогов, или просто захватывая и присваивая эти земли. Мелкое крестьянское хозяйство оказывается в таких тисках, так истощено повинностями и налогами, что в связи со сложившимися объективными условиями вынуждено сосредоточивать все средства и формы политической борьбы на классе феодалов и вырастающем классе кулачества, отводя формы и средства этой борьбы от царского правительства и его системы управления.

▼ Классовая борьба крестьянства настолько накаляется в Дагестане, что в 90-х годах XIX века вся общественная жизнь горцев была поставлена перед фактом политического кризиса — революционной ситуацией.

Политика царского правительства и колониальных властей в местах военно-народного управления была направлена на усиление и закрепление зависимых отношений крестьян ст беков в Дагестане, на еще большее экономическое усиление беков, на создание новых беков из чиновников и царских офицеров и вообще из лиц, оказавших услуги правительству. Царское правительство наделяет феодальную аристократию участками из «казенных» земель, раздает ей кутаны, дает в управление целые аулы, создавая ей широкие возможности для экономического усиления. Таким образом, никто не удерживает класс феодалов от интенсификации барщины, введения все новых и новых повинностей, от усиления давления на раят и зависимое крестьянство.

В предыдущей главе мы показали на конкретных материалах налоговую политику царского правительства. Колониальные власти облагают мелкие крестьянские хозяйства новыми, особо надуманными видами налогов и повинностей, одновременно освобождая от них класс феодалов и передавая ему надзор за внесением этих налогов и повинностей крестьянами.

Таким образом, царское правительство, противопоставляя классу феодалов класс крестьянства, не только усиливает военно-полицейские права феодальной аристократии, но и дает ей чины, титулы, организует для нее школы, словом создает феодалам все условия, чтобы в культурно-экономическом отношении они занимали бы в обществе «должное» место.

Если в политическом отношении горцы Дагестана, и в основном его плебейская часть, были поставлены в невыносимо тяжелые условия, то в этом прежде всего был повинен господствующий класс феодалов, который с большим рвением притеснял зависимое крестьянство Дагестана.

Сословно-поземельный вопрос оставался нерешенным до 1913 года. Следовательно, в Дагестане еще в начале XX века продолжал существовать тот же институт зависимых отношений, с которым в России было уже давно покончено.

Наследственное управление беков раятами — институт, выросший на почве политики царского правительства, — продолжало носить «законный» характер и при новых условиях развития общественных отношений. Под влиянием социально-экономических форм дворянской России в Дагестане среди феодалов укрепилось мнение, согласно которому все земли раят рассматривались, как принадлежащие классу феодалов, а подати и повинности, отбываемые бекам, стали рассматриваться в смысле платы не за управление, а за пользование бекской землей.

Таким образом, был установлен порядок, по которому целый ряд повинностей раяты должны были нести не только органам государственного управления, но главным образом классу феодалов.

Царским правительством разрабатывалось много проектов ликвидации подневольных отношений части сельского населения Дагестана к бекам. Однако, эти проекты оказывались не отвечающими интересам класса феодалов и как «непригодные к условиям Дагестана» проваливались. Даже указ царского правительства от 12 декабря 1904 года, изданный под натиском революционного движения крестьян России, оказался «нереальным» и «неприменимым» в Дагестане. Между тем, по этому указу определялась сословная равноправность всех крестьян царской России.

Следует отметить, что в результате сохранения подневольных отношений в Дагестане нравственный престиж царского правительства падал не только перед внутренней, но и международной общественностью. Сохранившиеся в Дагестане и Закатальском округе подневольные отношения не соответствовали ни общим правовым нормам России, ни установившемуся общественному укладу местного населения. Поэтому те зависимые отношения, которые продолжали еще существовать в Дагестане, вызвали крайнее обострение взаимоотношений между двумя антагонистическими классами, доходившее порою до революционной ситуации. Политическая борьба разрасталась, все больше и больше, охватывая новые районы и отдельные группы населения.

Из приведенных в предыдущей главе материалов видно, что дагестанский аул в начале XX века не представлял из себя однородной единицы первобытно-общинного строя, как это привыкли о нем говорить дворянские историки царской России. В их работах мы встречаем упоминания о дагестанских князьях, но они представляются какими-то наносными фигурами, не изменяющими общественно-экономические от-

ношения в Дагестане. В работах этих историков читатель не найдет указаний о крепостнической кабале, о классах, о борьбе классов.

Нередко такую же ошибку при исследовании дагестанского аула конца XIX и начала XX века допускают и некоторые современные историки.

Если судить о дагестанском ауле после включения Дагестана в экономическую и политическую орбиту царской России по Ковалевскому, который считал, что переход к оседлости не сопровождался у дагестанцев ликвидацией родовой организации и упразднением первобытного коммунизма, то непонятной становится прогрессивная роль России в экономическом и политическом развитии Дагестана. Следовательно, к вопросу о классовых отношениях в дагестанском ауле нужно подходить не с точки зрения Ковалевского, а с точки зрения тенденции развития аула, целенаправленности его дальнейших политико-экономических отношений.

Исследование без учета тенденции развития аула под знаком поисков остатков прошлого о воспроизведении в «чистоте» общественных отношений, уже почти умерших, безусловно дает искаженную картину действительности. Те пережитки, которыми был окутан аул во второй половине XIX и начале XX века, вовсе не определяли общественных отношений Дагестана и тем более лица горского аула.

Важнее всего в этой связи отметить, что в результате расслоения и дифференциации крестьянства в дагестанском ауле на одном полюсе, рядом с беком, вырастает новая фигура — фигура эпохи буржуазных отношений — кулак, являвшийся эксплуататором крестьян. Вместе с тем на другом полюсе появляются сельские батраки, бедняки и среднее крестьянство, которые выделяют из своей среды почти сотысячную армию отходников, рабочих в городах Дагестана и за его пределами.

Из приведенного материала видно, что около 70 процентов хозяйств в горных аулах Дагестана не имели овец, а далекие, так называемые «общинные» пастбища могли быть использованы только для овец. При этом надо подчеркнуть, что кулак-барановод не страдал от того, что пастбища были «общинными», так как пользовался ими в первую очередь он сам.

Джамаат с его внутренним сельским «миром», собиравшийся для решения хозяйственных вопросов того или иного общества, не был однородной единицей и потому не может служить достаточным основанием для подтверждения крепости общины.

Таким образом, можно утверждать, что община Дагестана не являлась препятствием для проникновения капиталистических отношений, так же как не являлась антагонистом

капитализма русская община. Не община и общинные порядки характеризуют обстановку горного аула в начале XX века, не атрибуты экзотики средневековой эпохи, а новые отношения, а именно: индивидуальное хозяйство, выросшее на базе дифференциации и расслоения под воздействием передовых общественно-экономических отношений капиталистической России. Налоговой пресс империи, усиленные поборы местных феодалов, обязательные сборы на мечети, произвол и насилие — вот что было характерным в общественно-экономической жизни горского аула Дагестана в начале XX века.

Но для дагестанского аула этого периода были присущи и внутренние условия, прикрывавшие внутренние социальные противоречия. Дагестанское крестьянское хозяйство существовало в своеобразной обстановке. Жизнь горцев, почти лишенных средств существования, была очень тяжела в экономическом и культурном отношении. Непригодные к производительному использованию земельные участки, составлявшие до 40 процентов всей территории, высокая плотность населения Дагестана, особенно в его горной части, доходившая почти до 57 человек на один кв. километр, делали жизнь крайне трудной, и горцы нерационально использовали свою энергию, лишь бы как-нибудь поддержать свое существование.

Политическое устройство Дагестана, вытекавшее из системы военно-народного управления, способствовало консервации подобного образа жизни дагестанского крестьянства. Немало усилий в этом проявляло и духовенство. Кстати сказать, Дагестан являлся поставщиком «ученых» арабистов не только для себя, но и для всего Кавказа.

Горец, лишенный земли и возможности приложить свой труд у себя в ауле, вынужден был уходить из него то в качестве отходника, то на службу в Дагестанский конный полк, то в качестве охранника помещичьих имений во внутренних губерниях России.

Все эти условия, естественно, наложили известный отпечаток на борьбу классов в дагестанском ауле.

При таких условиях стремление рисовать идиллию классового мира в горах Дагестана, доказывать отсутствие кулака и тем более отсутствие внутренней дифференциации, расслоения, и в конечном результате, отсутствие в горном ауле классовой борьбы, по меньшей мере вызывает удивление и досаду.

Таким образом, прежде, чем перейти к изложению фактического материала о классовой борьбе в горском ауле, необходимо подчеркнуть, что классовое деление дагестанского аула явление давнее, и что особенно важно, крайне своеобразное.

Из ранее приведенных фактических данных видно, что в дагестанском ауле классу владетельных князей и беков

противостояло не однородное общинное крестьянство, а раздробленные массы, полные внутренних противоречий. В дагестанском ауле мы видим, с одной стороны, узденей, распадающихся на ряд групп, а с другой стороны — подневольное крестьянство.

Непосредственное влияние экономической и политической жизни России усилили процессы дифференциации и появление в аулах, наряду с классом феодалов, новой социальной группы — представителей буржуазных отношений. Следовательно, классовые отношения в дагестанском ауле к началу XX века четко дифференцируются.

В одних местах они проявляются более рельефно, в других — менее явно. Там, где этому способствовали объективные условия, классовая борьба в аулах протекала с большой политической остротой, вызывавшей серьезное беспокойство не только феодальной аристократии, но и правительственных учреждений Дагестана.

Под этими объективными факторами прежде всего нужно понимать сословно-поземельные отношения, зависимость подневольного крестьянства от класса феодалов. Эти сохранившиеся в Дагестане зависимые отношения давали местным бекам ничем не оправданные основания для эксплуатации и произвола в отношении зависимых сословий. В свою очередь, чинимый беками произвол приводил к активным политическим действиям зависимых крестьян. Именно этим обстоятельством объясняется, что администрация военноплеменного управления Дагестана и главного начальства на Кавказе с большой тревогой сообщали о происходящих среди раят и крестьян Дагестана волнениях на почве зависимых отношений и невероятного произвола феодалов.

Так, например, в одном из официальных документов мы читаем: «Зависимое отношение одного класса населения от другого... далее не может быть терпимо. Главное Кавказское начальство уже давно признавало всю ненормальность положения крестьянского дела в крае. Тяжесть зависимого положения давно признавалась и самим крестьянством. На этой почве в 90-х годах в Дагестане было два бунта, к счастью быстро подавленные»⁶⁶.

Очевидно, ни феодалам Дагестана, ни колониальным властям развернувшееся крестьянское движение против феодалов не давало покоя. По сообщению наместника, антифеодальное движение в 1898 году «приняло в Дагестане форму настоящих волнений и в этом году большинство селений Кайтаго-Табасаранского округа прекратило отбывание бекам

---

⁶⁶ ЦГИА, ф. 1276, оп. 2, д. 84, лл. 85—87.

повинностей»⁶⁷. Движение в этих районах разрасталось с каждым днем, охватывая все новые и новые аулы.

Воронцов-Дашков сообщал, что в Дагестане «как упомянуто, почти прекращено фактическое выполнение в отношении беков каких-либо повинностей, и такое положение существует уже более 9 лет, причем, хотя некоторые беки и подавали жалобы по этому поводу администрации, но сами были против принятия репрессивных мер из боязни восстания»⁶⁸.

Это крестьянское движение внутри Дагестана развивалось «не без связи с аналогичными явлениями в других частях края»⁶⁹.

Из приведенного документа вытекает, что раяты в результате активного выступления и целеустремленной антифеодальной борьбы контролировали общественную жизнь отдельных аулов Кайтаго-Табасарана и довели беков до панического состояния.

Безусловно, идеи революционно-демократического движения внутри России, через отходников и другие группы населения, проникали в аулы Дагестана, в результате чего борьба подневольных масс Дагестана оказывалась связанной с аналогичными движениями в других частях России. Аграрно-крестьянское движение в Дагестане с каждым годом разрасталось, охватывая не только новые районы, но и новые слои населения. Об этом можно судить по официальному документу военно-народного управления Дагестана⁷⁰.

Политические выступления были присущи не только раятам, но ими были охвачены и другие слои крестьянства. Крестьянское движение чрезвычайно усилилось в Темир-Хан-Шуринском округе. Причиной активного выступления крестьян в этом округе было засилие беков, их произвол в отношении не только раят, но и всего узденства. Так, например, командир Отдельного Кавказского корпуса генерал-адъютант Нейдгардт в рапорте военному министру писал, что жители селения Кака-Шура «нанесли обиды людям Али-Султана и самому ему разные оскорбления», что и вынудило его с семейством выехать в Темир-Хан-Шуру. Тогда фон Клюгенау как для наказания кака-шуринцев, так и «для удержания примером строгости в повиновении законным владельцам других жителей», послал в упомянутое селение батальон пехоты с 25 казаками при одном орудии.

Спрашивается, почему же восстали кака-шуринцы против феодалов?

---

⁶⁷ Там же.

⁶⁸ Там же, д. 86, л. 729—730.

⁶⁹ ЦГИА, ф. 1276, оп. 2, д. 86, л. 729—730.

⁷⁰ ЦГИА, ф. 1276, д. 86, л. 729—730.

Для объяснения этого обратимся к документу: «Мы все общество сел. Кака-Шура обращаемся к Вашему величеству с жалобой относительно творимого присвоения со стороны беков и чанков над нами. Жалуемся, Ваше величество, об их вреде и злополучности. Насильно захватывая наши земли, они уменьшают наши владения, создают хутора на наших территориях, тем самым обрекают нас на нищету и лишения. Не только землю они распоряжаются, но лишают нас пользоваться водою. Они содержат в хуторах много крупного и мелкого скота, портят воду доводя до негодности для питья. Беки потравливают наши пашни и портят наши пашни, луга и сенокосы. Мы, о Ваше величество, живем в этих трудных и стесненных условиях, потому просим Вас избавить нас от произвола беков и чанков...»⁷¹.

Однако начальство военно-народного управления осталось глухим к жалобе кака-шуриных узденей и не приняло никаких мер к облегчению участи населения этого аула.

Беки не только захватывали и присваивали принадлежащие крестьянам земли, но и лишали их поливной и питьевой воды. К тому же, выпуская на принадлежащие крестьянам луга, пастбища и пашни свое поголовье скота, беки приводили их в непригодное состояние, чем обрекали жителей аула на голодное существование.

Так как органы царского правительства не принимали мер против произвола беков, кака-шуриные крестьяне восстали против них и большую часть из них истребили. Только с помощью регулярных частей, с применением артиллерии, восстание удалось подавить.

Движение крестьян против беков в Темир-Хан-Шурином округе имело место и в других аулах. Так, например, гелинские уздени обратились к наместнику Кавказа с жалобой на произвол беков. Вот что писали крестьяне в этой жалобе:

«Сообщаем Вам, что со времени наших предков уздени сел. Гели обрабатывали, сеяли и убирали земли Курти-тав. Теперь беки и чанки завладели целиком этой территорией, вытеснив оттуда узденей, приобретают ее в свою собственность. При этом сообщаем, что беки, как исконно им принадлежащую собственность, продают и сдают в аренду эту землю не только жителям гор, но нашим односельчанам, которым и принадлежала эта территория...»⁷².

Из документа вытекает, что беки Гели, насильственно захватив принадлежащую узденям землю, распоряжались ею как своей собственностью. Однако военно-народное управление не приняло никаких мер в защиту гелинских узденей и жалоба жителей аула была оставлена без всякого внимания.

⁷¹ Рукоп. фонд ИИЯЛ Дагфилиала АН СССР, д. 1677.

⁷² Рукоп. фонд ИИЯЛ Дагфилиала АН СССР, д. 1677.

Обнаглевшие гелинские беки доходили до того, что не только протягивали свою руку на непринадлежавшие им земельные участки, но и полностью присваивали поливные воды, что поставило местное население в очень стесненное положение. Так, например, в заявлении жителей сел. Гели написано: «Нами была доставлена его императорскому величеству своя жалоба относительно чинимых угнетений со стороны наших беков, которые насильно завладели большей частью нашей водой, столь необходимой для полива наших полей, хотя они беки составляют меньшинство—девять дворов против 420 дворов узденей. Жалоба эта была переправлена к вам. С тех пор прошло более двух лет, но о результате разбора жалобы мы еще не получили никакого сообщения...»⁷³.

Имея за собой поддержку царского правительства в лице органов военно-народного управления, беки постепенно присваивали земельные участки, принадлежащие узденям. Беки прибирали их к своим рукам, отдавали в аренду тем же узденям, которым принадлежала эта земля, продавали ее на сторону, чем ставили узденей в невыносимо тяжелые условия. Поэтому не случайным был факт выступления жителей сел. Гели против беков, разросшийся в 1886 году до вооруженного восстания.

Всеобщее внимание было приковано к выступлению жителей плоскостных районов Дагестана против владельцев кутана «Канобур» в 1900 году. Это выступление также было подавлено при помощи оружия.

Аналогичное выступление произошло в 1897 году из-за пахотных участков, насильно захваченных губденскими беками у крестьян.

Таким образом, мы видим, что в аулах Темир-Хан-Шуринского округа из-за произвола беков, выразившегося в насильственном захвате крестьянских земель и поливной воды, игнорировании законных прав жителей аулов, в 90-х годах прошлого столетия происходили антифеодальные выступления, порою кончавшиеся кровопролитием. Следовательно, произвол и неограниченные права беков в отношении земель и были основной причиной усиления классовой борьбы в аулах Дагестана в конце XIX — начале XX века.

Сословно-поземельная комиссия, которую никоим образом нельзя заподозрить в защите интересов крестьян, указывала, что крестьянское движение в Дагестане «прежде всего... имеет экономический характер. Отбывавшиеся бекам Дагестана повинности являлись обременительными для поселян, так как последние кроме них должны были уплачивать в обычных нормах земские сборы и подымную подать, а после

---

73 Там же.

1900 года — государственный поземельный налог или оброчную подать. Естественно, что поселяне тяготятся таким двойным обложением, принимающим довольно чувствительные размеры»⁷⁴.

В том же документе говорится, что «тяжесть повинностей увеличилась тем, что размер их и порядок взимания не были урегулированы. Можно сказать безошибочно, что раяты были предоставлены полному бесконтрольному усмотрению беков..., которым предоставлялось самостоятельное взыскание повинностей и нередко в их же пользу последние проявляли при взыскании недостаточную умеренность и произвол, не сообразуясь ни с условиями, ни с экономическим положением раят»⁷⁵.

Убедившись в невозможности добиться освобождения от гнета путем мирных петиций, жалоб и прошений, крестьяне переходят к более зрелым формам борьбы как против местных угнетателей, так и против царского самодержавия.

Наиболее крупные столкновения продолжали иметь место в Кайтаго-Табасаранском и Темир-Хан-Шуринском округах. Здесь дело доходило до вооруженных столкновений. Военный губернатор Тихонов доносил наместнику царя на Кавказе: «Я на днях выезжаю в Кайтаго-Табасаранский округ для восстановления порядка»⁷⁶.

В Кайтаго-Табасаранском округе движение зависимых крестьян принимает особенно ожесточенный характер. В этой связи 30 мая 1900 года беки разных селений Кайтаго-Табасаранского округа Бейбалабек, Казановбек и Мамерзабек в прошении главноначальствующему гражданской частью на Кавказе писали: «Поселяне наших селений (раяты наши) учиняют нам материальный ущерб, не исполняя наших полевых работ и не платя нам податей за пользование нашими земельными угодьями, увезя наших лошадей и скотину, оскорбляя нас словами и действием, покушаются на нашу жизнь... в нашем пользовании находящиеся наши земли некоторые раяты силой захватывают...»⁷⁷.

Начальник Кайтаго-Табасаранского округа подполковник Шосте писал губернатору, что «главными подстрекателями и виновниками возбуждения раятов против беков являются по 8 селениям 27 человек».

По ходатайству военного губернатора Дагестана главноначальствующий утвердил решение о высылке под надзор полиции во внутренние губернии России арестованных, «виновных в подстрекательстве раят к отказу от повинностей»⁷⁸.

⁷⁴ «Красный архив», 1936, № 6(79), стр. 116.

⁷⁵ Там же, стр. 117.

⁷⁶ ЦГА ДАССР, ф. 2, оп. 5, д. 31, л. 21.

⁷⁷ ЦГА ДАССР, ф. 2, оп. 3, д. 139—в, л. 9.

⁷⁸ ЦГА ДАССР, ф. 2, оп. 4, д. 43, л. 31.

Чтобы предотвратить политическую борьбу крестьян против феодалов, военно-народное управление проводит одну за другой карательные экспедиции. Аресты, ссылка в Сибирь и другие жестокие меры были явлением повседневного характера. Однако репрессии в отношении крестьян дали противоположные результаты: по всему Дагестану обостряется политическое брожение. Боясь всеобщего политического выступления крестьян, колониальные власти вынуждены были поставить вопрос о прекращении репрессий. «Однако долго продолжать полагаться на одни репрессивные меры невозможно, так как при продолжительности их в конце концов грозят разорением населения»⁷⁹, — писала сильно обеспокоенная широким выступлением горцев кавказская администрация.

Дворянское сословие усилило политический и экономический нажим на крестьянство, обостряя тем самым классовые противоречия внутри края, и без того уже достаточно ярко обозначившиеся. «Под покровительством местных царских властей беки не только увеличивали постоянно повинности с поселян подвластных им деревень, но совершалось даже вновь порабощение свободных жителей в пользу беков»⁸⁰.

Сословное разделение, крепостная зависимость, непосильные подати и повинности не позволяли горцам свободно дышать. «Чувствуя свои руки совершенно свободными (дагестанские беки — Г. Д.) действовали очертя голову, руководствуясь единственно кровожадным деспотизмом, животными побуждениями и неутомимую жаждой к стяжанию богатств»⁸¹. «Всякого рода насилия, взятки и поборы, а в случае сопротивления открытый грабеж, нередко сопровождавшийся убийством, составляли ежедневные заботы дагестанских беков...»⁸².

Беки отбирали как у отдельных раят, так и у сельских обществ земельные участки, пахотные, покосные и пастбищные угодья, кутаны, которыми те пользовались с давних времен. Так, табасаранский бек полковник Казановбек, который вообще относился к раятам бесчеловечно, отбирал у них земельные угодья и угрожал смертью тем, кто осмелится жаловаться на него. Во всех подобных случаях местная администрация не оказывала раятам никакой помощи.

Жители селения Марара в своих заявлениях писали, что они с незапамятных времен пользовались зимними и летними пастбищами на двенадцати кутанах, принадлежащих

---

⁷⁹ Из «Всеподданнейшей записки по Управлению Кавказским краем генерал-адъютанта графа Воронцова-Дашкова».

⁸⁰ Рукоп. фонд ИИЯЛ Дагфилиала АН СССР, д. 1353.

⁸¹ «Акты, собранные археографической комиссией», т. XII, стр. 1501, дится

⁸² Там же.

Мамирзабеку, а по реке Рубас протекающей между этими кутанами, имели пахотные и сенокосные участки. Кутаны были настолько обширны, что несколько не стесняли бека, который и сам ими пользовался и значительную часть их отдавал в аренду. Бек запретил раятам пользоваться этими кутанами, вследствие чего они были вынуждены арендовать землю частью у самого бека, частью у дербентских богатеев. Между тем бек стал требовать от раятов выполнения в полном объеме всех повинностей, хотя земля от них была отобрана.

Царская администрация по-разному относилась к бекам и раятам. Если раят нарушал в чем-либо свои обязательства по отношению к беку, то помимо того, что последний мог предъявить к нему судебный иск об убытках, раят подвергался еще и административному воздействию. Если он уклонялся от взноса повинностей, то их взыскивал с него наиб без всякого судебного решения, причем в обеспечение недостающей части отбирал наиболее ценные домашние вещи. Сверх того, неисправные плательщики в большинстве случаев заключались под стражу. Если же бек нарушал свои обязательства по отношению к раятам, вопреки не только адатам, но часто и категорическим распоряжениям властей, то бек не подвергался никакому воздействию со стороны местной администрации. Она оставалась равнодушным зрителем происходящего. Бедным, безграмотным и запуганным раятам тягаться в судах с богатыми и влиятельными беками было невозможно.

Все это порождало сильное озлобление народа против беков и местной администрации. Раяты и уздени целыми селениями выступали против них, вырубали леса, сжигали усадьбы, отказывались выполнять натуральные повинности (пахать, жать, косить и т. д.), насильно отнимали и запахивали для себя бекские земли. «Сохранение зависимых отношений, — говорится в документе, — поставило население в обостренные отношения, разделив его на два враждебных лагеря»⁸³.

Поверенные Табасаранского округа в 1902 году писали на имя главноначальствующего Кавказа. «Местные земледельцы, называемые беками, чрезвычайно притесняют нас взысканием повинностей, называемых «догек», одной 10-й части урожая... Если из нас у кого не окажется требуемое количество повинностей, то они посылают забрать домашние вещи... Если в таком случае донести жалобу начальнику округа, то тогда непременно арестует...»⁸⁴.

⁸³ ЦГИА, ф. 1276, оп. 2, д. 86, л. 729.

⁸⁴ ЦГА ДАССР, ф. 2, оп. 3, д. 142 «б», л. 69.

Этому грабежу населения беками усердно помогала царская администрация. Так, например, главноначальствующий гражданской частью на Кавказе 31 июля 1903 года писал военному губернатору Дагестанской области: «В большинстве случаев, за последние годы уплату бекам... податей и повинностей раяты самовольно прекратили. Народные суды области, куда беки обращаются с жалобами на уклонение раят от уплаты им податей и отбывания повинностей, в большинстве случаев признают жалобы беков совершенно правильными и постановляют решения в пользу беков, но таковые решения остаются без исполнения ввиду упорного нежелания раят подчиниться таковым решениям судов... признать необходимым преподать даг. обл. начальству для руководства и надлежащих распоряжений следующее:

1. Обязать раят впредь уплачивать подати и отбывать повинности бекам исправно.

2. При неисполнении раятами сего беспорные подати и повинности... взыскивать в административном порядке.

3. В случаях спорных дел о взыскании подати и повинности передавать на рассмотрение окрсудов»⁸⁵.

Уже через несколько лет после окончания Кавказской войны горцы, находившиеся под двойным гнетом — местных ханов, беков, чанков и военно-народного управления, очутились перед фактом захвата своих лучших земель. Как уже было сказано выше, в горных округах лучшие пастбища, леса и сенокосы были превращены в казенные, за их использование жителям гор приходилось платить большие подати.

В условиях растущей емкости рынка, в начале XX века расширяется запашка и вообще растут все виды сельскохозяйственного производства. Конкуренция на рынке в свою очередь побуждает к повышению производительности труда и прежде всего к улучшению сельскохозяйственных орудий и породности скота. Вместо примитивных, в большинстве своем деревянных орудий, появляется железный плуг, железный обод, а затем и железная ось. Появляется также более сильный рабочий скот и более продуктивный молочный скот. С повышением товарности растет и мощность хозяйства. Увеличиваются площади под садами и виноградниками, под овощами и техническими культурами, увеличивается производство на рынок продуктов животноводства.

Бек — помещик, естественно, ищет в новых условиях возможность расширения эксплуатируемой площади. Это толкает его к новым захватам земель у крестьян. К этому же толкает его и повышение рыночной стоимости земельных угодий и возможность легко реализовать их через банки, или,

⁸⁵ ЦГИА Груз. ССР, ф. 231, д. 322, л. 1.

сдавая в аренду малоземельным крестьянам. Местами помещик, видя экономическую выгоду от овцеводства, бросает запашку и переходит к отгонному скотоводству. И в этом случае ему были необходимы большие земельные площади. Однако к этому времени помещик захватил уже почти все более или менее свободные земли. Остались лишь общественные земли, которыми он, по установившемуся обычаю, мог пользоваться только определенное время года. Вот на эти-то земли он и накидывается под влиянием перелома в технике хозяйства и под напором развивающихся капиталистических отношений. В 90-х годах помещик использует все возможности, чтобы закрепить в собственность те земли, которые у него были лишь во временном пользовании.

Возникают и непрерывно растут земельные споры крестьян с помещиками. Канцелярии военно-народного управления буквально наводняются челобитными крестьянских сельских обществ, ищущих у чиновников и офицеров защиты и правосудия против тех, кого эти последние призваны защищать. Крестьяне не щадят никаких затрат, не находя для себя иного выхода. То же делает и помещик. Взятничество в канцеляриях и судах расцветает пышным букетом.

Видя в общине не только поддержку мелкого хозяйства, но и аппарат борьбы против себя, помещик употребляет все усилия для того, чтобы сбить общины с правильного пути. Он искусно натравливает одну общину против другой, используя запутанность межселенных пограничных отношений, и тем отводит удары от себя. Во многих случаях это ему удается, но во всяком случае поддержка правительства и суда ему обеспечена. Он ведет свою игру почти без проигрыша.

Для примера проследим характер этой борьбы на типичном случае споров из-за местности Герменчик, или (по пахотному участку на ней) Кокрек около города Петровска.

Герменчик площадью в 11415 десятин состоял из участков:

1. Кокрек	. . . . .	3881 дес.
2. Верхний табун	. . . . .	3600 «
3. Нижний табун	. . . . .	4756 «
4. Таллы	. . . . .	1785 «

Часть этой площади — пахотные участки, часть — сенокосные.

В 1869 году земля эта находилась в бесспорном владении окрестных селений. Южная часть Герменчика принадлежала селению Кумторкала, северная часть делилась на два примерно равных участка, из которых западный принадлежал селению Тарки, а восточный — селению Атлыбукун. В отношении пользования земля эта через определенные промежутки лет переделывалась между сельчанами пропорционально трудовой мощности хозяйства. Пахотные участки делились

на пай приблизительно по 3 с третью десятины на каждый плуг. Сенокосные же земли распределялись участками от одной трети до двух третей десятины на плуг, в зависимости от качества травы. Воды для поливки пашни распределялись по очереди по 2—3 дня на пай, смотря по количеству воды в оросительной канаве. Пастбища, т. е. неполивные участки, находились в общем пользовании.

Из всей этой площади сельские общества выделяли шамхалу, в силу их административной от него зависимости, 25 десятин пашни, которую сами и вспахивали. Воду шамхал получал здесь вне очереди на срок от 20 до 40 дней. Сенокос шамхала убирался крестьянами этих селений.

После отмены административной зависимости крестьян от шамхала сельские общества, естественно, отказали ему в наделе земли. Шамхал опротестовал их действия перед военным народным управлением. Специально назначенная комиссия, в составе которой было семь офицеров (из них 5 беков) и один крестьянин из селения Тарки, в сентябре 1869 года постановила закрепить за шамхалом, временно, до окончательного решения вопроса, те участки, которыми он пользовался до реформы, а также и право пользования водой, но освободить крестьян от обязанности обрабатывать его пашню и убирать его сенокос; обязать шамхала участвовать трудом трех рабочих в ремонте оросительных канав. Таким образом, крестьяне потеряли 46 десятин лучшей земли.

Но это был пустяк и крестьяне не особенно возражали, тем более, что решение было временное. Настоящие мытарства начинаются с 70-х годов. В 1870 году кумторкалинские беки, до сих пор совершенно не участвовавшие в пользовании землями на Герменчике, предъявили притязания на эти земли, как приемники шамхала. В то же время они не отрицали права шамхала пользоваться выделенным ему участком пашни и сенокоса. Возник ожесточенный спор и судебный процесс, который тянулся 15 лет и стоил крестьянам больших денег. Крестьяне его неоднократно выигрывали. Наконец, в феврале 1880 года, утомленные от постоянных тягб и расходов, крестьяне заключили с помещиками на один год мировую сделку, по которой последние получили право пользоваться общественными кумторкалинскими землями на общих условиях.

Однако 10 июля того же года кумторкалинские беки подняли новый вопрос. Они потребовали закрепления за ними селения Кумторкала и ряда других селений со всеми их землями. Спор этот окончился увеличением крепостных повинностей и закреплением некоторых прав беков на земли общества (например, выпас скота и др.).

В 80-х годах князь Джамалудин Тарковский совершил налет на земли селения Тарки и захватил часть принадлежаще-

го крестьянам Кокрека. Таркинты 26 августа 1882 года опротестовали этот захват, но судебное дело результата не дало, земля осталась у Тарковского.

После этого налета князь Тарковский захватил участок «Искрек», принадлежавший утлыбуюнцам. Сельчане обжаловали дело в суд. Начался длительный процесс. После почти 10-летнего спора сельчанам удалось вернуть только часть участка. В 1886 году по приговору военно-народного суда за ними было закреплено 1009 десятин (784 десятины пахотной и 225 неудобной) из 2348 десятин, захваченных у них князем Тарковским.

В январе 1892 года кумторкалинские беки снова поднимают вопрос о Кокреке, но проигрывают процесс. Однако они продолжают его в высших инстанциях и через несколько лет добиваются закрепления за ними части спорного участка. Но тут является более сильный претендент — князь Джамалудин Тарковский. Ему уже принадлежала половина земель на Кокреке, приходившихся на доб таркинцев и атлыбуюнцев. В 1893 году он добился отмены постановления наместника от 1886 года о закреплении за атлыбуюнцами 1009 десятин и присвоил себе эту землю, так что атлыбуюнцы остались совсем без пашни.

После этого он начал добиваться закрепления за собой того участка Кокрека, который был во владении кумторкалинцев. Но так как ему это не удавалось, он вошел в соглашение с обществом селения Тарки, обещая последнему вернуть часть захваченной им земли, если выиграет процесс у кумторкалинцев.

С помощью таркинцев ему действительно удалось добиться мирного соглашения с таркинцами, по которому он получил половину спорной части «Кокрека». Здесь ему помогла хитрость. Так как не существовало никаких документов, которые могли бы подтвердить право на этот участок сельского общества или князя Тарковского, то по обычаю спор должен был быть решен присягой. Одна из сторон обязывалась выставить от 20 до 40 свидетелей, которые под присягой должны были ответить на ряд вопросов и подтвердить, что земля действительно принадлежала той или другой стороне. На этот раз свидетелей должны были выставить кумторкалинцы. Специальной комиссией был определен день присяги и установлен список лиц, которые должны были присягать. Однако в ночь на указанный день два свидетеля-кумторкалинца были украдены и спрятаны противной стороной. В назначенный час кумторкалинцы выставили на два свидетеля меньше и присяга не могла состояться. В этом случае по адату полагалось покончить дело маслагалом, т. е. мировой сделкой, поделив участок между спорящими сторонами поровну.

Таким образом, князь Джамалудин Тарковский к началу 90-х годов оказался собственником почти двух третей Герменчика. Крестьянство этого района за 30 лет перед революцией потеряло 66% своей земельной площади.

Точно такой же процесс имел место почти по всему плоскостному Дагестану.

К этому времени 56 процентов всей удобной земли было в руках беков и кулацких хозяйств. Большой процент земель принадлежал духовенству. В 1902 году свыше 35 тысяч бедняков, не имевших земли, владели жалкое существование, получая подачки за счет так называемого закята. То же дворянско-бекское сословие собирало более 70 процентов общего урожая в крае и сбывало его по высоким ценам в городах. На остальное население приходилось очень мало хлеба, его не хватало даже на три месяца для пропитания средней узденской семьи, не говоря о рабах, кулах, чагарах и раятах.

Степень обеспеченности населения области своим хлебом в 1894 году показывает следующая таблица:

Округа	Собрано хлеба в четв.	Оставлено на посев	Оставалось на продовольствие	Число душ коренного населения	На 1 душу приходится четв.
Т.-Х.-Шуринский	77016	22602	4414	74190	0,7
Аварский	26597	6960	19637	34781	0,6
Андийский	20487	6580	13907	49674	0,3
Гунибский	34899	8952	25947	60353	0,4
Даргинский	25757	10340	15417	78857	0,2
Казикумухский	32839	12082	20757	52060	0,4
К.-Табасаранский	311967	38691	273276	76317	3,6
Кюринский	190526	30475	160051	78744	2,0
Самурский	39138	14147	24991	66830	0,4
Итого:	759226	150829	608397	571806	1,1

Эти данные говорят о том, что большая часть местного населения в поисках куска хлеба должна была уходить на отхожий промысел.

Резервом формирования пролетариата в Дагестане были бедняки, находившиеся на попечении вакуфа. Вот что сообщала об этом бакинская газета:

«Деятельность в Дагестанской области общественных и частных благотворительных учреждений занимает в последнее время следующее положение: вдовы, сироты и старики, лишенные возможности работать и нуждающиеся в постоянной помощи, получают ее из сборов, установленных кораном

и называемых «закятюм». В 1902 году в Дагестанской области насчитывалось 23516 бедных, содержавшихся на средства закята, различного рода увечных — 1524»⁸⁶.

Горец, вынужденный идти в город, встречался с передовыми формами производства. Однако вместо «свободного» труда он попадал в тиски чудовищной эксплуатации, в нищенские условия. Не удивительно, что, придя в город, основные массы горского крестьянства, под воздействием передового русского пролетариата, искали выхода из своего положения путем непосредственного выступления против царизма.

Первая русская революция 1905—1907 гг. всколыхнула широкие массы горцев Дагестана и призвала их к активной политической борьбе против русского царизма и местных эксплуататоров.

Величайшей важности историческая особенность этого этапа борьбы горцев Дагестана за свое освобождение от национального и колониального гнета, от чудовищной кабалы местных вампиров заключалась в том, что они — трудовые горские крестьяне — нашли теперь своего гегемона, под руководством которого только и можно было бы добиться не только национального, но и социального освобождения. Этим гегемоном был русский пролетариат.

В Дагестане усиливается крестьянское движение. Крестьяне захватывают помещичьи земли, нападают на бекские усадьбы, жгут кутаны беков. Характерным документом, объясняющим такие выступления крестьян, является записка графа Воронцова-Дашкова. В ней говорится:

«Что крестьянские волнения связаны с экономическим и правовым положением крестьян, доказывается ясно тем, что наибольшее развитие они получили там, где наделы у крестьян наименьшие, а повинности наибольшие.

...Действительно, перенесение крестьянской вражды против помещиков на административные власти и недовольство государственным строем, даже без содействия революционной пропаганды, могло само собой возникнуть в представлении населения, видевшего только полное отсутствие заботливости о его нуждах со стороны правительства, не издавшего за последние 35 лет ни одного законоположения, которое изменило бы к лучшему крестьянский быт»⁸⁷.

Прежде всего происходят активные выступления крестьян против местных угнетателей и царских палачей в Кайтаго-Табасаранском округе. Здесь в 13 селениях раяты выступают против беков, отнимают у них пахотные и покосные участки,

⁸⁶ «Бакинские известия», № 143, 25 июня (18 июля) 1904 г.

⁸⁷ «Всеподданнейшая записка по управлению Кавказским краем генерал-адъютанта графа Воронцова-Дашкова». Государственная типография. СПб, 1907, стр. 41.

вырубают леса, насильно занимают кутаны, отнимают у бек-ков-скот.

В 1904 году на имя Министерства внутренних дел поверенные селений Марага и Мугатыра послали телеграмму: «Начальник Кай-Таб. округа забрал у доверителей общества Марага и других селений движимость для удовлетворения бека повинностями... просим (приостановить) взыскание впредь разбора жалоб наших»⁸⁸. Поверенные общества Мугатыр пишут министру внутренних дел прошение (30. VIII-1904 г.): «В... России все крестьяне освобождены от помещичьей власти более 40 лет... с (нас) же требуют отбывания бекских повинностей и государственных и земских налогов. Так как отбывание повинности беку и уплата в то же время поземельного налога казне... сделалось тягостным и даже невозможным, то ко времени взимания налога в казну, доверители не имея возможности отбывать бекские повинности...»⁸⁹.

3 февраля 1905 года поверенные селений Джугдил, Курках, Вацатил и Арак Кайтаго-Табасаранского округа писали главноначальствующему:

«...вот уже три года как мы бекам оброк не платим и натуральной повинности не отбываем, но ныне начальник Кайтаго-Табасаранского округа приказал означенным сел. обществам платить бекам за три года оброка по 12 саб зерна с дыма, а также отбывать им по-прежнему натуральные повинности и платить ежегодно имеющим баранты за право зимней пастбы на обычных землях по 2 барана с сотни»⁹⁰ и просят об освобождении от бекских повинностей.

В марте 1905 года раятским движением были охвачены Кайтаг, Табасаран, Дербент и Самурский округ. 4 мая 1905 года кайтагские беки подают правительству просьбу о выкупе крепостных с землей у помещиков за счет правительства.

9 октября 1906 года военный губернатор пишет в сословно-поземельную комиссию: «Хотя эти отношения являлись совершенно ненормальны, но тем не менее удовлетворить не можем впредь до законного решения вопроса и потому отказать в просьбе»⁹¹.

В Аварии в это время появляются листовки к крестьянам, изданные революционными организациями.

Естественно, в результате процесса закабаления крестьянства крайне обостряются отношения между крестьянами и помещиками. Это приводит к ряду острых конфликтов, которые переходят в вооруженную схватку.

⁸⁸ ЦГА ДАССР, ф. 2, оп. 3, д. 142—н, л. 7.

⁸⁹ Там же, л. 11.

⁹⁰ ЦГА ДАССР, ф. 1, оп. 3, д. 142—н, л. 23.

⁹¹ Там же, л. 22.

Так, в селении Кадар Темир-Хан-Шуринского округа во время передела общественной земли местным помещиком Уцуми-Хаджи были захвачены лучшие общественные земли. На этой почве между сторонниками и родственниками бека и малоимущими крестьянами произошло столкновение, перешедшее в вооруженную схватку, во время которой несколько человек было ранено, а сам помещик Уцуми-Хаджи едва не был сброшен со скалы.

Особенно крупные антибекские выступления наблюдаются в тех аулах, где наиболее проявлялся бекский произвол, где беками были захвачены пахотные земли, кутаны, сенокосы, и населению не оставалось иного выхода, кроме как силой захватить у беков земли и леса.

Иногда в таких крестьянских движениях принимали участие и сочувственно к ним относились старшины, кадии. Так, например, один из имеющих в нашем распоряжении документов свидетельствует, что местная администрация принимала репрессивные меры к тем кадиям и старшинам, которые в какой-либо мере сочувственно относились к захвату бекских земель или порубке лесов.

Вот что говорится в этом документе: «Усматривая из дознания начальника Темир-Хан-Шуринского округа, что Дургелинское общество самовольно произвело порубку леса на Фактар Кутане на пространстве около 2000 дес., ...несмотря на неоднократные разъяснения и воспрещения самовольной порубки, затем, что жители этого общества вообще отличаются особенною распущенностью и неисполнением распоряжений начальства, а равно, что старшина и другие сельские должностные лица... не донесли о том начальству, определяю:

- 1) Старшину кадия... уволить с занимаемой должности;
- 2) Поверенных Дургелинского общества... как подстрекателей произведенной порубки, сместить с должности поверенных и подвергнуть тюремному заключению (2 на 2 месяца, одного на 3 месяца);
- 3) Возбудить ходатайство о назначении Дур. обществу правит. старшины, кадия и 2-х рассыльных с назначением им жалованья средств общества старшине 300 руб. в год, кадию 200 руб. и 2 рассыльным по 120 руб. каждому»⁹².

В следующем году из-за кутана произошло вооруженное столкновение крестьян с крупнейшим помещиком Дагестана Асельдером Казаналиповым. Во время схватки были убитые и раненые. В том же году произошло вооруженное столкновение между беками, с одной стороны, и крестьянами, с другой, в селениях Муселим-Аул и Казаници из-за пахотного участка

⁹² ЦГА ДАССР, ф. 2, оп. 2, л. 67.

Каранай. Во время этого столкновения был избит начальник участка.

В 1905 году было крупное столкновение общества селения Кафыр-Кумух с помещиком Джамалудином Тарковским, захватившим пастбища, и помещиком Батиар-Хаджи из-за кутана Бахтияр.

Центральная кавказская администрация была сильно озабочена обострением земельных споров в Дагестане. Постоянная, систематическая защита военно-народным управлением интересов бекского сословия против крестьян придает всему аграрному движению определенный политический характер, который обостряется многочисленными отходниками, постоянно приносившими с собой из-за пределов Дагестана бунтарский дух.

Раньше правительство и беки, готовясь к решительному наступлению на свободное крестьянство, организовали специальную сословно-поземельную комиссию — этот главный штаб, управлявший атаками и налетами беков на крестьян. Теперь крестьянство, организуя наступление на беков и правительство, ищет более широкое, чем община, классовое объединение, классовую организацию. Такую организацию оно находит в городских рабочих. На глазах дагестанского крестьянства росла и становилась упорной борьба русских трудящихся масс Дагестана против царизма. Крестьянство пристально всматривалось в происходящее на его глазах, прислушивалось к тому, что происходило в самой России, и инстинктивно нашло в русских рабочих и крестьянах того союзника, которого оно так усиленно искало.

Уже в начале 1905 года почти повсеместно крестьяне задерживают исполнение повинностей помещикам и уплату казенных налогов. Не нося всеобщего демонстративного характера, движение это лишь нащупывает почву, уступая там, где нажим делается упорнее. В середине января социал-демократические организации выпускают прокламацию на арабском и кумыкском языках, в которой, подводя итоги происходящим в России событиям, говорят о неизбежности революционного взрыва и ставят на очередь вопрос об использовании этого момента для захвата помещичьей земли.

Помещики быстро увидели перелом, наступивший в крестьянском движении, и забили тревогу. Не менее волновали их и тревожные вести из России. Высочайший рескрипт на имя министра внутренних дел Булыгина от 18 февраля 1905 года послужил официальным поводом администрации и помещикам собраться для выяснения создавшегося положения и выработки общих мероприятий для борьбы с выходящими из повиновения раятами и крестьянами.

В середине марта 1905 года военным губернатором это совещание было созвано в Темир-Хан-Шуре. Крестьяне,

конечно, не были приглашены. Тогда социал-демократическая организация в тот же день созвала свое совещание. Совещание открылось в Темир-Хан-Шуре, в Джума-мечети, при большом стечении крестьян и горожан. Присутствовали все представители сельских обществ Темир-Хан-Шурина округа. На повестке дня были те же вопросы, что и на совещании беков: революция в России, земельный вопрос и раятский вопрос.

Совещание приняло решение, требовавшее захвата помещичьих земель, прекращения исполнения раятских повинностей, отстранения беков от должностей, выборность старшин и других властей, вооружения народа, свободы вероисповедания и прочее. Затем был заслушан доклад только что прибывшего из Петербурга Махача Дахадаева, который, рассказав о развивающейся в России революции и ее лозунгах, предложил крестьянам прекратить уплату налогов и прием бумажных денег, игнорировать приказы начальства, вооружаться.

Во время речи Махача Дахадаева в мечеть ворвались помещики со своими нукерами. Они получили сведения о происходящем собрании и явились, чтобы его разогнать. Произошло бурное столкновение, во время которого беки осыпали бранью Дахадаева и пытались пустить в ход оружие. Но присутствовавшие вооруженные крестьяне потребовали от беков, чтобы они немедленно удалились, угрожая со своей стороны тоже пустить в ход оружие. Беки вынуждены были удалиться.

После этого столкновения от имени совещания была выпущена прокламация ко всему крестьянству с призывом к вооружению и подготовке к вооруженной борьбе. В начале апреля такое же совещание было проведено с раятами Кайтаго-Табасаранского округа.

В апреле революционное напряжение достигло высокой степени. В районе Дербента начинаются аграрные беспорядки, которые быстро распространяются по всему Кайтаго-Табасаранскому округу. Раяты отказываются пахать помещику его землю, местами захватывают его участки и запахивают их для себя, местами жгут помещичьи усадьбы.

Зависимое крестьянство повсеместно отказывается от уплаты бекских повинностей, и между ним и царскими войсками на этой почве происходят постоянные столкновения. Колониальная администрация вынуждена была в участках и округах держать крупные военные силы, готовые в любое время прийти на помощь бекам для принудительного сбора им повинностей. Под воздействием революционной борьбы в Дагестане не только зависимые крестьяне прекращают выплату бекских повинностей, но и свободные крестьяне не вносят арендной платы.

В Южном Дагестане, особенно в Кайтаго-Табасаране, «тягость всех раятских повинностей, помимо государственных налогов, заключалась в том, что размер и виды их зависели всецело от произвола беков»⁹³. Раятское население К.-Табасаранского округа с 1898 года, будучи доведено поборами беков до крайнего экономического упадка, прекратило всякую плату повинностей и налогов в пользу беков.

«Ныне снова возобновились домогательства беков на раятские повинности и как следствие их вождедений, в мае 1909 года в деревнях Кайтаго-Табасаранского округа имели место следующие факты:

1. В деревню Падар прибыл отряд стражников во главе с начальником Нижне-Кайтагского участка и отобрал насильственно с каждого дома домашнюю утварь, необходимую в крестьянском обиходе.

2. В деревне Деличобан тем же отрядом в 50 чел. стражников было потребовано у жителей с каждого двора по 20 р. в пользу бека и, за неимением у населения требуемых денег, отобрана вся крестьянская домашняя утварь.

3. В деревне Татлар отряд вооруженных стражников, ворвавшись в дом, забрал у населения домашнюю утварь в обеспечение уплаты повинностей в пользу бека.

Подобные же обстоятельства имели место в деревнях Рукель, Зиль, Марага, а в двух последних во время протеста со стороны населения, были даже случаи избияния стражниками жителей только потому, что последние требовали предъявления им соответствующего приказа об отобрании у жителей их крестьянского скарба. Почти во всех этих деревнях вышеприведенные факты сопровождались тюремным заключением многих крестьян.

4. У общества сел. Гилийди кроме того по административному распоряжению был принудительно отчужден общественный лес в пользу бека»⁹⁴.

Царское правительство считало, что «зависимые отношения эти создались еще задолго до русского владычества в Дагестане, перешли вместе с присоединением к России, выражались в отбывании раятами в пользу беков установившихся, с давних времен, натуральной и денежной повинностей. Приистекая из земельной зависимости раят к бекам, повинности эти признавались и русской властью обязательными для раят, впредь до окончательного земельного устройства их, и регулировались высшею на Кавказе властью через сословно-поземельную комиссию.

С 1901 года многие из раятских селений самовольно прекратили исполнение бекских повинностей. В виду возникших

⁹³ ЦГА ДАССР, ф. 2, оп. 3, д. 187—а.

⁹⁴ ЦГА ДАССР, ф. 2, оп. 3, д. 187—а, л. 48.

по этому поводу жалоб со стороны беков последовало предписание бывшего Главногоначальствующего гражданской частью на Кавказе от 31 июля 1903 года за № 2391, коим предлагалось Дагестанскому областному начальству:

1. Обязать раят уплачивать подати и отбывать повинности бекам исправно.

2. При неисполнении раятами сего, бесспорные подати и повинности, т. е. такие, обязанность уплачивать кои не возбуждает никаких недоразумений между сторонами, — взыскивать административным порядком.

3. В случаях спорных, дела о взыскании повинностей передать на рассмотрение окружных судов, коими дела эти должны рассматриваться вне очереди по утверждению решений по таким делам, — таковые решения должны быть проводимы в исполнение немедленно понудительным административным порядком»⁹⁵.

После этого распоряжения раяты, под воздействием царской вооруженной силы, отбывали бекские повинности. А затем, «подстрекаемые злонамеренными людьми, старавшимися поселить смут в среде темного населения, — вновь отказались от уплаты таковых, вследствие чего, по приказанию Его сиятельства наместника его имп. величества на Кавказе, неоднократно предлагалось областной администрацией принять все законные меры к взысканию повинностей. Им подтверждено (отзыв канц. наместника от 30/31 декабря 1908 года № 11265), что впредь до прекращения зависимых отношений в законодательном порядке, ходатайство не может быть удовлетворено и повинности должны быть отбываемы»⁹⁶.

Имея такие указания, администрация Кайтаго-Табасаранского округа, ввиду уклонения раят от добровольной уплаты бекских повинностей, приступила к взысканию их принудительным порядком, что естественно вызвало бурю негодования населения, а в некоторых случаях и вооруженное сопротивление его местной администрации.

О столкновениях населения с царской администрацией говорят, например, такие факты:

«7 июня 1908 г. вр. исп. об. нач-ка Нижне-Кайтагского участка, Хама Гаджиев, прибыл в сел. Падар и, собрав несколько человек из почтенных и влиятельных лиц, предложил им оказать свое влияние на общество к добровольному выполнению последним бекских повинностей. Названные лица с начала категорически заявили, что как они сами, так и все общество отбывать бекских повинностей не будут, но после увещания нач-ка участка, согласились сами выполнить требования администрации и склонить к тому и общество.

⁹⁵ Там же, л. 7—8.

⁹⁶ Там же.

Во время этих переговоров во двор, где находился нач-к участка, ворвалась толпа вооруженных жителей названного селения, числом около 50 человек, и угрожая смертью всякому, кто исполнит требование администрации и приступит к исполнению бекских повинностей, — прервала переговоры нач. участка с почетными жителями и увела с собой последних; причем двое из руководителей толпы, Наби-Джан оглы и Амир-бек Султан оглы, подошли к начальнику участка и, ругаясь площадной бранью, громко заявили, что нет той силы, которая заставила бы их отбывать бекские повинности.

По уходе толпы, нач-к участка, в сопровождении одного всадника, Берекеевского старшины и Карадаглинского сельского судьи, вышел на улицу и здесь вновь встретил того же Амирбека Султан оглы, вооруженного пистолетом и кинжалом, на ношение которых он права не имел. На приказание нач-ка участка — снять оружие — Амирбек ответил дерзким отказом. Когда же нач-к участка приказал присутствовавшим при нем лицам обезоружить Амирбека, последний оказал сопротивление, призывая криком к себе на помощь толпу вооруженных односельцев, которые сбежавшись, не дали обезоружить его.

По расследовании нач-ком округа обстоятельств этого дела, главные виновники произведенного беспорядка были подвергнуты, по распоряжению Военного губернатора, административному наказанию»⁹⁷.

В другом месте этого документа мы находим следующее: «В 1909 г. ввиду категорического отказа жителей от добровольной уплаты повинности, бывшим нач. участка Сафаралиевым, действительно были отобраны у жителей подушки, медная посуда и некоторые другие вещи...»⁹⁸.

...«Весною 1909 года в сел. Деличобан и Татляр прибыл нач-к участка, капитан Сафаралиев, с всадниками и должностными лицами окрестных селений, в числе около 30 человек, для сбора повинностей бекам, но так как жители от добровольной уплаты их отказались, то это вынудило капитана Сафаралиева отобрать у них подушки, медную посуду и некоторые другие вещи»⁹⁹.

Наглость беков доходила до того, что одну и ту же подать они требовали отбывать два раза в год. Об этом свидетельствует следующий документ:

«Общество сел. Деличобан в прошлом году заявляло Воен. Губ-ру жалобу на то, что с него взыскивают бекские повинности два раза за один год»¹⁰⁰.

⁹⁷ Там же.

⁹⁸ Там же.

⁹⁹ Там же.

¹⁰⁰ Там же.

«7 мая 1909 года в сел. Рукель прибыл нач-к Северо-Таб. участка Джавров и, собрав сельский сход и должностных лиц, предложил им приступить к сбору повинностей в пользу Рукельского бека, Магомед бека Алескер бек оглы. Сельское общество категорически заявило, что оно добровольно платить повинностей не будет. После долгих увещаний, оказавшихся безуспешными, нач-к участка вынужден был приступить к принудительному взысканию; но только что он, с сельскими должностными лицами, четырьмя всадниками милиции и в сопровождении бека Магомедбека, вышел во двор раята Хан-Магомеда Нур Магомед оглы, — как на них бросилось все сельское общество с дубинами и силою вытеснило со двора; причем двое из жителей сел. Рукель, Чопан и Баба, сыновья Таривердия, с обнаженными кинжалами напали на бека Магомед бека Алескер оглы, который спасся лишь тем, что успел скрыться в своем доме.

Окруженный со всех сторон возбужденною толпою, — нач-к участка со всадниками и должностными лицами едва мог выбраться из толпы и, считая бесполезными дальнейшие переговоры с обществом, уехал, не взыскав повинностей.

Ввиду дальнейшего отказа общества сел. Рукель от исполнения бекских повинностей — 5-го августа 1909 года в названное селение приехал начальник участка, капитан Парзуллаев, и, собрав человек 10 влиятельных лиц, предложил им уговорить общество добровольно приступить к исполнению повинностей, но получил категорический ответ, что общество не только не исполнит этого добровольно, но не допустит и принудительного взыскания повинностей, пока будет жив хоть один человек в селении.

По донесении об этом начальника участка в сел. Рукель 6-го августа выехал нач-к округа подполковник Карнаилов, встреченный обществом возле селения и получив категорический отказ жителей добровольно уплатить повинности, подполковник Карнаилов приказал жителям разойтись, объявив им предварительно, что бекские повинности они во всяком случае обязаны уплатить, а сам въехал в селение и, собрав вновь общество, вторично предложил ему добровольно внести повинности; общество подтвердило свой отказ»¹⁰¹.

«27 июля 1909 г. нач-к участка, капитан Парзуллаев, в сопровождении всадников милиции в числе 10 человек старшин селений: Ерси, Дюбек, Ханаг, Аркет и Ерсинского сельского кадия — прибыл в сел. Зиль для взыскания с жителей бекских повинностей, от добровольной уплаты которых они упорно отказывались. К приезду нач-ка участка в названном ауле не оказалось мужского населения, а все дома найдены запертыми и забаррикадированными арбами, земледельческими

¹⁰¹ Там же.

орудиями и прочими предметами. От оставшихся в селении помощника старшины и муллы начальник участка узнал, что жители, узнав о предстоящем приезде его и не желая подчиниться требованиям властей об уплате бекских повинностей, — ушли из селения неизвестно куда.

Видя в этом явное уклонение жителей от уплаты повинностей, нач-к участка решил приступить к описи имущества жителей для обращения его на уплату повинностей, но лишь только он в сопровождении находившихся при нем лиц подошел к дому жителя сел. Зиль Рамадана Тагир-оглы, двор которого был заложен 4-мя арбами, как из соседних садов выбежала с криком и плачем толпа женщин и детей, числом около 200, и бросилась на него, всадников и старшин с кольями и палками в руках. Когда всадники и старшины попробовали отстранить толпу назад, женщины стали наносить им удары палками, а дети бросать камнями, так что все всадники и некоторые из старшин получили ушибы. Так как никакие увещания на толпу не действовали, то нач-к участка приказал арестовать 4-х наиболее отличившихся азартом предводительниц толпы и донес об этом нач-ку округа, который 28 июля сам прибыл в сел. Зиль, и, собрав оставшихся в селении женщин, посоветовал им предложить своим мужьям вернуться в селение»¹⁰².

«31 июля 1909 г. тот же нач-к участка, капитан Парзуллаев, с всадниками милиции в числе 20 человек, прибыл в сел. Марага, жители которого отказывались от добровольной уплаты бекских повинностей.

Узнав о приезде нач-ка участка, все общество собралось к дому, где он остановился и заявило, что оно добровольно не уплатит повинностей и будет сопротивляться принудительному взысканию их, пока каждый из них не ляжет мертвым на месте. Все увещания нач-ка участка и объяснения об-ву всей опасности и последствий упорного сопротивления распоряжению властей, не имели успеха; поэтому, объявив обществу, что он вынужден приступить к принудительному взысканию повинностей, — начальник участка направился со всадниками к дому одного из жителей. Тотчас же толпа, числом около 600 человек, состоящая из мужчин, женщин и детей, вооруженная дубинами, опередила его и загородила собою вход в дом, заняв двери и окна дома. Оставив всадников в числе 17 человек в стороне, готовыми употребить, в случае надобности, оружие, нач-к участка, с 3-мя всадниками, въехал во двор, чтобы разогнать толпу, но это оказалось невозможным, так как вся масса окружила его с всадниками плотною стеною. На предложение очистить двор и угрозы употребить

¹⁰² Там же.

в дело оружие, толпа в один голос кричала: «Стреляйте, мы все умрем, но не позволим производить взыскания», причем стала вытеснять его со всадниками со двора. Видя, что дальнейшие объяснения с возбужденною толпою будут бесполезны, он — капитан Парзуллаев, подъехал к стоявшим в стороне всадникам и, чтобы понудить толпу разойтись, скомандовал взять ружья на изготовку»¹⁰³.

Администрация Кайтаго-Табасаранского округа не могла своими силами справиться со все разраставшимся движением. На помощь выступает из Дербента Гунибский резервный батальон. Он рассыпается мелкими отрядами по селениям и производит экзекуцию. Под давлением военной силы движение ослабевает, но не прекращается.

Такой же процесс идет и в Темир-Хан-Шуриинском округе. Явный испуг помещиков ободрял раяг.

Социал-демократические организации, опираясь на настроение масс, нащупывают переход ко всеобщему решительному наступлению. Поводом к нему явилось известное кокрекское дело.

В середине мая был получен ответ на жалобу Атлыбуюнского сельского общества по поводу захвата принадлежавшей ему части Кокрека помещиком князем Тарковским. Высшая инстанция в Тифлисе решила дело в пользу помещика. Уполномоченный сельского общества Чирю-Мурза внес этот вопрос на рассмотрение социал-демократического комитета, который постановил предложить сельчанам запахать участок, игнорируя решение властей, а в случае препятствий со стороны помещика или окружных властей оказывать вооруженное сопротивление.

Атлыбуюнцы отправились на участок всем селением, прогнали сторожей Тарковского и приступили к вспашке. Князь Тарковский, узнав об этом, явился со своими нукерами, но крестьяне его прогнали. Такая же участь постигла начальника участка, а затем и начальника округа с их милиционерами. Отбиваясь от них, крестьяне продолжали пахать и сеять. Тогда администрация вызвала на помощь сотню Дагестанского конного полка. Крестьяне надеялись, что всадники-дагестанцы, знающие в чем дело, не тронут их. Но состав конного полка был таков, что за деньги большинство всадников пошло бы на какое угодно преступление. Сотня по команде бросилась в атаку. Крестьяне легли на землю, призывая проклятия на головы продавшихся царизму и помещикам всадников. Лошади остановились перед лежавшими на земле людьми. Атака дала осечку, правда, не по вине людей. Офицеры обратились к всадникам с угрозами и обещаниями

---

¹⁰³ Там же.

о поощрении. Новая команда, новый взмах нагайками и лошади бросились на людей.

Крестьяне не выдержали и побежали. Оказать вооруженное сопротивление бедный раят не решался. Князь Тарковский вступил во владение участком.

После такого столкновения социал-демократическая организация Петровска выпустила по этому поводу ряд прокламаций, призывая к разгрому и поджогу помещичьих имений. Во всех окружных селениях крестьяне были крайне возбуждены. Так, например, 9 ноября 1906 года прапорщик Мамерзабек Табасаранский телеграфировал военному губернатору Дагестанской области: «9 сего ноября раяты селения Марата вооружившись выгнали арендаторов моих кутанов приступили на них к пристройке жилищ оборудован. таковые моим лесом положение безвыходное. Прошу... скорейшего распоряжения для ограждения жизни имущества от надвигающихся опасностей кровопролития»¹⁰⁴.

Военный губернатор Тихонов 15 ноября 1906 г. сообщает в Тифлис директору канцелярии наместнику: «...раяты Мамерзабека Табасаранского удалены, ятаги разобраны, арендаторы водворены на местах»¹⁰⁵.

Далее тот же Мамерзабек Табасаранский в прошении на имя наместника на Кавказе 30 ноября 1906 года пишет:

«Аграрные беспорядки, в основании коих лежит насильственный захват, сопряжены с присвоением чужой, помещичьей земли крестьянами, у нас среди раят начались раньше, чем в других местностях Российской империи, наши раяты, распущенные до невозможности, стали незаконно захватывать принадлежащие беку земли...

К числу осуществляющих последнее положение, главарем захватчиков и зачинщиков захватов всегда и всюду является один и тот же раят, Абдурагим Гасан-Али-оглы...

...Названный выше раят мой, Абдурагим Гасан-Али-оглы захватил и распахал мои земли...»¹⁰⁶.

Из рапорта военного губернатора от 13 марта 1913 года видно, что: «С 1905—1906 гг. раяты Кайтаго-Табасаранского округа... самовольно перестали отбывать своим бекам повинности за пользование ими землями последних...

...Раятскому населению Кайтаго-Табасаранского округа было разъяснено распоряжение высшей в крае власти (наместника), после чего было приступлено к взысканиям повинностей, которые, однако, сопровождалось в некоторых селениях вооруженным сопротивлением командированным властям»¹⁰⁷.

¹⁰⁴ ЦГА ДАССР, ф. 2, оп. 4, д. 68, л. 1.

¹⁰⁵ Там же, л. 6.

¹⁰⁶ ЦГА ДАССР, оп. 3, д. 142 «м», л. 348.

¹⁰⁷ ЦГА ДАССР, ф. 2, оп. 5, д. 56, л. 1.

Загорелось сено Тарковского на Герменчике. Загорелись его кутаны. Началась порубка лесов. Одновременно сельские общества Тарков, Кумторкалы и пострадавший Атлыбуюн в один день, 21 мая, подали администрации прошения-протесты с перечислением всех насилий, чинимых над ними князем Тарковским в продолжении многих лет при полном содействии властей. Такие же заявления были отправлены в Тифлис. Даже часть помещиков, испуганная горящими кутанами и всеобщим возбуждением населения, запротестовала против алчности и наглости Тарковского.

Под этим общим давлением правительство принуждено было уступить. По распоряжению из Тифлиса атлыбуюнцам было выделено из спорного участка 380 десятин.

В середине июля 1906 года под влиянием борьбы рабочих Терека и Дагестана выступили с оружием в руках жители селения Аксай Хасавюртовского округа (тогда — Терской области). Власти срочно перебросили в район Аксаю воинские части. Между восставшими крестьянами и правительственными войсками завязался ожесточенный бой. Войска понесли потери убитыми и ранеными.

Аксаевцы сделали попытку прорваться к железной дороге. И лишь благодаря значительному превосходству в силах, властям удалось подавить выступление.

Царская администрация опасалась присоединения к аксаевцам жителей других дагестанских селений. В Северный Дагестан стягивались «надежные» части. В Тифлис летела одна паническая телеграмма за другой. «Ввиду вооруженных беспорядков в Хасав-Юртовском округе, необходимости воспрепятствовать присоединению к бунтовщикам соседних горцев Дагестана и недостатке войск в Дагестане, — писал губернатор, — прошу о возвращении в Темир-Хан-Шуру двенадцатой особой кубанской сотни, отправленной в Тифлис 9 сего июля...»¹⁰⁸.

Зависимые уздени Темир-Хан-Шуринского округа все чаще стали отказываться от исполнения бекских повинностей. Так, жители селения Шамхал-Янги-Юрт летом 1906 года категорически отказались платить ясак и отбивать бекам барщину (платить бекам по 20 копеек за каждого барана при пастьбе на общественных землях, косить и пахать для беков и т. д.). Ввиду напряженного положения в области власти не решились применить силу.

Начальник Темир-Хан-Шуринского округа полковник Сущинский писал по этому поводу военному губернатору Дагестана: «Жители сел. Шамхал-Янги-юрт категорически отказываются не только платить бекам ясачную повинность,

¹⁰⁸ ЦГИА МВД Груз. ССР, ф. 2, д. 4382, л. 1—2.

но вообще отбивать установившиеся временем бекские повинности, впредь до рассмотрения этого дела высшим начальством, согласно возбужденного ими об этом ходатайства.

Находя со своей стороны, что ввиду обострившихся отношений между населением и беками, — понуждение жителей силою к исполнению таких бекских повинностей, как выход на работы в пользу беков, явилось бы бесцельным и может привести к серьезным столкновениям их с беками, — я полагаю бы вопрос об этом отложить до разрешения его высшим начальством, предоставить затем бекам судебным порядком искать возмещения понесенных ими от этого убытков.

Что же касается уплаты шамхал-янги-юртовцами бекам ясачных денег, то так как повинность эта, подтвержденная решением Т.-Х.-Шуринского суда от 14 декабря 1896 года, не может возбуждать никаких сомнений или недоразумений, — мною еще ранее предписано начальнику чир-юртовского участка принять меры ко взысканию этой повинности порядком, указанным в предписании главнокомандующего гражданской частью на Кавказе от 31 июля 1903 года»¹⁰⁹.

Однако крестьяне многих аулов Дагестана не примкнули к этим выступлениям. В недрах крестьянского движения в эту эпоху развивается крайне сложный процесс.

Убедившись в невозможности открытого выступления и непосредственной вооруженной схватки с беками и царскими властями, крестьянство, однако, не слагает оружия, и борьба за землю остается главным как экономическим, так и политическим вопросом в крае. Классовая борьба обостряется все больше и больше, она проникает во все поры горской жизни, и поверхностный патриархальный покров, несмотря ни на джамааты, ни на родственно-тухумные отношения, не в силах был задержать эту борьбу.

Однако в силу объективных причин, прежде всего неорганизованности рабочего класса и слабости социал-демократических организаций, выступления крестьян не получили широкого развития, и начатая в отдельных округах и аулах борьба не охватила всех аулов Дагестана. Отдельные выступления рабочих, солдат и крестьян не были поддержаны повсеместно.

Как повсюду в России, так и в Дагестане революционная борьба народных масс потерпела поражение. Поражение потерпела она главным образом потому, что здесь не было централизованной большевистской организации, которая могла бы повести рабочих и крестьян на борьбу против царизма. Те социал-демократические организации, которые существовали в Дербенте, Петровске и Темир-Хан-Шуре не

¹⁰⁹ ЦГА ДАССР, ф. 2с, д. 983, л. 5.

были едины, и в политическом отношении они представляли собой разношерстные группы. При этом чувствовалось влияние эсеровщины и меньшевизма, мешавшее революционной работе большевиков. К тому же социал-демократические организации трех городов, сосредоточив все свое внимание на деятельности среди рабочих и солдат, не проводили среди горцев сколько-нибудь серьезной работы. Они не сумели создать прочного союза городских рабочих Дагестана с крестьянством в силу того, что мало и плохо знали горцев. Многие не верили в революционные способности дагестанцев, да и сами социал-демократические организации не были приспособлены к ведению политической работы в аулах, так как не знали специфических особенностей горской действительности.

Ошибка социал-демократов заключалась и в том, что они пренебрегали дагестанцами-отходниками, рабочими, которые работали в Баку и Грозном, пренебрегали и передовой частью интеллигенции, которая вырастала в это время в Дагестане.

Непоправимой их ошибкой было и то, что, воспользовавшись солдатской массой трех гарнизонов, расположенных в городах, они забыли солдат, находившихся в 12 крепостях нагорного Дагестана, которые, при умелой и последовательной работе, могли быть могучей силой, противостоящей царской администрации. Не исключена возможность, что эти солдаты могли бы повести за собой и горцев.

Все это в конечном счете является результатом того, что социал-демократов и тем более большевиков в Дагестане было очень мало.

Говоря о формах и методах классовой борьбы в аулах, нам думается, будет более правильным, если к ее определению подойти дифференцированно, исходя из условий, в которых развертывалась эта борьба.

Чрезвычайно важными документами являются многочисленные жалобы крестьян-дагестанцев. В большинстве случаев эти жалобы доставлялись в высшие инстанции ходоками, представителями трудящихся масс. Так, например, согласно архивным данным с 1896 по 1915 год только по земельным вопросам было подано 89 тыс. жалоб и отправлено в Тифлис более 72 делегаций из разных районов Дагестана.

Эта тяжба бедного узденя с беками, богатеями аулов, разумеется, одна из форм классовой борьбы угнетенного народа.

Борьба крестьян по-разному происходила в условиях дагестанской действительности. Так, например, нельзя сопоставить размах движения крестьян Кайтаго-Табасарана с размахом движения крестьянства Гунибского округа. Известное выступление крестьян сел. Наказутль против засилия

согратлинцев было характерным и для других селений. Вслед за крестьянами сел. Наказутль, против чохских барановодов и крупных собственников земли выступают гамсутлинцы, против согратлинцев — утнибцы и шуланинцы. Подобно этим аулам за свои социальные права выступают Нита, Накитль, Датуна, Цельмес, Тляйлух — за освобождение от зависимого положения от привилегированной ханской кучки Хунзаха. Эчединцы Андийского округа отказались отбывать повинности в пользу тиндинской привилегированной бекской группы. Таких фактов очень много.

Наместник на Кавказе писал: «Отмеченные общим подъемом благосостояния кавказского населения и выдающимися трудами многих уроженцев Кавказа на пользу и честь России, омрачились, в последнее время, взаимными столкновениями отдельных народностей, случаями неповиновения властям и беспорядками, нарушавшими спокойное течение жизни, — всемилоостивейший рескрипт, придавая всем сим беспорядкам значение временных явлений, признает необходимым безотлагательно водворить на Кавказе спокойствие...»¹¹⁰. Это спокойствие действительно было водворено силой оружия крепостных гарнизонов.

После революции 1905—1907 гг., в результате столыпинского земельного закона, на плоскость Дагестана было поселено 3000 казацких хозяйств и, согласно закону от 15 мая 1899 года, было выделено в колонизационный фонд 7000 десятин самой лучшей пахотной земли. Причем горцам, которые изъявляли желание переселиться на плоскость, царское правительство запрещало это.

Своеобразие аграрного движения в Дагестане состоит в том, что здесь оно разворачивается и принимает организованную форму в 1907—1908 гг., когда в других местах России оно пошло на убыль. Объяснением этому может служить только земельная собственность, сосредоточенная в руках дворянских сословий.

В 1911 году на душу бекского сословия приходилось 65 десятин пахотной земли, в то время как в среднем на душу крестьянского хозяйства этой земли приходилось 0,4 десятины. В Темир-Хан-Шуринском округе из всей удобной пахотнospособной земли частновладельческая составляла 47 процентов, в Кайтаго-Табасаранском — 54 проц., Кюринском — 57 проц., даже в Казикумухском округе доля частновладельческой земли составляла 18 процентов. Таким образом, частновладельческое землевладение в ряде округов Дагестана продолжало занимать чрезвычайно большое место.

Это говорит о том, что помещики, беки, захватившие лучшие пахотные, орошаемые земли, продолжали ими владеть,

в то время как на другом полюсе была огромная армия безземельных и малоземельных крестьян. Если к земле беков, чанков, офицеров и чиновников прибавить государственные и вакуфные земли и учесть, что в руках кулачества и барановодов, торговых фирм и капиталистических предприятий находилось большое количество крестьянских земель, то станет ясным, что большая часть земельной площади Дагестана, причем самой лучшей по качеству, находилась в руках эксплуататоров. Движение крестьян было направлено против такой земельной собственности, за справедливое решение аграрного вопроса.

Выступления крестьян Дагестана вынудили царское правительство утвердить 7 июля 1913 года закон «О прекращении зависимых отношений поселян Дагестанской области и Закатальского округа к бекам и кешкелевладельцам и об учреждении в сих местностях установлений по крестьянским делам».

«Прекращение» зависимых отношений было проведено так, чтобы как можно меньше задеть интересы беков. Беки весьма щедро вознаграждались царизмом. В качестве компенсации за отмененные повинности царское правительство выдало бекам 508 тыс. рублей золотом. Эта сумма в 16 раз превышала размеры всех повинностей, которые в течение одного года должны были отбывать раяты. Она должна была быть возмещена зависимыми крестьянами в течение 20 лет путем ежегодных равных взносов в казну.

Нужно иметь в виду, что закон от 7 июля не коснулся дворянского землевладения — основного пережитка феодального строя. Крестьяне-раяты по-прежнему оставались в кабальной зависимости от помещика и были экономически закрепощены царизмом.

Проводя ярко выраженную классовую политику помещичьего строя, царизм, несмотря на новые буржуазные отношения, развившиеся в Дагестане, культивировал пережитки средневековой феодальной эпохи и как в экономическом, так и политическом отношении всецело опирался на феодальный класс. Однако развернувшееся крестьянское движение достигает определенных политических успехов, выражающихся в отмене зависимых отношений в Дагестане.

На этом крестьянское движение не прекращается. Наступает второй этап общественно-политической борьбы — всеобщая борьба за социальное и национальное освобождение, за окончательное решение аграрного вопроса в Дагестане. Эта борьба в первые годы империалистической войны временно затихает, но с начала Февральской революции движение крестьян за разрешение аграрного вопроса в Дагестане вновь разворачивается.

Говоря о классовой борьбе в аулах Дагестана в конце XIX и начале XX века мы ни на минуту не должны забывать о борьбе рабочих Дагестана против своих угнетателей — представителей буржуазного класса, роль которых в экономической и политической жизни области постепенно поднималась.

Промышленность Дагестана, как это видно из приведенного нами материала, была очень отсталой, причем она была сосредоточена в основном в трех городах. Не очень многочисленным был и пролетариат, тем более та прослойка его, которая еще не прошла школы революционной борьбы.

В деле развертывания классовой борьбы рабочих против буржуазии и царского полицейского аппарата большое значение приобретали те события, которые происходили в центральной России. Дагестан был составной частью русского государства и внутривнутриполитическое состояние его вовлекало этот край в активную политическую борьбу.

Революция 1905—1907 гг. сыграла огромную роль в развитии русского и международного рабочего движения, в развертывании классовой борьбы среди народностей национальных окраин России. Она явилась переломным моментом, знаменовавшим собой новый период в истории борьбы международного пролетариата против буржуазии.

Революция эта началась после 35—40-летнего так называемого «мирного» периода в истории международного рабочего движения и в такой стране, которая в течение многих десятилетий являлась опорой контрреволюции в Европе. Революция в России наиболее ярко знаменовала собой факт всемирно-исторического значения — перемещение в начале XX века центра революционного движения в Россию. Буржуазно-демократическая революция в России происходила в той конкретно-исторической обстановке, когда сложился империализм.

Высокая концентрация промышленности, слияние банковского и промышленного капиталов, образование монополий, захватническая империалистическая политика — таковы основные признаки, определявшие царскую Россию, как страну империализма. Вместе с тем империализм царской России, позже других стран вступившей на путь капиталистического развития, отличался от империализма держав Запада чертами экономической и политической отсталости. Определяя экономику царской России как «капиталистический империализм новейшего типа», В. И. Ленин подчеркивал вместе с тем, что «вообще в России преобладает военный и феодальный империализм»¹¹¹.

¹¹¹ В. И. Ленин. Соч., т. 28, стр. 193.

Отсталость русского империализма прежде всего заключалась в том, что в России соотношение между сельским хозяйством и промышленностью до последних лет существования старой России было в пользу сельского хозяйства. Россия была страной аграрной. В национальном доходе страны в 1913 году доход от промышленности составлял всего лишь 28%, в то время, когда доход от сельского хозяйства превышал 51%. Эти данные говорят сами за себя: соотношение между двумя решающими отраслями хозяйства — промышленностью и сельским хозяйством — было таково, что сельское хозяйство почти в два раза превышало промышленность. Это явно показывает отсталость русского империализма по сравнению с западноевропейским.

Отсталость России выражалась и в том, что в России сохранялись большие пережитки средневековья. В своей работе «Политические заметки» В. И. Ленин еще в 1908 году писал, что в России «самое отсталое землевладение, самая дикая деревня, самый передовой промышленный и финансовый капитализм»¹¹².

Таким образом, в России в период революции 1905--1907 гг., с одной стороны, был империализм, а с другой стороны, в ее сельском хозяйстве царили средневековые феодальные отношения. Эти две крайности и характеризовали экономику России, ее своеобразие.

Царское правительство предпринимало различные меры к расширению базы промышленного развития России путем привлечения иностранного капитала и путем перевода деревни на рельсы капитализма, насаждая в деревне капитализм.

Русский империализм был не классическим империализмом, ибо для классического империализма характерен вывоз капитала в другие страны. Только за 82 года, с 1881 по 1913 год, Россия уплатила иностранным государствам по займам и дивидендам на помещенный в русскую промышленность капитал почти 8 миллиардов рублей, или сумму значительно больше той суммы, которую ссудили по всем видам инвестиции все капиталисты вместе взятые. За 25 лет до мировой войны иностранные промышленные фирмы получили чистого дохода свыше 2,3 миллиарда рублей, в то время как общая сумма вложений иностранного капитала в российскую промышленность исчислялась от 1,5 до 1,8 миллиарда рублей. Другими словами, иностранная буржуазия получила прибыли на 543 млн. руб. больше, чем сумма капиталовложений.

Этим своеобразием русского империализма объясняется и оголтелая черносотенная реакция. В. И. Ленин писал, что «политическая реакция по всей линии — свойство империа-

---

¹¹² В. И. Ленин. Соч., т. 13, изд. 4, стр. 406.

лизма»¹¹³. Политика русского империализма была политикой реакции по всей линии и прежде всего по линии внутренней. Это была политика военно-феодалного империализма, политика, в которой сочетались средневековые приемы эксплуатации и гнета с современными империалистическими способами угнетения трудящихся.

Русские промышленники, магнаты финансового капитала прибегали к бесчеловечным приемам эксплуатации рабочих. Заодно с капиталистами помещики грабили самым варварским образом крестьянство, грабили его методами крепостнического средневековья. В. И. Ленин, характеризуя русскую политическую систему, писал: «Горстка крепостников-помещиков, возглавляемая Николаем II, была у власти, в теснейшем сговоре с магнатами финансового капитала»¹¹⁴. И. В. Сталин, характеризуя дореволюционную царскую Россию, неоднократно писал, что царская Россия была очагом всякого рода гнета — капиталистического, колониального и военного, в наиболее бесчеловечной и варварской форме.

Таким образом, русский империализм характеризовался своеобразными чертами, порожденными особенностями исторического развития России: сохранением пережитков феодализма, зависимостью от империализма более передовых стран Запада, жестоким национальным и колониальным гнетом, особой остротой классовой борьбы, руководимой пролетариатом во главе с большевистской партией.

Объективный процесс общественно-экономического развития страны приводил к тому, что дальнейший рост производительных сил был невозможен без ликвидации коренного противоречия в экономике России после реформы 1861 года. По образному определению Ленина, коренным противоречием, которое вело к ужасным бедствиям, неизвестным крестьянству Западной Европы со времени средних веков, было противоречие между капитализмом, высоко развитым в русской промышленности, и земледелием, которое продолжало оставаться средневековым, крепостническим. Ликвидировать такое противоречие могла только революция.

Ни в одной стране мира крестьянство не переживало после падения крепостного права такого разорения, нищеты и бесправия, как в царской России. Буржуазная реформа, проведенная руками крепостников, отобрала у крестьян в пользу помещиков пятую часть земли в виде так называемых «отрезков» и обязала «освобожденных» крестьян платить вчерашним рабовладельцам — помещикам выкуп за крестьянские земли. Крестьяне были лишены выпасов, лугов и водоемов. Земля была размежевана чересполосно и невы-

¹¹³ В. И. Ленин. Соч., т. 23, изд. 4, стр. 95.

¹¹⁴ В. И. Ленин. Соч., т. 25, изд. 4, стр. 111.

годно для хозяйства крестьян. Крестьянство фактически оставалось в экономической кабале у помещиков и в полном политическом бесправии.

По своему происхождению пролетариат России являлся в подавляющем большинстве выходцами из крестьянства. Крестьянское происхождение и связь с деревней заставляли рабочих испытывать одновременно гнет феодально-крепостнической и капиталистической эксплуатации. Условия труда рабочих в царской России были наихудшими. Ни в одной капиталистической стране в начале XX века рабочий день не достигал 12—14 часов, а в России он даже превышал эти цифры. И этот рабочий день еще увеличивался из-за обязательных сверхурочных работ. Заработная плата была очень низкой. Громадная масса рабочих получала в среднем 50 и даже 20—30 копеек в день. Эта крайне низкая заработная плата произвольно снижалась путем штрафов и поборов.

Жестокая эксплуатация рабочих и крестьян в России усиливалась их политическим бесправием. Над рабочими и крестьянами стояла целая армия исправников, урядников, жандармов, полицейских и т. д. Телесные наказания существовали в России до 1903 года, а в некоторых местах страны и дольше. Особенно большой гнет испытывали многочисленные нерусские народности царской России, которую Ленин называл «тюрьмой народов».

Тяжелые экономические и политические условия жизни рабочих и крестьян еще более усугубляются с наступлением экономического кризиса. И без того шаткой экономике России в конце 90-х годов прошлого столетия сильный удар нанес кризис, разразившийся в странах Европы. За период кризиса (1900—1903 гг.) в России закрылось до 3 тысяч крупных и мелких предприятий. Свыше 100 тысяч рабочих было выброшено на улицу. Большинство предприятий сократило объем производства, в силу чего проводилось увольнение рабочих, увеличение рабочих часов тем, которые оставались на производстве, применение детского и женского труда за счет сокращения квалифицированной рабочей силы. Промышленный кризис переплетался с аграрным кризисом, который тяжело сказался на положении крестьянства, и без того влачившего жалкое существование из-за безземелья, отсутствия скота, из-за крепостнических отношений в деревне и политического бесправия.

Чрезвычайно тяжелое положение русского рабочего класса и крестьянства приводит к повсеместным революционным выступлениям против царизма.

Начало рабочего движения в России относится к 70 и особенно к 80 годам прошлого столетия. Рост крупной машинной индустрии превращает рабочий класс в решающую силу исторического развития, создает материальные условия для

самостоятельного рабочего движения, преследующего свои собственные классовые цели. Этот рост крупной промышленности приводит к такому положению, когда «общественные противоположности достигают высшего развития»¹¹⁵.

Выступления рабочего класса в 70-х и 80-х годах носили неорганизованный характер и обыкновенно возникали из-за непомерных штрафов, обчетов рабочих при расплате, снижения расценок и т. д. Но уже тогда передовые представители пролетариата начали понимать, что для успешной борьбы с капиталистами нужна организация. Постепенно под влиянием марксистских организаций, а впоследствии под руководством русских социал-демократов-большевиков, рабочее движение принимает организованный политический характер. Примером в этом отношении может служить первомайская стачка 1901 года на военном Обуховском заводе в Петербурге, превратившаяся в кровавое столкновение между рабочими и царскими войсками.

Народ заставил царя заговорить, он прибегает к обману и издает лживый манифест. Лицемерными фразами царь рассчитывал прекратить волнение народных масс.

Как бы в ответ на этот гнусный манифест, через несколько дней после его обнародования, произошла грандиозная демонстрация рабочих в Ростове-на-Дону под непосредственным руководством социал-демократов. Десятки тысяч рабочих с красными знаменами гордо шли по улицам города. Ни полиция, ни казаки не в состоянии были задержать революционное шествие рабочего народа по улицам Ростова.

Через несколько месяцев весь юг страны был охвачен невиданным народным движением. Всеобщая стачка рабочих вспыхнула в Одессе, Екатеринославе, Киеве, Тифлисе, Батуми, Баку. Под открытым небом, на улицах и площадях городов собирались рабочие массы, геройски сражаясь с полицией и казаками. Вскоре после этого в 1902 году раздались выстрелы в толпу мирных рабочих в Златоусте. Вслед за тем массовые расстрелы повторялись один за другим во всех городах Кавказа и в больших городах юга России.

В 1902 году, по тайному приказу палача фон-Плеве были организованы погромы беззащитных евреев в Кишиневе и Гомеле. Среди белого дня убивали стариков, рвали на части детей, на глазах родителей с зверским цинизмом насиловали дочерей. Министр-палач фон-Плеве мстил евреям за то, что они шли в революционную армию, шагали с красными знаменами по улицам городов России.

В 1902—1903 гг. уже приостанавливалась обычная жизнь городов по решению рабочих, которыми руководили социал-демократы. Приостанавливалось движение поездов, городам

¹¹⁵ В. И. Ленин. Соч., т. 3, изд. 4, стр. 478.

грозила опасность оставаться без воды, без освещения, без хлеба. Полицейские запрещения потеряли всякую силу. Открыто разбрасывались социал-демократические прокламации. Они громко читались десятками тысяч рабочих. И только перед военной силой, после варварских расстрелов безоружных людей народные массы отступали.

В 1902—1904 гг. рабочий класс России готовился к бою; в революционную армию шли все угнетенные, все ненавидевшие произвол. Революционным рабочим классом уже руководила социал-демократическая партия.

Такое положение заставило царизм прибегнуть к средству, отвлекающему внимание народа от революции — к войне.

Царь и его правительство втянули народ в войну. Ясно, что эта война была не войной русского народа с японским. Это была драка двух разбойников, двух хищников, империалистических акул — царского правительства с японским.

Пользуясь своей властью, эксплуататорские классы проливали народную кровь с единственной целью увеличить свои барыши, отвлечь внимание рабочего класса и крестьянства от революционной борьбы. Рабочих и крестьян разоряли дотла, направляли революционно настроенных трудящихся на передовые позиции.

Вопреки намерениям царизма и империалистических хищников, русско-японская война вскрыла все язвы и пороки обанкротившегося абсолютизма и дала толчок к развязыванию революционных событий в стране. Под руководством большевиков борьба российского пролетариата, начиная с 1901 года, непрерывно идет на подъем; активизируясь, он втягивает в борьбу крестьянство, солдатские массы, все угнетенные слои центральной России и национальных окраин. «История, — писал В. И. Ленин, — поставила теперь перед нами ближайшую задачу, которая является наиболее революционной из всех ближайших задач пролетариата, какой бы то ни было другой страны. Осуществление этой задачи, разрушение самого могучего оплота не только европейской, но также (можем мы сказать теперь) и азиатской реакции сделало бы русский пролетариат авангардом международного революционного пролетариата»¹¹⁶.

Революционная борьба русского пролетариата развивалась в условиях крайне острых классовых противоречий. Пролетариат в чрезвычайно короткий срок проходил школу революционной борьбы и классового воспитания. В силу своего положения и своей передовой роли пролетариат одновременно руководил и борьбой против остатков феодально-крепост-

¹¹⁶ В. И. Ленин. Соч., т. 5, изд. 4, стр. 345.

нических отношений в деревне, за мобилизацию крестьянства на революционную борьбу.

Объективные факторы привели к тому, что русский пролетариат стал авангардом революционного рабочего класса всего мира. После поражения Парижской Коммуны, которая была первой попыткой установления диктатуры пролетариата, рабочее движение разных стран принимает неравномерный характер. В. И. Ленин в работе «Третий интернационал и его место в истории» отмечал, что неравномерность развития капитализма приводит к тому, что и рабочее движение идет к своей цели — к диктатуре пролетариата — разными путями и разными темпами.

Всемирная история, писал Ленин, неуклонно идет к диктатуре пролетариата, но идет далеко не гладкими, не простыми, не прямыми путями.

Нарастание рабочего движения, размах стачечной борьбы, широкое революционное движение среди крестьянства, национально-освободительное движение среди крестьянства, национально-освободительное движение на окраинах империи, — все это говорило о том, что революция в России стучится в дверь. Начавшаяся в 1905 году и неудержимо развивавшаяся буржуазно-демократическая революция привела в движение все классы, как в центре, так и на окраинах. Произошло открытое выступление народа против царского самодержавия. Громадный размах революционного движения заставил все классы общества перегруппироваться применительно к новой обстановке, выработать свою особую тактику, свою линию поведения, свое отношение к другим классам.

Революционное движение в Дагестане было неотъемлемой составной частью первой русской революции, но в то же время имело некоторые особенности. Здесь против царизма и буржуазии выступали русские рабочие, опиравшиеся на немногочисленный слой рабочих-дагестанцев (около 20—25 процентов общего числа постоянных рабочих) и дагестанское крестьянство.

Стремясь к максимальным прибылям, капиталисты зверски эксплуатировали рабочих. Наряду с усиленной эксплуатацией взрослых рабочих широко применялся детский труд. В 1903 году, например, пятую часть рабочих в промышленности составляли дети до 14 лет¹¹⁷. Они работали и на вредных производствах. Труд детей оплачивался намного ниже, чем труд взрослых, хотя они нередко заменяли взрослых рабочих. При этом капиталисты за счет части своих прибылей возвращали верхушку рабочего класса¹¹⁸, так называемую «рабочую аристократию» для борьбы с рабочим движением.

¹¹⁷ Дагестанский сборник, 1904.

¹¹⁸ Газета «Казбек», 27. V. 1904 г.

Перерастание капитализма в империализм к началу XX века сопровождалось наступлением нового мощного кризиса, охватившего и Россию. Закрывались промышленные предприятия, рабочие выбрасывались на улицу. В Дагестане число рабочих только на городских предприятиях сократилось в полтора раза (с 2.179 в 1900 году до 1.529 в 1903 году). Самоуправство капиталистов, безработица, роста цен вызывали негодование рабочих. Неимоверно тяжелое положение в деревне, земельный голод, бедствия кризиса и особенно начавшейся в 1904 году русско-японской войны, угнетение и произвол полиции, чиновничества, высокие налоги подняли народные массы Дагестана, по примеру рабочих и крестьян более развитых районов России, на революционные выступления против царизма и буржуазии.

Движение рабочих и крестьян возглавляют социал-демократические организации. Социал-демократическая организация была создана из разрозненных марксистских кружков и ее деятельность особенно оживилась после III съезда РСДРП. Видную роль в революционизировании народных масс Дагестана играли бакинская, ростовская и грозненская большевистские организации, ссыльные большевики, а также возвращавшиеся из городов крестьяне-отходники¹¹⁹.

Особенно большую роль в руководстве революционным рабочим классом Порт-Петровска, Дербента, Темир-Хан-Шуры играли ссыльные революционеры из Петербурга, Москвы, Иваново-Вознесенска и т. д. В одном только Дербенте насчитывалось более 80 ссыльных и из них 14 человек из Петербурга. В Петровске их было более 27. Они руководили подпольными революционными кружками, проводили по заданиям Бакинского и Ростовского комитетов РСДРП организационную работу среди рабочих и крестьян.

Встревоженный ростом революционной активности рабочих Порт-Петровска и увеличением в нем числа политических ссыльных, военный губернатор Дагестанской области просил начальство о том, чтобы «лица, высылаемые под надзор полиции, впредь не направлялись бы в гор. Петровск, ввиду того, что в этом городе скопляется много рабочих, число которых достигает 4000 человек и что подобный вредный элемент может породить в среде рабочих беспорядки»¹²⁰.

Среди ссыльных русских революционеров выдающуюся роль сыграли И. В. Малыгин, В. Галиевич, И. Шевченко, Цухальский, Д. Михайлов, В. Казаринов, Я. Петренко, Н. Лазарев и Горбунов. В их среде воспитывались десятки активных деятелей из числа трудящихся горцев Дагестана. Среди

¹¹⁹ Рукоп. фонд ИИЯЛ, д. 1376, л. 10.

¹²⁰ ЦГА ДАССР, ф. 2с/2, оп. 47, д. 5, л. 235.

них видное место занимали А. Агасиев, М. Дахадаев, У. Буйнакский, А. Спруханов, Гамзаев, Исрафилов, Я. Атаев.

Так, например, среди рабочих депо ст. Петровск-Кавказский под руководством иваново-вознесенских революционеров Шевченко и Галиевича был организован конспиративный социал-демократический кружок, которым были охвачены передовые рабочие депо. Члены кружка, уже как представители социал-демократической организации, вели активную подпольную революционную работу среди железнодорожников. Они были тесно связаны с социал-демократическими организациями Ростова, Таганрога и Грозного.

В Порт-Петровске был к этому времени построен бондарный завод. На заводе работали рабочие как из коренных народностей, так и русские. В производственном и торговом отношении бондарный завод больше всего был связан с Астраханью. Поэтому астраханским большевикам удалось направить сюда на работу революционера Молокова и при его помощи создать социал-демократический кружок. Члены этого кружка вели среди рабочих активную революционную работу и пропаганду идей большевиков.

К концу 1904 года большая революционная и пропагандистская работа проводилась среди рабочих-текстильщиков. При помощи передовых рабочих, прибывших из Иваново-Вознесенска, было создано несколько социал-демократических кружков, которые явились цементирующей силой революционного рабочего класса.

Большая работа проводилась также среди рабочих порта, маляров и других. Под воздействием революционеров во многих городах Дагестана создаются и оформляются профсоюзные организации.

Дагестанским социал-демократическим кружкам большую организационную помощь оказывал Бакинский комитет РСДРП. Чтобы создать в Дагестане сильную, работоспособную социал-демократическую организацию и объединить разрозненные социал-демократические кружки, в Порт-Петровск прибыл по заданию Бакинского комитета Иван Васильевич Малыгин. Он вел переписку с Петербургом, получая оттуда нелегальную литературу для распространения в Петровске, Петровске-Кавказском, в Грозном, и являлся организатором социал-демократических групп в Петровске, Дербенте и в других местах Дагестана.

Состоя в бакинской подпольной большевистской организации, он проделал большую работу по сколачиванию тамошних передовых рабочих-дагестанцев и организовал из них сильную группу, которая была отправлена на подпольную работу в южный Дагестан. В Петровске вместе с Малыгиным работал и вел активную революционную работу Вениамин Казаринов.

И. В. Малыгину пришлось вести в Петровске упорную борьбу против меньшевиков, которые отстаивали кружковщину, проповедывали хвостизм, тредьюнионизм в рабочем движении, а также против социалистов и революционеров, настаивавших на вредной тактике индивидуального террора.

В результате энергичной работы Малыгину удается сплотить марксистские кружки в единую организацию и создать из текстильщиков, железнодорожников, бондарей, строителей и портовиков Порт-Петровскую социал-демократическую организацию. Под руководством этой организации и развертывалась революционная работа в Петровске. Такая же организация была создана в Дербенте.

В Темир-Хан-Шуре среди населения было мало рабочих, и в социал-демократической организации наблюдалось за- силье меньшевиков. Поэтому немногим революционным социал-демократам Темир-Хан-Шуры приходилось работать в еще более тяжелых условиях.

В конце 1904 года создается Терско-Дагестанский коми- тет, объединявший социал-демократические группы Дагеста- на и Терека.

В середине 1906 года, во исполнение решений Теммерфор- ской конференции и конференции Кавказского союза РСДРП, состоялась конференция Терско-Дагестанского Ко- митета, на которой присутствовали представители социал- демократических групп Грозного, Владикавказа, Петровска, Пятигорска, Моздска, Дербента, Кизляра. Конференция из- брала новое руководство, которое именовалось Терско-Да- гестанским Союзом. Работавшая под ленинским идейным воздействием Грозненская социал-демократическая органи- зация оказывала огромное влияние на закрепление Терско- Дагестанского Союза на большевистских позициях.

Когда в 1907 году революционная борьба русских и кре- стьян в Дагестане особенно усилилась, влияние большевиков в Терско-Дагестанском Союзе возросло. В ноябре 1907 года сильно пострадавший Терско-Дагестанский Союз на V кон- ференции показал свою жизнеспособность, приняв основные решения по обсуждавшимся вопросам в большевистском ду- хе. Особенно усилилась профсоюзная работа, в частности, организация новых союзов, в которых подпольно действовали члены социал-демократической партии.

Необходимо подчеркнуть, что центром революционной деятельности дагестанцев всегда был Баку. Здесь работало около 6 тысяч дагестанцев, из числа которых вышли десятки революционеров. Представители горского крестьянства, ра- ботавшие среди бакинского пролетариата, оказывали значи- тельное влияние на политическую жизнь Дагестана.

Началом революции явились события 9 января 1905 года в Петербурге. Зверский расстрел безоружных рабочих вско-

лыхнул всю Россию. Начались массовые забастовки протеста. В Дагестане бастовали текстильщики, табачники, железнодорожники, портовики, типографские рабочие. Движение непрерывно росло.

Большевики Дагестана организовывали демонстрации, митинги, стачки, которые проходили под лозунгами свержения самодержавия, создания демократической республики. установления восьмичасового рабочего дня. Начались столкновения между рабочими и полицией. Под влиянием борьбы городских рабочих, руководимых большевиками, все шире разворачивалось движение крестьян. Они отказывались от выполнения повинностей, силой защищали свои права от посягательств со стороны беков и царских властей, захватывали земли, жгли усадьбы, рубили леса беков.

Революционное движение в Дагестане было жестоко подавлено царскими карательными отрядами военно-народного управления в союзе с дагестанскими беками и князьями. На Кавказе было восстановлено наместничество как орган единой державной власти с чрезвычайно широкими полномочиями. На практике эти полномочия прежде всего были осуществлены в Дагестане. Наместник Воронцов-Дашков в телеграмме на имя министра внутренних дел доносил: «Революционное движение в Дагестане энергичными мерами подавлено. Много агитаторов и зачинщиков арестовано»¹²¹.

Началась полоса массовых арестов и военно-полевых судов. Все тюрьмы Дагестанской области были переполнены политическими заключенными. С помощью местного духовенства и буржуазно-клерикальной интеллигенции царизму удалось временно подавить революционное движение в Дагестане. Наступил период мрачной реакции.

Подводя итоги всему сказанному здесь о классовой борьбе в Дагестане, следует отметить, что революционное движение здесь разворачивалось в чрезвычайно тяжелых условиях.

Прежде всего необходимо указать на специфические черты выступлений крестьян, отличающие их от выступлений рабочих. Крестьянско-раятское движение, начавшееся еще в 70-х годах прошлого столетия, оказало серьезное влияние на революционизирование народных масс. Однако эта сторона вопроса не была учтена с той политической прозорливостью, которая присуща авангарду революционного движения — рабочим. Рабочее движение в Дагестане с самого же начала показало свою политическую незрелость, не взяв на себя общее руководство крестьянским движением, и крестьянское движение в области носило разрозненный характер. Когда крестьянско-раятское движение развернулось уже во всей

¹²¹ ЦГИА, ф. Департамента полиции; В. О., д. 1350, ч. IV.

своей широте, крестьянство Среднего и Горного Дагестана не откликнулось на него.

У военно-народного управления, как известно, были свои агенты в лице дагестанских беков, офицеров, и чиновничества. Но кроме своих постоянных агентов из представителей местных кадетов, военно-народное управление, по специальному заданию наместничества, в годы революционного подъема в Дагестане решило широко использовать и духовенство.

Для нас остается неясным то обстоятельство, что в 1905—1907 гг. дагестанское духовенство очень плохо ориентировалось в происходящих революционных событиях. По всей вероятности эти события были для него слишком необычными. Превращенное уже благодаря подачкам военно-народного управления в обеспеченное сословие, духовенство горных районов относилось безразлично к происходившим в Дагестане политическим событиям. В той конкретной исторической обстановке, когда в крае отсутствовала сила, способная проводить определенную пропагандистскую работу среди духовенства, с тем, чтобы оно, особенно его менее зажиточная и менее обласканная царизмом прослойка могла способствовать революционным выступлениям крестьян, духовенство оказывается в сфере влияния военно-народного управления.

Местные революционные элементы, боясь «мюридов», не верили духовенству горного Дагестана и потому не делали попыток использовать его. Противная же сторона, воспользовавшись этим, опирается на духовенство и через его посредство держит крестьянство горного Дагестана в стороне от революционных бурь.

Духовенство плоскостных округов делилось на две количественно неравные части. Одна, причем меньшая часть, особенно выделявшаяся как беспринципная и шкурническая, давным давно была втянута в орбиту самодержавия и шла с ним на всякие компромиссы, лишь бы создать себе хорошие условия. Эта часть духовенства поступала на государственную службу на должности официальных кадиев, преподавателей корана в специально созданных школах. Крайне ценя свои хорошие отношения с правительством, она инстинктивно чуяла в революции своего врага и к революционному движению относилась со скрытой враждебностью.

Другая часть духовенства, тесно связанная с крестьянством и жившая за его счет, не желая выпускать его из-под своего влияния, шла за этим крестьянством, стихийно вовлекаясь в революционную борьбу. Причем эту часть духовенства интересовала не активная революционная борьба с ее социалистическим идеалом, а создание шариатской власти. В этом и видела свою роль данная часть духовенства Дагестана.

Учитывая явное неравенство сил, эта часть духовенства предвидела и боялась поражения. Поэтому она стремилась не активизировать, а всячески удерживать крестьянство от разных выступлений. Этим и пользовались буржуазно-помещичьи блоки, дагестанские кадеты, военно-народное управление. Представители правительственного лагеря усилили свой нажим на служивое духовенство, всячески поощряя его к массовой и зачастую провокационной агитации не только против лозунгов революции, но и против руководителей революционного движения, как безбожников, людей безнравственных, социалистов, сеющих вражду и ненависть между ния, военно-народное управление всей тяжестью своего аппарата «сынами пророка», людей, выступающих против шариата и адатов. Используя таким образом духовенство, изолируя большинство крестьян от революционного рабочего движения, военно-народное управление всей тяжести аппарата обрушилось на социал-демократические организации.

Спад революции в России дает военно-народному управлению объективную возможность подавить революционные выступления в области.

Как уже отмечено выше, местный пролетариат не увязывал свои революционные выступления с крестьянским движением. Между тем он мог сделаться руководителем общедагестанского революционного движения только в результате совместной борьбы.

Ко всему этому надо добавить, что дагестанские города, как экономические центры, были еще мало развиты, и в те годы в глазах народов края в большей степени являлись колонизаторскими центрами, крепостями поработителей.

Наконец, не следует забывать традиционную замкнутость общественно-политического устройства, так усердно проповедовавшуюся местным военно-народным управлением. Общинно-родовые особенности, разноязычие, трудность сообщения и общения между отдельными народами, отсталость, отсутствие своей европейской интеллигенции — все это также сыграло немалую роль, как тормоз в развитии революционного движения.

И все-таки, руководимое классовым самосознанием, толкаемое тяжестью крепостнических отношений, крестьянство и рабочий класс Дагестана сумели перешагнуть через эти местные барьеры и, преодолев массу трудностей, вступили в революционную классовую борьбу.

В какой бы форме ни господствовали в общественных отношениях горцев атрибуты патриархальщины, революционное самосознание постепенно ломало их и горцы вместе с русским рабочим классом шли на борьбу со своим классовым врагом. Классовая сознательность горцев поднимается

до степени политической борьбы не только в годы нового революционного подъема и падения самодержавия, но задолго до этого, еще в годы первой русской революции 1905—1907 гг.

Поэтому нам нельзя придерживаться неправильной концепции, утверждающей оторванность и изолированность Дагестана от богатой революционными событиями общественно-политической жизни России в начале XX века. В 1905—1907 гг. Дагестан прошел через полосу революционных бурь, через которую прошла вся Россия. Революция 1905—1907 гг. способствовала революционному пробуждению народных масс Дагестана.

Революция 1905—1907 гг. в Дагестане не могла победить раз не победила революция в России, но если она и не победила, то нанесла неизлечимые раны всей системе военнопарламентского управления. Официально крепостное право в Дагестане было отменено только в 1913 году, но фактически оно перестало существовать уже с первой русской революции.

Революционное движение в Дагестане не создало таких отточенных форм революционно-демократической организации, как Советы рабочих, депутатов, но в крестьянском центре, в военном бюро, наряду с рабочими профессиональными союзами в Дагестане были созданы элементы будущих Советов. Главным достижением в деле политического воспитания масс в 1905—1907 годы является то, что развернувшееся революционное движение положило конец изолированному существованию дагестанских трудовых масс и их одинокой борьбе с царизмом. В этом революционном движении они нашли другую дорогу и другой метод борьбы и союзника в лице русского рабочего и крестьянина.

Урок политического воспитания, полученный в 1905—1907 гг., сыграл большую роль в организации широких масс в период подготовки и установления Советской власти в Дагестане.

instituteofhistory.ru

ГЛАВА III

КРИЗИС И ПАДЕНИЕ ЦАРИЗМА. ФОРМИРОВАНИЕ КЛАССОВОГО САМОСОЗНАНИЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ АКТИВНОСТЬ ТРУДЯЩИХСЯ ДАГЕСТАНА. БОРЬБА С РЕАКЦИЕЙ.

В феврале 1917 года русский пролетариат, при активной поддержке крестьян, одетых в солдатские шинели, под руководством партии большевиков, сверг царизм.

Отмечая роль пролетариата в этой революции, В. И. Ленин говорил, что «русским рабочим выпала на долю честь и счастье первым начать революцию, то есть великую единственно законную и справедливую войну угнетенных против угнетателей»¹.

В результате этой революции в стране, где более трехсот лет господствовал дом Романовых, власть из рук дворянско-помещичьего класса перешла к экономически и политически уже господствовавшему классу — буржуазии и обуржуазившихся помещиков.

Но этот класс не был единственной властью в стране. Рядом с буржуазной властью — Временным правительством — возник и существовал Совет рабочих и солдатских депутатов, орган революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства.

Оценивая положение в стране и двоевластие, В. И. Ленин писал, «что рядом с Временным правительством, правительством буржуазии, сложилось еще слабое, зачаточное, но все-таки несомненно существующее на деле и растущее **другое правительство: Советы рабочих и солдатских депутатов**»².

В истории революционных движений как на западе, так и на востоке, по выражению великого Ленина, «переплетение вместе, воедино двух диктатур»³ можно было объяснить действительным положением России, ее общественно-экономическими отношениями и в связи с этим расстановкой и соотношением классовых сил в период революции.

Россия в промышленном отношении была слабо развитой, а потому преимущественно крестьянской страной. Этим

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 23, стр. 341.

² В. И. Ленин. Соч., т. 24, стр. 41.

³ В. И. Ленин. Соч., т. 24, стр. 19.

и объясняется то, что в годы Февральской революции «гигантская мелкобуржуазная волна захлестнула пролетариат не только своей численностью, но и идейно, т. е. заразила, захватила очень широкие круги рабочих мелкобуржуазными взглядами на политику»⁴. Этим определялась и двойственность революции, а именно: буржуазия и ее Временное правительство, в силу указанных причин и предательства соглашательских партий, считали революцию законченной, в то время, когда большевики и Совет рабочих и солдатских депутатов самим фактом своего существования доказывали незавершенность революции, неизбежность ее перерастания в социалистическую. Вследствие этого в стране установилось двоевластие, которое, по характеристике великого Ленина, составляло основное своеобразие Февральской буржуазно-демократической революции.

Большевицкая партия, отстаивая марксистско-ленинскую стратегию и тактику в буржуазно-демократической революции и учение марксизма-ленинизма о перерастании буржуазно-демократической революции в социалистическую, еще в 1905 году выработала учение партии о революции и практически претворила его в жизнь в 1917 году.

Партия большевиков была единственной последовательно революционной социалистической партией, которая признавала гегемонию пролетариата основным условием победы буржуазно-демократической революции и перерастания последней в революцию социалистическую. Руководствуясь учением Ленина о буржуазно-демократической революции и ее перерастании в социалистическую, являвшимся величайшей силой в руках революционного народа в деле окончательной победы пролетариата над буржуазией, большевицкая партия неустанно вела большую и плодотворную работу по сплочению революционных сил.

Большевицкая партия, руководимая великим Лениным, основываясь на марксистско-ленинском учении, была единственной партией, которая не только признавала возможность победы социализма в России, но и имела свою конкретную революционную платформу для переходного периода от буржуазной революции к социалистической.

Ход событий революции 1917 года, ее влияние на внешнюю и внутреннюю жизнь России, классовая перегруппировка в стране воочию подтверждали положения великого Ленина, разработанные им еще в 1905 году, о гегемонии пролетариата, о союзе пролетариата с крестьянством и в связи с этим о стратегических лозунгах партии по крестьянскому вопросу, о вооруженном восстании, как главном методе и средстве сокрушения царизма, о неизбежности перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую.

⁴ В. И. Ленин. Соч., т. 24, стр. 40.

По сути дела, Февральская буржуазно-демократическая революция, развившаяся в разгар шовинизма и империалистической войны, была началом осуществления ленинского лозунга о превращении империалистической войны в гражданскую. Следовательно, Февральская буржуазно-демократическая революция носила еще одну особенность — наступательный характер борьбы и стремительность, молниеносность событий, порожденные своеобразными условиями и обстоятельствами. «Если бы действительно глубокая революция 1905 г. не «взрыла почвы», не показала друг другу в действии все классы и партии, не обнаружила царской шайки во всей ее дикости и зверстве, то быстрая победа 1917 г. не была бы возможна»⁵.

Февральская буржуазно-демократическая революция явилась следствием всего прошлого периода ожесточенной борьбы рабочего класса и крестьянства против своих угнетателей. Кровавая империалистическая война, непрерывные поражения на фронтах, полная неспособность царской бюрократии к управлению страной и к удержанию власти вызвали большое брожение и среди господствующих классов; они увидели, что царизм не сумел руководить более чем 20-миллионной армией и выиграть войну, что он не в состоянии защищать их классовые интересы против все больше и больше революционирующихся рабочих и крестьян, готовых на решительное выступление не только против царизма, но и против помещиков и капиталистов.

Февральская революция назревала в условиях империалистической войны, имевшей огромное значение для ее победы. В своей работе «Детская болезнь «левизны» в коммунизме» Ленин, давая анализ Февральской революции, писал: «Невероятная застарелость и устарелость царизма создала (при помощи ударов и тяжестей мучительнейшей войны) невероятную силу разрушения, направленную против него. В несколько дней Россия превратилась в демократическую буржуазную республику, более свободную — в обстановке войны — чем любая страна в мире»⁶.

Лозунг большевиков о превращении империалистической войны в гражданскую сыграл огромную роль в подготовке Февральской революции. По определению великого Ленина «пролетариат делал революцию, требуя мира, хлеба и свободы, не имея ничего общего с империалистической буржуазией, и он повел за собой большинство армии, состоящее из рабочих и крестьян».

Большевистский лозунг о превращении империалистической войны в гражданскую стал усваиваться массами вопреки

---

⁵ В. И. Ленин. Соч., том . . . стр.

⁶ В. И. Ленин. Соч., т. XXV, стр. 178.

агитации и пропаганде военного патриотизма со страниц всей печати царской России, со стороны всех помещичье-буржуазных партий — монархистов, либеральной буржуазии в лице кадетов и впредь до эсеров и ликвидаторов-меньшевиков.

Империалистическая война очень сильно сказалась и на положении угнетенных и неравноправных национальностей. Воюющие стороны заигрывали с отдельными национальностями, желая использовать их в своих военных интересах. Известно, например, как государства Антанты, в том числе и Россия, использовали национальную вражду между чехами и австрийскими немцами, когда чешские военные части массами дезертировали с австрийского фронта и сдавались в плен. С другой стороны, известны попытки Германии поддержать вспыхнувшее в Ирландии революционное выступление против Англии, надеясь таким образом подорвать военную мощь последней. Воюющими державами велась среди многомиллионного населения колоний широкая агитация и пропаганда восстания против империалистов враждебной стороны. При этом не скупились на широкие обещания освободить колонии и полностью удовлетворить национальные требования угнетенных народов. В интересах мобилизации угнетенных национальностей империалистические державы старались выдать эту войну за освободительную, прикрывая свою хищническую политику фразами о национальных правах, о праве на самоопределение и т. п. Все это вызвало усиление темпов и размаха национально-революционного освободительного движения в период империалистической войны. Война дала оружие в руки десятков миллионов людей и убедила их в том, что они могут направить это оружие против своих вековых угнетателей; лозунги, брошенные империалистами в целях обмана, об освобождении национальностей, были подхвачены этими национальностями, упорно стремившимися к своему освобождению.

Национально-освободительное движение в России в канун Февральской революции получило значительный размах. Угнетенные народы почувствовали, что запоры «тюрьмы народов» ослабевают и есть надежда добиться национального освобождения. Они стремились хотя бы облегчить свое положение, избавиться от нечеловеческого ига царизма. Стремительный поток национально-освободительного движения сливается с общедемократическим движением трудящихся масс и это создает возможность покончить с самодержавием.

Буржуазно-демократическая революция победила; гегемоном революции выступил рабочий класс, руководствовавшийся большевистскими лозунгами. Партия со всей отчетливостью поставила вопрос о переходном характере первого этапа революции, о борьбе за перерастание буржуазно-демократической революции в социалистическую. Ленин писал: «Русская рево-

люция пошла дальше... Мы имеем по всей России сеть Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Вот она, та революция, которая еще не сказала своего последнего слова. Вот революция, которой в Западной Европе при таких условиях не было»⁷.

Немедленно после возвращения Ленина из-за границы были опубликованы его знаменитые апрельские тезисы, поставившие все основные вопросы стратегии и тактики нашей партии в этот ответственный для судеб революции момент. Против линии партии повели ожесточенную борьбу меньшевики, эсеры, а также Рыков, Каменев и др., резко выступившие против апрельских тезисов Ленина и особенно против ленинской установки на перерастание буржуазно-демократической революции в социалистическую.

Тезисы Ленина были встречены всей партией с огромным удовлетворением, ибо они давали ответы на все назревшие вопросы, указывали со всей четкостью и ясностью путь борьбы, который привел в октябре 1917 года к победе социалистической революции, к установлению диктатуры пролетариата в нашей стране.

Апрельская партийная конференция особо обсудила национальный вопрос в России. Выдвинутые на ней положения по национальному вопросу были позднее сформулированы в программе партии, принятой VIII съездом РКП(б). Основная идея решений, принятых апрельской конференцией по национальному вопросу — признание за народами права на отделение; для народов, остающихся в пределах данного государства — областная автономия; для национальных меньшинств — особые законы, гарантирующие им свободное развитие; для пролетариев всех национальностей данного государства — единый неразделенный пролетарский коллектив, единая партия.

На апрельской конференции против ленинских тезисов по национальному вопросу выступил Пятаков, который считал, что национальная рознь и обострение национального вопроса — пережитки эпохи феодализма и периода борьбы нарождающейся буржуазии с феодализмом. Поскольку же эпоха развития капитализма и империализма ставит вопрос о социалистической революции, национальный вопрос отпадает, ибо при социализме не будет национального деления и развития, в промышленном отношении страна составит единый хозяйственный организм. Лозунг отделения наций необходимо заменить лозунгом «Прочь границы между народами и государствами».

Против такой авантюристической теории по национальному вопросу на конференции выступили В. И. Ленин и

⁷ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 32, стр. 93, 94.

И. В. Сталин. Ленин дал резкую критику позиции Пятакова и товарищей, выступавших против лозунга о праве наций на самоопределение.

Вслед за апрельской конференцией по предложению В. И. Ленина ЦК нашей партии созывает конференцию фронтовых военных организаций, на которой был поставлен специальный вопрос «Национальное движение и национальные полки». Конференция приняла постановление, в котором говорилось, что наметившееся в ходе революции национальное движение народов России является результатом, главным образом, недемократической политики Временного правительства, выразившейся в ряде «приказов» и «запрещений» и, наконец, откладывании решения национального вопроса до Учредительного собрания.

Теперь, говорится в решении конференции, когда контрреволюция мобилизует свои силы и натравливает народы друг на друга, такая политика Временного правительства по отношению к народам России является особенно вредной и выгодной лишь врагам революции. Далее, в решении говорится, что только решительное и бесповоротное признание права наций на самоопределение, признание на деле, а не только на словах, могло бы укрепить братское доверие между народами России и тем проложить дорогу действительному их объединению, объединению добровольному, а не насильственному, в одно государственное целое.

Так Ленин и ленинская Коммунистическая партия вели борьбу за разрешение национального вопроса, за политическое освобождение страны. Буквально не было ни одного съезда, ни одной конференции, где бы по инициативе В. И. Ленина не рассматривался национальный вопрос и не решался с марксистских позиций в борьбе против всяких оппортунистических течений.

В ходе борьбы за массы, за идеологическое овладение ими, за подготовку резерва пролетарской революции, решения партийных съездов и конференций, работы, написанные В. И. Лениным и И. В. Сталиным по национальному вопросу, становились сильнейшим оружием против самодержавного строя и империалистического Временного правительства.

Великая историческая заслуга В. И. Ленина и ленинской партии заключается в том, что они в борьбе против оппортунизма Второго Интернационала, против оппортунистов внутри российского рабочего движения возродили революционные взгляды основоположников научного коммунизма К. Маркса и Ф. Энгельса, развили эти взгляды в связи с новой эпохой, эпохой империализма и пролетарских революций, высоко подняли несокрушимое знамя пролетарского интернационализма.

Развивая отправные идеи Маркса и Энгельса по национально-колониальному вопросу, Ленин и ленинская Комму-

нистическая партия на протяжении всей своей истории, учитывая опыт пролетарского движения и национально-колониального освободительного движения, создали стройную систему взглядов на национально-колониальные революции, связали национально-колониальный вопрос с вопросами свержения империализма, победы социалистической революции.

Особенности России требовали от ленинской революционной партии пролетариата самого внимательного отношения к национальному вопросу. Царская Россия, оказавшаяся узловым пунктом всех противоречий империализма, была многонациональным государством, больше половины населения которого подвергалось жестокому национальному угнетению.

Царскую Россию великий Ленин называл «тюрьмой народов». Национальные окраины самодержавие превратило в колонии и искусственно сдерживало их культурное и экономическое развитие. Царизм обрекал народы России на нищету, бесправие и темноту. При этом царизм руководствовался принципом «разделяй и властвуй», натравливая одни народы на другие, разжигая межнациональную вражду.

Отравляя сознание масс ядом шовинизма, царизм рассчитывал тем самым отвлечь трудящихся окраин от их классовых задач, от борьбы против местных господствующих классов и царского самодержавия. Но народы колониальных окраин, и в частности такой отсталой окраины, как Дагестан, сталкивались не только с реакционным царским режимом, но и с революционным авангардом страны — рабочим классом, с его идейным и политическим руководителем — ленинской большевистской партией.

Огромное влияние на развитие народов многонационального Дагестана оказывала богатейшая культура великого русского народа, идеи его Коммунистической партии, учение великого Ленина. Поэтому, несмотря на все репрессии царизма и его местных властей, мракобесов, беков, в сознание народов Дагестана проникали революционно-демократические идеи русского общества и его авангарда — революционного рабочего класса, идеи революционного марксизма. Эти идеи были быстро восприняты передовыми слоями народов Дагестана.

Этому способствовали стотысячная армия горцев-отходников, уходивших на заработки в промышленные города России, формирование передового слоя общества — рабочих из коренных народностей Дагестана, общение их с революционными рабочими коллективами Баку, Грозного, Туапсе, Одессы, Ростова, Новороссийска, Тбилиси, Астрахани и многих других городов, проникновение через них и через местные революционные организации революционных идей в гущу горского крестьянства, постепенное пробуждение и формирование классового самосознания у трудящихся горцев, направленного против местных поработителей и царских властей.

Все это создавало в Дагестане условия для дружной борьбы трудящихся горцев совместно с русским рабочим классом и беднейшими слоями крестьянства, переодетыми в солдатские шинели, против царя, местных ставленников царского режима, буржуазии и дворянско-бекского управления.

Судьба врагов дагестанского народа была предрешена, потому что большевистские идеи объединили все революционно-демократические силы и различные политические движения в один общий поток. Еще в условиях буржуазно-демократической революции большевики и их революционные союзники в Дагестане последовательно и настойчиво доводили до сознания масс ленинское учение о праве наций на самоопределение.

«Только сама нация имеет право определять свою судьбу, никто не имеет права насильственно вмешиваться в жизнь нации, разрушать ее школы и прочие учреждения, ломать ее нравы и обычаи, стеснять ее язык, урезать права.

Это, конечно, не значит, что социал-демократия будет поддерживать все и всякие обычаи и учреждения нации. Борясь против насилий над нацией, она будет отстаивать лишь право нации самой определить свою судьбу, ведя в то же время агитацию против вредных обычаев и учреждений этой нации с тем, чтобы дать возможность трудящимся слоям данной нации освободиться от них.

Право на самоопределение — это право нации устроиться по своему желанию. Она имеет право устроить свою жизнь на началах автономии. Она имеет право вступить с другими нациями в Федеративные отношения. Она имеет право совершенно отделиться. Нация суверенна, и все нации равноправны.

Это, конечно, не значит, что социал-демократия будет отстаивать любое требование нации. Нация имеет право вернуться даже к старым порядкам, но это не значит, что социал-демократия подпишется под таким постановлением того или иного учреждения данной нации. Обязанности социал-демократии, защищающей интересы пролетариата, и право нации, состоящей из различных классов, — две вещи разные»⁸.

В этих словах выражена последовательная классовая линия революционного пролетариата и величайшее уважение к национальному суверенитету, к воле нации.

Благодаря широкой пропаганде, которую проводили большевики и революционная интеллигенция среди горцев, трудящиеся массы Дагестана, их передовая часть воспринимали идеи революционного марксизма по национальному вопросу и спланивались вокруг революционного авангарда в борьбе за решение национального вопроса, за политическое, экономическое и культурное высвобождение из-под колониального ига, из-под гнета местных угнетателей.

⁸ И. В. Сталин. Соч., т. 2, стр. 310—311.

Народы Востока России представляли собою к Февральской революции и после нее довольно пеструю картину по своему социальному составу, по своей политической ориентации и по характеру классовой борьбы, развернувшейся в этот период. Их объединял общий для всех народов национальный гнет царизма, проявившийся в различных формах по отношению к отдельным народам, а также общая религия, имевшая различное влияние у разных народов. Царизм мог использовать в своих интересах отсталые элементы отдельных мусульманских народов тогда, когда он был в полной силе. Но стоило только царизму пошатнуться и обнаружить свою слабость, как это было накануне Февральской буржуазно-демократической революции, чтобы лучшие элементы угнетенных национальностей перешли в лагерь революции. Царизм не скрывал своих действий, ибо он кровавым террором стремился загнать народы, населяющие Россию.

Тотчас же после свержения царизма в Петрограде образовалось «Временное центральное бюро российских мусульман». На местах стали организовываться мусульманские общества и союзы. Деятельность национальной интеллигенции оживилась. Сочувствие многих ее представителей было на стороне Временного правительства, ибо руководство было в руках лиц, связанных с кадетской партией. Вскоре, однако, под давлением масс Мусульманское бюро должно было заявить, что «мусульмане России, в массе своей населяющие окраину государства, были в течение многих лет жертвами русского империализма, и они менее всего готовы защищать этот империализм. Мусульмане России не пойдут за лозунгами войны до захвата Константинополя и проливов. Такой лозунг менее всего говорит о священном праве народов на свободу, но ясно показывает, что партия к. д. применяет одну мерку для народов Азии, в частности для турок»⁹.

В стране начинают складываться многочисленные национальные организации с различными установками в зависимости от ряда обстоятельств, в том числе и от подготовленности кадров для руководства массами. Наряду с общенациональными учреждениями рабочие и крестьяне создавали революционные Советы по образцу Советов в центре России. Классовые противоречия не могли быть разрешены в условиях буржуазно-демократической революции, и только ее перерастание в социалистическую открывало революционный выход из положения.

Давая оценку «разрешению» национального вопроса в Февральской революции, И. В. Сталин писал: «В эпоху буржуазной революции в России (с февраля 1917 г.) национальное движение на окраинах носило характер буржуазно-освободи-

⁹ «Голос Дагестана», 30 апреля 1917 г.

тельного движения. Веками угнетавшиеся и эксплуатировавшиеся «старым режимом» национальности России впервые почувствовали в себе силу и ринулись в бой с угнетателями. «Ликвидация национального гнета» — таков был лозунг движения»¹⁰.

В период от февраля до октября классовые моменты сказывались со всей силой в характере и формах национального движения в разных частях старой России. Многие буржуазные националисты, экономически тесно связанные с русской буржуазией, стремясь занять руководящее место среди мусульманских народов, выдвинули требование культурно-национальной автономии мусульманства, без территориального разграничения. Выдвигая этот лозунг, буржуазные националисты ставили своей целью использовать панисламистские настроения, направленные к объединению мусульман на национальной почве, отвлечь рабочих и крестьян от влияния социалистов, выставить себя защитниками единства российского государства и, таким образом, стать опорой великорусских господствующих классов. Такая позиция сулила им много выгод.

Среди мусульманских народов Востока России преобладающим течением оказался федерализм с требованием предоставления государственного самоуправления. Сторонники этого течения хотели добиться самоуправления единым общемусульманским фронтом, для чего был создан национальный совет мусульман с законодательными функциями. Понятие федерации толковали самым различным образом и, в частности, в пантюрксистском аспекте, с ориентацией на соединение с Турцией, с предоставлением некоторых национальных автономных прав.

В то же время трудящиеся поддерживали Советы, многие из которых были под влиянием большевиков. Трудящиеся окраин видели, как Ленин и ленинская партия защищают права национальностей, нарушаемые правительством Керенского. Они понимали, какая опасность грозит национальностям со стороны великорусского империализма, и потому лозунг «Вся власть Советам» пользовался большой популярностью. Это нашло свое конкретное выражение в работе созданного Керенским Демократического совещания, где голоса представителей национальных меньшинств были в большинстве своем отданы сторонникам передачи власти Советам, т. е. большевикам.

Ленин в своей известной работе «Удержат ли большевики государственную власть» писал: «Национальный и аграрный вопросы — это коренные вопросы для мелкобуржуазных масс населения России в настоящее время. Это неоспоримо. И по обоим вопросам пролетариат *не* изолирован» на редкость. Он

---

¹⁰ И. В. Сталин. Марксизм и национально-колониальный вопрос, стр. 51.

имеет за собой большинство народа. Он один способен вести такую решительную, действительно «революционно-демократическую» политику по обоим вопросам, которая сразу обеспечила бы пролетарской государственной власти не только поддержку большинства населения, но и настоящий взрыв революционного энтузиазма в массах, ибо впервые массы встретили бы со стороны правительства не беспощадное угнетение крестьян помещиками, украинцев великороссами, как при царизме, не прикрытое пышными фразами стремление продолжать подобную же политику при республике, не придирки, обиды, кляузы, оттяжки, подножки, увертки (все, чем награждает крестьян и угнетенные нации Керенский), а горячее сочувствие, доказываемое на деле, немедленные и революционные меры против помещиков, немедленное восстановление *полной* свободы для Финляндии, Украины, Белоруссии, для мусульман и т. д.»¹¹.

Далее Ленин пишет: «...наше правительство будет непобедимо; потому что даже противники вынуждены признать, что большевистская программа есть программа «трудовых масс» и угнетенных национальностей»¹².

Развитие Февральской революции в Дагестане в значительной степени определялось теми чертами социально-экономического и политического характера, которые сложились под влиянием колониальной политики царизма и, прежде всего, отсутствия зрелого крупно-промышленного пролетариата и ряда присущих народам Дагестана местных специфических условий.

В России было очень мало районов, где бы революция 1917 года проходила в столь сложной политической и социально-экономической обстановке, как в Дагестане.

Как было указано выше, не только для центральной России, но и для областей, которые являлись колониальными придатками империи, Февральская революция была поразительно ярким, классическим проявлением классовой борьбы. Эта революция подготовила и в ходе своего развития, особенно после июльского расстрела и корниловского мятежа, разделила всех граждан России и ее окраин на два лагеря — на сторонников Февральской революции и ее органов на местах, и на общественную силу, которая боролась за перерастание буржуазно-демократической революции в социалистическую.

В ходе развития революции, когда лозунг «Вся власть Советам» с повестки дня был временно снят, большевистская партия готовила субъективные факторы к перерастанию буржуазно-демократической революции в социалистическую, и под это знамя встал весь пролетариат и беднейшая часть крестьянства. С другой стороны, под знаменем контрреволюции

¹¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 34, стр. 299.

¹² В. И. Ленин. Там же, стр. 278.

собрались все эксплуататорские слои. Под это же знамя встало большинство старого царского офицерства и значительное количество старой интеллигенции, интересы которой были тесно связаны с интересами буржуазии.

Революции, которая должна была перерасти в социалистическую, можно было противопоставить только контрреволюционную силу, опиравшуюся на тех, кому хорошо жилось при царизме и при Временном правительстве, кто имел источником своего благосостояния ту или иную эксплуатацию и кто был материально заинтересован в ее сохранении.

На окраинах местная буржуазия, офицерство, интеллигенция и зажиточное крестьянство сумели быстро сорганизоваться и создать местные буржуазные правительства. Обманутые, угнетенные, разжигаемые националистическими лозунгами, духовно порабощенные религиозным дурманом трудящиеся окраин оказались под ярмом местной и общеперсской буржуазии.

Дагестанская буржуазия была слабее, чем буржуазия крупных национальных районов царской России. Тем не менее эта буржуазия с помощью местной буржуазной интеллигенции и верхушки духовенства, воспользовавшись слабостью местных революционных сил, захватила власть в свои руки.

Разумеется, в Дагестане, как и в других районах империи, интеллигенция была неоднородна. Дагестанская интеллигенция подразделялась на три основные группы: а) интеллигенция европейской школы из военных и чиновников; б) интеллигенция арабско-исламской школы; в) интеллигенция свободной профессии.

Интеллигенция европейской школы из военных и чиновников родилась и выросла как орудие царизма в борьбе сначала с дагестанским беднейшим крестьянством, а в дальнейшем — с революционными элементами. Она являлась выкормком русской военно-чиновничьей* дворянской интеллигенции и местной помещичье-дворянской среды, усвоив в своем воспитании черты последней. С самого начала она выполняла нужды царской администрации в офицерах и чиновниках, знающих край и язык. Эта сила стала во главе буржуазии, которая после Февральской революции пришла к власти.

Интеллигенция арабско-исламской школы была проводником политики национальной буржуазии в условиях дагестанской действительности. Кровно связанная с местной буржуазией, она стремилась покончить с теми, кто боролся за перерастание буржуазно-демократической революции в социалистическую, с теми, кто покушался на права и собственность буржуазии и землевладельцев. К этой группе мы можем отнести Нажмутдина Гоцинского, Узун-Гаджи, Темирханова, Гайдара Бамматова, Магомед-Кади Дебилова, Темир-Булата Бамматова, Агарагима Кади, Тажутдина Кадиева, Адил-Гирея Даитбекова и многих других.

Для подтверждения сказанного сошлемся на высказывания одного из главарей контрреволюционного офицерства — монархиста полковника Джафарова. Вот что он говорил: «Имам Нажмутдин быстро понял, что без кровавой борьбы власть ему не получить. Отсюда его совсем особое отношение к военной силе. Ее он ценил. Поэтому, как это требовали традиции шамилевской монархии, он и не провел в жизнь уничтоженное офицерства, а наоборот, очень ухаживал за офицерством, стремился привлечь офицерство на свою сторону. Офицерству же некуда было деться. Оно попало в тупик. Офицерство примкнуло к нему как к дагестанской национальной силе»¹³.

Эта клика вполне довольствовалась благами, предоставленными ей царской администрацией, чинами и орденами, пышными мундирами, резко выделявшими их из «серой» дагестанской массы. Видя обреченность монархии, она окрасилась национальным оппозиционным флером и во имя защиты ислама и шариата выступила против подлинно революционных сил.

Как и все народы царской России, народы Дагестана накануне Февральской революции переживали процесс политического брожения. Изю дня в день становилась ясной неизбежность распада старой системы на почве разрухи, губительных последствий войны, гнилой и обветшалой национальной политики, пагубной социальной политики, дряблости системы военно-феодалного империализма.

Весть о свержении царизма глубоко всколыхнула народные массы Дагестана. В городах происходили демонстрации рабочих и солдат, а во многих аулах прошли собрания джамаата. В городах возникают Советы рабочих депутатов, а в гарнизонах создаются Советы солдатских и офицерских депутатов.

Чтобы характеризовать лицо Советов, их политическую зрелость, участие в их деятельности местных элементов, приведем протокол съезда, впервые вводимый в научный оборот. Вот что мы находим в этом протоколе.

Открытие съезда

Совет. Раб. Солд. и Крест. депутатов Дагестанской области

Съезд открылся 25 июля 1917 года, в 8 часов вечера.

Представитель оргкомиссии Гуревский сделал краткий доклад о созыве съезда, после чего избирается Президиум, куда избраны: Трунов — председателем, Гуревский и Хохлов — товарищами председателя, Глазунов и Кагарлицкий — секретарями.

---

¹³ Мемуары полковника Джафарова. Рукоп. фонд ИИЯЛ, д. 1914, стр. 16.

Председатель оглашает порядок дня, выработанный оргкомиссией.

Глазунов предлагает: после докладов с мест обсудить вопрос об отношении к Областному Исполнительному Комитету.

Гуревский настаивает на выделении этого вопроса, поставив его в порядок дня.

Принимается предложение Журавеля: после обсуждения докладов с мест вынести резолюцию об отношении к Обл. Исполкому.

Затем принимается предложение Гурского: пункт 3 о подготовке к выборам в Учредительное собрание расширить и добавить «и в городские самоуправления».

Порядок дня утверждается съездом.

Второй день работы

Дагестанского съезда Советов Раб. Солд. и Кр. депутатов.

26 июля заседание открывается в 9 часов утра. Обсуждается предложенный Президиумом регламент работы съезда и принимается с некоторыми поправками.

Начинаются доклады с мест.

Глазунов (от Шуринаского Совета военных депутатов) делает доклад о положении дел в Шуре. Революция в Шуре началась поздно и жизнь в городе немного оживилась. Начали возникать революционные организации, прежде всего — Совет солдатских депутатов, к которому присоединились офицерские депутаты.

В скором времени образовался Областной Исполнительный Комитет. По инициативе мусульманского просветительного общества, в воскресный день собрались на базаре жители близлежащих аулов для выборов Дагестанского Областного Исполнительного Комитета. Среди граждан на собрании заметно было много чиновников, служивших при губернаторе. При последнем же губернаторе самую деятельную роль играл инженер Темирханов, который всегда был близок к губернаторам, а остряки говорили, что Темирханов является губернатором. Он всегда принимал видное участие при встрече «высочайших особ». При встрече Николая II в Дербенте Темирханов был переводчиком, при этом вместо перевода речей, он давал собственные речи, полные самых восторженных восхвалений «обожаемого монарха». Темирханов выступал с речью при проезде Николая Николаевича (великого князя). При деятельном участии этого Темирханова и произошли «выборы» Областного Исполкома.

На базаре произошло разделение граждан по округам, т. е. рабочая масса в Шуре состоит из жителей всех округов. Выборы производились открытой баллотировкой. Так сформировался Областной Исполком, который обратился к Шуринаскому

Совету Воен. и Раб. депутатов с просьбой делегировать своих членов. Совет отказался, мотивируя тем, что Комитет не может быть признан областным, а только лишь оргкомиссией для подготовки выборов в Областной Комитет.

Первоначально Обл. Комитет не знал, чем заниматься. У Комитета установились хорошие отношения с губернатором, члены Комитета старались всеми силами его поддержать. От городского самоуправления было ходатайство оставить губернатора. При этом нужно отметить, что между городским самоуправлением и Областным Комитетом существует духовная связь.

Темирханов — председатель Обл. Комитета в то же время состоит уполномоченным городского самоуправления.

Вся работа, которая должна была исполняться городским самоуправлением и Обл. Комитетом легла на Совет военных депутатов. Эта работа оказалась непосильной. Жизнь стала входить в нормальную колею, когда был прислан в качестве комиссара Ибрагим Гайдаров.

Но Обл. Комитет стал чинить всяческие препятствия работе комиссара. Начались придирки, указывали, что работа Гайдарова вредна дагестанскому народу. Начали говорить, что он не социал-демократ, т. к. в Государственной Думе вступил в мусульманскую фракцию. Другого обвинения подыскать не могли.

Вследствие разногласий между Обл. Комитетом и комиссаром, Гайдаров должен был уехать. При этом надо отметить, что Гайдаров заявил, что он будет работать в полном контакте с революционными организациями. Мы решили Гайдарова поддержать и настаивали на том, чтобы он остался.

Гайдаров апеллировал к Закавказскому Комитету, который вынес следующую резолюцию: «Точка зрения Гайдарова и Совета Военных депутатов правильна, со стороны же Обл. Комитета недоразумение».

11 (24) марта 1917 года на собрании рабочих в Порт-Петровске был создан Совет рабочих депутатов, в который вошли представители рабочих промышленных предприятий.

Воспользовавшись слабой организованностью рабочих, их политической незрелостью, отсутствием большевистской организации, зрелых и устойчивых руководителей, меньшевики и эсеры захватили руководство Советами в свои руки. Президиум Совета возглавил меньшевик Фонштейн. Несколько позднее был организован Совет солдатских и офицерских депутатов Порт-Петровского гарнизона под председательством меньшевика Немсадзе.

В апреле были организованы Советы рабочих депутатов в Дербенте и Темир-Хан-Шуре. Председателем Дербентского Совета рабочих депутатов был меньшевик Местревелли.

Вначале Советы рабочих и солдатских депутатов возникали

раздельно. Но и в последующем, когда эти Советы были объединены, они оставались эсеро-меньшевистскими.

Политическая незрелость Советов выразилась в том, что свою работу они вели только среди рабочих и солдат городов области и совершенно отмежевались от работы по вовлечению в активную политическую борьбу основной массы населения области — горцев Дагестана. Пагубность такой политики очевидна.

Разрозненные Советы делают попытку созвать первый Дагестанский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов.

На этом съезде присутствовали делегаты от Советов солдатских депутатов гарнизонов Гуниба, Хунзаха, Кумуха, Карадаха, Дешлагара, Ботлиха, Хасавюрта, Чирюрта, Ахтов. В работе съезда приняли участие представители Совета крестьянских депутатов в Белиджах — единственного в то время в Дагестане.

Гайдаров приступил к работе. Но тут был назначен другой комиссар и предложено было Обл. Комитету выбрать нового комиссара. Советы Дербента, Петровска, Шуры запротестовали. Далгат вскоре уехал. Работать Гайдарову было невозможно, его называли «солдатским комиссаром». Обл. Комитет отвел очень скромную роль комиссару и пытался подчинить себе все учреждения области.

Расхождения между Обл. Комитетом и Советом дошли до того, что делегаты Совета были отозваны из Комитета, первый раз, когда Гайдаров апеллировал в Закавказский Комитет, второй раз — при инциденте с инженером Дахадаевым.

Еще до революции говорили, что на кинжальном заводе Дахадаева неладно: спекуляция с металлами и злоупотребления с отсрочками военнообязанным.

Была произведена ревизия, но она ничего не дала. После революции Совет военных депутатов обратил внимание на этот завод.

Мы знаем, что в 1905 году Дахадаев работал в партии с. д., был в ссылке, но потом каким-то образом вернулся. Но мы заинтересовались им, как лицом, стоящим во главе завода. Сделан был учет имеющихся у него материалов — для этого установлена была смешанная комиссия. Произведено было расследование, и дело было передано следователю по особо важным делам в Баку.

Тогда Дахадаев начал заявлять, что Шуринский Совет — организация не революционная и не демократическая.

Совет постановил наложить печати на склады Дахадаева. Тот сначала не протестовал, а потом потребовал снять печати и предъявил ультиматум «если печати не будут сняты, я их сорву». Совет заявил, что судебная власть не принимает под свою охрану материалы, поэтому печати не могут быть сняты.

Дахадаев печати сорвал.

Была послана делегация в Тифлис, где меры Совета по контролю на заводе были одобрены. Тогда Дахадаев заявил: «Если вторично наложите печати, я их сорву, а караул сниму». Вследствие угрозы караулу, постановлено было арестовать Дахадаева.

Так как Дахадаев был заместителем председателя Обл. Комитета, то прежде чем произвести арест, Совет обратился в Обл. Комитет. Дахадаеву был задан ряд вопросов. Он ответил, что печати не будет срывать и караул не будет снимать. Тогда решили арест отменить. Началась травля Совета в Обл. Комитете, на улицах и в мечетях. Был даже поставлен вопрос — подчиняется ли Совет Обл. Комитету. Тогда Совет отозвал своих представителей из Обл. Комитета.

Совет в своей работе самые главные препятствия встречал со стороны Обл. Комитета, который не давал спокойно работать существующим организациям, а сам не ведет никакой работы по организации масс на местах.

Насколько далеко стоял Обл. Комитет от населения, не развивал никакой просветительной деятельности указывает следующий факт:

После того, как Михаил отрекся от престола, поступило 42 приговора от сельских обществ, требовавших, чтобы на престоле остался Михаил.

Обл. Комитет вспоминал о дагестанском народе лишь тогда, когда предстояли выборы. Тогда члены его объезжали округа и возвращались избранниками.

«Впечатление участника съезда»

На съезд явились делегаты всех солдатских Советов, имевшихся в Дагестанской области. Дербент и Петровск прислали делегатов от объединенных Советов Р и В депутатов. Шуринский Совет Раб. депутатов не был представлен на съезде, т. к. в этот момент происходила реорганизация Совета.

Делегатов съехалось немного, — всего 26 человек — везде не хватает работников, почти все Советы вынуждены были воздержаться от делегирования полного числа делегатов.

От окрестных крестьян явились лишь делегаты Белиджинского участкового Совета крестьянских депутатов. До сих пор крестьянская масса в Дагестане еще не организована.

Главной причиной неорганизованности крестьянских масс является то противодействие, которое оказывает Обл. Исп. Комитет через своих агентов на местах всяким попыткам к организации дагестанского народа.

26 июля начались доклады с мест. Все докладчики указывали на отсутствие организованности в Дагестане.

Необычайный оптимизм высказали только петровские делегаты. По их словам, положение в Петровске прекрасное и все обстоит благополучно. Похваливши себя, товарищи-петровцы

высказали порицание шурицам и слегка побранили дербентцев. Их поведением многие участники съезда остались недовольны»¹⁴.

Прежде всего необходимо отметить, что на съезд не были приглашены представители коренных народностей Дагестана. Далее, своим отношением к исполнительному комитету, и особенно к комиссару Временного правительства Гайдарову, Совет ярко выразил политику прислужничества буржуазному правительству.

Совет не проводил никакой политической работы, не стремился к организации народов Дагестана в единую политическую силу. Он не имел ни политической, ни аграрной программы применительно к условиям Дагестана и всю свою деятельность ограничивал призывами поддерживать во всех отношениях политику Временного правительства.

Одновременно с Советами в городах области появляются профсоюзные организации рабочих и служащих. За короткий срок в одном только Порт-Петровске были созданы профсоюзные организации почтово-телеграфных служащих, рабочих рыбных промыслов, бондарей, текстильщиков, железнодорожников, грузчиков, строителей, учителей, врачей, кустарей и ремесленников.

В Дербенте организовалась крупная профсоюзная организация — «Союз всех профессиональностей» — которая объединяла рабочих города и ближайших рыбных промыслов в количестве около 800 человек. «Союз всех профессиональных союзов», возглавляемый большевиком Д. Пугиным, поддержавшим непосредственную связь с ЦК РСДРП(б), сыграл большую роль в деле одержания победы Советской власти в Дербенте.

Наряду с Советами рабочих и солдатских депутатов и профессиональными союзами в городах области были созданы органы Временного правительства — гражданские исполнительные комитеты, мусульманские комитеты. В то же время продолжали функционировать городские думы.

Если в городах области шла усиленная работа по организации власти, то и в горах не дремали, особенно те, кто был полон решимости установить шариатскую монархию в Дагестане. Шариат являлся главным звеном общественно-политической жизни, выдвигавшимся муллами и кадиями Дагестана после революции.

Что же предлагали шариатисты?

По их мнению, после революции, вместе с русскими чиновниками и русским населением должны были уйти из края и те дагестанцы, которые скомпрометировали себя службой цариз-

---

¹⁴ Газ. «Известия Дербентского Совета Р и В депутатов», № 80 и 81, 1—2 августа 1917 г.

му, т. е. вся чиновничья интеллигенция и офицерство. Под этим лозунгом Нажмутдин Гоцинский и Узун-Гаджи организовывали население горного Дагестана.

Среди шариятистов самым активным деятелем был Узун-Гаджи. Он не был ученым-арабистом, а был фанатиком-националистом, боровшимся против всех русских, к какому бы лагерю они не принадлежали. Он обманывал горцев, утверждая, что с ним «беседует сам бог». Темные горцы верили его словам, толпою ходили к подвалу, в котором он «уединялся для беседы с богом» и приносили ему все лучшее, что у них было.

Дело в том, что преследованиями со стороны военно-народного управления и ссылкой в Сибирь само царское правительство постаралось возвысить фанатика перед горской массой, чем воспользовался Узун-Гаджи.

Приносимый от «уединения» доход был очень значительным, и Узун-Гаджи богател с каждым днем. А так как доход был пропорционален славе, то Узун-Гаджи энергично стремился к славе и власти.

Когда произошла революция, Узун-Гаджи, ничем не способствовавший ее свершению, решил, что пришел его день. Он поднял голову и, «побеседовав с богом», объявил газават всему русскому. Вот что пишет в своих воспоминаниях полковник царской армии Джафаров: «Он (т. е. Узун-Гаджи — Г. Д.) потребовал, чтобы все русские были изгнаны из страны, чтобы все, что только было создано русскими в Дагестане было уничтожено, чтобы и следов их пребывания в Дагестане не осталось. Он потребовал, чтобы вместе с русскими были изгнаны и уничтожены те из дагестанцев, которые осквернили себя службой у русских, общением с ними. Во всей стране должен быть установлен шариат. Шариат должен был сделаться единственным законом, которому должны были повиноваться все дагестанцы»¹⁵.

Однако Узун-Гаджи вскоре убедился, что ему не удастся осуществить то, к чему он стремился. Столкнувшись с народом, он убедился, что власти ему не получить, имамом Дагестана ему не стать. Как хитрый и дальновидный человек, он сразу же переменял фронт и присоединился к Нажмутдину Гоцинскому, который также был сторонником установления шариатской монархии.

Нажмутдин Гоцинский, крупный арабист, ученый, поэт и оратор, был тяжел на подъем, нерешителен и труслив. Он никогда не решился бы на открытую борьбу, если бы не Узун-Гаджи, который вывел этого богача на свет и постоянно толкал его к активным действиям. Узун-Гаджи «беседовал с богом» и объявлял народу, что для достижения цели движение

¹⁵ Рукоп. фонд ИИЯЛ Дагфилиала АН СССР, д. № 380, стр. 6.

против русских должно иметь главу и что бог хочет, чтобы Нажмутдин Гоцинский, как человек ученый и богатый, стал имамом Дагестана.

Узун-Гаджи в сопровождении своих людей стал объезжать селения и собирать народ на поклонение имаму и изъявление ему своей преданности и готовности умереть за него и за шариат. Как только набралась достаточно внушительная толпа последователей, Узун-Гаджи направился с ней в сел. Гоцо, где жил Нажмутдин Гоцинский и потребовал от него, чтобы он стал имамом Дагестана, так как бог и народ этого хотят.

«Особенную, совершенно непримиримую ненависть питали Узун-Гаджи и Нажмутдин Гоцинский к Дагестанской социалистической группе. По отношению к ее лидерам Коркмасову и Дахадаеву они жаждали кровавой расправы и их уничтожения. Они никогда не уставали призывать на их головы все мыслимые проклятия и всячески натравливали горцев против них»¹⁶.

Нажмутдин Гоцинский, сын царского наиба, крупного помещика-барановода, в свое время был в аварских округах почетным, влиятельным и известным человеком. Он был воспитан в строго мюридистской обстановке и получил обширное арабское образование. Это придало ему еще большее значение.

Нажмутдин Гоцинский учитывал ценность каждой группировки, сложившейся после революции в Дагестане, представлял себе, что может дать каждая группировка, чем она может быть полезна и чем может угрожать. Он «с большой осторожностью относился к социалистической группе и всегда взвешивал каждый шаг по отношению к ней. В них он чувствовал непримиримых врагов, способных сопротивляться и имеющих реальную силу».

Нажмутдин Гоцинский был человеком крайне строптивым, гордым, своевольным, и личные мотивы у него играли главную роль. С помощью Узун-Гаджи Гоцинский окружил себя большой группой духовенства, создал себе с помощью этого духовенства «славу» и привлек на свою сторону фанатично настроенную часть населения. Это позволило ему сыграть большую и крайне отрицательную роль в политической жизни Дагестана после Февральской революции.

Шариат, с его мракобесным учением, смерчем движется на революционные города и аулы Дагестана, разрушая все на своем пути. Реакционеры ставят перед собой задачу покончить с революцией, уничтожить все ценное, что было создано в Дагестане русской культурой. Большевиков и социалистов они выставляют перед фанатично настроенной темной массой,

---

¹⁶ Рукоп. фонд ИИЯЛ Дагфилиала АН СССР, д. 380, стр. 7.

как прокаженных, как безбожников, на которых излишне тратить слова, а надо вести разговоры лишь кинжалом.

Таким образом, в период Февральской революции как в городах, так и в аулах происходит перегруппировка классовых сил. С одной стороны выступает буржуазия во главе с буржуазной интеллигенцией и меньшевистско-эсеровскими лидерами, хотевшими ограничиться завоеваниями Февральской революции. Буржуазия располагала помощью Временного правительства и военной силы в лице двух дагестанских конных полков.

С другой стороны выступали средневековые шариатские мракобесы с фанатично настроенной темной массой, стремящиеся создать теократическую монархию под эгидой турецкого султана. Тем самым они рассчитывали покончить с революцией и революционным народом, с прогрессом и передовой культурой русского народа, проникшей в Дагестан.

Третья сила — социалисты, коммунисты, революционная интеллигенция, получившие передовое воспитание в русской революционной школе. Они стояли во главе городских рабочих и беднейшей части населения аулов, боровшихся за продолжение революции в Дагестане, за перерастание ее из буржуазно-демократической в социалистическую.

Под флагом борьбы «за национальное освобождение» буржуазная интеллигенция и буржуазно-помещичья верхушка всячески разжигали межнациональную рознь и вражду. Спекулируя на недовольстве национальных масс политикой царизма, буржуазные националисты сеяли среди дагестанцев семена ненависти к великому русскому народу, провокационно отождествляя его с царизмом. Таким путем буржуазные националисты хотели отгородить трудящихся Дагестана от революционного воздействия русского рабочего класса, помешать установлению, под руководством рабочего класса, общего фронта борьбы всех трудящихся против эксплуататоров.

После Февральской революции буржуазно-освободительное движение в Дагестане в действительности протекало в двух направлениях:

1) В направлении «национального освобождения» через воссоединение с «братским» мусульманским Востоком. Это движение возглавляли интеллигенция исламской школы и духовенство, в той или иной степени заинтересованные в торжестве ислама и в какой-то мере связанные с Востоком. Идеология панисламизма находила благодатную почву, ибо она, как форма борьбы за «свободу», была постоянным оружием в руках дагестанских националистов. К этому движению примыкали арабисты, фанатично настроенные массы и часть представителей торговой буржуазии.

2) Другая часть буржуазно-националистической интеллигенции мыслила «освобождение» горцев в рамках буржуазных

отношений, путем превращения Дагестана в колонию какой-нибудь передовой капиталистической державы, вроде Англии. Эта группа состояла из всех видов националистов, которые были тесно связаны с национальной буржуазией и представляли ее интересы.

Оба эти течения выходят на арену в тот момент, когда пролетариат и крестьянство Дагестана, под руководством большевиков и революционной пролетарской интеллигенции, под воздействием революции в России, вступают в борьбу с капиталистическими предпринимателями, администрацией Временного правительства, местными беками и всеми угнетателями. Обе группы дагестанской контрреволюционной буржуазии, доказывая, что они выступают от имени «народа», стремились оторвать дагестанцев от революционного народа России, от пролетариата городов Дагестана, расколоть народы и тем самым сорвать революционное движение пролетариата и крестьянства в Дагестане.

Когда под воздействием революционного движения в России в Дагестане начались революционные выступления рабочих и крестьян, когда крестьянство с оружием в руках стало защищать свои права, все эти оттенки национализма слились в единое контрреволюционное движение и сомкнулись вокруг дворян, офицеров, шариатистов и мулл.

Таким образом, истинно национально-освободительным движением оставалось то, которое сливалось с революционным движением русского пролетариата и крестьянства.

Февральская революция существенных изменений в положение трудящихся Дагестана не внесла. «Произошла только незначительная смена административных лиц. Вместо старых названий появились кое-какие новые названия»¹⁷.

В период Февральской революции, как и на большинстве национальных окраин, буржуазия и помещики оказались сильнее и организованнее, нежели трудящиеся массы. Немногочисленная большевистская организация к моменту революции была почти ликвидирована или загнана в глубокое подполье. Местная буржуазия и помещичье-клерикальная верхушка захватили власть без особого труда.

Возникшие в начале революции Советы рабочих и крестьянских депутатов и Советы солдатских депутатов оказались в руках меньшевиков и эсеров, а последние так же, как и в России, пошли на сговор с местной национальной буржуазией.

В результате Февральской буржуазно-демократической революции в Дагестане были ликвидированы административные учреждения царского периода, как-то: канцелярия воен-

---

¹⁷ Г. К. Орджоникидзе. Избранные статьи и речи. 1911—1917 гг., стр. 56.

ного губернатора, Дагестанское областное по горским делам присутствие, жандармско-полицейские учреждения (канцелярия помощника начальника Бакинского губернского жандармского управления, полицейские управления Порт-Петровска, Темир-Хан-Шуры, Дербента и Хасавюрта), окружные суды и Дагестанский «народный» суд, городские упрощенные общественные управления, должности начальников округов и участков.

Взамен ликвидированных царских учреждений были образованы местные органы Временного правительства. 9 марта 1917 г. был образован временный гражданский исполнительный комитет Дагестанской области в Темир-Хан-Шуре, а 22 марта — Областной Совет. В его состав вошли: из Темир-Хан-Шурина округа инженер З. Темирханов, инженер А. Даитбеков, князь Н. Тарковский, полковник З. Даногуев, учитель Н. Касуларов, помещик Муртаза Гаджи Пайзуллаев; из Андийского округа — Д. Сулейманов и С. Махмудов; из Аварского округа — инженер М. Дахадаев, Н. Гоцинский, инженер С. Кваршалов, Я. Исаков и Кебет-Гаджи Гусейнов; из Гунибского округа — Р. Мавраев, М. Дебилов и М. М. Мавраев; из Касумкентского округа — Бадави Саидов, Али Каяев, Сайфудин Башларов и инженер Дауд Бутаев; из Даргинского округа — Абдусалам и Далгат, Малла Магомедов и Али Султанбеков; из Кайтаго-Табасаранского округа — Абдусалам Абдуллаев и Хаджи Абдулганиев; из Кюринского округа — Гамзат-Бек Юсуфханов, Абдужафар Коркмасов и Асад Эмиров. Кроме того, в состав Совета вошли жители Петровска, Дербента и Темир-Хан-Шуры. От рабочих и солдат этих городов было решено выбрать по два человека.

О своей организации сообщил Областной Совет Временному правительству и Всероссийскому исполнительному комитету. В телеграмме на имя Родзянко говорилось: «В Темир-Хан-Шуре выбран временный исполнительный комитет, председателем которого избран инженер З. Темирханов. Члены исполнительного комитета дают клятву подчиняться распоряжениям Временного правительства, с радостью заверяют правительство о готовности дагестанских горных и плоскостных народов пожертвовать своими имуществами и даже жизнями ради свободы и распоряжений новой власти».

В ответ была получена телеграмма следующего содержания: «Просим Дагестанский исполнительный комитет довести до сведения всего дагестанского народа, особенно хозяевам больших земель, крестьянам, арендаторам следующее наше обращение: ...Государственная дума от вас просит: выполнить ваш долг перед отечеством».

Областной Совет стремился проводить в жизнь все то, что диктовала национальная буржуазия, которая привыкла работательно служить царизму. Исполнительный комитет Областного

Совета посылал на подпись военному губернатору Дагестанской области генералу Ермолову все распоряжения. Только за его подписью они и приводились в исполнение.

Для характеристики состава исполнительного комитета остановимся на некоторых его членах. Так, например, князь Нухбек Тарковский был владельцем 25 тыс. десятин лучшей земли, огромных пастбищ, соляных озер, рыбных промыслов, нефтяных источников. Или возьмем другого члена комитета — вождя местной дагестанской клерикально-феодалной контрреволюции Гоцинского. Он был самым крупным овцеводом, у которого было около 18 тыс. овец, многочисленные кутаны, табуны лошадей, крупный рогатый скот. Царское правительство осыпало его знаками своего внимания, награждало орденами. Вслед за царским, и Временное правительство старалось привлечь Гоцинского на свою сторону. Первого мая 1917 года на съезде горских народов во Владикавказе, руководимом соглашателями, Гоцинский был избран муфтием, то есть духовным главой Северного Кавказа.

Исполнительный комитет Областного Совета, состоявший в большинстве своем из подобных представителей, не мог организовать иной формы управления краем, кроме как угодной Временному правительству. В своем обращении к народу он писал: «Мы от вас просим, подчинитесь также Временному правительству, сохраняйте среди себя порядок и благоустройство и, думая об общих народных интересах, не нарушайте спокойствия»¹⁸.

Внутри исполнительного комитета шла ожесточенная борьба. По целям и средствам борьбы, по их общей программе в комитете определились четыре основные группировки:

1. Сторонники Временного правительства, поддерживаемые большей частью пришедшей русской буржуазией и интеллигенцией.

2. Миллитисты — местная мелкая буржуазия, главным образом торговая, идеалом которой была национальная независимость.

3. Клерикальная группа во главе с Гоцинским, идеалом которой была шариатская монархия под протекторатом Турции.

4. Социалистическая группа с большевистским уклоном во главе с Махачем Дахадаевым.

В основном борьба шла между последними двумя группами, т. е. между клерикалами и социалистами, только и имевшими за собой реальную силу.

Социалисты входили в состав комитета не потому, что они были истинными попутчиками Временного правительства, а потому что, пользуясь всеми возможностями, своими последо-

¹⁸ А. Тахо-Годи. Революция и контрреволюция в Дагестане, стр. 3.

вательно революционными действиями стремились изнутри подорвать антинародный орган власти.

Торговопромышленные и помещичье-клерикальные тузы вынуждены были терпеть в своей среде представителя социалистов — представителя большевистской ориентации, как громомтовод против революционной демократии. В то же время представитель социалистической группы Махач Дахадаев и социалистическая группа в целом, на первых порах вызывали некоторое недоверие революционных организаций лишь потому, что представитель социалистической группы участвовал в областном Совете.

По нашему убеждению, ошибка революционных организаций Порт-Петровска, Дербента и Темир-Хан-Шуры заключалась в том, что они не обращали внимания на подготовку национальных кадров, способных вести революционную пропаганду среди местного населения, не пытались использовать их возможности, не стремились в сколько-нибудь серьезной форме проводить революционную работу среди горцев. Этими организациями не были использованы ни социалистическая группа, ни просветительное бюро, ни даже профсоюзы. А главная ошибка заключалась в том, что они не проводили революционной работы среди солдат, которые были дислоцированы в 12 крепостях нагорного Дагестана, и эта сила осталась никем не использованной. Больше того, под влиянием старого офицерства и соглашательских групп эти воинские части с оружием в руках ушли из Дагестана.

Временный исполком находился под контролем Временного правительства и Особого Закавказского комитета в Тифлисе и осуществлял распорядительную власть в Дагестанской области в соответствии с указаниями Временного правительства.

Исполнительный комитет формировал на местах свои комитеты. Путь в них был открыт клерикалам и представителям местной буржуазии.

Решением временного Дагестанского областного исполнительного комитета были созданы окружные, участковые и сельские исполкомы¹⁹. Так, например, в марте 1917 года был создан временный исполнительный комитет Казикумухского округа. В его состав были введены представители торговой буржуазии и клерикальные элементы²⁰. В Казикумухский участковый исполком 26 апреля 1917 года были избраны 12 представителей имущих классов; из бедноты же не было избрано никого²¹. Аналогично были проведены выборы в Вицхинский и Уринский участковые исполкомы²².

¹⁹ ЦГА ДАССР, ф. 610—р, оп. 1, д. 13, л. 5, 17.

²⁰ ЦГА ДАССР, ф. 162/612—р, оп. 1, д. 1, л. 1, 2.

²¹ Там же, л. 6.

²² Там же, л. 7.

4 июня 1947 года был создан Кюринский окружной съезд крестьянских депутатов. Съезд подавляющим большинством голосов избрал исполком и продовольственный комитет. Председателем окрисполкома был избран студент Х.-Н. Ханмагомедов, а товарищами его — студент-металлург Али-Искендер Гасанов и студент-технолог М.-А. Гаджиханов²³. Кроме того, в Южном Дагестане Советы были избраны и в участках: Кутур-Кюринском, Курахском, Гюпейском, Южно-Табасаранском, а также Улусском магале²⁴.

В окружные и сельские Советы крестьянских депутатов почти повсюду были избраны муллы, царские старшины, судьи и полицейские, т. е. влиятельные люди, богачи. Такой состав Советов вполне обеспечивал соблюдение интересов Временного правительства.

В создавшейся обстановке, при малочисленности большевистских сил, органам Временного правительства удавалось в большинстве своем вводить в Советы своих представителей. Но в отдельных местах, где большевистское влияние было более сильным, в состав Советов входили большевики. Так, например, на выборах в Кюринский окружной Совет крестьянских депутатов местные революционные силы, руководимые Бакинской организацией большевиков, выступали против буржуазии и клерикалов, поддерживавших Временное правительство. В результате ожесточенной борьбы в состав Кюринского окружного Совета крестьянских депутатов были избраны большевики Тарки-Кули Юзбанов, Казибек Акимов, Габиб (Гатагский), А. С. Мурсалов, А.-Б. Казанбеков, Габидула (Ярагский) и др.²⁵

Борьба этих революционеров против реакции во время выборов шла по линии разоблачения реакционной избирательной платформы Дагестанского областного Совета и областного комиссариата Временного правительства. Большевики Т. Юзбеков, А.-С. Мурсалов и другие тут же на съезде объявили выборы в Совет недемократическими и фальсифицированными, ибо большинство избранных в Совет являлись муллами, старшинами, полицейскими и т. д.²⁶

В июне 1917 года в Гунибе состоялся окружной съезд Советов солдатских и крестьянских депутатов, в котором принял участие М. Дахадаев. Он дал на съезде отпор контрреволюционеру, бывшему царскому начальнику Даргинского округа полковнику М. Карнаилову. На этом съезде ярко выразилась классовая борьба между представителями социалистической группы (М. Дахадаев, М. Нахибашев) и чохской контрреволюционной группой, возглавляемой Карнаиловым.

²³ ЦГА ДАССР, д. 43, л. 3.

²⁴ Там же.

²⁵ ЦГА ДАССР, ф. 175—р, оп. 3, д. 169, л. 31.

²⁶ Там же, стр. 30.

Большевикам и большевистски настроенным представителям местных революционных сил в ряде мест удавалось убедить горцев в пагубности действий Исполнительного комитета и мобилизовать их против буржуазии и клерикалов. 26 марта 1917 года временный Дагестанский областной исполком, обсудив поступившие от трудящихся горцев из различных округов области требования «об устранении начальников округов, их помощников, начальников участков и старшин», т. е. о ликвидации власти царской администрации, решил «устранить теперь же всех начальников участков. Для управления округами и организациями комитетов образовать в каждом округе комиссариат из двух лиц: представителя областного исполнительного комитета и представителя местной военной организации. В тех округах, где нет воинской части, просить ближайшую воинскую часть о командировании в окружной комиссариат своего представителя»²⁷.

Вскоре после революции в Дагестан прибыл назначенный Временным правительством областной комиссар Гайдаров, который приступил к созданию нового правительственного аппарата. Комиссариат осуществлял административно-политическую власть в области и проводил здесь в жизнь политику Временного правительства. Однако деятельность комиссара в этом направлении была мало успешной и фактически власть Временного правительства в Дагестане распространялась только на города с их ближайшими окрестностями.

Объяснялось это тем, что ожесточенная идеологическая борьба между подлинно революционными силами и представителями Временного правительства постепенно клонилась в пользу сторонников большевистской линии, и потому Временное правительство, с его империалистическими тенденциями не пользовалось в Дагестане никакой популярностью. Народы Дагестана не доверяли комиссару Временного правительства Гайдарову потому, что он был ставленником Особого Закавказского Комиссариата и верноподданнически исполнял волю буржуазного Временного правительства, не считаясь с интересами трудящихся горцев. Вскоре он был снят.

В округа и города области посылались, или избирались на местах комиссары, подчинявшиеся комиссариату области. Вместо городских упрощенных общественных управлений были введены на основании постановления Временного правительства от 17 апреля 1917 года городские думы.

Ни освобождение крестьян от крепостной зависимости в 1913 году, ни Февральская революция не разрешили вопроса о наделе крестьян землей.

В целях защиты интересов помещиков, буржуазии, духовенства в апреле 1917 года в Темир-Хан-Шуре было организовано общество исламистов «Джамиет-Уль-Исламе», в

июле — «Джамиет-Уль-Уляма» (общество алимов) Дагестана. Организаторами этих обществ были крупнейшие земельные собственники, барановоды, капиталисты и вожди мусульманского духовенства: Гоцинский, Апашев, Мавраев, Дебилов и многие другие. В сентябре 1917 года на базе общества исламистов «Джамиет-Уль-Исламе» был создан «Мусульманский национальный комитет» или «Милликомитет» — партия горской помещичье-клерикальной и буржуазно-националистической контрреволюции²⁸.

Опорой «Милликомитета» были муллы, торговая буржуазия, кулачество, офицерство, надеявшиеся использовать отсталость, невежество, религиозный фанатизм и разноплеменность народов Дагестана.

Контрреволюционная партия «Милликомитет» пользовалась поддержкой контрреволюционного офицерства Дагестана, мусаватистов Азербайджана, меньшевиков Грузии и особенно «Центрального Комитета горцев Северного Кавказа и Дагестана». «Милликомитет» создавал свои организации в городах и во многих аулах области. Так, например, был создан «Дербентский мусульманский национальный комитет»²⁹. В Гунибском округе — в Чохе, Согратле и Телетле были созданы большие разветвленные организации «Милликомитета». В декабре 1917 года организация «Милликомитета» создается в Ахтах³⁰.

Организации «Милликомитета» появляются в Порт-Петровске и Темир-Хан-Шуре, в Андийском, Аварском, Казикумухском, Кайтаго-Табасаранском, Даргинском округах. Они проявляют большую активность в сколачивании всех контрреволюционных сил в борьбе против большевиков.

В Дагестане одновременно с «Милликомитетом» активно действовала буржуазная партия мусаватистов. Известное значение приобрела в Дагестане и партия исламской интеллигенции и помещиков — «Иттихад» («Единство ислама»).

Этот контрреволюционный блок становится опорой Дагестанского Исполнительного Комитета. Помещики и буржуазия Дагестана при помощи буржуазной интеллигенции и верхушки духовенства получили свой собственный орган в борьбе против трудового народа.

В программе «Милликомитета» говорилось, что «различные политические партии преследуют различные цели... Признавая ислам не только величайшей религиозной системой, но и громадной культурной силой, партия будет стремиться к единению восточной и западной культур..., развивая глубоко разложившиеся в исламе специфические, ему одному присущие начала

²⁸ Архив Дагфилнала ИМЛ, ф. 35, л. 36.

²⁹ ЦГА ДАССР, ф. 611—р, оп. 1, д. 18, л. 7.

³⁰ ЦГА ДАССР, ф. 610—р, оп. 1, д. 28, л. 11.

духовного и нравственного совершенствования человеческой личности. ...Не интересам какого-либо отдельного класса трудящихся, фабричных рабочих или земледельцев... а интересам всего населения Дагестана, считает своим долгом служить наша партия... Исходя из этих общих задач, партия будет вести свою политическую борьбу в формах, соответствующих конкретным условиям дагестанской действительности»³¹.

В области аграрных отношений в программе говорится, что «для прочности нового порядка землевладения и землепользования реформа эта должна соответствовать правовым воззрениям мусульман. Так как ни одна из существующих аграрных программ политических партий как социалистических, так и других не соответствует предписаниям шариата... Партия, считая необходимым аграрную реформу построить на прочном основании шариата... должна перейти в собственность населения... Порядок перехода и распределения этих земель... должен быть разрешен шариатскими судебными установлениями»³².

В области международной политики программа провозглашала: «Ввиду общности духовных и культурных интересов с народами, исповедующими ислам, партия особенное внимание свое уделит укреплению и углублению естественных связей, объединяющих мусульманские народы Востока»³³.

Органы Временного правительства во главе с Областным Комитетом и «Милликомитетом» вели усиленную работу по сплачиванию контрреволюционных сил.

Для того, чтобы упрочить свое положение и показать, что Областной Комитет и «Милликомитет» будут проводить свою политику согласно с пожеланиями дагестанского духовенства, эти органы 2 августа 1917 года созвали в Темир-Хан-Шуре съезд дагестанских алимов, на самом деле являвшийся съездом дагестанского духовенства. На этом съезде обсуждались следующие вопросы: 1) о судах, 2) о пожертвованиях на полезные дела, 3) о языке обучения в школах, 4) об открытии в Дагестане духовных школ³⁴.

Относительно судов съезд духовенства постановил придерживаться шариата³⁵. Этим решением съезд свел на-нет деятельность светских судов, которые были организованы в Дагестане. Дагестанский горец опять был отдан в руки безнравственных и невежественных клерикалов.

По вопросу открытия духовных сил было постановлено в каждом округе иметь по одной духовной школе, а в Темир-Хан-Шуре открыть высшую духовную школу.

31 Рукоп. фонд ИИЯЛ Дагфилиала АН СССР, «Адалят», стр. 1—2.

32 Там же.

33 Там же.

34 Рукоп. фонд ИИЯЛ Дагфилиала АН СССР, д. 380, л. 12.

35 Там же.

При обсуждении вопроса о языке духовенство разделилось на ряд групп: одни требовали вести преподавание на арабском языке, другие — на тюркском языке, третьи стояли за арабский и тюркский языки вместе. Ввиду недоговоренности вопрос о языке и преподавании в школах не был решен.

В августе 1917 года в Темир-Хан-Шуре состоялся Всеобщий съезд представителей народов Дагестана. На этом съезде обсуждались многочисленные вопросы, в том числе и вопросы о суде, языке и школе. Съезд был созван после того, как согласно распоряжению Исполнительного Комитета были сконструированы органы Исполнительного Комитета и были назначены комиссары округов.

По вопросу о суде между социалистами и клерикалами шла ожесточенная борьба. Клерикалы настаивали на том, чтобы во всех судах дела велись по шариату, и в конечном итоге взяли верх.

По вопросу обучения детей в школах, в противовес требованиям социалистов, съезд вынес постановление в пользу тюркского языка.

На этом съезде дагестанские социалисты, рабочие и солдатские депутаты, опиравшиеся на представителей трудового крестьянства, при выборах в Исполнительный Комитет одержали победу, собрав большинство голосов. Избранными оказались: из Темир-Хан-Шурина — Д. Коркмасов, инженер Даидбеков, от Аварского округа — Махач Дахадаев и Магомед Мирза Хизроев, от Гунибского округа — М. Ахвердиев и Шейх-Али, от Казикумухского округа — С. Башларов и С. Габиев, от Даргинского округа — А. Зулпукаров и А. Тахо-Годи, от Кайтаго-Табасаранского округа — шейх Ахмед и А. Абакаров, от Кюринского округа — А. Алкадарский и Шабанов, от Самурского округа — Б. Султанов и А. Эфендиев, от Андийского округа — К. Гаитов и Х. Закарияев. Кроме них от Советов рабочих и солдатских депутатов городов было избрано по одному человеку.

Председателем Исполнительного Комитета был избран Д. Коркмасов. Комиссаром Дагестанской области был избран карачаевец Басият Шиханов.

При такой расстановке классовых сил, при исключительно остром сопротивлении национальной буржуазии, местного духовенства и шариатистов, в Исполнительный Комитет Дагестанской области оказались избранными представители революционной интеллигенции, члены Социалистической группы.

На этом вопросе необходимо остановиться подробнее.

Общеизвестно, что в период реакции почти полностью была разгромлена социал-демократическая организация в Темир-Хан-Шуре, сильно пострадали Дербентский комитет и Порт-Петровская группа РСДРП. В результате репрессий многие социал-демократические группы прекратили свое существова-

ние, другие сильно ослабили работу, нарушилась связь между ними.

Империалистическая война также отрицательно сказалась на работе тех малочисленных групп социал-демократов, которые сохранились в Дагестане. В начале войны в результате мобилизации и жестоких репрессий эти группы либо были еще более ослаблены, либо вовсе прекратили свое существование.

В начале 1915 года рабочие бондарного завода делают попытки возродить рабочие социал-демократические группы. Большую помощь в этом оказывают Астраханская и Бакинская организации социал-демократической партии. Однако заметных успехов они не достигли. Вот почему в период Февральской революции в Дагестане не было оформившихся, политически устойчивых большевистских организаций, которые могли бы руководить рабочими и горской беднотой, претворяя в жизнь задачи, отвечающие их классовым интересам.

Первая и весьма малочисленная большевистская группа возникает в Порт-Петровске в мае 1917 года. К этому же времени относится создание большевистской группы в Дербенте, в которой было, примерно, около 15 человек.

В Порт-Петровске, Дербенте и особенно в Темир-Хан-Шуре влияние эсеровских и меньшевистских организаций на население в первые месяцы Февральской революции было значительно большим, чем влияние большевиков. В связи с этим имевшиеся в Дагестане большевистские организации и отдельные их члены из тактических соображений вынуждены были вести свою работу вместе с Социалистической группой, которая сложилась в Дагестане к марту 1917 года.

Когда революционные силы России, осуществляя программные задачи, выдвинутые В. И. Лениным в его апрельских тезисах, одобренных и принятых всей партией, готовились к решающим схваткам с империалистическим Временным правительством, могли ли малочисленные группы большевиков Дагестана отмежеваться от такой силы, какую представляла из себя Социалистическая группа? Конечно, нет.

Были ли у большевиков другие союзники, вроде Социалистической группы? Да, были. Это «Агитационно-просветительное бюро», организованное в Темир-Хан-Шуре под председательством большевика Уллубия Буйнакского. В состав бюро входили Гарун Саидов, С. С. Казбеков, Х. О. Булач, З. Батырмурзаев, К. Закуев, Гамид Далгат, Магомед Далгат.

Для большевиков это бюро было одним из рычагов, оказывающих влияние на интеллигенцию, и главным образом, на массы, которые можно было привлечь на свою сторону, из которых можно было подготовить борцов революции. Основную свою работу бюро проводило среди молодежи, особенно среди учащихся средних учебных заведений. Была создана

группа из реалистов в составе Чартова, Абдурагима Далгата, Исмаилова, Ибрагима Махмудова, Албури Алхазова. Бюро вело большую работу и среди учителей.

Проводя свою работу среди революционно-демократической интеллигенции, бюро примыкало к Социалистической группе. В своей программе бюро отмечало, что оно стоит на защите интересов трудового народа и принимает «все пункты Российской социал-демократической партии»³⁶.

Хотя бюро и заявляло о своем присоединении к программе РСДРП, политическая незрелость членов бюро, их разношерстность и непоследовательность в некоторых вопросах политической борьбы приводили к серьезным ошибкам. Это отразилось хотя бы в решении вопросов созыва общегорского меджлиса, вопросов о федерализме и автономии, аграрного вопроса, который бюро рассматривало с позиции уравнительного землепользования и трудового надела.

Заслуга Агитационно-просветительного бюро заключается в том, что оно в своей работе, в борьбе за массы опиралось на революционно-демократическую печать. По инициативе бюро была создана газета «Ильчи» (на лакском языке), редактором которой являлся Г. Саидов. Члены бюро выступали также со статьями на страницах газеты «Заман» (на аварском языке). Особенно тесными были связи бюро с журналом «Танг-Чолпан» («Утренняя звезда») на кумыкском языке. Редактор журнала З. Батырмурзаев был членом бюро.

Большевистские группы всю свою работу сосредоточили в городах.

В Порт-Петровской организации видную роль играли прибывшие сюда из Темир-Хан-Шуры У. Буйнакский, А. Сельтенева, И. Котров, Л. Фрибус, В. Коробов, Д. Атаев, К. Горбачев, Т. Маскин, Г. Корнетов, Архипов, Ш. Таркинский, Браиловский, Анкер, Лагода, Бочаров, В. Исачкин и др. Большевистская организация была создана и в Дербенте. В создании этой организации деятельное участие принимала Бакинская организация большевиков. Под руководством Бакинского комитета партии большевиков, по инициативе Н. Нариманова, М. Азизбекова и А. Джапаридзе, летом 1917 года в Дербенте организационно оформился мусульманский комитет партии большевиков «Гуммет».

Деятельное участие в организации «Гуммета» принимал Керим Магомедбеков. Членами «Гуммета» являлись Мезаир Разаев, Джефар Насыров, Ахмед Султанов, Исмаил Мехтизаде, Гулам Гусейн, Мухтар Сафаралиев, Микаил Алиев, Кадыр Кадыров, Хан Дадаш Тагиев, Мусаиб Шахбазов и др. «Гуммет» вел оживленную работу по изданию революционной литературы. Работа большевистской организации Дербента

³⁶ «Время», 24 мая 1917 г.

активизировалась, когда во главе ее встал Кази-Магомед Агасиев. Вместе с ним работали С. Струа, Г. Таги-Заде, Г. Бешенцев, Г. Канделаки, А. Цюрипов, М. Гаджиев, А. Эрлих, И. Кобяков, М. Рзаев, Т. Талибов, Д. Пугин, Г. Ильдаров и др. Они вели борьбу против меньшевиков, эсеров, буржуазных националистов.

Большевики принимали меры к организации партийных групп в аулах Южного Дагестана. Однако проделанная в этой области работа не привела к организации партийного комитета, который явился бы руководящим и организующим центром этой революционной борьбы в Южном Дагестане.

Все это говорит о том, что в численном отношении большевистские организации в дни Февральской революции в Дагестане были очень незначительны, в силу чего оказать должное влияние на горские массы они не могли. Для этого не было ни разветвленных большевистских ячеек в аулах горного Дагестана, ни направляющего центра.

Классовой линии контрреволюции нужно было противопоставить классовую линию большевиков, идеи которых отвечали интересам пролетариата, беднейшей части горского крестьянства и революционно-демократической интеллигенции. Эту роль в определенный промежуток времени играла Социалистическая группа вместе с теми большевиками, которые имелись в городах и аулах Дагестана, и той частью революционно-демократической интеллигенции, которая группировалась как вокруг Агитационно-просветительного бюро, так в особенности вокруг Социалистической группы.

Как уже отмечалось выше, одной из главных опасностей в деле углубления революции и решения основных вопросов политической жизни Дагестана на революционных началах была угроза создания в Дагестане шариатской монархии, института средневековой восточной деспотической власти.

Недолго пришлось народу Дагестана ожидать новоявленного «имам».

Специально для того, чтобы провозгласить Нажмутдина Гоцинского имамом Чечни и Дагестана, 2 сентября 1917 года близ сел. Анди был созван Второй съезд народов Дагестана и Северного Кавказа. На этот съезд были приглашены представители из Закавказья, от казаков и войск Северного Кавказа и представители всех областей Северного Кавказа.

Перед съездом шариатские мракобесы, как в Дагестане, так и в Чечне, развернули агитацию против русских, за торжество шариата. В материалах, которыми мы располагаем, говорится, что «в начале июля Нажмутдин Гоцинский позвал к себе Узун-Гаджи и сказал ему: теперь мы получили свободу, мы имеем право делать все, что хотим. Если мы не введем в жизнь шариат, воспользовавшись полученной свободой, то мы

будем большие грешники. Давай введем шариат и для управления народом по шариату изберем одного имама»³⁷.

Узун-Гаджи охотно согласился с этим и повел пропаганду в пользу Гоцинского. Гоцинский не оставался в долгу перед Узун-Гаджи и решил провозгласить его халифом Дагестана и Чечни.

В день съезда Узун-Гаджи вместе со своими мюридами совершил обряд избрания Нажмутдина Гоцинского имамом. В источнике говорится, что «Андийский съезд разъехался весьма странно: одни из делегатов просто бежали от съезда, объятые паникой, другие вернулись с дороги, третьи вернулись со съезда, потеряв надежду создать порядок в Дагестане без вмешательства посторонней силы»³⁸.

Узун-Гаджи, его мюриды и Гоцинский также вернулись домой, однако они не сидели сложа руки, а развернули кипучую деятельность по сколачиванию фанатиков для того, чтобы совершить поход в Темир-Хан-Шуру, покончить с Социалистической группой, разогнать Исполнительный Комитет и утвердиться в центре Дагестанской области.

В конце сентября 1917 года Нажмутдин Гоцинский, как имам Дагестана, Узун-Гаджи, как халиф, во главе 10-тысячной, наспех сколоченной, в военном отношении совершенно не подготовленной толпы, двинулись на Темир-Хан-Шуру.

Единственно, кто оценил грозящую опасность, были представители Социалистической группы, которые и решили с оружием в руках защищать город. С этим расчетом Социалистическая группа выступила на южную окраину города, но потом вынуждена была уйти обратно в город и забаррикадироваться в доме Махача Дахадаева.

В вышеупомянутом источнике говорится: «На другой день мне стало известно, что у Нажмутдина действительно были намерения захватить город, разогнать Исполнительный Комитет и установить шариат. Была в программе и расправа, и уничтожение Социалистической группы»³⁹.

Соглашательский Исполнительный Комитет мог бы предотвратить нашествие Гоцинского на Темир-Хан-Шуру, и для этого у комитета была реальная сила. Если бы Исполнительный Комитет обратился к Темир-Хан-Шурунскому Совету солдатских депутатов за помощью, то последний незамедлительно оказал бы ему такую.

Гарнизон Темир-Хан-Шуры в этот момент состоял из следующих частей: Красные казармы были заняты артдивизионом, который имел две батареи из 16 орудий и при них человек 250 прислуги. В Западных казармах был размещен рус-

³⁷ Рукоп. фонд ИИЯЛ Дагфилиала АН СССР, д. 380, стр. 22.

³⁸ Там же.

³⁹ Там же, стр. 18.

ский пехотный полк, там было человек 500—600. В Южных казармах помещались маршевые сотни Второго конного полка. В казармах Первого полка, около инженерных складов у Петровского шоссе, стояли две маршевые сотни Первого конного дагестанского полка. Таким образом, гарнизон города в сентябре 1917 года имел около 1.400 штыков и сабель, не считая офицеров.

Члены Исполнительного Комитета делали вид, что поход Гоцинского не представляет никакой угрозы для революции, и возражали против попытки Социалистической группы оказать Гоцинскому сопротивление. Между тем, поход этого мракобеса во главе фанатично настроенной толпы на Темир-Хан-Шуру был весьма опасен для революции, не меньше, чем корниловщина в Петрограде.

Этот мракобес хотел повернуть вспять историю народов Дагестана. Все ценное, что было создано рукою цивилизованного человека, достигнуто в науке и культуре, в экономике и быту дагестанца, он предполагал уничтожить шашкой Узун-Гаджи. Вместо гимназий, реальных училищ, начальных школ, он хотел ввести средневековую схоластику.

Вместо русского языка, он хотел ввести тюркский язык. Вместо достигнутой политической свободы, он хотел узаконить ужасы шариатской монархии. Вместо решения земельного вопроса, он хотел увековечить феодально-бекскую и кулацкую земельную собственность, сохранив прежние формы землевладения и землепользования.

Он намерен был искоренить все революционное как факт, противоречащий шариату. Ради собственных благ он хотел навечно закрыть двери Дагестана перед революционным русским народом.

Следовательно, могла ли Социалистическая группа и в целом весь революционный народ допустить Гоцинского с его так называемой армией на Темир-Хан-Шуру? Конечно, нет.

По зову Социалистической группы на защиту города вышли рабочие города, жители ряда ближайших селений, но предательскими действиями Исполнительного Комитета и Совета солдатских депутатов планы Социалистической группы были сорваны и «войска» имама вошли в город.

Дагестанская буржуазия и прежде всего Исполнительный Комитет цепко держались за Гоцинского, от него только и ожидали реальной помощи в борьбе против революционных элементов и прежде всего Социалистической группы.

«У нас, — говорится в документе, — сначала было представление, что Социалистическая группа — это Махач, Джелал, Хизроев и рабочие кинжального завода Дахадаева. В это время мы однако убедились, что это не так просто. Рабочие завода были связаны с другими рабочими города и вели очень оживленную и широкую агитацию среди окрестного населения.

Не оставляли они без внимания и наших воинских частей»⁴⁰.

Социалистическая группа и ее лидеры завоевали широкую симпатию беднейшей части населения Дагестана. Если Исполнительный Комитет открыто и не призывал к уничтожению Социалистической группы, то это еще не означало, что он был за ее сохранение. Ничего подобного! С приходом новоявленного «имам» в Темир-Хан-Шуру, Исполнительный Комитет предполагал уничтожить Социалистическую группу. По указанию Узун-Гаджи, группа вооруженных людей во главе с Али-Галичем Бугленским совершила налет на дом Махача Дахадаева, однако это покушение было отбито.

О роли Исполнительного Комитета, местного чиновничества и офицерства в дни оккупации Гоцинским Темир-Хан-Шуры в источнике мы находим следующее:

«Вскоре после прибытия Нажмутдина в Шуру было назначено у него собрание, на котором почему-то было много военных. Был приглашен и я. Собрание было в доме Куваршилова, где Нажмутдин остановился. Были: Нухбек Тарковский, генерал Халилов, Куваршилов и еще кто-то. Мы уже все собрались и ждали, а Нажмутдин в соседней комнате обедал. Вдруг дверь отворилась и Нажмутдин вышел с кумганом. Генерал Халилов стремительно и с почтительным поклоном взял у него из рук кумган и понес его вперед него до уборной. Нухбек Тарковский ждал терпеливо у уборной, пока Нажмутдин кончит и как только он вышел, взял у него также с поклоном кувшин и понес обратно»⁴¹.

Так прислуживали мракобесу, самозванному «имаму», царские генералы, трепетно ожидавшие от него похвальных отзывов.

Там же записано: «В другой раз Мусалаев (главнокомандующий войсками Исполнительного Комитета Дагестана — Г. Д.), когда я должен был пойти к Узун-Гаджи, предупредил меня, чтобы я поцеловал у него руку»⁴².

Но Социалистическая группа во главе с Махачем Дахадаевым и Коркмасовым в эти дни не дремала. Она решила воспользоваться обстановкой и изменить дело таким образом, чтобы, подорвав авторитет Гоцинского, создать сильный шариатский заслон против него.

Для этого социалисты выдвинули на митинге шейх-уль-исламом Дагестана, популярного в плоскостных и даргинских районах арабиста, сторонника Социалистической группы Али-Гаджи Акушинского. И действительно, самым сильным ударом, решившим судьбу всего предприятия Гоцинского, было провозглашение шейх-луь-исламом шейха Али-Гаджи Акушинского.

⁴⁰ Рукоп. фонд ИИЯЛ Дагфилнала АН СССР, д. 380, стр. 34.

⁴¹ Там же, л. 20.

⁴² Там же.

Нужно признать, что этот ход Социалистической группы был очень удачным и митинг, где был провозглашен Али-Гаджи, сыграл в гражданской войне в Дагестане очень большую роль. Избранием его Гоцинский был изолирован от народов Даргинского, Казикумухского, частично Лезгинского, Темир-Хан-Шурина и Хасавюртовского округов.

Бесславно закончив свой поход, Гоцинский вынужден был оставить Темир-Хан-Шуру и пуститься обратно в горы. После этого народы нагорного Дагестана отшатнулись от Гоцинского, и он не имел среди них сколько-нибудь серьезного авторитета. «После ухода Нажмутдина,— читаем мы в источнике,— в населении, по крайней мере окружающих Шуру аулов, произошел большой перелом в пользу Социалистической группы. Махач и Коркмасов приобрели большой авторитет. Темир-Хан-Шурина округ определенно покраснел»⁴³.

Действительно, дальнейшие события показали, что после ликвидации «наступления» Гоцинского Социалистическая группа получила определенный перевес. «Джамаат-уль-Исламие» и дагестанская буржуазная интеллигенция начали сдавать свои позиции. Сильно поднялся авторитет Социалистической группы и среди солдат русских частей Шурина гарнизона. «Впрочем русские солдаты и раньше из дагестанцев считались только с Соц. группой. Других они совсем не признавали и с исполнительным комитетом не считались».

В то время трудящиеся Порт-Петровска были крупной революционной силой. Здесь находился революционный Интернациональный полк, большевистская организация, которая руководила всеми разбросанными по Дагестану большевиками и близкими к ним революционерами. Исполком Петровского Совета рабочих и солдатских депутатов был единственной властью в городе и имел большое влияние на его население. Сильная большевистская организация существовала и в Дербенте.

Ошибка Социалистической группы заключалась в том, что она не установила непосредственной связи с большевистскими организациями Дагестана, не мирилась с их руководящей ролью, считая себя единственной революционной силой Дагестана. Социалистическая группа непоследовательно и порою с большими ошибками проводила революционную работу среди населения. Такой сепаратизм привел к тому, что вопреки решениям Петровского Совета рабочих и солдатских депутатов, выезжавшие из Дагестана военные гарнизоны оружие сдавали не Социалистической группе, а буржуазному Исполнительному комитету.

Однако нельзя сказать, что Социалистическая группа не прислушивалась к голосу большевиков. По указанию и при

⁴³ Рукоп. фонд ИИЯЛ Дагфилиала АН СССР, д. 720, л. 20.

непосредственной помощи большевиков Дагестана Социалистическая группа создала сильную организацию «Союз рабочих и земледельцев».

30 декабря 1917 года под руководством Д. Коркмасова и М. Дахадаева состоялось объединенное заседание представителей рабочих, крестьян, солдат и мелкой буржуазии — лавочников. Целью этого собрания явилось объединение рабочих с горцами, города с аулом. Вновь созданную организацию решено было именовать «Союзом рабочих и земледельцев»⁴⁴. В качестве членов Союза было зарегистрировано более 9 тысяч рабочих, крестьян и солдат. Был избран Совет «Союза рабочих и земледельцев» в составе 30 человек, во главе с большевиком Е. Г. Гоголевым⁴⁵.

Основным костяком Союза являлись: в городах — рабочие и крестьяне-отходники, а в сельских местностях — рабочие, отходники и главным образом беднейшая часть населения.

В округах и аулах Дагестана были организованы ячейки этого союза. Руководящую роль в аульских ячейках Союза играли бывшие бакинские и грозненские рабочие.

«Союз рабочих и земледельцев» сыграл огромную роль в вовлечении горцев в русло пролетарской революции. Уже в ноябре 1917 года Темир-Хан-Шуринский Совет «Союза рабочих и земледельцев» приветствовал большевиков и вынес решение бороться за установление диктатуры пролетариата, против буржуазного Дагестанского исполкома и партии «Милликомитет».

Деятельность Темир-Хан-Шуринского Совета «Союза рабочих и земледельцев» создавала своеобразную обстановку в Дагестане. В официальных документах эта организация носит название: «Совет рабочих и крестьянских депутатов Дагестана»⁴⁶. Активными деятелями и руководителями Совета «Союза рабочих и земледельцев» были М. Дахадаев, Е. Гоголев, Абдурашид Мирза-Оглы, Ф. Гончаров и др.⁴⁷

Темир-Хан-Шуринский Совет «Союза рабочих и земледельцев» находился под сильным влиянием большевиков. Существование этой организации после победы Великой Октябрьской революции, как органа власти Дагестана, наряду с контрреволюционным областным исполкомом, было примечательным явлением, олицетворявшим фактическое создание Советской власти в своеобразной форме. Можно смело сказать, что Темир-Хан-Шуринский Совет «Союза рабочих и земледельцев» представлял из себя носителя революционной власти Советов в Дагестане.

⁴⁴ Архив Дагфилиала ИМЛ, ф. 763, оп. 1, д. 8, л. 44.

⁴⁵ Там же.

⁴⁶ ЦГА ДАССР, ф. 7610—р, оп. 1, д. 32, л. 1, документ от 8 января 1918 г.

⁴⁷ Там же.

«Союз рабочих и земледельцев» явился понятным для горца органом власти. В борьбе за социальное освобождение рабочие, горцы и солдаты нашли общие точки соприкосновения по всем насущным вопросам. «Союз рабочих и земледельцев» существовал вплоть до создания Дагестанского областного исполкома Советов. 5 мая 1918 года происходили выборы в Совет «Союза рабочих и земледельцев»⁴⁸.

Таким образом, с каждым днем классовое самосознание трудящихся все больше и больше усиливается, усиливается и революционная деятельность пролетариата и передовой интеллигенции Дагестана. Особенно организованно выступают рабочие Порт-Петровска и Дербента, ставших центрами революционных событий в Дагестане. Партийное руководство революционным движением в этих городах осуществлялось из Баку и Астрахани. Партийные агитаторы и организаторы шли к рабочим и солдатам в города и к беднейшей части сельского населения в аулах. Бакинцы и астраханцы направляли в Дагестан революционную литературу, газеты и прокламации.

Однако для непосредственного объединения всех революционных сил в Дагестане отсутствовала оформившаяся большевистская организация. Не было ни областного комитета в центре, ни ячеек на местах, на которые могли опереться и вокруг которых могли консолидироваться революционные силы Дагестана. Группы большевиков в Дербенте и в Порт-Петровске, проводившие здесь некоторую работу, не имели заметного влияния на население аулов, особенно нагорного Дагестана. Поэтому основной общественно-политической силой, вокруг которой консолидировалась революционная часть народа, были Социалистическая группа, Агитационно-просветительное бюро и отдельные большевики, работавшие в городах.

Говоря о их роли и ответственности в революционной борьбе народов Дагестана, нельзя шаблонно подходить к оценке их деятельности на различных этапах того периода. Однако в целом в то время Социалистическая группа так же, как и Агитационно-просветительное бюро, помогла Коммунистической партии продвинуть свое влияние в крестьянские слои аулов Дагестана.

Социалистическая группа сложилась примерно в мае 1917 года и была распущена в феврале 1919 года на I-й Кумторкалинской областной конференции большевистских организаций Дагестана. На этой конференции большинство деятелей Социалистической группы были приняты в большевистскую партию.

Деятельность группы продолжалась более 1,5 года. Но она не была оформлена как партийная организация, не имела ни

⁴⁸ ЦГА ДАССР, ф. 135—р, оп. 1, д. 1, л. 1.

программы, ни устава, хотя в период избирательной кампании в Учредительное собрание и выставляла отдельный список своих кандидатов со своей определенной платформой⁴⁹. Приведем ее здесь:

«К беднякам и рабочим Дагестана»

Знайτε, что говорим мы — партия социалистов. — Мы совершили великую революцию, низвергли царя, разрушили основу власти самодержавия, очистили страну как метлой от начальства, назначаемого царем, и передали в руки народа права всей власти в России, тем самым народ добился своей цели — исчезли властители-угнетатели.

Народ Дагестана уже вправе установить чистый шариат, ввести его права, возвысить религию ислама. В результате люди вышли из тюрьмы рабства и вошли в простор свободы. Однако партия социалистов еще не добилась своей цели. Этого они добьются, если богу будет угодно, после того, как земли, леса и воды, находившиеся до сих пор в руках беков и богачей-угнетателей, перейдут в руки бедняков и рабочих. Мы надеемся, что с божьей помощью добьемся и этой цели. Что касается земли, купленной свободными людьми, то их надо передать трудящимся с возмещением прежней цены покупателям, т. к. они были куплены ими сознательно, зная, что сделка недействительна и греховна. Вспомните предание пророка: «Кто оживит мертвую землю, тому она и принадлежит». Если вы вдумаетесь в смысл этих слов, то вам станет ясным, что в Дагестане среди беков и богачей нет ни одного, кто оживил бы землю согласно указанному преданию, а наоборот, земли оживили их самих (беков и богачей). При таком положении в мире не найдется ничего противнее пророку, чем беки и богачи. Затем, нашим намерением и основной целью является освобождение от налогов тех, годовые прибыли которых не превышают одной тысячи рублей, а облагать тех, доходы которых превышают тысячу рублей по количеству прибылей, и, применительно к этому установить государственный закон.

Поэтому богачи Дагестана стараются помешать нам в достижении этой цели, опасаясь лишиться своих земель. Они хотят обременить бедняков и трудящихся налогами для своей наживы и не обращают внимания на положение бедноты. Они, т. е. партия богачей в России — безразлично мусульмане, русские — православные или другие — объединяются и прилагают все старания, чтобы держать под гнетом бедноту и трудовой народ. Именно на этой основе происходит объединение дагестанских богачей с казаками, являющимися владельцами больших земель и барышей. Одними из первых зачинщиков

⁴⁹ «Горская жизнь» № 33, 16 ноября 1917 г.

объединения с казаками являются ученые Нажмутдин Гоцинский и Джемалутдин Карабудахкентский. Они, будучи землевладельцами, утверждают, будто если не объединимся с казаками мы умрем с голода. Представьте себе, был ли в области Дагестана кто-нибудь покупавший зерно у казаков? Оно до сих пор привозилось из Чечни и они продолжают отпускать нам и ныне. Богачи упорно агитируют, призывая не верить словам партии социалистов и не следовать ей, твердят, будто социалисты обманывают народ. Их клевета основана на перестраховке своего богатства. Русские богачи говорят, что социалисты разрушили власть, а дагестанские богачи проповедуют, что якобы социалисты разрушат шариат. Но этой клеветой они преследуют одну цель — это добиться отвращения народа от нас и сохранения собственности в своих руках, продолжая сидеть на шее бедноты. Кто утверждает, что мы, т. е. партия социалистов, идем в противовес шариату, пусть докажет это на деле. Клевета и сплетня бесполезны. Мы не только чисты от приписываемой нам клеветы, но, наоборот, мы озабочены установлением божьей религии и учреждением чистого шариата. Мы имеем много товарищей во всех концах земного шара, где имеется много трудящихся. Из их среды все честные и справедливые наши друзья, и в их числе шейхи и крупные ученые алимы из Стамбула, Египта, Аравии, Индии и других стран земного шара. Полагаете ли Вы, что ученые эти не знают законов шариата, а беки и богачи, которые со времени рождения Адама не нюхали запаха шариата и религии, а также приспешники чинкили (горе ученые) знают их? В Дагестанской области много ученых алимов. Они все время приезжают к нам, ознакамливаются с нашей программой и одобряют ее, решают непонятные для нас шариатские вопросы и учат нас.

Мы являемся партией, не боящейся никого, кроме всевышнего аллаха.

Те алимы, которые владеют землями и имениями, завидуют нам и не идут к нам, как шайтан не идет к валиям (священным богомольцам). Между нами и ими большая пропасть. Они прилагают все старания в Дагестане, чтобы извратить цитаты из книг и искажают шариат по своему желанию, подобно жрецам израилитов. Они распускают слухи, будто мы отрицаем шариат. Это они делают с целью оторвать от нас народ, хотя мы все стремимся освободить угнетаемых от угнетателей. Владельцы земель сами отрицают и стреляют в него германскими винтовками. Трудящиеся, обратите внимание на то, с кем объединились ученые Нажмутдин Гоцинский и Джемалутдин Карабудахкентский! Они объединились с Асельдером Казаналиповым, Нухбеком Тарковским и другими людьми, владеющими большими землями, в поисках

способов для сохранения своих земель. У них нет кроме этой, нет другой цели.

Если бы некоторые ученые в Дагестане не владели бы горными пастбищами и кутанами, то они стали бы нашими друзьями и подтвердили бы наш путь так же, как присоединяются к нам некоторые ученые (алимы), не владеющие землями. Богачи из беков и ученых (алимов) стараются послать на учредительное собрание своих сторонников, они для отвода глаз записали в списке делегатов имена Джемалутдина Карабудахкентского и Нажмутдина Гоцинского для того, чтобы люди дали свои голоса за тех, имена которых записаны в указанном списке (бюллетене), веря в их преданность шариату, хотя им известно, что они недостойны посылки в учредительное собрание, как не владеющие русским языком и (.....) в седьмой и восьмой степени в указанном номере (?), и хотя из Дагестана туда в учредительное собрание не будут ехать больше трех или четырех человек. Что касается людей, включенных в третий и четвертый списки, то они едут туда ввиду вышеизложенного. В этот раз людям необходимо быть трезвыми, дабы не быть обманутыми и последовать нашим советам, быть уверенными в том, что мы желаем им всего наилучшего и боремся за их чаяния с целью вывести их из угнетения и стараемся расширить их права в религии и жизни. Что касается богачей и беков, то они стараются всеми способами оставаться по-прежнему бременем на шее народа до самого воскресного дня. Боже упаси! Братья! Вы не должны бросать шарики (отдать свои голоса) в № 3, т. к. эти люди являются из тех, кто прилагает все свои усилия для оставления земель в руках богачей и беков. Вы должны убедиться в том, что едущие туда будут выступать по государственным делам вроде военных дел, по вопросу о земле, находящейся в руках богачей и т. д., а не по делам шариата, т. к. народы Дагестана уже имеют право установить его по своему усмотрению. На учредительном собрании относительно шариата не будет и речи, т. к. это право самого народа. Вы не поддавайтесь обману, ищите лучшего для себя. Мы видим, что Магомед Мирза Мавраев в своих дагестанских газетах хвалит имена кандидатов, включенных в третий номер списков.

Но заяц не превратится в льва от того, что его будут хвалить и лев не превратится в зайца от того, что его будут ругать.

Его (Мавраева) осуждать не приходится, т. к. поездка кандидатов по списку № 3 на учредительное собрание ему, как владельцу земель и кутанов, выгодна.

Дорогие друзья! Бросайте шарики (отдайте свои голоса) за включенных в списки под одиннадцатым номером. Это является номером партии социалистов, которая все время борется за свое освобождение от беды. Имена наших представите-

лей следующие: Джемалутдин Коркмасов Комторкалинский, Махач Дахадаев Унцукульский, Магомед-Мирза Хизроев Хунзахский, Абдулмеджил Зульфугаров Цудахарский, Алибек Тахо-Годи Урахинский и Халид Закарияев Гуокрский.

Помните, что мы говорим, чтобы впоследствии потом не сожалеть и не раскаиваться.

Мы до сих пор, по мере возможности, боролись за вас для завоевания наших прав. Если вы не поверите словам богатеев и владельцев многих земель, то вы будете счастливы и не вернется прежнее иго. Да направит вас аллах на истинный путь!»⁵⁰

Социалистическая группа была очень слаба и малочисленна и могла опираться только на городских рабочих, на крестьянскую бедноту ряда плоскостных аулов и на немногие ячейки, организованные в горах.

Деятельность Социалистической группы можно разбить на два этапа. Первый этап — с момента ее создания до Великой Октябрьской революции, и второй — с Великой Октябрьской революции до ее роспуска (февраль 1919 г.).

На первом этапе своей деятельности большинство членов Социалистической группы, возглавляемых М. Дахадаевым, входя официально в органы власти Временного правительства, подготавливали революционные силы против буржуазно-клерикальных сил. При этом Социалистическая группа разоблачала в созданной ею демократической печати подлинные намерения контрреволюционных сил (Гайдарова, Темирханова, Тарковского, Бамматова, Апашева, Мавраева, Хизри Гаджиева и др.). Так, например, в статье «Темные силы не дремлют»⁵¹ М. Дахадаев, выступая против национальной буржуазии, членов шариатского блока, Исполнительного комитета, писал: «Это та нечисть, которая питалась павшим царизмом. Это та банда, которая натравливала одну народность на другую. Это те хунхузы, которые проповедывали человеконенавистничество. Было бы безумием верить, что эти евнухи новорожденной России не мечтают о возврате старого строя. Было бы изменой революции думать, что они не попытаются расстроить общий хор возрожденных народностей России»⁵².

По своему составу и политическим взглядам Социалистическая группа была неоднородной. В группу входили левые эсеры, большевики и независимые социалисты. В документе говорится:

«Товарищ Темиров, призывающий всех к единству для борьбы с имамовской контрреволюцией, также пусть не трево-

⁵⁰ Рукоп. фонд ИИЯЛ Дагфилиала АН СССР, д. 380, л. 17. 15 ноября 1917 г.

⁵¹ «Время», № 2, 3 апреля 1917 г.

⁵² Там же.

жится, мы не сдадим наших постов и всегда будем стоять на страже интересов рабочего, крестьянина и солдата.

Да будет вам, граждане члены Совета, известно, что не со вчерашнего дня мы держим в своих руках красное знамя.

Среди нас есть левые эсеры, есть и большевики, есть и независимые социалисты, но нас было всегда так мало, что количественно мы могли быть сильны, лишь будучи объединены в одну группу. Но не только это одно нас связывало. Чтобы быть верными марксизму, надо знать массу, среди которой думаешь и хочешь работать, надо знать ее мышление».

Социалистическая группа в конкретной исторической обстановке, которая сложилась тогда в области, вела борьбу с силами контрреволюции, за победу Советской власти в Дагестане, за торжество идей большевистской партии. Группу возглавляла та часть интеллигенции, которая вышла из народа, тесно была связана с беднейшей частью крестьянства и получила революционную закалку среди пролетариата и передовой интеллигенции России.

Эта часть дагестанской интеллигенции (инженеры, врачи, учителя, агрономы и т. д.) вела большую революционную работу в Дагестане. Она прошла революционную закалку в период революции 1905—1907 гг. Так, о М. Дахадаеве председатель Совета рабочих и солдатских депутатов в Темир-Хан-Шуре говорил в те годы: «Мы знаем, что в 1905 г. Дахадаев работал в партии с-д, был в ссылке...».

Социалистическая группа, созданная Махачем Дахадаевым, куда входили Коркмасов, Хизроев, Закарьяев, Габиев, резко отличалась от соглашателей и временных попутчиков революции, вроде Кваршалова и некоторых других. Не случайно эта прослойка интеллигенции не пользовалась ни авторитетом, ни поддержкой революционного народа, и в критические минуты она оказалась в стане вратов.

За последние годы наши историки немало писали о Социалистической группе. При этом характерно, что, описывая деятельность Социалистической группы, отдельные представители исторической науки не хотят признавать огромной положительной работы, которая была проделана Социалистической группой в сложнейшей исторической обстановке, сложившейся в Дагестане в тот период.

В «Очерках истории Дагестана», изданных в 1950 году, некоторые писали о Социалистической группе: «Это была группа интеллигенции национальной буржуазии, не имеющая ни своей программы, ни своих местных организаций. Вся деятельность ее сводилась к тому, что она превозносила «демократические свободы» Временного правительства и ставила перед собой как единственно нерешенную задачу: «отчуждение помещичьих земель народу»⁵³.

⁵³ «Очерки истории Дагестана». Дагкнигоиздат, 1950, стр. 280—281.

Продолжая свою мысль, авторы этих статей пишут:

«После Октябрьской революции эта группа начала разлагаться по своим составным частям; большинство ее членов вошло в различные антисоветские буржуазно-националистические организации. Но и сохранившееся, так называемое «левое» крыло ее в период борьбы партии большевиков против контрреволюции, за Советскую власть разоблачило себя как группа двурушников и социал-предателей. Благодаря огромной работе большевиков по разоблачению двурушнической политики этих социал-предателей, эта группка была ликвидирована на первой Дагестанской областной конференции большевиков в феврале 1919 года. Большевицкая организация Дагестана росла и укреплялась, прежде всего, в беспощадной борьбе с предателями из этой «социалистической группы»⁵⁴.

Оценивая деятельность Социалистической группы, эти авторы в те годы могли допустить серьезную ошибку по той простой причине, что не имели под руками документов, характеризующих революционную работу членов Социалистической группы. Об этом говорят их описания деятельности Социалистической группы на страницах «Очерков истории Дагестана», изданных в 1957 году Институтом истории, языка и литературы Дагестанского филиала АН СССР.

Вот что пишут здесь эти авторы о Социалистической группе: «В этих условиях большевики для усиления своего влияния на трудящиеся массы использовали все возможности, в том числе и Социалистическую группу, которая вела революционную работу среди трудового населения города и в особенности аула... Социалистическая группа открыто и решительно боролась против помещичье-клерикальной контрреволюции, за победу Советской власти... Социалистическая группа в конкретной исторической обстановке, которая сложилась тогда в Дагестане, играла весьма положительную роль»⁵⁵.

Здесь у авторов произошла определенно эволюция в сторону правильного освещения революционной деятельности и огромной роли, которую играла Социалистическая группа в 1917—1918 гг. в деле сплочения дагестанской бедноты и всех революционных сил на борьбу за установление Советской власти в Дагестане.

Следует отметить, что свое отрицательное отношение к Социалистической группе авторы ничем не аргументируют. При этом они не показывают, кто же, собственно говоря, вел в тот период большую революционную борьбу против угнетателей и кто на самом деле сплачивал и консолидировал революционные силы и дагестанскую бедноту, которая с

⁵⁴ «Очерки истории Дагестана», стр. 280—281.

⁵⁵ «Очерки истории Дагестана», т. II, 1957, стр. 19—20.

оружием в руках боролась за установление Советской власти в Дагестане.

Ясно, что на первых порах, когда в Дагестане еще не было влиятельной большевистской организации, когда членов ее можно было по пальцам перечесть, всю эту работу вместе с отдельными большевиками, вела Социалистическая группа во главе с Коркмасовым и Махачем Дахадаевым, а также Агитационно-просветительное бюро с его революционной газетой. В это время в Дагестане революционных сил было так немного, что пренебрегать как Социалистической группой, так и Агитационно-просветительным бюро было бы, по меньшей мере, явной ошибкой.

Социалистическая группа вела последовательную, неустанную борьбу против сторонников национализма и шариата, против имаматства, против национальной контрреволюционной буржуазии и ее отголоска — контрреволюционной интеллигенции. Эта упорная борьба велась главным образом по линии ограждения дагестанской бедноты от влияния духовенства и национальной буржуазии.

Говоря о Социалистической группе, нельзя не привести мнение о ней противной стороны, ибо оно способствует правильной оценке значения этой группы.

Гамзат-Гаджи Черкеевский известен как такой же крупный барановод-помещик, что и Гоцинский. На собрании представителей буржуазии, духовенства и офицерства, с одобрения присутствующих, он обнародовал прокламацию, полную клеветы в отношении Социалистической группы.

Вот что говорится в прокламации:

«Среди этих народов бог создал сколько угодно богатых пророков, были и очень бедные. Среди асхабов нашего пророка также были владельцы миллионов, такие как Осман, Абдурахман, Зубаир. Но сколько угодно было асхабов и таких, у которых не было средств к существованию даже на одни сутки. В течение всего этого времени эти пророки и асхабы и святые никогда не говорили богачам, что надо делить между всеми их имущество, кроме положенного на них богом закята. Теперь, в наше время появились какие-то люди, называемые социалистами, которые не знают ни бога, не признают ни пророка, не верят, что наступит конец света, не различают своего и чужого (халал, харам), не молятся, не постятся; они даже дошли до того, что совершенно отрицают факт существования бога. Они требуют делить все земли и все богатства. Они на этом не останавливаются: они требуют давать свободу женщинам, когда они этого захотят; они требуют, чтобы женщине дали свободу разводиться самой, когда ей угодно. Еще они говорят, что венчаться нет надобности, будто для женитьбы достаточно обоюдное согласие. Неужели они достигли такой вершины ума, до которой до сих пор не могли поднять-

ся столько пророков и святых? Подумайте только, как может все это допустить мусульманин, который признает бога и его пророка? Бог в коране сказал, что он широко дает средства к жизни тому, кого он хочет притеснить. В этом есть божья воля, о которой мы не знаем. Еще бог сказал в этом коране, если бы средства к жизни были даны всем одинаково, то на земле распространилась бы вражда. И в этом есть воля божья. И пророк сказал: «Имущество мусульманина неприкосновенно, если он сам его не дарит по велению и по согласию своего отца». А сожителство без венчания есть разврат. И разврат этот самое большое грехопадение из всех грехов божьих. Вопреки утверждениям корана и священных книг, социалисты начинают совершать эти грехи; это равносильно тому, что они объявляют войну против бога и его пророка. Они не победят. Сами они будут весьма унижены. Они приводят арабское изречение, будто владельцев на земле не должно быть. Но они только вызывают жалость, т. к. не знают других изречений. Было бы очень хорошо, если бы приводились изречения, ниспосланные с неба богом, а также повеления пророка о том, что земли должны быть заняты владельцами. Беки, а также другие владельцы земель, хотя получили их не согласно этим священным хадисам, но все же они эти земли приобрели согласно аятам божьим и характеру пророка (аварагасул гламалалда рекъон). Приходится удивляться, как не стыдятся они произносить имя пророка, говорить, что они последователи шариата; днем и ночью, зная кто такие сами, они говорят высокомерные слова. Нельзя их говорить, если не знаешь, где находишься...

Они очень гордятся тем, что эти социалисты везде есть, не зная того, что божьего воинства на свете великое множество. Они ниспосланы так же, как теперь в европейских государствах, в Германии ниспосланы на непослушных рабов.

Вывод: этих людей нельзя послать в Учредительное собрание, т. к. хотя они говорят о землях, чтобы совратить людей с пути, но на самом деле они хотят растоптать под ногами ислам. Тогда придется или отказаться от религии (не дай господи!), или надо погибнуть всем. Погибель легче, чем отказаться от веры»⁵⁶.

Допустим, что Гамзат-Гаджи Черкеевский — не официальный представитель власти, и он мог от себя и от своих братьев по классу выражать недовольство по отношению к действиям Социалистической группы, которые не отражали интересов буржуазии и шариатистов. Так может быть, официальные органы власти иначе относились к деятельности Социалистической группы?

---

⁵⁶ Рукоп. фонд ИИЯЛ Дагфилиала АН СССР, д. 380, л. 2—3.

Когда разбираешься в документах того периода, нельзя найти иной оценки деятельности Социалистической группы и ее лидеров, кроме как с позиции ненависти. Так, например, «временный правитель» Дагестана генерал-майор Халилов говорил о них:

«К сожалению, среди дагестанцев оказалось немало людей, так называемых социалистов, которые, именуясь мусульманами и ничего общего с этим именем не имея, всячески старались привить в Дагестане большевистские идеи, особенно после ухода от нас турок.

Немало ими было положено труда, чтобы подчинить свободных сынов Дагестана большевикам и приобщить страну к Советской власти, но в конечном итоге все-таки народ дагестанский этого не допустил. Ведь не для того же был свергнут русский царь, чтобы возвести на престол грязного, извращенного до мозга костей русского каторжника, называемого большевиком»⁵⁷.

Или возьмем воззвание белогвардейцев, направленное против Социалистической группы и ее лидера Махача Дахадаева. В воззвании говорится:

«Печальное событие для нас собственно не было неожиданностью. Его можно было предвидеть. Все шло и вело к нему. Раз налицо есть причины, должно быть и следствие их взаимодействия. Одной из главных причин было, по нашему мнению, непонятное двойственное отношение правительства Дагестана к местному большевизму. Оно хорошо знало, что такое представляет из себя Али Гаджи Акушинский. Он был фаворитом дагестанского большевистского диктатора Махача Дахадаева. Он служил ему противовесом и религиозному влиянию Нажмутдина Гоцинского на местное население; он был покорным и слепым орудием в борьбе его с этим кандидатом — претендентом на ту же диктатуру, но только двойного, светски духовного ореола, называемую имамом. Он был задобрен, захвачен, заполнен всеми его щедротами и милостями, всякого рода его подарками и подачками. Его одаривали деньгами, его снабжали для торговли оружием и патронами, ему возами доставляли сахар и мануфактуру. От кого получают, очевидно, того и величают, и Акушинский ханжа-властолюбец обоготворял за все это своего благодетеля. Он благославлял его на кровавые подвиги, на всякие хищнические проделки. Он молчал, когда этот каин — ублюдок налетел на Петровск с бандою наемных армян и сотнями расстреливал своих ни в чем неповинных сородичей, единоверцев. Он молчал тогда, когда его земной бог грабил и обирал народ всякими реквизициями и контрибуциями, грабил и обирал в свою пользу и в пользу набранной им шайки из международных воров,

⁵⁷ «Вестник Дагестана», № 5, 15 июня 1919 г.

именуемых большевиками. Он на это закрывал свои хищнические глаза, затыкал свои шпионские уши и накладывал печать на свои продажные уста.

Да, правительство Дагестана хорошо и очень хорошо знало эту гадину в чалме и зеленом халате, откормленную Махачем-ловкачем кровью и слезами жертв своего властолюбия и корыстолюбия. И зная все это, оно должно было сейчас же по принятии бразд правления в свои руки повесить этого мерзавца, сподвижника великого негодяя, зачумившего глубоко честный, благоразумный и мирный народ заразой бесчестия, безумия и анархии...

По нашему крайнему изумлению ей прежде всего следовало составить точно и строго проверенные списки активным вождям этого чудовищного движения и требовать от населения выдачи их.

Выданных агитаторов разврата и сеятелей смуты нужно было строго покарать и удалить из края. Всех сопричастных к большевизму надлежало отстранить от власти и взять под строгий надзор, назначив на их места сторонников мира и порядка. Необходимо было также немедленно открыть судебные учреждения хотя бы и старого режима, дабы не оставить населения под гнетом полного бессудия и бесправия.

Ничего из всего сказанного и до сего времени не сделано. Большевики остаются на своих местах и по-прежнему, открыто и безнаказанно агитируют. Напротив, им объявлено, что их преступное прошлое предается полному забвению. Помилуванные же объяснили эту никчемную милость боязнью возмездия со стороны Красной Армии, наступающей из России и уверенностью правительства в реставрации большевиков.

На страстные проповеди газавата Али Гаджи против «безбожников-казаков» не обращали никакого внимания; и ненасытное брюхо лакомки-ханжи, не получая ничего от глухих и недогадливых «безбожников», судорожно сжималось, урчало и бурчало все время от тоски по привычным слятям большевистского мага Махача»⁵⁸.

Начиная от Узун-Гаджи и Нажмутдина Гоцинского и кончая «Милликомитетом» и главарем контрреволюционной буржуазии и сельского кулачества — Гамзат-Гаджи из Черкея и дагестанским диктатором генералом Халиловым, вся черная свора, от мала до велика, была отмобилизована на борьбу против большевиков и Социалистической группы, ее лидеров и последователей.

После подобной характеристики отношения различных социальных слоев к большевикам, и в частности к Социалистической группе и ее лидерам, необходимо несколько остановиться на вопросе о том, как воспринимал народ лозунги

⁵⁸ «Вестник Дагестана», № 21, 18 октября 1919 г.

и решения Социалистической группы по социально-экономическим и политическим вопросам, прежде всего по аграрному вопросу.

Временное правительство и его органы на местах даже не собирались в какой-либо мере решить земельный вопрос. Это особенно относится к Дагестану, где вопрос о землевладении и землепользовании был настолько запутан, что требовалось его безотлагательное решение.

Все мероприятия Временного правительства были направлены на борьбу против развертывавшегося аграрно-революционного движения горцев, за сохранение существующего положения, т. е. за защиту интересов главных земельных собственников в Дагестане.

На основании постановления Особого Кавказского Комитета от 21 июня 1917 года был создан Дагестанский областной земельный комитет. В функции этого комитета входили: наблюдение за использованием естественных богатств (лесов, рыбных угодий), организация примирительных камер по разбору тяжёлых, земельных и других споров, аренда земель, наем на сельскохозяйственные работы и т. д. Основная же его цель — охрана частновладельческих помещичьих земель и угодий от насильственного захвата их крестьянами.

На местах создавались окружные и участковые земельные комитеты из среды офицеров, контрреволюционной буржуазии и духовенства. Эти комитеты стали на защиту владельцев земель и не думали в какой-либо мере решить земельный вопрос.

Один из первых актов вновь избранного из представителей социалистов Исполнительного комитета заключался в том, что сразу же был созван съезд представителей крестьян. На этом съезде было около трехсот человек.

В решении коренного вопроса жизни горцев — земельного — съезд имел огромное значение. И нужно подчеркнуть, что в период Февральской революции, когда в России земельный вопрос еще никак не был решен, руководители Социалистической группы смело выдвигали эту актуальную проблему, причем на такой отсталой окраине России, какой являлся Дагестан.

Популярность Социалистической группы и влияние ее на рабочие, и особенно на крестьянские массы, стали возрастать главным образом после созванного ею в августе 1917 года крестьянского съезда для решения вопроса о земле. Съезд постановил:

«1) Все земли Дагестана, бывшие в распоряжении царизма, вернуть крестьянскому народу;

2) Воды Каспийского моря, заключенные в границах Дагестана, передать в распоряжение дагестанского народа, как его неотъемлемую собственность;

3) Все бекские земли передать безвозмездно дагестанскому народу;

4) Земли, переданные беками некоторым лицам, так же вернуть, как собственность, дагестанскому народу безвозмездно;

5) Земли, купленные некоторыми лицами у беков, передать дагестанскому народу, как собственность, откупив по себестоимости».

Крестьянство торжествовало, готовясь к разделу бекских земель, а буржуазия и клерикалы негодовали. Земельные собственники стали на защиту своей собственности — земель, баранты и кутанов. Они требовали от Исполнительного Комитета срочного созыва съезда алимов для разрешения земельного вопроса только по шариату.

Однако нарастающее революционное движение выдвинуло свои законы. Крестьянство самочинно захватывало земли помещиков, беков, князей и клерикалов и обрабатывало их.

Остановимся на некоторых фактах, характеризующих выступления крестьян.

В апреле 1917 года помещица Айзанат-бика Тарковская жаловалась на самочинный захват ее земель бедной сел. Шамхан-Янги-Юрт Темир-Хан-Шуринского округа⁵⁹. По этому поводу Тарковская обращалась к комиссару Дагестанской области с просьбой «не допускать насилия над нашими правыми»⁶⁰.

Крестьяне Капчугая и Кафыр-Кумуха захватили землю в местности «Чубурчи», принадлежащую князю Тарковскому.

ОЗАКом вынужден был издать распоряжение, запрещающее рубку леса в районе «Чонтаул», принадлежавшего ростовским помещикам⁶¹.

Дагестанский областной комиссар обратился к комиссару Кайтаго-Табасаранского округа с указанием «немедленно прекратить самоуправство, восстановить законный порядок. Если местными средствами Вы не в состоянии водворить порядок, донесите — будут высланы войска»⁶².

Такое грозное послание было вызвано самовольным захватом, распашкой, потравой жителями Мараги и Муготиры земель, принадлежащих помещику Мирза-беку и Абдураза-беку Табасаранским.

В мае 1917 года горные пастбища, принадлежащие казикумухским бекам и расположенные в Самурском округе, были захвачены жителями аулов Аракул, Катрух, Ихрек и Шиназ.

59 ЦГА ДАССР, ф. 609—р, оп. 1, д. 77, л. 2

60 Там же.

61 Там же, д. 59, л. 49.

62 Там же, д. 21, л. 118.

В результате ожесточенной схватки они изгнали арендаторов-барановодов⁶³.

Горцами сел. Камилух Тляртинского участка Гунибского округа были захвачены горные пастбища, принадлежащие барановоду Маммалову из сел. Чох Гунибского округа⁶⁴.

В Хасавюртовском округе развернулись революционные выступления крестьян за захват помещичьих земель. Для подавления крестьянского движения туда были переброшены три сотни Конного полка и учебная команда пехотного полка из Владикавказа.

На заседании Временного правительства 4 октября 1917 года министр внутренних дел Никитин сообщил о развертывавшейся вооруженной борьбе крестьян в Терской области — Грозненском, Веденском и Хасавюртовском округах⁶⁵.

Выступления, направленные на захват беких земель, происходили в Кайтаго-Табасаранском округе. «Жители сел. Марага, — писал один из беков, — сегодня силою захватили мой кутан, водворились на нем. Прошу оградить меня, мое имущество от насилия и произвола»⁶⁶.

В результате нараставшего по призыву Социалистической группы движения крестьян за захват беких земель, беки, буржуазия, клерикалы стали бить тревогу. Так, например, газета «Мусават», орган «Милликомитета», писала: «Если же мы коснемся земельного вопроса, то партия социалистов, не признавая совершенно никаких собственников над землей, — все земли хочет передать всем народам для общего пользования»⁶⁷.

Не ожидая распоряжений сверху, народ берет землю в свои руки. Установлено, что за период с марта 1917 года по март 1918 года в Дагестане было 112 выступлений крестьян, направленных на захват помещичьих и кулацких земель. Особенно крупные выступления имели место в Южном Дагестане, Темир-Хан-Шуринском округе, Хасавюртовском округе и ряде аулов нагорного Дагестана.

Особенно сильно такие выступления развертывались, когда во главе земельного отдела Исполнительного Комитета были представители Социалистической группы.

Однако социалисты недолго находились во главе Исполнительного Комитета. Из-за обструкции буржуазии социалисты вынуждены были уйти из Исполнительного Комитета и их места заняли представители буржуазии и клерикалов.

⁶³ Там же, д. 59, л. 28—29.

⁶⁴ Там же, д. 59, л. 48.

⁶⁵ «История гражданской войны в СССР», т. I. Госполитиздат, 1936, стр. 408.

⁶⁶ ЦГА ДАССР, ф. 609—р, оп. 1, д. 59, л. 85.

⁶⁷ «Мусават», № 27, 24/11 октября 1917 г.

По их настоянию временный комиссар Дагестанской области издал приказ, в котором говорится: «Издевательство над человеком не предусмотрено Богом, а также шариатом и адатом. Насильственный захват чужой земли и богатства означает лишение завоеванных свобод. Если кому нужна земля, то он может через продовольственный комитет или земельный комитет арендовать за должную цену неиспользуемых землевладельцем участков. Предлагаю всем, кто насильственно и самочинно захватил чужие земли, немедленно возвращать их землевладельцам. В противном случае на основании закона нового (Временного — Г. Д.) правительства, захватившие насильственно земли будут арестованы и преданы суду»⁶⁸.

Из этого документа вытекает, что исполком выражал интересы земельных собственников и ничего подлинно народного в его деятельности не было. Окружив себя дагестанскими шариатистами, исполком рассчитывал, что его власть будет сохраняться долгое время. С целью найти себе сильного союзника исполком делегировал своих людей в Турцию, чтобы вызвать оттуда войска для подавления революционного движения в Дагестане. В то же время он старался найти себе крепкого союзника и внутри страны. Такими союзниками оказались бакинская буржуазия и мусульманское купечество и духовенство Северного Кавказа. На съезде мусульман в Баку, где Дагестан имел видное представительство, был заключен союз между «народами». Затем, на первом общегорском съезде во Владикавказе, где были представители и от Дагестана, по настоянию мулл и шейхов, был организован «Съезд объединенных горцев», который потребовал «вести во всех судах по всем делам мусульман права корана и шариата». На съезде был избран «духовный совет» во главе с муфтием Гоцинским.

Таким образом, политика Дагестанского Исполнительного Комитета была продолжением политики царского правительства, сводившейся в основном к тому, чтобы закабалить крестьянство при помощи шариата, выжать из него последние соки. Эксплуататорские устремления буржуазии и отдельных членов Исполнительного Комитета покрывало духовенство, усилившее свое влияние на дагестанские народности. Следуя политике Временного правительства, Исполнительный Комитет вел ту же политику по отношению к угнетенным народностям, что и царское самодержавие.

Созданные в Дагестане в середине 1917 года мусульманские национальные комитеты являлись местными органами ЦК Союза горцев Северного Кавказа, на которые и опирался в своей работе Исполнительный Комитет.

---

⁶⁸ Архив Дагестанского филиала ИМЛ, ф. 8, оп. 2, д. 35, л. 33.

20 октября 1917 года в гор. Владикавказе контрреволюционные элементы казачества, контрреволюционная верхушка горцев Северного Кавказа и Дагестана и буржуазно-помещичьих слоев Ставропольской и Астраханской губернии подписали договор о создании так называемого «Юго-восточного союза казачьих войск, горцев Кавказа и вольных народов степей». Этот союз ставил своей целью создание прочной контрреволюционной власти для защиты интересов империалистического Временного правительства, для борьбы с пролетарской революцией на юго-востоке России.

25 октября 1917 года в Петрограде победила Великая Октябрьская социалистическая революция. II съезд Советов объявил переход власти в руки трудящегося и эксплуатируемого народа и создал первое Советское правительство—Совет Народных Комиссаров. Весть о победе Октябрьской социалистической революции облетела всю страну. Начался период, который В. И. Ленин назвал «триумфальным шествием Советской власти». По всем городам и областям бывшей царской России трудящиеся массы, возглавляемые партией большевиков, брали власть в свои руки, создавали органы Советской власти.

В Дагестане победа Великой Октябрьской социалистической революции всколыхнула весь народ. Дагестанские большевики выступали с предложением о немедленном признании Советской власти и организации большевистских Советов, как революционных органов, способных управлять страной. Они выступали за немедленную конфискацию помещичьих земель и передачу их в пользование беднейшего крестьянства, за национализацию промышленных предприятий; призывали к вооруженному выступлению против контрреволюции.

В то же время дагестанские меньшевики и эсеры, в сговоре с буржуазными националистами, пошли по стопам русской контрреволюции. Они выступали против признания Советской власти, за поддержку Временного правительства. С этой целью с первых же дней Октябрьской революции ими были созданы так называемые «Комитеты спасения революции», главной задачей которых стала поддержка местных органов Временного правительства и борьба против Советской власти.

В Дагестане областной «Милликомитет» объявил себя верховным органом власти. В его состав вошло большинство членов областного Исполнительного Комитета, который фактически стал исполнительным органом областного «Милликомитета».

После победы Великой Октябрьской социалистической революции в центре, контрреволюция Терской и Дагестанской областей спешно мобилизует свои силы.

ЦК Союза объединенных горцев присваивает себе название «Горского правительства». Терское войсковое казачество,

эсеры, меньшевики и буржуазные националисты, в целях объединения своих сил, создали 1 декабря 1917 года в гор. Владикавказе так называемое «Временное Терско-Дагестанское правительство», которое приступило к вооруженной борьбе с революционным движением.

«Горское правительство» объявило себя правительством «Независимой республики союза горцев Кавказа», добивалось перед Закавказским эсеро-меньшевистским комитетом признания Терской и Дагестанской областей в качестве «независимой» республики горцев.

Так на окраинах бывшей царской России создавались «перегородки», препятствовавшие установлению Советской власти на местах.

Но силы революции росли. Большевики Порт-Петровска объединили все большевистские группы в единую организацию и создали комитет партии большевиков во главе с У. Буйнакским. С этих дней усилилась революционная деятельность пролетариата Дагестана. Особенно организовано выступали рабочие Порт-Петровска и Дербента. Порт-Петровск становится центром всех революционных событий в Дагестане.

Из Баку исходило партийное руководство революционным движением в Дагестане, из Баку направлялись партийные агитаторы и организаторы. Бакинцы оказывали революционным массам Дагестана вооруженную помощь, высылая на подмогу красногвардейские и красноармейские части. Астрахань служила сердцем подпольной работы, сердцем формирования красных частей.

В Дербенте, вскоре после Февральской революции, была организована первая большевистская группа, как фракция внутри профессионального движения. Вслед за этой группой родилась другая большевистская организация «Гуммет», проводившая свою работу среди мусульманских масс Дербента. До наступления Октябрьской революции многие рабочие Дербента уже состояли в этих организациях. Существовала подпольная организация также и на станции Петровск-Кавказский.

Довольно острая борьба разгорелась в Петровске. Большевистская группа активно выступала против меньшевиков и городской буржуазии. Своей организованностью и стойкостью эта большевистская организация приобрела большой авторитет среди рабочих масс Петровска. В декабре 1917 года эта большевистская группа создает революционный комитет, в который входят некоторые члены Социалистической группы и большевики (Уллубий Буйнакский и др.). Это и послужило переломным моментом в революционной деятельности Социалистической группы. С этого времени члены группы окончательно примыкают к большевистской партии.

Социалистическая группа помогла Коммунистической партии продвинуть свое влияние в крестьянские слои. В этом основная заслуга Социалистической группы в революционном движении Дагестана.

Уроки Февральской революции не прошли бесследно.

Пролетариат Петровска в 1918 году захватил власть в городе. Крестьяне, не видя опоры в лице Исполнительного Комитета, потянулись к пролетариату.

Крестьянство хотело навсегда получить бекские земли. Только большевистская партия и городской пролетариат твердо и решительно боролись за конфискацию бекских земель. Это и заставило крестьянство примкнуть к большевикам.

**Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ИЦ РАН**

instituteofhistory.ru

ОГЛАВЛЕНИЕ

Глава I.	СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В ДАГЕСТАНЕ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX И НАЧАЛЕ XX ВВ.	5
Глава II.	КЛАССОВАЯ БОРЬБА В ДАГЕСТАНЕ В КОНЦЕ XIX И НАЧАЛЕ XX ВЕКА	145
Глава III.	КРИЗИС И ПАДЕНИЕ ЦАРИЗМА. ФОРМИРОВАНИЕ КЛАССОВОГО САМОСОЗНАНИЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ АКТИВНОСТЬ ТРУДЯЩИХСЯ ДАГЕСТАНА. БОРЬБА С РЕАКЦИЕЙ	237

**Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ИЦ РАН**

instituteofhistory.ru

Г. Д. Даниялов

**КЛАССЫ И КЛАССОВАЯ БОРЬБА
В ДАГЕСТАНЕ ВО II ПОЛ. XIX—НАЧ. XX ВВ.**

Редактор Е. И. Чернигова
Тех. редактор В. А. Махулова
Корректор Т. Б. Гаджиева

Сдано в набор 1/X-1969 г. Подписано
в печать 3/III-1970 г. Форм. 60×90^{1/16}.

Печ. л. 18,5. Уч.-изд. л. 18,64.

С03006. Тираж 700. Заказ 586.

Цена в перепл. № 7 1 руб. 37 коп.

Типография Дагестанского филиала АН СССР,
г. Махачкала, 5-й жилгородок, корпус 10.